

Цитаты номера

Для внешнеполитической службы страны результаты проводимой ПИР-Центром работы представляют особый интерес с учетом рецидивов политики одностороннего силового реагирования, которая создает ощущение дефицита безопасности у малых стран и подталкивает к наращиванию вооружений крупные. Вызывают беспокойство сохраняющийся, причем не по нашей вине, застой в сфере разоружения, а также в целом возрастающий конфликтный потенциал в мире.

Теория сдерживания работает, когда мы говорим о государствах как главных участниках игры, но она перестает действовать, если ядерное оружие попадает в руки негосударственных игроков. И если мы скажем, что в течение последующих 50 лет мы будем обеспечивать свою безопасность теми же способами, что и в предыдущие пять десятилетий, то допустим огромную ошибку. Мы должны думать по-новому.

Россия является преемницей сложившихся традиций в области борьбы за разоружение. Спад в ее активности на этом направлении закончился. Есть все основания ожидать, что Россия выступит с предложениями, нацеленными на то, чтобы если не остановить, то хотя бы замедлить наиболее опасные устремления тех, кто считает, что для них не существует ни пределов здравого смысла, ни ограничений их амбиций.

Россия является единственной страной, строящей сегодня атомные электростанции в Индии. Это важное решение в пользу страны, не входящей в ДНЯО, было принято Россией в силу того, что она доверяет Индии и видит стратегическую ценность создания партнерства с мощной державой в этом уязвимом регионе. Если в будущем двери в гражданскую атомную энергетику Индии откроются для международного сотрудничества, Россия, уже сделавшая первый шаг в этом направлении, держит в руках все карты, чтобы извлечь самую первую и самую значительную выгоду.

Сергей Лавров

Сэм Нанн

Геннадий Евстафьев

Канвал Сибал

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 2, 2007

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№2 (82) 2007

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Геннадий Евстафьев

РАЗОРУЖЕНИЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Канвал Сибал

ЯДЕРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИНДИИ И РОССИИ:
НЕ СИЮМИНУТНЫЕ ВЫГОДЫ, НО СТРАТЕГИЧЕСКИЕ
ИНТЕРЕСЫ

Андрей Фролов

ЗАЧЕМ ИРАНУ РАКЕТЫ?

Дмитрий Тренин,
Виталий Цыгичко

КИТАЙ ДЛЯ РОССИИ: *ТОВАРИЩ* ИЛИ *ГОСПОДИН*?

Яап де Хооп Схеффер

НАТО – НЕ СТИРАЛЬНЫЙ ПОРОШОК,
ЧТОБЫ ЕГО ПРОДАВАТЬ ЖЕЛАЮЩИМ ВСТУПИТЬ

Андрей Макарычев

ТЕРРОРИЗМ: ЭНЦИКЛОПЕДИИ, АРХЕОЛОГИЯ,
ГРАММАТИКА

Журнал ПИР-Центра

3041
1.12.2006

2938
1.01.2007

2886
1.02.2007

2872
1.03.2007

2887
1.04.2007

ТЕХСНАБЭКСПОРТ ОТКРЫТ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Наша цель – быть одним из ведущих поставщиков на мировой рынок товаров и услуг ядерно-топливного цикла, производимых отечественной атомной промышленностью.

Основные отечественные партнеры ОАО «Техснабэкспорт»:

- Уральский Электрохимический Комбинат (ФГУП «УЭХК»), г. Новоуральск
- Электрохимический завод (ФГУП «ПО «ЭХЗ»), г. Зеленогорск
- Сибирский Химический Комбинат (ФГУП «СХК»), г. Северск
- Ангарский Электролизный Химический Комбинат (ФГУП «АЭХК»), г. Ангарск
- «Производственное объединение «МАЯК» (ФГУП «ПО «МАЯК»), г. Озерск
- Горно-Химический Комбинат (ФГУП «ГХК»), г. Железногорск

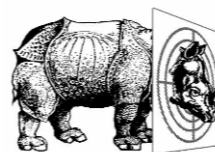
РАДИОАКТИВНЫЕ, СТАБИЛЬНЫЕ ИЗОТОПЫ И ИХ СОЕДИНЕНИЯ
 ИСТОЧНИКИ ИОНИЗИРУЮЩЕГО ИЗЛУЧЕНИЯ, МЕЧЕННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ
 УСЛУГИ ПО КОНВЕРСИИ УРАНА
 ОБОГАЩЕННЫЙ УРАН
 УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА
 УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ РЕГЕНЕРИРОВАННОГО УРАНА
 ЭЛЕКТРОННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ
 УСЛУГИ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТРАБОТАВШИМ ЯДЕРНЫМ ТОПЛИВОМ

БОЛЕЕ 40 ЛЕТ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

www.tenex.ru

ОАО «ТЕХСНАБЭКСПОРТ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОСТАВЩИК ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ, УСЛУГ И ОБОРУДОВАНИЯ

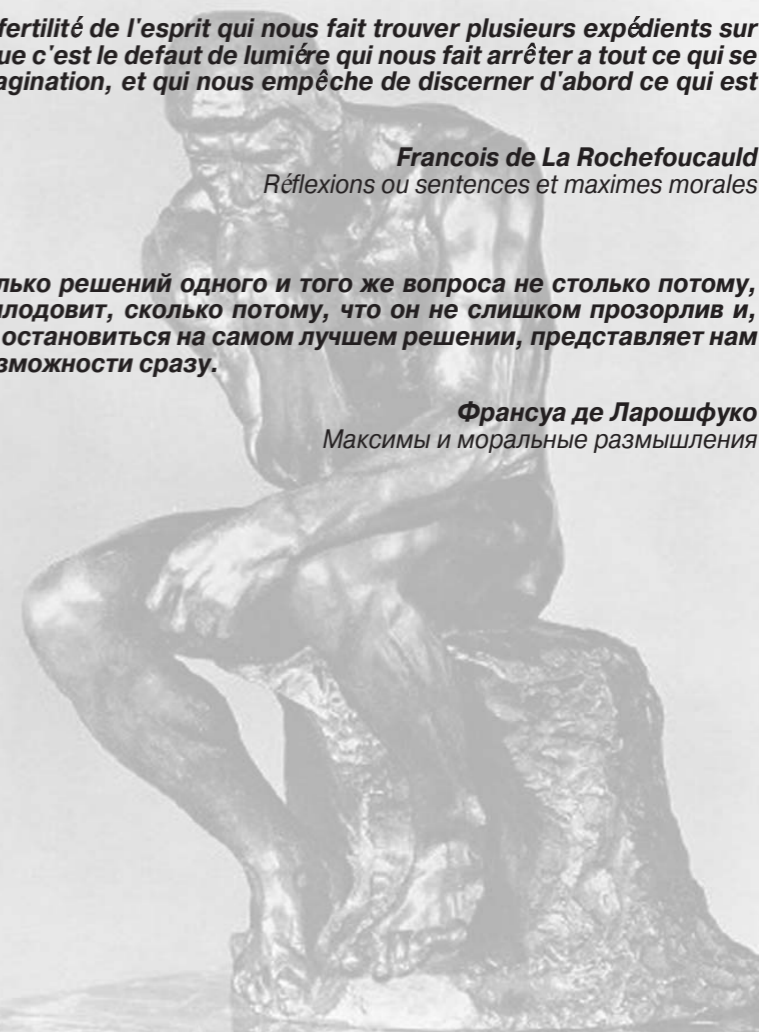
О СВОЙСТВАХ УМА

Ce n'est pas tant la fertilité de l'esprit qui nous fait trouver plusieurs expédients sur une même affaire, que c'est le défaut de lumière qui nous fait arrêter a tout ce qui se presente a notre imagination, et qui nous empêche de discerner d'abord ce qui est le meilleur.

Francois de La Rochefoucauld
Réflexions ou sentences et maximes morales

Мы находим несколько решений одного и того же вопроса не столько потому, что наш ум очень плодovit, сколько потому, что он не слишком прозорлив и, вместо того, чтобы остановиться на самом лучшем решении, представляет нам без разбору все возможности сразу.

Франсуа де Ларошфуко
Максимы и моральные размышления

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит три раза в год
на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 2 (82), Том 13
Лето-Осень 2007

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин П. Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит три раза в год на русском языке (в феврале, мае и октябре) и три раза в год на английском языке (в марте, июне и ноябре).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Олег В. Богатов, стажер

Екатерина А. Вотановская, координатор Образовательных проектов

Владимир З. Дворкин, генерал-майор, консультант

Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник

Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета

Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер

Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Специальных проектов

Ирина А. Котова, помощник президента Центра

Анастасия М. Лагута, координатор Специальных проектов, координатор по связям с общественностью

Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант

Павел А. Мансуров, выпускающий редактор журнала *Индекс Безопасности*

Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета

Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра, член Совета

Уоррен Поленски, стажер

Никита В. Перфильев, стажер, редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*

Евгений А. Попов, специалист по информационным системам

Галина Д. Рассказова, бухгалтер

Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Константин А. Сириков, специалист по распространению периодических изданий

Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета Центра

Роман А. Устинов, стажер

Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета

Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернет-представительствами

Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра, директор Образовательных проектов

Кристина Чуен, выпускающий редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*

Софья Н. Шкунова, секретарь

Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 2 (82), Том 13
Лето–Осень 2007

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]

Павел А. Мансуров, выпускающий редактор

[mansurov@pircenter.org]

Юлия Ю. Таранова, технический редактор

Наталья С. Маркарова, литературный редактор

Алла Н. Борисова, корректор

Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Константин А. Сириков, распространение

Кристина Чуен, выпускающий редактор международного издания

Представители журнала:

Алжир: Сергей Г. Мурсанков

Баку: Джангир Арасли

Бамако: Андрей В. Гребенщиков

Бишкек: Нурия А. Кутнаева

Владивосток: Вадим С. Гапоненко

Веллингтон: Михаил Н. Лысенко (в личном качестве)

Вена: Надежда Б. Логутова

Дели: Ирина В. Козырева

Женева: Инна В. Баранова

Киев: Сергей П. Галака

Лондон: Юрий Е. Федоров

Монтерей: Кристина Чуен

Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик

Стокгольм: Екатерина А. Степанова

Токио: Таисуке Абиру

Томск: Никита В. Перфильев

Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Юридическая поддержка:

CAF Russia

Secretan Trojanov Avocats (Genève)

Контактная информация

Адрес для писем:

Россия, 123001, Москва,

Трехпрудный пер., д. 11/13, стр. 1, офис 025

Редакция *Индекса Безопасности*

Телефон редакции:

+7-495-234-0525 (многоканальный)

Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –

Centre russe d'études politiques – из Женевы: www.crep.ch

International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –

Centre russe d'études politiques: www.crep.ch

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Форда, Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и др.

Тираж 2400 экз. **Подписано в печать** 31 мая 2007 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2007

10 В Д Е С Я Т К У**О свойствах ума**О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 11 «В номере, умышленно разноплановом и разностилевом, все же есть три сквозные темы. Это, во-первых, проблематика разоружения и контроля над вооружениями. Во-вторых, перспективы атомной энергетики. И, в-третьих, новая стратегическая роль Китая и что она означает для России».

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 15 **Яап де Хооп Схеффер: «НАТО – не стиральный порошок, чтобы его продавать желающим вступить»** – Генеральный секретарь НАТО отвечает на вопросы члена редакционной коллегии *Индекса Безопасности* Константина Эггерта о расширении альянса, отношениях России и НАТО, о политике, проводимой организацией на постсоветском пространстве, Ближнем и Среднем Востоке.
- 21 **Канвал Сибал: «Ядерное и военно-техническое сотрудничество Индии и России основывается на стратегических интересах, а не сиюминутных выгодах»** – В интервью, данном главному редактору *Индекса Безопасности* Владимиру Орлову, Чрезвычайный и Полномочный Посол Индии в России Канвал Сибал делится собственным мнением о взаимоотношениях Индии с Россией, Китаем, США, о соотношении религии и политики, а также о проблемах энергетической безопасности и нераспространения ядерного оружия.
- 29 **Сэм Нанн: «Теория ядерного сдерживания не действует в отношении негосударственных игроков»** – Один из основателей Программы совместного уменьшения угрозы, бывший сенатор США Сэм Нанн рассуждает о многосторонних подходах к ядерному топливному циклу и российско-американском сотрудничестве в этой сфере, современных вызовах режиму нераспро-

странения, политике США в этой области и возможности достижения безъядерного мира.

- 37 **Алексей Краснов: «Сфера пилотируемых полетов всегда была ареной политического соперничества»** – Начальник Управления пилотируемых программ Федерального космического агентства России Алексей Краснов в интервью с главным редактором *Индекса Безопасности* Владимиром Орловым рассказывает о будущем полетов человека в космос и перспективах международного сотрудничества в исследовании космического пространства, включая полеты на Луну.

А Н А Л И З

- 41 **Геннадий Евстафьев. Разоружение возвращается** – Надежды на серьезный прогресс в области ядерного разоружения не оправдываются. Какие вызовы ожидать России в разоруженческом процессе? Что следует сделать ее западным партнерам для врат к плодотворному сотрудничеству по всем *фронтам*? Правильно ли Россия поступила, объявив мораторий на участие в Договоре об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ)? А какими могут быть следующие шаги России, если новый диалог с США, с Западом провалится?
- 55 **Андрей Фролов. Иран: для чего ему ракеты?** – Государству, претендующему на статус ядерной державы, кроме собственно ядерного оружия требуются и средства его доставки. Каков в этой связи потенциал Ирана в разработке и производстве носителей ядерного оружия – если, конечно, Иран действительно стремится к его обладанию?
- 75 **Сергей Понамарев. КНР: новая великая морская держава?** – Китай активно занимается переориентацией принципов оборонного строительства, развивает современные системы управления войсками и разведки, однако наиболее значимым направлением переориентации военно-стратегической доктрины КНР и оборонного строительства является смещение акцентов с ведения сухопутной войны на усиление военно-морских сил и достижение господства на морских пространствах региона. Какое влияние окажут эти процессы на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), который представляет собой один из самых насыщенных конфликтами регионов мира? Ведь развивающийся и усиливающийся день ото дня Китай имеет в АТР жизненно важные интересы, которые намерен агрессивно отстаивать и реализовывать.
- 93 **Уильям Поттер, Скотт Пэрриш. Политика нераспространения: в поисках адекватности** – Политика ядерного нераспространения на сегодняшний момент совершенно не адекватна уровню стоящих перед человечеством ядерных угроз. Государства-участники ДНЯО имеют зачастую радикально различающиеся взгляды на состояние, в котором находится Договор. Авторы признают, что исследование восприятия угроз различными государствами не внушает оптимизма. Тем не менее, они попытались очертить ту – очень небольшую – область, где все же возможно ожидать положительный прорыв.
- 113 **Антон Хлопков. Что принесет России ядерный пакт с США?** – Разработка российско-американского Соглашения о сотрудничестве в области атомной энергии (так называемого Соглашения 123)

близка к завершению. В интересах ли России подписание этого Соглашения? Какие направления сотрудничества могут представлять интерес для предприятий российского атомно-промышленного комплекса? Отвечая на эти вопросы, заместитель директора ПИР-Центра рассматривает их и с политической, и с технической стороны.

- 133 **Андрей Макарычев. Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика** – При обилии эмпирических исследований попыток перевести разговор о терроре на теоретический язык предпринималось не так уж и много. Между тем соотношение между различными версиями природы терроризма является одной из ключевых, но в то же время мало исследованных тем современного дискурса безопасности. Автор предлагает *меню интерпретаций* терроризма, исходя из которого, *государства-мишени* могут гибко реагировать на те или иные проявления террора.

П О Л Е М И К А

- 147 **Дмитрий Тренин, Виталий Цыгичко. Китай для России: товарищ или господин?** – Такой вопрос в последнее время задают многие эксперты, наблюдая поведение южного соседа России – Китая. Каким образом будут развиваться отношения между двумя великими державами? Насколько равными они будут? Двое членов Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра – в переписке по электронной почте – ищут ответ на этот ключевой для будущего России вопрос. Правда, жаркий спор оставляет каждого на своих изначальных позициях, а позиции их – полярны.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 157 **Лора Холгейт. Резерв ядерных материалов: контуры идеи** – Все больше государств начинают задаваться вопросом, какие варианты обеспечения ядерным топливом являются наиболее надежными и экономически обоснованными. Автор обрисовывает контуры предложения «Инициативы по сокращению ядерной угроз» о создании резерва ядерных материалов, дает один из возможных ответов на этот вопрос.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В : Д Е К А Б Р Ь 2 0 0 6 – А П Р Е Л Ь 2 0 0 7

- 162 **Показатели Индекса *iSi* – универсального Индекса международной безопасности** – В течение зимы-весны 2006–2007 гг. показатели Индекса *iSi* значительно колебались, опустившись в декабре-январе более чем на 100 пунктов и показав положительную динамику только к началу лета 2007 г. За динамикой Индекса пристально наблюдает Международная экспертная группа ПИР-Центра, комментарии которой помогают лучше оценить протекающие процессы в международной безопасности.
- 163 **Юрий Федоров. Глазами либерала: Железом и кровью** – «Ни международное сообщество в целом, ни наиболее мощные и влиятельные государства, прежде всего США, не смогли преодолеть инерцию собственной политики и предпринять решительные инновационные шаги. Тем не менее, нельзя исключить, что нынешний застой в мировой политике на самом деле является

своего рода затишьем перед бурей, эпицентром которой станет Большой Ближний Восток».

- 176 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: В предчувствии глобальных перемен** – «Через пелену дипломатических инициатив и политических маневров, через анонсированные новые военные программы, которых было в последние месяцы как-то странно много, начали, кажется, проступать признаки надвигающейся смены экономической модели и появления новых технологических платформ».

С Т Р А Н И Ц Ы   И С Т О Р И И

- 193 **Роланд Тимербаев. О Ливии, противоракетной обороне и Герберте фон Караяне, а также другие случаи из жизни** – В сентябре 2007 г. у крупнейшего российского специалиста в области ядерного нераспространения, одного из авторов текста Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) Чрезвычайного и Полномочного Посла Роланда Михайловича Тимербаева юбилей. Ему исполняется 80 лет. К этой дате ПИР-Центр готовит выпуск книги его воспоминаний – воспоминаний одного из основателей нашей организации, нашего учителя и старшего товарища. На страницах журнала мы публикуем избранные фрагменты из будущей книги.

Б И Б Л И О Т Е К А

- 217 **Константин Эггерт. Позор, мужество и прозрение: 444 дня, которые изменили Америку** – Новая книга Марка Баудена «Гости аятоллы: кризис с заложниками в Иране – первая схватка в войне Америки с воинствующим исламом» – качественно новое повествование – не только по размаху действия и числу действующих лиц, но и по масштабу поднимаемой проблемы. «Гости аятоллы...» – книга о том, как началось эпическое противостояние Соединенных Штатов и радикального ислама.
- 221 **Владимир Орлов. В ожидании новых подходов** – *Десять пунктов Арбатова–Дворкина* о необходимости новой политики в области ядерного нераспространения и ядерного сдерживания, изложенных в коллективном исследовании «Ядерное оружие после “холодной войны”», если и не потрясут мир экспертов-нераспространенцев и разоруженцев, то уж точно привлекут к себе самое пристальное внимание; и нет сомнения, что эти *десять пунктов* станут – уже становятся – отправной точкой новых научных, а также вполне прикладных дискуссий.
- 225 **Михаил Новиков. Бомбодел, который усомнился** – Книга «Лев и Атом. Академик Л.П. Феоктистов: автопортрет на фоне воспоминаний» повествует об одном из крупнейших ученых-ядерщиков СССР и России, который за время своей жизни прошел путь от *бомбодела* до убежденного сторонника полного ядерного разоружения.

К Н И Ж Н Ы Е   Н О В И Н К И

- 229 **Олег Богатов, Екатерина Вотановская, Анастасия Лагута, Павел Мансуров, Никита Перфильев, Уоррен Поленски** – Сотрудники и стажеры ПИР-Центра готовят краткий обзор новых поступлений в нашу библиотеку.

О Н О В О М Ж У Р Н А Л Е П И Р - Ц Е Н Т Р А

- 235 **Сергей Иванов.** Выход в свет *Индекса Безопасности* – нужное и своевременное событие.
- 236 **Сергей Лавров.** Рассчитываю на ваше экспертное содействие.
- 236 **Сергей Кириенко.** *Индекс Безопасности* призван стать эффективным помощником в решении масштабных задач атомной отрасли.
- 237 **Сергей Чemezov.** В актуальности журнала сомневаться не приходится.
- 238 **Юрий Балуевский.** Очень точное название.
- 238 **Валентин Соболев.** Для поиска нетривиальных ответов на новые вызовы необходимо объединить усилия государства, бизнес-сообщества, СМИ и независимых экспертных центров.
- 239 **Валерий Лощинин.** ПИР-Центр – один из самых динамичных, глубоко и творчески мыслящих *мозговых центров* в России.
- 240 **Эрвин Хофер.** Польщен тем, что Вы выбрали Женеву.
- 241 **Владимир Верховцев.** Высокая планка ответственности.
- 242 **Николай Пономарев-Степной.** Приобрести новых авторов и новых читателей.
- 243 **Анатолий Зродников.** Платформа для дискуссий по энергетическим проблемам.
- 243 **Анатолий Торкунов.** Издания ПИР-Центра – важный источник знаний для студентов и молодых специалистов.
- 244 **Валентин Иванов.** Деятельность ПИР-Центра затупит *пилу* универсального Индекса безопасности *iSi* на идеальном уровне.

245 S U M M A R Y

249 O B A B T O P A X

258 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Ь Т А Т И В Н Ы Й С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А

Обл. III К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

О свойствах ума

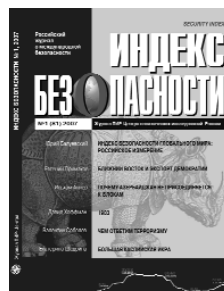
УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОДХОДИТ ВРЕМЯ ПОДПИСКИ-2008!

Начиная с 2008 г., журнал *Индекс Безопасности* переходит в формат ежеквартального издания и объявляет о начале платной подписки на его российское (на русском языке) и международное (на английском языке) издания.

Подписаться на журнал в настоящее время можно:

А. Через Агентство «Роспечать» (только на российское издание)

Информация о подписке на российское издание (на русском языке) в России и странах СНГ находится в каталоге «Газеты. Журналы». Индекс издания – **80666**

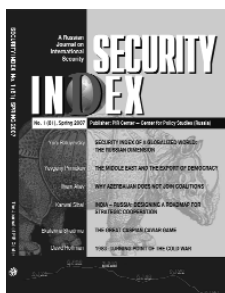
В. Став членом Международного Клуба Триалог (Москва),

Вы или Ваша организация автоматически становитесь получателем как российского, так и международного издания *Индекса Безопасности* – а, помимо этого, и других информационно-аналитических продуктов ПИР-Центра, получаете приглашения на заседания Клуба и другие мероприятия. Возможно индивидуальное или корпоративное членство. Такая опция особенно удобна для организаций, желающих обеспечить нескольких своих сотрудников журналом и дополнительными эксклюзивными материалами по проблематике международной безопасности. Эта опция также идеальна для всех лиц, работающих в Москве, но желающих читать журнал по-английски. Действуют скидки для представителей СМИ! Подробную информацию о Клубе *Триалог* вы можете получить по тел. +7-985-764-9896, e-mail: kotova@pircenter.org, а также на сайте ПИР-Центра <http://pircenter.org/club>

С. Став членом Centre russe d'études politiques (Genève),

Вы будете получать международное или российское издание журнала, по Вашему выбору. Эта опция предназначена прежде всего для тех, кто не является резидентом России и СНГ и, соответственно, не может воспользоваться опциями А и В. Вам следует заполнить *онлайн* форму вступления по адресу <http://crep.ch/fr/application.html>. Оплатив годичный членский взнос (корпоративный, индивидуальный или студенческий), Вы становитесь полноправным членом Центра, получая дополнительные льготы на услуги

Centre russe d'études politiques (Genève). За дополнительной информацией следует обращаться по телефону в Женеве +41-79-370-6810 или же по электронной почте info@crep.ch

Следите за обновлениями раздела «Подписка» на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://si.pircenter.org>.

Дополнительную информацию о подписке, а также о размещении рекламы в нашем журнале Вы можете получить у выпускающего редактора Павла Мансурова
тел.: +7-495-234-0525

e-mail: mansurov@pircenter.org

РОССИЙСКОЕ ЛЕГКОЕ И СТРЕЛКОВОЕ ОРУЖИЕ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗЛИЦЕНЗИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ЗА РУБЕЖОМ

В рамках проекта ПИР-Центра «Легкое и стрелковое оружие» из печати вышло исследование «Российское легкое и стрелковое оружие: проблемы безлицензионного производства за рубежом».

Исследование раскрывает роль легкого и стрелкового оружия (ЛСО) советского и российского образца в эскалации международных конфликтов в период после Второй мировой войны, а также причины размещения лицензионного производства ЛСО за рубежом. Автор рассматривает международные и национальные инициативы по ограничению производства и распространения ЛСО; определяет российские подходы к урегулированию вопроса об истекших лицензиях, нелегальном производстве.

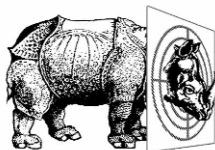
Согласно результатам исследования, за прошедшее десятилетие в разрешении накопившихся проблем в лицензионных отношениях был достигнут существенный прогресс: межправительственные соглашения по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного назначения подписаны с Республикой Казахстан, Турцией, Белоруссией, Арменией, Индией, Францией, ЮАР, Индонезией и другими странами. Накопленный опыт дает основания для оптимизма: результаты последних переговоров с Болгарией, Польшей, Чехией, Словакией, Румынией, Венгрией наглядно демонстрируют заинтересованность этих стран в нормализации взаимоотношений с Россией в данной области.

Исследование дает практические рекомендации для сторон, вовлеченных в процесс урегулирования проблем, связанных с лицензионным производством советского/российского легкого и стрелкового оружия и направленные на усиление национального и международного контроля над ЛСО.

Автор исследования – Андрей Владимирович Губин, выпускник «Летней Школы ПИР-Центра» 2005 г., кандидат политических наук, в настоящее время – независимый эксперт.

*По вопросам приобретения доклада следует обращаться к директору Специальных проектов ПИР-Центра Вадиму Козюлину по тел.: +7-495-234-0525.
Факс: +7-495-235-9558
e-mail: kozyulin@pircenter.org*

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! Вот права...

А.С. Пушкин (1836)

ТРИ СКВОЗНЫЕ ТЕМЫ: РАЗОРУЖЕНИЕ. АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА. КИТАЙ

Начну со слов благодарности. Благодарности тем нашим читателям, которые прислали в адрес редакции свои поздравления в связи с началом выхода *Индекса Безопасности*. Некоторые приветственные письма и обращения мы публикуем в конце этого номера.

Мы отметили выход журнала двумя презентациями: яркими и многолюдными. Первая прошла в Москве и была посвящена выходу российского издания (на русском языке). А месяц спустя состоялась презентация в Женеве, которую ПИР-Центр провел совместно с Постоянным представительством России при международных организациях, – там мы отметили выход международного издания *Security Index* (на английском языке). Мне было радостно приветствовать их друзей и партнеров ПИР-Центра в эти два вечера в двух разных городах!

Не менее важны для меня и те письма читателей, которые от поздравлений переходят к конкретным предложениям: о том, как не опускать планку, высоко поднятую нами в первом номере. Все интересные предложения и идеи мы обсуждаем на редколлегии, и многие из них будут реализованы уже в ближайших номерах. Рассчитываю на то, что поток идей наших читателей и дальше будет столь же бурным.

Рад, что серьезную поддержку развитию журнала, его распространению в России и за рубежом начинают оказывать региональные представители журнала: от Вены до Владивостока, от Дели до Баку, от Токио до Веллингтона, от Киева до Алжира. Иногда и мне, и членам редколлегии бывает сложно *дотянуться* до наших читателей в различных уголках России и мира, напрямую выслушать их предпочтения, а также и получить материалы для журнала из этих уголков, – и здесь помощь представителей журнала оказывается как нельзя кстати.

Ну а теперь – об этом номере, который Вы держите в руках. Как и заложено в концепции нашего журнала, – он разноплановый и разностилевый. Здесь и теоретическое *меню интерпретаций* природы терроризма (статья А.С. **Макарычева**), и очень практический разговор о пилотируемых полетах в космос (интервью с А.Б. **Красновым**), и вопрос о дальнейшем расширении НАТО (интервью с Японией **де Хоопом Схеффером**)...

Но я бы все же выделил три сквозные темы, которые в этом номере – не без редакционного умысла – доминируют.

Первая – *разоружение*. Слово, казалось бы, вышедшее за последнее десятилетие из лексикона политиков. Проблематика контроля над вооружениями и разоружения – как двустороннего, так и многостороннего – оказалась постепенно отодвинута на задний план. «Стремительные темпы прогресса в военных технологиях, их быстрое внедрение в вооруженные силы многих государств и, как следствие, пересмотр военно-доктриналь-

ных подходов к использованию вооруженных сил для борьбы с новыми угрозами и геополитическими вызовами, – все это застало мировое сообщество врасплох. Как результат этой уже изрядно затянувшейся растерянности, международно-правовая база контроля над вооружениями – а формировалась она десятилетиями – стала устаревать. По многим параметрам она больше не соответствует требованиям современных условий», – пишет старший советник ПИР-Центра генерал-лейтенант Г.М. **Евстафьев**. Политика разоружения – в кризисе, констатирует он. А надо ли в нынешних условиях к ней возвращаться? Надо, убежден автор, и далее детально излагает новую, комплексную повестку дня двусторонних и многосторонних мер в области контроля над вооружениями, которые должны быть предприняты в ближайшее время. Палитра умышленно широка: от сокращения стратегических ядерных вооружений и скорейшего вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) до предотвращения развертывания гонки вооружений в космосе. Но автор не может не признать, что *возвращается* разоружение в повестку дня мировых дел очень трудно, и что весьма высок риск скатывания в новую гонку вооружений. Замечу, что электронная версия статьи, которая была размещена на сайте ПИР-Центра еще до выхода печатной версии, вызвала поток комментариев как от российских, так и от зарубежных читателей и экспертов, а раздел «Нужен ли ДОВСЕ?», написанный одним из разработчиков этого договора, сегодня читается особенно актуально.

К проблематике разоружения неоднократно возвращается и бывший американский сенатор Сэм **Нанн** – один из авторов нашумевшей в начале этого года статьи в *Wall Street Journal*. После многолетних размышлений Нанн пришел к выводу о том, что «главная цель – мир без атомного оружия. И если это вершина горы, то сейчас мы опускаемся во впадину. Я понимаю, что нельзя мгновенно оказаться на вершине горы, но мы можем, по крайней мере, перестать спускаться все ниже, можем начать делать первые шаги вверх, чтобы наши потомки могли сказать, что вершина горы просматривается сквозь завесу тумана».

Сегодня отношения между Россией и США в области стратегического диалога находятся на низкой отметке. Но диалог идет. Трудно, иногда незаметно (иногда умышленно незаметно), иногда с минимальными результатами, а иногда и безрезультатно. Упрямся в стену непонимания? Будем ждать смены администраций, а сейчас лишь готовить почву для продолжения диалога уже в 2009 году? Но не поздно ли будет? Тем более, что шанс на прорыв – в этом, 2007 году – пока что полностью не перечеркнут.

Вторая сквозная тема номера – **атомная энергетика**. То, что сейчас мы на пороге ее ренессанса в мире, уже становится общим местом. Но вот как совместить ожидаемое бурное развитие атомной энергетики в определенных регионах с обеспечением международной безопасности? Как научиться выстраивать отношения *атомного сотрудничества*? Об этом размышляет заместитель директора ПИР-Центра А.В. **Хлопков**, когда оценивает, что будет означать для России и ее атомной отрасли заключение межправительственного соглашения с США о сотрудничестве в области атомной энергетики. Другой вопрос, насколько реалистично ожидать вступление такого соглашения в силу в обозримом будущем, учитывая негибкость Конгресса США.

В свою очередь, посол Индии в России Канвал **Сибал** делится своими впечатлениями от хода американо-индийского диалога по заключению аналогичного соглашения с США и при этом обращается к России как к стране, которая пока единственная строит атомные энергоблоки в Индии: «Если в будущем двери в гражданскую атомную энергетику Индии откроются для международного сотрудничества, Россия, уже сделавшая первый шаг в этом направлении, держит в руках все карты, чтобы извлечь самую первую и самую значительную выгоду».

Далее, вице-президент Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» Лора **Холгейт** раскрывает контуры идеи формирования международного резерва ядерных материалов, изначально предложенной ее Фондом и теперь проходящей обсуждение в МАГАТЭ. Какой бы ни оказалась перспектива практической реализации данного предложе-

ния, постановка вопроса о международных гарантиях поставок ядерного топлива для тех государств, которые добровольно откажутся от создания собственного ядерного топливного цикла и тем самым окажутся потенциально уязвимы для внешнего давления, является правомерной и назревшей.

И, наконец, третья сквозная тема номера – **российско-китайские стратегические отношения и их перспективы**. Это – вопрос, которым задаются все эксперты, анализирующие внешнеполитические и оборонные приоритеты России. Иногда они вроде бы стесняются озвучить свои взгляды. Но я попросил авторов этого номера уйти от дипломатической нейтральности.

Статья молодого исследователя С.В. **Понамарева** при первом прочтении выглядит сугубо академичной и вообще-то напрямую с Россией и не связанной. Автор шаг за шагом рассматривает китайские военные доктринальные документы и обширно их цитирует, – что весьма полезно, особенно учитывая, что автор, владея китайским языком, работал с документами в оригинале. Далее С.В. Понамарев углубляется в один из аспектов военной политики Китая – развитие военно-морской составляющей, вплоть до превращения КНР в великую морскую державу, хотя, утверждает он, делаться это будет весьма и весьма постепенно, эволюционным путем. Но что такое развитие означает для России? Да и для всего баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе?

На этот вопрос дает свой ответ соавтор полемической дуэли В.Н. **Цыгичко**: «Скажу без обиняков. Откровенно гегемонистская направленность китайской внешней политики создает непосредственную угрозу – а точнее, целый набор угроз и вызовов – российским интересам в АТР». Но с таким выводом решительно не соглашается Д.В. **Тренин**: «Китай не уподобится Советскому Союзу или Японии 1930-х гг. Его экспансия не будет носить преимущественно территориальный характер и не будет осуществляться в основном военно-политическими средствами. Китайские *дивизии* – это транснациональные корпорации со штаб-квартирами в Шанхае, Пекине, Шэньчжэне и т.д. Военная агрессия КНР против России является крайне маловероятной на всю обозримую перспективу (скажем, 15–20 лет)». Кто победил в этом споре? Чьи аргументы более убедительны? Зайдите на сайт ПИР-Центра и проголосуйте, дайте Вашу собственную оценку.

Споры на страницах журнала ведут и два наших постоянных обозревателя – Д.Г. **Евстафьев** и Ю.Е. **Федоров**. Как Вы помните из предыдущего номера, первого мы условно назвали *российским консерватором*, второго – *российским либералом*. Кстати, должен сказать, что сами авторы не очень-то согласны с такими ярлыками, – ну, или если не ярлыками, то упрощениями, сделанными редакцией. Может быть, они и правы. Но кто из них *более прав* в оценке развития событий за последние месяцы, – вот ключевой вопрос. В этом номере Д.Г. Евстафьев советует обратить внимание на надвигающуюся технологическую смену вех (и предостерегает, что Россия рискует ее проспать). Между тем, Ю.Е. Федоров, ища ответы на нынешние вызовы, цитирует Бисмарка: «Великие вопросы нашего времени не могут быть решены речами и большинством голосов. ...Они могут быть решены железом и кровью». Может быть, его оппонент в следующем номере вспомнит (почти что в рифму) Ф.И. Тютчева? Или же Тютчев в нынешнем *раскладе* международных отношений будет звучать неуместно архаично? Интересно проверить.

Статьи этого номера несут большой заряд нерешенных проблем, накапливающихся противоречий... Однако же измеряемый нами индекс международной безопасности *iSi*, после нескольких тревожных падений – падений, означающих рост глобальной напряженности, – в апреле и мае не только стабилизировался, но и несколько поднялся, позволяя говорить о том, что международная ситуация, хотя и крайне неустойчива, все же далека от катастрофической динамики.

Я начал с рассказа о том, как журнал развивается. Этим же и закончу.

Во-первых, открыта подписка на *Индекс Безопасности* на 2008 год. Конечно, мы рады возможности в первый год издания под новым названием многим нашим читателям журнал направлять бесплатно. Но с нового года эта ситуация изменится, и журнал сно-

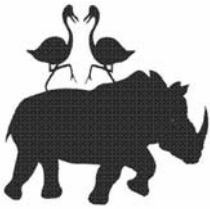

ва будет распространяться по платной подписке. На российское издание можно подписаться, в частности, через каталог «Роспечати», а на международное – вступив в члены *Centre russe d'études politiques* – Европейского отделения ПИР-Центра в Женеве или же в члены клуба *Триалог* в Москве. Информация о том, как это сделать, размещена в журнале.

Во-вторых, пожелания многих наших читателей – вернуться к ежеквартальному циклу выхода журнала – редакцией услышаны. И с 2008 года *Индекс Безопасности* будет выходить – на русском и английском языках – четыре раза в год! 📖

Владимир Орлов

Яап де Хооп Схеффер

«НАТО – НЕ СТИРАЛЬНЫЙ ПОРОШОК, ЧТОБЫ ЕГО
ПРОДАВАТЬ ЖЕЛАЮЩИМ ВСТУПИТЬ»

Член редакционной коллегии журнала Индекс Безопасности Константин Эггерт беседует с генеральным секретарем НАТО Яапом де Хоопом Схеффером¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Еще год назад многие ожидали, что саммит НАТО в Риге, проходивший в ноябре 2006 г., сделает серьезный шаг навстречу Албании, Македонии, Хорватии, а также Украине и Грузии, предложив им индивидуальные планы членства. Этого не произошло. У Вас нет чувства разочарования?

де ХООП СХЕФФЕР: Нет, я не разочарован, поскольку считаю, что в преддверии саммита в Риге НАТО действовала весьма последовательно.

Как Вам известно, дискуссия, которая имела место в преддверии саммита, касалась трансформации НАТО. Определенно можно сказать, что западно-балканские страны, которые Вы упомянули, увидят позитивный сигнал, подтверждение тому, что двери НАТО открыты для них. Также в итоговых документах саммита будут упомянуты Грузия и Украина, страны, которые ведут с НАТО так называемый *интенсивный диалог*. Однако рижский саммит НАТО изначально не планировался как встреча, на которой будет обсуждаться расширение блока. С самого начала было понятно, что речь пойдет не об этом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ряд наблюдателей считает, что решение не предпринимать драматических шагов навстречу Украине и Грузии было принято из-за нежелания ряда ведущих членов альянса портить отношения с Москвой. Что Вы можете сказать по этому поводу?

де ХООП СХЕФФЕР: Я не согласен с этими обозревателями, кем бы они ни являлись, поскольку считаю, что расширение НАТО всегда было вопросом выполнения некоторых условий, дискуссией о том, чего ожидают страны, желающие войти в состав организации или стать ее партнерами. И этот процесс всегда был достаточно автономным.

В Совете Россия–НАТО, который, кстати, празднует в 2007 г. пятилетний юбилей, осенью 2006 г. мы обсуждали, например, Грузию, и это было до того, как между Грузией и Россией вспыхнула ссора. Грузия сама определяет свое будущее, и альянс следит за этим процессом. С Грузией, как и с Украиной, ведется все более активный диалог на эту тему.

Весь процесс строится на выполнении условий, и я думаю, что обозреватели ошибаются, когда говорят о прямой связи между этим процессом и отношениями с Россией.

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И
И

С Россией же, как я говорил в Москве на встречах с президентом Владимиром Путиным и тогдашним министром обороны Сергеем Ивановым, мы очень тесно сотрудничаем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули в Риге, что следующий саммит НАТО пройдет весной 2008 г. Каковы шансы трех балканских стран, а также Украины и Грузии получить индивидуальные планы или даже вступить в НАТО в 2008 г.?

де ХООП СХЕФФЕР: Я бы ответил, что я не знаю, и не потому, что я пытаюсь уйти от ответа, а потому, что я действительно не знаю. Этот вопрос мне неоднократно задавали страны, чьи интересы он затрагивает. И мой ответ всегда именно таков, потому что речь идет о выполнении определенных условий. У НАТО есть определенные критерии, свои рамки и показатели.

И переход к более интенсивному диалогу – это одна из стадий. Я не могу сказать, что ждет нас в 2008 г., будет ли та или иная страна готова вступить в НАТО, поскольку, если бы я заявил, что знаю, то нарушил бы главный принцип – принцип выполнения кандидатами необходимых условий.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Многие утверждают, что тот факт, что в Грузии население более положительно относится к вступлению страны в НАТО, может стать преимуществом для Тбилиси, а тот, факт, что население Украины расколото, скорее негативно отразится на шансах Украины. Так ли это? Какова роль общественного мнения во всем этом процессе?

де ХООП СХЕФФЕР: В конечном счете решение принимает народ. Правительства могут задавать направление, подталкивать, но в любом демократичном обществе, при истинной демократии, решение остается за людьми. Мы знаем, что если посмотреть на опросы общественного мнения на Украине, то, очевидно, тут есть проблемы. Но, прежде всего, это проблемы не НАТО, а Украины.

Мы ведем интенсивный диалог, мы тесно сотрудничаем с Украиной, мы будем продолжать поддерживать Украину во всем, с какой бы просьбой она ни обратилась, и я буду и впредь объяснять украинцам, что такое НАТО, как я объясняю это в России. Хотя я не продаю НАТО, ведь НАТО – это не стиральный порошок, НАТО – это уникальная политическая и военная организация.

Что же касается Грузии, то, действительно, там общественная поддержка членства в НАТО очень сильна. Решение о том, чтобы переходить к интенсивному диалогу по членству с Грузией было принято в сентябре 2006 г., в Нью-Йорке на встрече министров иностранных дел. Я считаю, что мы с Грузией должны полностью использовать возможности этого процесса, блок НАТО должен помочь Грузии провести необходимые реформы.

При этом мы выступаем за территориальную целостность Грузии и мирное урегулирование конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. И в конце концов определять будущее Грузии будут ее жители.

А что касается отношений НАТО с Россией, то я не думаю, что укрепление власти закона, стабильности, безопасности и демократии на границах России может нанести ей какой-либо вред.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули пятилетний юбилей Совета Россия–НАТО. В Москве тем не менее существует мнение, что отношения России с НАТО находятся если не в кризисе, то в тупике. У Вас есть такое же ощущение?

де ХООП СХЕФФЕР: Мы определенно не находимся в состоянии кризиса и не в тупике. Я считаю, и я говорил об этом в Риге, что эти отношения требуют вложений. Если не ин-

вестировать в компанию, если не вкладывать в нее, то, как мы все знаем, результат будет отличаться от наших ожиданий.

И что же мы должны делать? Говоря «мы», я имею в виду и НАТО, и Россию. Обе стороны должны вносить свой вклад в практическое сотрудничество, в политическое сотрудничество и не уклоняться от обсуждения вопросов, по которым мы не сходимся.

Например, в отношении Грузии, которая находится в *ссоре* с Россией, у меня есть что сказать обеим сторонам. Для России пришло время отказаться от тех мер, которые были применены по отношению к Грузии и грузинам. Грузия же могла бы постараться, чтобы тон диалога стал менее жестким.

Возвращаясь к вопросу об отношениях России и НАТО, повторяю, свой вклад должны вносить и Россия, и НАТО. Это отношения между двумя зрелыми субъектами. Россия является зрелой страной, НАТО – это зрелая организация. Россия – постоянный член Совета Безопасности ООН, так что сотрудничество с Россией важно для решения многих серьезных конфликтов в мире. В том числе нерешенных вопросов: Северной Кореи, Ирана, Ближнего Востока, Косово.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В свете кризиса между Россией и Беларуссией в начале 2007 г., вызванного разногласиями по поводу поставок и транзита энергоносителей, что могла бы сделать НАТО в сфере энергетической безопасности?

де ХООП СХЕФФЕР: Российско-белорусские разногласия по поводу поставок нефти и последовавший за ними кризис – сугубо двухсторонняя проблема. К счастью, она была быстро разрешена путем переговоров между Москвой и Минском.

Однако этот спор напомнил всем нам – поставщикам, потребителям и транзитным государствам – о нашей зависимости от бесперебойных и надежных энергопотоков.

На саммите в Риге НАТО поддержала скоординированный международный подход к определению наиболее важных угроз для энергетической инфраструктуры и укреплению ее безопасности. Это решение, принятое в Риге, полностью соответствует стратегической концепции НАТО. В ней союзники указывают на все более глобальный характер понятий «безопасность» и «стабильность». Это ведет, среди прочего, к необходимости отслеживания и оценки угроз поставкам жизненно важных ресурсов.

*Франсиско де Гойя.
Неужели никто нас не развяжет?
Капричос, 75.*

В качестве первого шага НАТО приняла решение провести консультации между союзниками по альянсу по вопросам энергетической безопасности и определить вклад, который НАТО могла бы внести в обеспечение безопасности своих членов. и что аль-

янс – если, конечно, его об этом попросят – мог бы привнести для поддержки усилий государств и международного сообщества. НАТО также провела консультации с Россией по вопросам лучшего обеспечения безопасности критической инфраструктуры. Такого рода консультации помогут нам определить меры, которые могут быть приняты в этой важной сфере.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы не опасаетесь, что в Москве это могут интерпретировать как попытку, условно говоря, надавить на Россию, используя энергетику как один из рычагов политического давления?

де ХООП СХЕФФЕР: Определенно нет. Нет, потому, что когда я говорю о необходимости новой политики энергетической безопасности в связи с НАТО, я имею в виду, что НАТО должна оценивать ситуацию гораздо шире. И вы никогда не услышите, чтобы я напрямую привязывал Россию или политику России, говоря об энергетической безопасности.

НАТО – это не Европейский Союз. НАТО – это не энергетическое агентство, НАТО – это политическая, военная организация, в чью стратегическую концепцию входит и свободный поток энергоресурсов. И если в итоговых документах рижского саммита вы видите слова об энергетической безопасности, это не связано с отношениями Россия – НАТО. Это касается понимания сущности НАТО в широком смысле.

И раз уж мы заговорили о более широком значении НАТО, позвольте мне повторить пример, который я уже как-то приводил. Я могу себе представить, что НАТО и союзники, в том числе Россия, принимают или принимали участие в средиземноморских военных учениях наряду с военными кораблями НАТО. Могу допустить, что НАТО и партнеры могут охранять морские пути, по которым транспортируются нефть или газ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На рижском саммите много говорили об операции НАТО в Афганистане. Не все члены альянса готовы дислоцировать там достаточное число военнослужащих или согласиться на их участие в боевых операциях. Означает ли это, что в альянсе существует напряженность, грозящая успешному исходу всей афганской операции? Не слишком ли рано НАТО вышла за пределы своей традиционной зоны ответственности?

де ХООП СХЕФФЕР: Международные силы содействия безопасности (ИСАФ), наделенные мандатом ООН, насчитывают 33 тыс. военнослужащих. Их направили в Афганистан 37 стран: 26 государств–членов альянса и 11 государств, в него не входящих. Эти военнослужащие дислоцированы по всей стране. Их присутствие поддерживает значительная часть населения. Союзники обязались приходить друг другу на помощь в случае возникновения экстремальных обстоятельств. Наша миссия в этой стране отражает общее для стран–членов НАТО и их союзников по ИСАФ понимание того, что наша безопасность неразрывно связана со становлением суверенного, демократического, процветающего и мирного Афганистана. НАТО стремится к комплексному решению проблем, стоящих перед Афганистаном, включая восстановление и развитие страны, укрепление демократических институтов. Для достижения этих целей НАТО активно сотрудничает с ООН, Европейским Союзом, Всемирным банком и другими ключевыми партнерами.

Что же касается выхода за пределы традиционной зоны ответственности, то, мне кажется, что нам следует понять – географическое положение и значительные расстояния больше не являются факторами, укрепляющими нашу безопасность. Именно поэтому НАТО просто должна была сделать этот шаг. Просто потому, что если мы не займемся проблемами там и тогда, где и когда они возникают, эти проблемы рано или поздно возникнут у дверей нашего дома, и справиться с ними тогда будет еще труднее.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последние годы развернулась дискуссия о том, нужно ли НАТО играть более активную роль на Ближнем Востоке. Помимо уже существующего Средиземноморского диалога с девятью государствами региона, какой могла бы быть эта роль?

де ХООП СХЕФФЕР: НАТО действительно поддерживает активный диалог и программу сотрудничества с рядом стран Северной Африки и Большого Ближнего Востока. И Средиземноморский диалог, и Стамбульская инициатива по сотрудничеству – важные и полезные инструменты. Они способствуют росту доверия и взаимопонимания и помогают конкретному сотрудничеству по вопросам, представляющим взаимный интерес, например в борьбе с терроризмом. Встреча в верхах в Риге четко подтвердила готовность НАТО развивать связи с партнерами, в том числе и в стратегически важном регионе Ближнего Востока.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова политика НАТО в Центральной Азии? Альянс назначил спецпредставителя в этом регионе. Каковы его функции и как эта проблематика увязывается с вопросами энергетической безопасности?

де ХООП СХЕФФЕР: Центральная Азия – стратегически важный для альянса регион. НАТО заинтересована в стабильной и благополучной Центральной Азии. Мы готовы поддержать процесс демократизации в странах региона, это по-прежнему остается главной предпосылкой долгосрочной стабильности и процветания. Центральная Азия также исключительно важна для НАТО в свете вклада, который альянс вносит в стабилизацию и восстановление Афганистана. Правительства всех пяти стран-партнеров оказывают ценную поддержку возглавляемым НАТО Международным силам содействия безопасности, и здесь есть потенциал для дальнейшего развития сотрудничества с государствами региона.

С момента назначения специального представителя по Центральной Азии и Кавказу после саммита НАТО в Стамбуле в 2004 г., мы ведем активную работу по развитию сотрудничества между альянсом и всеми пятью государствами Центральной Азии. НАТО установила рабочие контакты на высоком уровне с политическими лидерами в регионе, и в результате большинство этих стран заметно интенсифицировало сотрудничество с альянсом. Есть даже положительные сдвиги в диалоге НАТО с Узбекистаном. Этот диалог был приостановлен в результате трагедии в Андижане.

Мы заинтересованы в дальнейшем углублении нашего политического диалога с центрально-азиатскими государствами по вопросам региональной безопасности, в том числе и в бассейне Каспийского моря. Мы также наращиваем практическое сотрудничество в таких сферах, как планирование и помощь при чрезвычайных ситуациях, урегулирование кризисов и обмен разведывательной информацией. Это практическое сотрудничество внесет вклад в попытки международного сообщества найти подход к проблемам энергетической безопасности. Особенно это касается защиты энергетической инфраструктуры, которая вызывает большую озабоченность как союзников по альянсу, так и партнеров НАТО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы призвали к 60-летней годовщине НАТО в 2009 г. принять новый стратегический документ для альянса. Означает ли это, что Вашингтонский договор 1949 г. в каких-то его частях устарел? Какими Вы видите сегодня главные отличительные черты этой новой стратегии?

де ХООП СХЕФФЕР: Вашингтонский договор не менее актуален сегодня, нежели в 1949 г. Я всегда говорил, что пятая статья Вашингтонского договора (согласно которой, нападение на одного члена альянса считается нападением на всех. – Ред.) – это основной принцип НАТО.

То, о чем я говорю, касается не столетия – сто лет это, мне кажется, многовато. Это касается моего видения трансформации и развития НАТО. Ведь может настать момент, когда потребуется новый основополагающий документ.

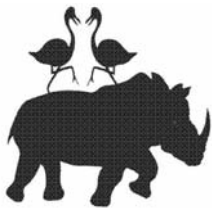
Речь не идет о Вашингтонском договоре, я не говорю о пятой статье, подчеркиваю, чтобы избежать непонимания. Тут все остается как есть. Я говорю о некоем новом документе, его можно назвать стратегической концепцией или как-то иначе.

В любом случае речь не идет о том, чтобы сменить основы НАТО. Не стоит забывать, что на саммите в Риге страны–члены НАТО одобрили документ, который мы называем *Все-сторонним политическим руководством*. На языке НАТО это означает документ, в котором указывается, каким мы видим развитие альянса в последние годы и каким бы нам хотелось видеть будущее НАТО, весь процесс трансформации.

Я думаю, что на определенном этапе, и я связываю его с юбилеем НАТО в 2009 г., настанет время подумать о новом базовом документе. Но, повторяю, речь не идет ни о «новом» Вашингтонском договоре, ни о пятой статье, поскольку для НАТО они были и остаются основополагающими. 🐜

Примечание

¹ Беседа К.П. Эггерта с Яапом де Хоопом Схеффером состоялась 1 февраля 2007 г.

Канвал Сибал

«ЯДЕРНОЕ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ИНДИИ И РОССИИ ОСНОВЫВАЕТСЯ НА СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИНТЕРЕСАХ, А НЕ НА СИЮМИНУТНЫХ ВЫГОДАХ»

**Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с
Чрезвычайным и Полномочным Послом Индии в Российской Федерации Канвалом Сибалом. Приведенное ниже интервью содержит личное мнение посла¹.**

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Многие факторы конца XX – начала XXI вв. привели к тому, что Индия начала рассматриваться Соединенными Штатами как основной союзник в Южной Азии и вытеснять с этих позиций Пакистан. Станет ли союз Индии с США противовесом нарастающему влиянию Китая в мире, и в частности в Азии? В основе американо-индийских отношений Вы видите стратегическое сотрудничество или лишь некий тактический союз?

СИБАЛ: Предположение о том, что сегодня не Пакистан, а Индия считается основным союзником США в Южной Азии, достаточно спорно. Отношения между США и Индией в последние годы действительно значительно улучшились. Во время холодной войны обе страны находились в определенном смысле в противоположных лагерях. Сегодня же Индия и США тесно сотрудничают и активно разрабатывают общие точки соприкосновения. США являются крупнейшим торговым и финансовым партнером Индии. В вопросах международного терроризма и глобального распространения демократии у наших стран общие интересы. Именно ввиду этой общей приверженности демократии бывший премьер-министр Атал Бихари Ваджпаи заявил, что Индия и США представляют собой *естественных союзников*. Американо-индийское ядерное соглашение – это настолько значительное отступление от предыдущих позиций США в отношении индийского ядерного потенциала, что мнение некоторых аналитиков, называющих Индию *основным союзником США* в Южной Азии, становится объяснимым.

Пакистан является военным союзником США с 1950-х гг. – с тех самых пор, как он присоединился к Багдадскому пакту и Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Президент Пакистана Аюб Хан однажды охарактеризовал свою страну как «самую союзническую из всех союзников» Соединенных Штатов. В Афганистане Пакистан действовал против Советского Союза на стороне США, что, впрочем, не помешало движению *Талибан* прийти к власти с молчаливого согласия Пакистана. Безусловно, в отношениях между США и Пакистаном были как взлеты, так и падения, но на сегодняшний день США провозгласили Пакистан одним из своих важнейших «союзников, не входящих в НАТО». Президент Джорж Буш-мл. часто называет Пакистан ключевым стратегическим партнером США в войне против терроризма. Сегодня, как и в прошлые годы, Пакистан получает от США обширную военную помощь.

США преследуют ряд интересов в Южной Азии. В некоторых вопросах (таких, как экономика, демократия и нераспространение) позиция этой страны гораздо ближе к той, которую занимает Индия. В других вопросах (например Афганистан, Центральная Азия,

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

исламский мир, борьба с международным терроризмом, вопросы обороны) США склоняются к более тесному сотрудничеству с Пакистаном.

Сдвиг в американо-индийских отношениях привлекает к себе внимание мировой общественности, так как Индия – это страна, превосходящая Пакистан как по размерам своей территории, так и по своему потенциалу. Кроме того, улучшение отношений между Индией и США имеет большее значение для всего мирового политического климата. Но вот полагать, что *американо-индийский союз* может стать противовесом растущему влиянию Китая в регионе и мире, несомненно, значило бы неправильно истолковывать намерения Индии. Некоторые американские аналитики изредка делают заявления о наличии китайского фактора в улучшенных отношениях между Индией и Соединенными Штатами. Я же, в свою очередь не слышал ни одного авторитетного заявления, сделанного американской администрацией, где бы подтверждалось, что это действительно так. В нашем случае премьер-министр Манмохан Сингх в октябре 2006 г. повторил на выступлении в Лондоне, что мир достаточно велик, чтобы вместить обе восходящие державы – как Индию, так и Китай. Наши политические комментаторы и аналитики часто опровергали мнение, согласно которому в более тесных отношениях Индии и США присутствует китайский аспект. Наши собственные отношения с КНР, как вы знаете, заметно улучшились. На сегодняшний день Китай является вторым крупнейшим торговым партнером Индии. При этом следует отметить, что отношения самих Соединенных Штатов с Китаем отличаются гораздо большей интенсивностью и широтой диапазона, чем отношения Индии с Китаем. Это еще один аргумент в пользу того, что следует быть осторожными при высказывании мнений, основанных на теории о равновесии сил.

Соединенные Штаты на сегодняшний день являются самой могущественной страной как в политическом, так и в экономическом и военном смыслах. Налаживание партнерства с США входит в сферу стратегических интересов Индии. Точно так же и Соединенные Штаты не могут игнорировать демографический и экономический потенциал Индии. Здравый смысл подсказывает, что отношения США с такой страной, как Индия, которая, кроме всего прочего, разделяет с ними крепкие узы демократии и плюрализма, должны быть больше, чем просто тактическими.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вопросы энергетической безопасности сегодня находятся на острие международных дебатов. Эта тема стала одной из главных на повестке дня петербургского саммита «Большой восьмерки» в июле 2006 г. Сегодняшняя борьба за трубопроводы напоминает борьбу за железнодорожные маршруты в XIX веке. Не утихли еще *газовые конфликты* между Россией и некоторыми ее соседями. Список примеров можно продолжить. Какова же точка зрения Индии на вопрос безопасности поставок энергетических ресурсов (нефти и газа)?

СИБАЛ: Энергетическая безопасность действительно стала животрепещущей темой вследствие беспрецедентного повышения цен на нефть. Было ли это повышение обусловлено объективными факторами – вопрос спорный. Только эксперты могут компетентно заявить, насколько такой скачок цен был вызван финансовыми спекуляциями и перемещением крупных сумм из избыточных капиталов, вращающихся в международной финансовой системе. Консервация активов, политика налогообложения, разработка новых месторождений, создание запасов, обращение к альтернативным видам топлива и возобновляемым источникам энергии – все это имеет отношение к понятию *энергетическая безопасность*. На определенном уровне можно дать определение энергетической безопасности как ответу на два вызова: с одной стороны, истощение запасов горючих полезных ископаемых, а с другой, – рост энергетических потребностей во всем мире, обусловленный тем, что все больше развивающихся стран переживает экономический рост и что уровень потребления электроэнергии повсеместно растет.

В то же время, если смотреть на эту ситуацию под иным углом, она предстает совсем в другом свете. Большая часть мировых запасов нефти и газа находится либо в развивающихся странах, либо в странах с относительно небольшим населением. Так что *энергетическая безопасность* превращается в соперничество за доступ к запасам нефти и

газа между основными мировыми потребителями, которые до стремительного роста Китая и Индии в основном были представлены развитыми странами. Таким образом, *энергетическая безопасность* стала в определенном смысле отождествляться с силовым давлением.

То, что Вы упомянули в своем вопросе *борьбу* за трубопроводы и провели параллель между ней и борьбой за железнодорожные пути в XIX веке, позволяет предположить, что этот вопрос рассматривается в значительной степени в европейском или евразийском контексте, оставляющем на заднем плане антиколониальную борьбу. В последнее время Россия стала крупным поставщиком энергоносителей. Кроме того, на ее обширном пространстве находятся и еще нетронутые месторождения горючих полезных ископаемых. Как поставщик энергоносителей Россия, безусловно, пожелает использовать свои энергетические ресурсы, максимально удовлетворяя собственные национальные интересы с наибольшей для себя выгодой. Для потребителя же естественным будет желание диверсифицировать источники энергоснабжения, создать условия для конкуренции и усилить рыночные позиции. Именно поэтому отдельные страны выражают недовольство Северо-европейским газопроводом, а другие в целях получения нефти с Каспия и других регионов пытаются направить трубопроводы через территории, находящиеся вне российского контроля. Поставки российской нефти и российского газа на китайский, японский и южнокорейский рынки, а также жесткая конкуренция в этом вопросе между Китаем и Японией представляют собой еще один важный аспект трубопроводной политики.

Для Индии вопрос энергетической безопасности поистине насущный и стоит он очень остро.

На данный момент Индия производит лишь 30% от необходимых ей энергетических ресурсов. Но уже сейчас Индия является одним из крупнейших потребителей нефти и газа в мире. Учитывая, что наша экономика, причем при миллиардном населении, продолжает расти со скоростью свыше восьми процентов в год, хотя уровень потребления энергии на душу населения остается достаточно низким, наша потребность в энергии стремительно растет. Уже сегодня мы импортируем 98 миллионов тонн нефтепродуктов в год, и этот показатель в ближайшие годы будет только увеличиваться.

Да, мы расширили разработку месторождений газа и нефти на индийской территории – как на суше, так и на шельфе, и уже открыли несколько крупных месторождений. Мы также внедрили очень либеральную политику лицензирования фирм, занимающихся разведкой углеводородов, и пытаемся привлечь международные нефтяные корпорации к участию в торгах по уже доступным участкам. В то же время мы стараемся получить доступ к нефтяным активам через инвестирование в разработку месторождений в других странах. Индия, Иран и Пакистан уже находятся в стадии сложнейших переговоров относительно газопровода, поставляющего иранский газ в Индию через территорию Пакистана. Мы также проявили интерес к газопроводу Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия. Индия вложила 27 миллиардов долларов США в проект *Сахалин-1*. На данный момент это самое крупное индийское капиталовложение в нефтегазовый сектор в какой бы то ни было стране.

Мы были бы заинтересованы в еще больших инвестициях с нашей стороны в российский нефтегазовый сектор, если бы такая возможность представилась. Наши отечественные компании поддерживают тесные отношения с Газпромом и Роснефтью. Мы уже представили некоторые предложения, но пока без ощутимых результатов. Мы действительно считаем, что российско-индийские экономические отношения могут быть коренным образом преобразованы путем взаимного энергетического сотрудничества. Россия располагает избыточными энергетическими ресурсами, тогда как Индии этих ресурсов катастрофически не хватает. У России есть ресурсы, а у нас – острая потребность в них. Президент Владимир Путин охарактеризовал энергетическую безопасность как безопасность не только предложения, но и спроса. Уж безопасность спроса мы бы точно обеспечить сумели! Пусть Индия и не граничит с Россией непосредственно, что часто

называют важным препятствием нашему взаимному сотрудничеству, но она смогла бы стать значительным рынком для поставок российских нефти и газа из дальневосточных регионов России. И в случае реализации российско-болгарско-греческого проекта по строительству трубопровода мы вполне могли бы оказаться в числе стран, извлекающих из него экономическую выгоду. Можно принять и практические соглашения об обмене с другими государствами индийской доли российской нефти, которую было бы слишком дорого поставлять в Индию. В контексте российско-индийских отношений *энергетическая безопасность* представила бы собой творческий подход обеих стран к укреплению экономической стороны их стратегических взаимоотношений путем энергетического сотрудничества.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Когда китайские нефтяные компании выходят на новые рынки, раздаются многочисленные голоса об угрозе китайской экспансии. В то же время, когда речь идет об индийских компаниях в подобных ситуациях, это не привлекает особого внимания (как это было, например, в Судане). Как Вы считаете, чем обусловлена такая разница в подходе к двум новым мировым державам?

СИБАЛ: Население Китая насчитывает 1,3 миллиарда человек, а экономика страны растет в среднем на 10% на протяжении вот уже примерно 15 лет. Уже сегодня Китай – треть по величине экономика в мире. Вследствие настолько феноменального роста такой густонаселенной страны, в которой, кроме всего прочего, потребительская способность населения все еще очень низка, возникновение подобных вопросов о давлении китайского энергетического голода на мировые энергоресурсы неизбежно. Между прочим, западные страны на протяжении последних нескольких столетий, включая и колониальный период, практически монополизировали мировые ресурсы. Капитал, технологии, гигантские корпорации, международные финансовые и банковские структуры – все эти экономические секторы находятся под властью Запада, что является ключевым моментом для понимания сегодняшнего неравномерного потребления мировых ресурсов развитыми и развивающимися странами. Вполне естественно, что появление Китая на международной арене вносит ощущение угрозы. Это чувство усугубляется характером политической системы в Китае и ощутимыми расхождениями между политическими и общественными ценностями Китая и стран Запада.

Индия воспринимается по-другому, так как индийская экономика далеко не так значительна, как китайская, да и рост ее не так впечатляющ. Что еще более важно, ее коммерческая стратегия – в отличие от китайской – не ориентирована на экспорт. В тех случаях, когда китайские нефтяные компании инвестируют в такие страны, как Судан, или же в страны с диктаторскими режимами или сомнительной ситуацией в плане нарушения прав человека, возникают опасения, что у Китая могут появиться корыстные интересы в поддержке или укреплении таких недемократических режимов. Поскольку Индия является демократической страной с более приемлемыми с точки зрения западных стран политическими полномочиями, реакция на инвестирование индийских компаний в *трудные страны* заметно отличается. В случае Китая возможно предположить, будь то справедливо или нет, что в целях достижения своих экономических интересов, Китай был бы готов предоставить помощь сомнительным режимам. Будучи демократической страной, Индия пользуется более положительным истолкованием своих возможных действий.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Говоря об усилении влияния Индии на мировой арене, следует упомянуть его экономические составляющие. Слияние *Mittal Steel* с *Arcelor* в 2006 г. превратило индийского бизнесмена Лакшми Миттала в настоящего монополиста рынка стали. Применительно к этому примеру можно ли говорить о появлении нового вида предпринимателя, практикующего особый тип управленческой культуры? И как бы Вы охарактеризовали индийский бизнес по сравнению с российским, если провести, например, параллель между российским миллиардером Романом Абрамовичем и Лакшми Митталом?

СИБАЛ: Я считаю, что неправильно рассматривать слияние *Arcelor* и *Mittal Steel* с точки зрения создания монополии на рынке стали. На всем протяжении 1990-х годов главны-

ми событиями в корпоративном мире были как раз слияния и поглощения компаний. В сегодняшних условиях глобализации мирового сообщества, когда границы между государствами стираются, а конкуренция становится жестче, ведущие западные компании пытаются перестроить свою деловую стратегию не только для того, чтобы максимально увеличить прибыль, но и просто чтобы выжить на мировом рынке. Мы уже стали свидетелями таких консолидаций компаний в оборонной и автомобильной промышленности, в сферах связи и развлечений, а также в отраслях фармацевтики и информационных технологий. В России в настоящий момент такие процессы происходят в нефтегазовой и металлургической промышленности, а также планируются и в аэрокосмическом секторе. В то же время, все эти слияния и поглощения компаний непременно должны отвечать требованиям антитрастового и антимонопольного законодательства США и Европы. Слияние *Mittal Steel* и *Arcelor* получило официальное одобрение Антимонопольной комиссии Евросоюза вследствие того, что сфера коммерческой деятельности обеих компаний имела существенные различия и по своему характеру не составляла конкуренции одна другой.

Безусловно, культура управления в больших семейных предприятиях, таких, как *Mittal*, отличается от канонов, присущих крупным западным компаниям. Но я не думаю, что Лакшми Миттал представляет собой рождение нового типа предпринимателя, как Вы его называете. Это всего лишь пример истории успеха, который привлек к себе внимание во всем мире. Я не думаю, что Миттал внедряет новую тенденцию.

У Индии гораздо больший опыт современного предпринимательства, чем у России. В нашей стране предпринимательская деятельность развивалась не только на протяжении последних 60 лет, но и до получения страной независимости. Предпринимательству же в России от силы лет 15–16. И в отличие от российских миллиардеров, которые в большинстве своем появились на обломках союзных государственных монополий, многие индийские предприниматели или сами с нуля возвели свои империи, или же закалились в среде жесткой предпринимательской конкуренции. Надеюсь, это служит хорошей иллюстрацией разницы между Романом Абрамовичем и Лакшми Митталом. Это вовсе не значит, что россияне отстают в плане предпринимательства. Русские люди очень талантливы, и сейчас, когда у них наконец-то появилась возможность проявить свой предпринимательский дух, да еще и учитывая российские ресурсы, они все чаще и чаще начнут демонстрировать свои таланты.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В марте 2006 г. США и Индия подписали беспрецедентное соглашение, открывшее Индии дорогу в клуб ядерных держав. При этом договоренность между Индией и Группой ядерных поставщиков пока еще не достигнута, переговоры продолжаются. Каковы перспективы таких переговоров, учитывая позицию Китая по этому вопросу?

СИБАЛ: В то время как Соединенные Штаты, Россия, Франция и многие другие страны высказываются в защиту того, чтобы удовлетворить пожелания Индии, у некоторых других государств остаются сомнения по этому поводу. Похоже, Группа ядерных поставщиков (ГЯП) ожидает введения в силу американского закона, прежде чем делать собственные заключения. Индия поддерживает контакты с ГЯП – как с ее отдельными членами, так и со всей Группой в целом. Нас очень обнадеживает тот факт, что мы заручались поддержкой ряда членов Группы. Конечно, Китай скажет свое слово в ГЯП, членом которой он является. Но США и другие мировые державы хотят открыть перед Индией необходимые двери, основываясь на том, что ее послужной список в области нераспространения внушает доверие. Многие страны уверены в том, что Индия не распространяла и не будет распространять ядерное оружие. Демократический строй Индии также вселяет чувство доверия. Считается, что правительство Индии проводит ответственную политику. Если же Китай пожелает вернуть в обсуждение пакистанский фактор, ему придется убедить Соединенные Штаты, Россию и другие страны–члены ГЯП в том, что им следует смотреть сквозь пальцы на существующие доказательства распространенческой деятельности Пакистана (я имею в виду дело Абдул Кадыр Хана) и его участие в северокорейской, иранской и ливийской ядерных программах. К тому же им придется закрыть

глаза на тот факт, что Пакистан является военным режимом, более того – режимом, создающим благодатную почву для развития международного терроризма, режимом, дающим приют лидерам *Аль-Каиды* и движения *Талибан*. А ведь это немаловажные факты в контексте возможного попадания ОМУ в руки террористических организаций.

ГЯП функционирует на основе консенсуса. С объективной точки зрения, достичь консенсуса в случае Индии должно быть проще, чем с Пакистаном. Но мы в этом плане с Пакистаном не конкурируем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На протяжении последних нескольких лет проблема Кашмира, похоже, постепенно разрешается. Не станет ли, на Ваш взгляд, урегулирование этой проблемы примером настоящего межкультурного диалога взамен той напряженности, которую с точностью описывает термин Сэмюэля Хантингтона *the clash of civilizations*? Какой *рецепт* можно предложить для снятия напряжения между мусульманами, христианами, индусами, иудеями и представителями других народов, вероисповеданий?

СИБАЛ: При анализе конфликта в Кашмире было бы серьезной аналитической ошибкой рассматривать недавние положительные тенденции в качестве примера *полноценного диалога между цивилизациями*. В самой Индии живет столько же мусульман, что и в Пакистане, если не больше. Штат Джамму и Кашмир тоже очень многообразен с религиозной точки зрения: большая часть населения в Джамму является индусами, в Ладахе – буддистами, а в Кашмирской долине – мусульманами. Диалог между цивилизациями, о котором Вы говорите, – это каждодневная действительность в пределах наших границ, так как наша страна необыкновенно многогранна и приветствует большой выбор религий, языков, культур и этнических групп.

В основе кашмирской проблемы лежат политические притязания Пакистана на территорию Джамму и Кашмира, обусловленные религиозными соображениями. Пакистан сам явился результатом религиозной политики, и страна так и не смогла преодолеть смешивание политики и религии, несмотря на хаос в виде международного терроризма, который создают сегодня такие исторически обусловленные обычаи. Исламский терроризм определен смешиванием радикализованной религии и политики. В плане же *рецепта* для снятия напряженности между различными религиями такой существует лишь один: строгое соблюдение концепции светского государства и секуляризация государственной политики. Религия должна оставаться сугубо личным делом каждого и ни в коем случае не становиться инструментом государственной политики. В то время как христианские нации практически перестали продвигать лозунги христианства на государственном уровне или в области международных отношений, а Индия остается светским государством и не пропагандирует себя как государство индуистское, несмотря на то, что 80% ее населения практикует индуизм, мусульманские страны в своем абсолютном большинстве настаивают на своей исламской сущности на уровне как национальной, так и внешней политики. Если медленно проявляющиеся тенденции нетерпимости в западных либеральных демократических странах вызывают озабоченность, то неспособность мусульманских стран искоренить религиозный экстремизм из самого своего нутра вызывает настоящую тревогу. Использование религиозной идеологии в целях достижения политических целей и борьбы с предполагаемой несправедливостью через разжигание межнационального религиозного пыла высвобождает в мировую систему очень опасные силы. Очень часто вера подпитывается своей твердостью, тогда как политика черпает свои силы в гибкости мысли. Оба эти понятия нужно четко различать. Религия может подарить внутреннее спокойствие, но там, где дело идет о покое внешнем, разум должен полностью заменить ее.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Во время холодной войны Индия являлась стратегическим партнером СССР. После распада Советского Союза она начала поиски нового места в международной системе и, похоже, нашла его. Индия стала державой региональной (и даже мировой) значимости с быстро развивающейся экономикой и приверженностью демократическим ценностям (что обеспечивает Индии поддержку США). На сегодняш-

ний день кто же является основными партнерами Индии, ее союзниками и друзьями, и какова роль России для Индии?

СИБАЛ: Окончание холодной войны коренным образом преобразило международную систему. Вследствие того, что ее окончание совпало с распадом Советского Союза, общее влияние на международную систему было еще более существенно. Индия, не желавшая попасть в круговорот событий холодной войны, сыграла решающую роль в создании Движения неприсоединения. Таким образом Индия хотела получить большую свободу действий на международной арене, чтобы продвигать свои интересы путем вовлечения обеих сторон. Следует заметить, что во многом в отношениях Индии и США присутствовали и стратегические интересы. В то же время связи с Соединенными Штатами, особенно на уровне личных контактов, оставались крепкими. Всем странам пришлось пересмотреть свои позиции в области международных отношений в течение последних пятнадцати лет.

В этот период, учитывая либерализацию индийской экономики, темпы роста в стране достигли невиданных высот и придали Индии больший вес в международных политических и экономических вопросах. Ее достижения в сфере экономики знаний привлекают все возрастающее внимание во всем мире. Отношения Индии и США никогда еще не были такими хорошими. Соединенные Штаты стали крупнейшим торговым и инвестиционным партнером Индии.

Кроме того, продемонстрированная ими готовность преодолеть глубокие разногласия в вопросах нераспространения, разделяющие обе страны и нанесшие за долгие годы серьезный вред двусторонним отношениям, придали сотрудничеству между обеими странами новые черты.

Несмотря на определенные политические и территориальные разногласия, Китай стал вторым крупнейшим торговым партнером Индии в результате прагматичного решения обеих сторон не позволить этим разногласиям встать на пути развития их взаимовыгодного сотрудничества.

После определенного многолетнего пренебрежения Юго-Восточной Азией в 1990-х годах Индия активно развивает политику *взгляда на Восток*, достигшую сегодня своей зрелости, примером чему является участие Индии в Восточноазиатском саммите и ее принятие в партнеры саммита АСЕАН. В настоящее время Индия проводит переговоры с АСЕАН по соглашению о свободной торговле.

Отношения Индии с Японией также принимают новое политическое измерение.

Европейский Союз в своей целостности является крупнейшим торговым партнером Индии, и в настоящее время между Индией и ЕС на уровне саммитов ведется диалог, основанный на стратегическом партнерстве. Из стран-членов Евросоюза основными политическими, экономическими и технологическими партнерами Индии являются Великобритания, Германия и Франция. Индия извлекла значительную выгоду из процесса глобализации и ослабления напряженности после окончания холодной войны. Это позволило ей построить конструктивные отношения со странами в различных регионах мира. Инициатива Индия – Бразилия – Южная Африка (*IBSA*) представляет собой еще один творческий способ расширения круга влияния и интересов Индии.

Но ни с одной другой страной Индия не сохранила таких устойчивых, стабильных и прочных отношений, как с Советским Союзом и впоследствии – с Россией. В индийских политических кругах налицо глубокое осознание долгосрочной ценности отношений между обеими странами. Если наши отношения с Россией не претерпели серьезных изменений, как это произошло в отношениях Индии с США и Китаем, Китая с Россией и США или же США с Россией и Китаем – от враждебных до дружеских и наоборот, это случилось во многом благодаря целому ряду вопросов, мнение по которым Россия и Индия разделяют и которые представляют для обеих стран общий интерес. Я думаю, что отношения между Индией и СССР/Россией на протяжении последних 60 лет представляют

собой символическое предание о том, как две большие страны, так непохожие друг на друга по стольким параметрам, могут добиться успеха в налаживании крепких связей, способных выдержать давление в меняющейся обстановке.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Российско-индийские отношения в ядерной области и сфере военно-технического сотрудничества достаточно крепки и продуктивны. Можно ли считать это проявлением некоторого комплексного и стратегического подхода в двухсторонних отношениях или это лишь тактические шаги со стороны обеих стран?

СИБАЛ: Я считаю, что в обеих сферах – ядерного и военно-технического сотрудничества (ВТС) – отношения не могут быть основаны исключительно на тактических маневрах. В этих жизненно важных и деликатных областях долгосрочные отношения могут быть построены только на стратегической основе.

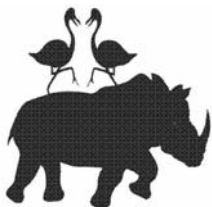
Россия является единственной страной, строящей сегодня атомные электростанции в Индии. Это важное решение в пользу страны, не входящей в ДНЯО, было принято Россией в силу того, что она доверяет Индии и видит стратегическую ценность создания партнерства с мощной державой в этом уязвимом регионе. Если в будущем двери в гражданскую атомную энергетику Индии откроются для международного сотрудничества, Россия, уже сделавшая первый шаг в этом направлении, держит в руках все карты, чтобы извлечь самую первую и самую значительную выгоду.

В сфере ВТС российско-индийские отношения исключительны. Большинство военной техники – и в сухопутных войсках, и на флоте, и в военной авиации – российского производства. Мы бы вряд ли позволили этой зависимости достичь такого уровня, если бы мы не оценивали наши отношения с Россией со стратегической точки зрения. Когда после распада СССР российский оборонный комплекс оказался в очень стесненных обстоятельствах, Индия облегчила ситуацию, сделав крупные оборонные заказы. Сейчас Россия поставляет оборудование и платформы, которые даже сама российская армия пока не использует.

В каком-то смысле мы даже подтолкнули российский оборонный комплекс к модернизации, заказывая оборудование с очень высокими техническими требованиями. Ракета *БраМос*, к примеру, служит замечательной иллюстрацией к новому скачку в наших двухсторонних оборонных отношениях – скачку от отношений между продавцом и покупателем к совместным исследованиям, разработкам, производству и маркетингу. Учитывая, что торговля оружием предполагает передвижение существенного капитала и что жизненный цикл такого оборудования достаточно долг, суть принятия решений нашими двумя странами должна быть преимущественно не тактической, основанной на сиюминутных выгодах, но стратегической. 🐘

Примечание

¹ Беседа В.А. Орлова с Канвалом Сибалом состоялась 23 октября 2006 г. Перевод © ПИР-Центр.

Сэм Нанн

«ТЕОРИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ НЕ ДЕЙСТВУЕТ
В ОТНОШЕНИИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ИГРОКОВ»

Член редакционной коллегии журнала Индекс Безопасности Антон Хлопков беседует с сопредседателем Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», сенатором США (в 1972–1996 гг.) Сэмом Нанном¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что, на Ваш взгляд, является наиболее серьезным вызовом режиму нераспространения в настоящее время? Насколько современные вызовы являются следствием политики СССР и США в годы холодной войны?

НАНН: В течение довольно длительного времени после окончания Второй мировой войны США и СССР делились со многими странами мира ядерными материалами и технологиями. Поэтому в настоящее время в них можно обнаружить высокообогащенный уран, большая часть которого имеет американское или советское происхождение.

Раньше мы были уверены, что только государства могут создавать ядерное оружие. Но сегодня все изменилось. Технологии, позволяющие сделать по крайней мере *грязную бомбу*, сейчас доступны не только государствам или небольшим группам ученых, но многим тысячам людей. И это означает, что каждый должен быть заинтересован в том, чтобы высокообогащенный уран находился под надежной охраной, а также в том, чтобы его запасы по возможности постепенно сокращались.

Сегодня ядерные материалы и технологии одинаково доступны. Множество достоверных сведений говорит о том, что существует большое число группировок или, возможно, отдельных субъектов, которые, в случае попадания к ним ядерных материалов и технологий, несомненно, создали бы ядерное оружие, а также применили бы его.

В отношении этих группировок в большинстве случаев не действует принцип ядерного сдерживания, который обеспечивал международную стабильность в годы холодной войны. Теория сдерживания работает, когда мы говорим о государствах как главных участниках *игры*, но она перестает действовать, если ядерное оружие попадает в руки негосударственных игроков. И если мы скажем, что в течение последующих 50 лет мы будем обеспечивать свою безопасность теми же способами, что и в предыдущие пять десятилетий, то допустим огромную ошибку. Мы должны думать по-новому.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие, на Ваш взгляд, шаги должны быть сделаны, чтобы безъядерный мир стал более вероятным?

НАНН: Мне хотелось бы начать с государств, ядерное оружие которых остается востребованным. Те страны, которые обладают ядерным оружием, должны, для своей же безопасности, как можно быстрее сделать его менее востребованным.

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

США и Россия обладают большей частью ядерного оружия в мире, но только частью. И здесь мы должны сделать то, что необходимо было сделать сразу после окончания холодной войны – увеличить время оповещения о ракетном нападении. Абсолютно абсурдным кажется то, что у президента США и российского лидера есть не более чем несколько минут, чтобы решить, уничтожить страны друг друга и большую часть земного шара или нет, если к одному из них зайдет генерал и скажет: «Мы думаем, что нас атакуют; мы не уверены в этом абсолютно, но мы должны либо нанести удар, либо мы будем уничтожены еще до того, как успеем запустить наши ракеты».

Если бы граждане США и России знали об этой ситуации, они бы потребовали от своих властей изменить ее. Думаю, что наши военачальники и технические эксперты нашли бы способ кардинально увеличить время оповещения. Мы всегда говорим о количестве, и это имеет важное значение, но увеличение времени оповещения о ракетном нападении – это основа всего процесса разоружения.

Думаю, что если бы Россия и США сделали шаги в этом направлении, то это могло бы повлиять на другие страны, например на Индию и Пакистан. У этих стран есть даже больше причин беспокоиться о необходимости увеличения времени оповещения, главная из которых – их географическая близость.

Мы можем увеличить время оповещения о ракетном нападении с 15 минут до получаса, до часа, затем мы можем увеличить его до 24 часов, затем до недели, затем до месяца. Когда мы значительно понизим значимость ядерного оружия, сокращать боеголовки будет гораздо проще. И с этого я бы начал.

Примечательно, что Михаил Горбачев в своей статье в *Wall Street Journal* в январе 2007 г. также подчеркнул важность увеличения времени оповещения. Еще один аспект, на котором он остановился и с которым я полностью согласен, это необходимость ратификации Соединенными Штатами и другими государствами Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы затронули вопрос необходимости ратификации Соединенными Штатами ДВЗЯИ. Возможен ли прогресс в данном направлении в ближайшие два года?

НАНН: Думаю, что этого не произойдет до конца президентского срока Джорджа Буша, однако подход американских политиков к этой проблеме может измениться. Уже сейчас среди республиканцев есть люди, которые говорят: «В чем причина того, что мы так противились принятию ДВЗЯИ?» Думаю, над этим вопросом необходимо работать в обеих партиях.

Следует обратить внимание на дебаты по этому поводу в Сенате. Генерал Джон Шаликашвили, бывший глава Объединенного комитета начальников штабов, который, кстати, ушел на пенсию примерно в то же время, что и я покинул пост сенатора, в течение двух лет занимался изучением данного вопроса. Он детально рассмотрел множество аргументов, которые приводили в Сенате противники ратификации Договора, и очень умело опроверг каждый из них. Полагаю, что если бы люди обратились к рекомендациям Шаликашвили, они бы поняли, что мы не только можем ратифицировать ДВЗЯИ, но и обязаны это сделать.

Но, как я уже сказал, существенный прогресс в этом вопросе вряд ли будет иметь место до прихода новой администрации. Полагаю, должно случиться чудо, чтобы ратификация Договора произошла в ближайшие два года, и надеюсь, что серьезный пересмотр подхода США к данной проблеме произойдет после выборов 2008 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько вероятна ратификация ДВЗЯИ при условии поддержки со стороны демократического большинства бюджетного финансирования программы создания «надежных замещающих боеприпасов», которая предполагает возможность разработки и в перспективе постановки на вооружение новых ядерных боезарядов?²

НАНН: Элен Таушер³, которой я восхищаюсь, говорит о том, что администрация поддержит ДВЗЯИ в обмен на поддержку программы администрации «надежных замещающих боеприпасов» со стороны Конгресса. Прежде чем поставить свою подпись в поддержку этой программы, мне бы хотелось, чтобы администрация сделала и другие шаги. Я думаю, что в нынешней атмосфере новые боезаряды нанесут США больше вреда, чем все те преимущества, которые мы можем получить, включая повышение ядерной и физической безопасности нашего ядерного арсенала и сокращение его численности. Если бы президент США принял этот подход и обсудил его с Великобританией, Францией, Россией, Китаем и всеми, у кого есть ядерное оружие, то в этом широком контексте это бы изменило ситуацию. Но я бы не променял ДВЗЯИ на новые боезаряды. Не думаю, что это хорошая сделка, так как ущерб от нее был бы слишком значительным. Поэтому я бы заморозил эти вопросы на полтора года и потом посмотрел бы, что будет делать новая Администрация.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Представляется, что нынешняя администрация США не заинтересована в выработке международных документов, содержащих какие-либо элементы верификации, равно, как и сохранении в силе ранее подписанных соглашений, имеющих элементы контроля. Одним из первых примеров в этой связи является Договор СНВ-1, в котором были заложены основы верификации и срок действия которого истекает в 2009 г.

НАНН: Я обеспокоен тем, что нынешняя администрация не заинтересована в верификации, и вы абсолютно правы в том, что основы верификации заложены в СНВ-1. Это действительно будет трагедией, если срок действия Договора истечет и ему не будет найдена замена. Президент Путин несколько раз отмечал, что Россия заинтересована в возобновлении переговоров по этим вопросам, но у нынешней администрации США есть идеологическое неприятие возможности ведения переговоров по любому договору. Я думаю, что это является фундаментальной ошибкой.

Впрочем, такое же неприятие администрация испытывала по поводу двусторонних переговоров с Северной Кореей. И мы видели, что она изменила свои подходы. Люди изменились, и администрация меняется, и я надеюсь, что она пересмотрит подходы и в отношении вопросов верификации. Я сам планирую больше говорить о верификации и продвигать новые возможности в этой области.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули статью бывшего президента СССР Михаила Горбачева в *Wall Street Journal*. Однако несколькими неделями ранее это же издание опубликовало работу, авторами которой выступили Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри⁴ и Вы⁵. Для многих стало неожиданностью, что четыре известных политических деятеля столь разных взглядов сумели согласовать общую повестку дня по вопросам разоружения. За счет чего удалось это сделать?

НАНН: Можно сказать, что политический климат меняется. Я надеюсь на это. Если Вы посмотрите, что по этому поводу пишут Киссинджер, Шульц, Перри, да и я сам, Вы это увидите. Да и мы сами меняемся.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не могли бы Вы подробнее рассказать о факторах, повлиявших на появление единой точки зрения четырех известных политиков о необходимости достижения безъядерного мира?

НАНН: Могу рассказать о себе. Я долго шел к этой точке зрения. Сначала я заинтересовался вопросами, связанными с размещением наших ядерных сил в Европе, гонкой ядерных вооружений, обратил внимание на то, как мы воспринимали условное советское превосходство в количестве танков и артиллерийских орудий. Когда я разговаривал со многими представителями нашего военного командования, они говорили, что в случае неожиданного нападения или начала конфликта между Советским Союзом и США в Европе они должны были сначала запросить разрешение на применение ядерного оружия. Причем они должны были сделать это еще до начала конфликта, поскольку на принятие политического решения о применении ядерного оружия потребовалось бы четыре-пять дней.

Во время Карибского кризиса мне довелось быть в Европе. Мне было 24 года, я только что окончил юридический колледж, и каждый день на протяжении всего кризиса я присутствовал на секретных брифингах американских ВВС. Однажды за ужином я оказался рядом с командующим ВВС США в Европе. Это был самый напряженный момент кризиса. Перед ним находились все средства оперативной связи, и он сказал, что в случае получения приказа у него будет не более полутора минут, чтобы направить самолеты, находившиеся под его командованием, на Москву. Это были летательные аппараты быстрого реагирования, не бомбардировщики. Их нельзя было отозвать. Если бомбардировщикам нужно подтверждение для нанесения удара, если в случае запуска ракет у вас есть время оповещения о ракетном нападении, то эти самолеты вернуть было нельзя.

Все это и заставило меня заняться данной проблематикой. Я работал над этим все последующие годы, в том числе в рамках программы Нанна–Лугара. Я понял, что в мире нет понимания, для чего же мы все это делаем. Главная цель – мир без атомного оружия. И если это вершина горы, то сейчас мы опускаемся во впадину. Я понимаю, что нельзя мгновенно оказаться на вершине горы, но мы можем по крайней мере перестать спускаться все ниже, можем начать делать первые шаги вверх, чтобы наши потомки могли сказать, что вершина горы просматривается через завесу тумана.

Полагаю, что на формирование взглядов Джорджа Шульца повлияла встреча в Рейкьявике и президент Рейган, который мечтал о мире без ядерного оружия, и обсуждал эту идею с Горбачевым в столице Исландии⁶.

Билл Перри, как и я, шел к этим взглядам в течение многих лет.

Что касается Генри Киссинджера, то он написал книгу, посвященную ядерному оружию⁷. С тех пор, я думаю, он изменил свою точку зрения во многом под влиянием особенностей эпохи, в которой мы живем, эпохи, в которой принцип ядерного сдерживания больше не работает. В течение следующих 40 лет мы не сможем быть настолько же успешны в противодействии ядерной угрозе. Когда приходится иметь дело с 8, 10 или 15 ядерными государствами, все намного сложнее, чем когда мы имеем лишь две державы, обладающие ядерным оружием. Например, если вдруг какая-то подводная лодка нанесет удар из открытого моря, кто может с абсолютной уверенностью сказать, чья это была лодка? Я думал об этой проблеме еще в 1980-х гг. Я понимал, что если бы Китай подобным образом атаковал, скажем, Москву, определила ли бы советская система предупреждения, что эта ракета именно китайская, а не американская? Вряд ли. Я считаю, что нам нужно учиться думать по-новому.

Около двух лет назад я и Билл Перри ездили в Стэнфорд, где обсуждали с Джорджем Шульцем, что необходимо сделать в области разоружения. Через Шульца мы хотели повлиять на Джорджа Буша. Мы хотели, чтобы президент изменил официальную американскую позицию по таким вопросам, как ДВЗЯИ, Договор о запрете производства расщепляющихся материалов, время оповещения о ракетном нападении. Джордж Шульц написал письмо, в котором были изложены наши взгляды, однако никакой реакции со стороны администрации не последовало.

Примерно шесть или восемь месяцев назад Макс Капельман выступил с инициативой о всеобщем сокращении ядерных арсеналов⁸. Я встречался с Максом несколько раз и убеждал его, что мы просто обязаны сделать те шаги, о которых говорилось в письме.

Думаю, что с такими людьми мы многого добьемся.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В таком случае в условиях стремления к безъядерному миру, в чем может быть выход из тупика, когда технологии становятся все более доступными и все большее число стран стремится к технологической независимости в области атомной энергетики, а это влечет за собой стремление к обладанию обогащительными технологиями?

НАНН: Страны, которые развивают атомную энергетику, но при этом воздерживаются от производства высокообогащенного урана (ВОУ) и выделения плутония на собственной территории, должны быть уверены в том, что они будут обеспечены всеми необходимыми материалами для своих энергетических нужд.

Осенью 2006 г. «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» предложила МАГАТЭ новый совместный проект. Мы сказали: «Мы хотим помочь в создании резервного источника поставок ядерного топлива». Этот резерв должен находиться под международным контролем, планируется, что его собственником будет МАГАТЭ. От имени Уоррена Баффета мы внесем 50 млн долл. с тем условием, что Агентство посодействует в том, чтобы еще одна или несколько стран предоставили общую сумму в 100 млн долл. Этой суммы недостаточно, чтобы обеспечить доступ к низкообогащенному урану, или покрыть дальнейшую нужду в нем, но это стало бы отличным стартом и продемонстрировало бы, что мы не одни.

У МАГАТЭ есть двухлетний период, начавшийся в сентябре 2006 г., в течение которого оно должно обеспечить создание такого резервного банка топлива. Россия, Германия, США уже заявили о своем желании участвовать, другие страны рассматривают их предложения и вносят свои собственные. В некоторых из них содержатся предложения создать многоуровневую систему поставок, и я полагаю, что данная концепция может быть работоспособной.

Режим ядерного нераспространения основан на том, что страны, обладающие ядерным оружием, постепенно должны уничтожать свои арсеналы, а страны, не имеющие ядерного оружия, после подписания ДНЯО отказываются от попыток его получить. И, наконец, третья основа режима – технологическая доступность мирного атома для каждого участника договора. В настоящее время все три ножки этого механизма шатаются.

Проект Инициативы по сокращению ядерной угрозы призван выровнять только одну сторону этой конструкции, а именно технологическую. Но также, на мой взгляд, необходимо обратиться к остальным двум ее составляющим. У меня есть целый список вещей, которые мы могли бы сделать вместе. Я полагаю, что ни одна нация или даже два или три государства самостоятельно не могут справиться с этими проблемами. Здесь нужен общемировой подход, так как имеет место быть обратная связь между уровнем международной кооперации и степенью приближенности к мировой катастрофе⁹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если мы посмотрим на список стран, которые уже приняли решение о развитии работ по обогащению урана, либо которые могут принять такое решение в ближайшем будущем, то увидим, что он не мал: Аргентина, Бразилия, Иран, КНДР, ЮАР и др. Предположим, что банк топлива будет создан. Какова вероятность того, что эта инициатива повлияет на решения этих стран о развитии национальных обогатительных программ? Представляется, что концепция банка ядерного топлива¹⁰ выглядит привлекательно, но ее не просто применить на практике.

НАНН: Если Вы намекаете на то, что пять лет назад ситуация в этой сфере была лучше, то я соглашусь с Вами. Об этом говорилось очень много и очень долго, и это должно было быть сделано давным-давно. Я полагаю, что резервный банк ядерного топлива будет небольшим, он не должен обрушить рынок.

Думаю, что при этом он поможет запустить другие механизмы. Например, если Россия создаст аналогичный проект в региональном масштабе, он мог бы привлечь другие страны, в частности этому могло бы способствовать соглашение между Россией и Казахстаном. Главный фактор здесь – экономическая привлекательность. Китай или Индия также могли бы заняться созданием подобных резервов. Важно – не просто собрать вместе 20 государств, занимающихся производством и обогащением урана. Только в случае, если будут созданы несколько подобных региональных объединений, сотрудничающих с МАГАТЭ (которое и должно политически стимулировать этот процесс), только тогда можно будет сказать, что система действует. И если кто-то спросит, не поздно ли начинать заниматься этой идеей, то я не знаю, что ответить. Несомненно, этим нужно было заниматься намного раньше.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Представляется, что есть много общего между российским проектом создания в Ангарске Международного Центра по обогащению урана и предложением «Инициативы по сокращению ядерной угрозы» о создании банка ядерного топлива...

НАНН: Думаю, российская идея о размещении на территории России международных предприятий в области ЯТЦ вполне осуществима. Я знаю, что в МАГАТЭ ведутся работы в этом направлении. Я встречался с руководителем Федерального агентства по атомной энергии Сергеем Кириенко в Вене и обрисовал ему предложение «Инициативы по сокращению ядерной угрозы», а он рассказал о российском предложении. Если мы сможем получить политическую поддержку, то, мне кажется, мы преодолеем все препятствия на пути реализации этих инициатив.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В начале нашего разговора Вы упомянули об угрозе, исходящей от *грязной бомбы*. Как Вы в этой связи видите решение проблемы безопасного обращения с ОЯТ, которое в больших количествах накапливается в результате эксплуатации АЭС?

НАНН: Для меня это больше политическая проблема, чем технологическая. Думаю, не имеет смысла помещать ОЯТ в хранилище на 10 тысяч лет без возможности последующего извлечения. Полагаю, что необходимо принять концепцию, которая позволит в дальнейшем извлекать ОЯТ из хранилища.

Мое предложение – размещать ОЯТ в контейнерах в подземное хранилище в штате Невада на 50–100 лет, которое бы в течение этого срока гарантировало, что не произойдет никакой радиоактивной утечки и облученное топливо не нанесет вреда окружающей среде. После этого срока извлекать ОЯТ и использовать технологии, которые станут доступны к тому времени и которые помогут найти более долгосрочное решение проблемы облученного ядерного топлива.

Полагаю, что технологии значительно продвинулись и за более короткий промежуток времени. Но поместить топливо, скажем, на 10 тысяч лет и быть уверенными, что ничего не произойдет, вне наших возможностей.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Успех многосторонних подходов в области ЯТЦ во многом будет зависеть от эффективности российско-американского сотрудничества. Как Вы видите будущее двусторонних отношений?

НАНН: Мне кажется, что президенты Путин и Буш зачастую говорят то, что от них ожидают услышать. Проблема в том, что на практике ни один из них не придерживается того, о чем говорит. По-моему, что-то не так со способностью двух президентов реализовать выдвинутые ими же инициативы.

В своей речи в Мюнхене, где он серьезно критиковал США, президент Путин высказал целый ряд позитивных идей о сотрудничестве¹¹. Но кажется, что эти инициативы умирают где-то на уровне ниже президентского. Может быть, это подозрительно, может быть все дело в обстоятельствах, но я нахожу это трагичным.

Вы только подумайте – между Россией и США, как и между Индией и Пакистаном, имеется зависимость от эффективности системы оповещения о ракетном нападении противоположной стороны ценою в существование большей части человечества! Если российская система оповещения даст сбой, догадаетесь, по кому будет нанесен удар? По США. Если системы Индии и Пакистана дадут сбой, кому придется плохо? Обоим странам. По моему мнению, Россия и США каждый день должны совместно работать над системой оповещения.

Здесь также возникает вопрос сотрудничества в области противоракетной обороны (ПРО). У нас никогда не будет совершенной ПРО, но возможно создание ограниченной противоракетной обороны. Меня очень беспокоит, что США близки к размещению радаров в Восточной Европе, а в России, очевидно, нет понимания, зачем это делается. Я не знаю, какие аспекты этого проекта обсуждались двумя странами, а какие нет, но это

провал со стороны руководства США. Соединенные Штаты не должны спешить с новыми системами, если у России нет четкого представления о них.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы шесть раз избирались в Сенат США, долгое время возглавляли Комитет Сената по делам вооруженных сил, стояли у истоков программы Глобального партнерства против распространения ОМУ, в которую трансформировалась Программа Нанна–Лугара. Что заставляет Вас по-прежнему быть столь активным в вопросах нераспространения оружия массового уничтожения и разоружения?

НАНН: Я пытаюсь сделать мир более безопасным и предупредить людей в США и в целом в мире о вызовах, с которыми мы сталкиваемся, имея дело с атомом. Я твердо убежден, что необходимо развивать атомную энергетику. Эксперты, чья профессиональная деятельность связана с вызовами, исходящими от атомной энергетики (как на региональном, так и на глобальном уровне), занимаются очень важным делом. Но для повышения эффективности усилий, направленных на поддержание безопасности в атомной сфере, необходимо развивать взаимодействие по всем возможным направлениям. Необходимо договариваться по каждой малейшей проблеме, связанной с атомными вопросами.

Мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить сохранность ядерных материалов, поскольку в противном случае нас всех ждет катастрофа. Любопытно, кто думает, что авария на атомном объекте где-нибудь в другой части света или, Боже упаси, ядерный взрыв или даже использование *грязной бомбы* повлияет лишь на тот регион, где это случилось, по моему мнению, сильно ошибается. Общество уже обеспокоено проблемами, связанными с атомной безопасностью. И если где-нибудь будет взорвана одна или несколько *грязных бомб*, это полностью изменит даже самый оптимистический взгляд на ядерную безопасность.

Если атомное оружие где-нибудь в мире выйдет из-под контроля, это повлияет не только на атомную промышленность, это негативно скажется на всем. Это приведет к краху доверия, на котором держится мировая экономика. Я не сомневаюсь, что если группа террористов завладеет ядерным оружием и осуществит взрыв в США, России, Индии или где-нибудь еще, мы уже не сможем быть уверены в своем разведывательном сообществе. Появятся группировки, которые будут утверждать, что обладают еще одним зарядом, мы столкнемся со всевозможными проявлениями шантажа и будем полностью лишены возможности дать необходимый отпор. Я сейчас даже не говорю о грандиозной трагедии в гуманитарном, общечеловеческом плане. Мировая экономика, по моему мнению, придет в упадок в течение недели. Это было бы ужасное событие для всех нас.

Я прочитал высказывание генерала Омара Брэдли, написанное им после окончания Второй мировой войны, вскоре после атомной бомбардировки Хиросимы. Он написал, что мир стал ярким в отсутствие мудрости, человечество обрело мощь, но не получило ясности мысли, мир все больше будет походить на мир ядерных гигантов и этических младенцев. Эта мысль была высказана много лет назад. Я думаю, что Омар Брэдли был бы удивлен, если бы узнал, что с тех пор мы прожили столько лет, больше ни разу не применив ядерного оружия по его прямому назначению. Однако если бы он увидел сегодняшнее положение вещей, он примерно теми же словами повторил бы свое предостережение.

И когда я смотрю в прошлое, на те 50 лет, которые мы прожили, я понимаю, что у нас, в Соединенных Штатах и Советском Союзе, работали тысячи специалистов в ядерной сфере, в то же время нам удалось предотвратить войну, предотвратить ядерную катастрофу. И я бы еще добавил, что нам очень, очень повезло! Я не думаю, что мы можем рационально оценить следующий пятидесятилетний период, и с учетом всех процессов, которые мы наблюдаем в настоящее время, мы вряд ли можем констатировать, что человечеству повезет так же, как повезло нам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: И последний вопрос. Будете ли Вы претендовать на один из ключевых постов в новой администрации, в частности на пост государственного секретаря США?

НАНН: Я был бы очень польщен, если бы любой американский президент пригласил меня работать в администрацию. Но мое решение зависело бы от президента и от того, какую политику он хотел бы проводить. Мне пришлось бы быть откровенным с ним в отношении того, что я считаю важным в политике США. И если бы президент США был согласен со мной и разделял мои взгляды, я был бы счастлив. В противном случае я занялся бы другой работой. Я был независим очень долгое время, и для меня важно, чтобы взгляды людей, с которыми мне придется работать в команде, соответствовали моим взглядам. 🇺🇸

Примечания

¹ В основу интервью положено выступление и ответы на вопросы Сэма Нанна в рамках семинара «Национальные, технические и организационные перспективы режима нераспространения», 12 марта 2007 г., Атланта, США. Перевод – О.В. Богатов, А.В. Хлопков © ПИР-Центр.

² Авторы Программы надеются, что она предложит пути решения двух ключевых задач: замена большого арсенала на меньшее количество более надежных боезарядов и реструктуризация ядерного оружейного комплекса в более компактный, безопасный и менее дорогостоящий. Планируется, что повышение безопасности и надежности новых боезарядов будет достигаться за счет уменьшения показателя: отношение мощности к массе.

³ Элен Таушер – конгрессмен-демократ от штата Калифорния, председатель подкомитета по стратегическим силам.

⁴ Генри Киссинджер – государственный секретарь США в 1973–1977 гг., Джордж Шульц – государственный секретарь США в 1982–1989 гг., Уильям Перри – министр обороны США в 1994–1997 гг.

⁵ George Shultz, William Perry, Henry Kissinger, and Sam Nunn. A World Free of Nuclear Weapons. *Wall Street Journal*. 2007, January 4. P. A15.

⁶ Имеется в виду историческая встреча президента США Рональда Рейгана и генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в 11–12 октября 1986 г. в столице Исландии, которая стала важной вехой в последующем достижении договоренностей о ядерном разоружении.

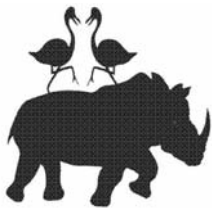
⁷ В 1957 г. в возрасте 34 лет Генри Киссинджер опубликовал свою первую книгу – “Nuclear Weapons and Foreign Policy” (Harper & Brothers, 1957), в которой обозначил необходимость иметь гибкость в военной политике, в частности необходимость иметь опцию, отличную от «гарантированного взаимного уничтожения». В качестве одного из аргументов избежать всеобщей ядерной катастрофы Киссинджер приводил возможность ограниченной ядерной войны.

⁸ Имеется в виду статья “Bombs Away”, опубликованная Максом Капельманом в газете *New York Times* 24 апреля 2006 г. Макс Капельман – юрист, дипломат, преподаватель; в 1980–1983 гг. – посол при Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе; в 1985–1989 гг. – посол и глава делегации США на переговорах с СССР по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) в Женеве; в 1987–1989 гг. – советник Государственного Департамента США.

⁹ Подробнее об инициативе по созданию банка топлива см. Лора Холгейт. Резерв ядерных материалов: контуры идеи. Статья опубликована в данном номере журнала на с. 157–160.

¹⁰ Авторы инициативы до настоящего времени используют понятия «банк ядерного топлива» и «резерв ядерных материалов» как синонимичные.

¹¹ Имеется в виду Мюнхенская конференции по вопросам политики безопасности, которая состоялась 10–11 февраля 2007 г.

Алексей Краснов

«СФЕРА ПИЛОТИРУЕМЫХ ПОЛЕТОВ ВСЕГДА БЫЛА
АРЕНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с начальником Управления пилотируемых программ Федерального космического агентства России Алексеем Красновым¹

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Алексей Борисович, каковы в данный момент основные задачи, стоящие перед государствами в области исследования космоса и, в частности, в сфере компетенции Вашего управления – пилотируемых полетов? Легко ли протекает международное сотрудничество в этой чувствительной сфере?

КРАСНОВ: Сфера пилотируемых полетов всегда была ареной политического соперничества, соперничества амбиций, соперничества в сфере науки и технологий. Неудивительно, что на ранних этапах освоения человеком космоса СССР и США увлекались *соревнованием* по освоению человеком околоземного пространства.

В краткосрочной перспективе (до 2015 г.) важнейшей задачей освоения космоса будет оставаться выполнение программы создания, эксплуатации и целевого использования Международной космической станции (МКС). Международными партнерами в этой программе, как известно, являются США, Россия, страны-члены Европейского космического агентства, Япония и Канада. Решение поставленной задачи потребует от всех партнеров неукоснительного выполнения международных обязательств.

В начале процесса создания и строительства МКС мы, россияне, были большими оптимистами, считая, что за пять лет сможем построить станцию. Но вмешались объективные факторы: с нашей стороны это была задержка с созданием первых элементов станции, а затем из-за катастрофы *шаттла* «Колумбия» на три года остановилась космическая программа американских коллег.

Сейчас мы перешли к очередной, уже более чем двенадцатой модификации станции, которая предусматривает окончание ее сборки в 2010 г. В течение этого периода наше представление о том, как эта станция должна выглядеть, претерпело изменения. Пришло понимание, что состав российского сегмента должен быть иным. Мы уменьшили наши аппетиты с точки зрения размеров сегмента, разработали программу модернизации модулей, чтобы получить максимальное количество полезного объема для реализации научной программы.

На сегодняшний день в планах партнеров по МКС предусмотрена эксплуатация станции до 2016 г. Изначально предполагалось, что станция будет работать 15 лет, и, по сути, 2016 г. – это *маркер* пятнадцатилетия существования на орбите служебного модуля, который является базовым блоком этой орбитальной структуры. Во многом данный этап сборки зависит от наших коллег – от программы полетов *шаттлов*. Мы, вполне возможно, скоро подойдем к решению вопроса о продлении ресурса станции по крайней мере до 2020 г.

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

Что касается технологического обмена, я хочу отметить, что на сегодняшний день картина взаимодействия по МКС не столь безоблачна. Ухудшение международной обстановки последних лет и угроза терактов спровоцировали ужесточение законодательства в США, и многие вопросы, которые лежат в сфере пилотируемой космонавтики, теперь отнесены к вопросам военным. Это коснулось системы *space shuttle* (космических челноков) – транспортной системы доставки человека на орбиту.

Хочу подчеркнуть, что любое серьезное сотрудничество в космосе неизбежно связано с вопросом соблюдения режима передачи, распространения и использования технологий, которые могут быть использованы для производства средств доставки оружия массового уничтожения (ОМУ). Природа исследования космоса дуалистична, поскольку результаты исследований применимы как в военной, так и в гражданской сферах.

Международное сотрудничество в космосе, безусловно, будет развиваться, но только при том понимании, что средства доставки экипажей на орбиту – это и возможное средство доставки вооружений в космос. Спутники связи – это безусловная и ключевая компонента системы *C3 (Command, Control, Communication)*, без которого современный театр боевых действий просто нельзя представить. Система GPS, российская национальная система ГЛОНАСС – это, прежде всего, элементы оборонных систем государств. То же можно сказать и про метеорологическую съемку земной поверхности с соответствующими параметрами разрешения. Поэтому международное сотрудничество будет развиваться, но вопросы защиты чувствительной информации, имеющей отношение к средствам доставки ОМУ, всегда будут стоять в повестке дня.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какая роль на данном этапе строительства МКС отводится России?

КРАСНОВ: Роль России в реализации программы неуклонно возрастает. Российские корабли *Союз* могут остаться единственным средством доставки и возвращения экипажей МКС. Связано это с тем, что США в лице Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (*NASA*) должны до 2010 г. обеспечить включение в состав МКС европейского и японского исследовательских модулей, а также увеличение численности постоянного экипажа МКС с трех до шести человек. После этого *NASA* планирует прекратить эксплуатацию кораблей *шаттл*. А новый американский пилотируемый корабль может быть создан не ранее 2013–2014 гг.

При таком подходе повышенная нагрузка ляжет и на грузовые корабли *Прогресс*, обеспечивающие доставку грузов на станцию. В настоящее время ведутся переговоры между Роскосмосом и *NASA* относительно возможности приобретения американской стороной российских услуг по доставке экипажей и грузов в рамках программы МКС.

Возрастет нагрузка на российскую сторону и в связи с инициативой американского президента Джорджа Буша², которая повлияет на выполнение существующих договоренностей. В первую очередь, чисто материально, поскольку эта инициатива требует значительных затрат. Ресурсы были изысканы частично за счет сокращения ведущихся программ. Естественно, пострадала и программа МКС, но самое большое влияние на выполнение программы, еще раз подчеркну, оказало решение о прекращении полетов *шаттлов* в 2010 году.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как партнеры США по проекту реагируют на складывающуюся ситуацию? И каким образом российская сторона сотрудничает с другими партнерами по проекту, кроме США?

КРАСНОВ: Европейское космическое агентство (ЕКА) озабочено складывающейся ситуацией и высказывает серьезную заинтересованность в сотрудничестве с Россией в части эксплуатации и целевого использования МКС. В частности, в программе МКС результаты совместных российско-европейских проектно-конструкторских разработок уже использованы при оснащении российского служебного модуля *Звезда* европейской системой обработки данных (*DMS-R*), интеграции с российским сегментом МКС европейского транспортного корабля *ATV* и европейского робота-манипулятора *ERA*.

Кроме этого, в настоящее время проводятся интенсивные российско-европейские консультации по возможности совместного создания транспортной системы нового поколения для обеспечения доставки экипажей и грузов на МКС. Как предполагается, в перспективе эта система должна также обеспечивать реализацию программ исследования и освоения Луны, а затем, возможно, и Марса. Первым этапом создания такой системы может стать всесторонняя модернизация кораблей *Союз* и *Прогресс* с целью выполнения поставленных задач. Европейская сторона также заинтересована в возможностях эксплуатации новой системы с использованием европейского космодрома Куру во Французской Гвиане (Южная Америка).

Помимо взаимодействия с ЕКА, Роскосмос и ряд российских предприятий напрямую сотрудничают с национальными космическими агентствами и крупными частными корпорациями европейских государств. В качестве примера можно привести проект российско-французской программы исследований в рамках программы МКС и перспективных программ освоения космоса, разработанный Роскосмосом и Национальным Центром космических исследований Франции (CNES).

В рамках программы МКС на российском сегменте проведен ряд экспериментов в интересах Японского агентства по аэрокосмическим исследованиям, а также для ряда частных японских компаний. Это, в первую очередь, исследования, связанные с выращиванием протеиновых кристаллов, и видеосъемки с помощью телевизионной камеры высокой четкости.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Мы говорим в основном о полетах в околоземном космическом пространстве. А как обстоят дела с полетами на другие планеты или, как минимум, к нашему ближайшему соседу – Луне?

КРАСНОВ: Интерес к исследованию Солнечной системы и пространства за ее пределами, в частности, к перспективе пилотируемых полетов на Луну и к Марсу был в значительной степени подогрев выступлением президента США Джорджа Буша в Штаб-квартире NASA 14 января 2004 г., когда он объявил о новой американской концепции освоения космического пространства. В этой концепции, в частности, предусматривается, что к 2020 г. должен состояться пилотируемый полет на Луну. Луна будет использоваться в качестве форпоста для полета человека к Марсу, который планируется осуществить где-то после 2030 г. За прошедшие три года NASA в целом определило архитектуру космической инфраструктуры для полета на Луну, проектный облик пилотируемого корабля (CEV) и приступило к его разработке.

Мировое сообщество исследователей космоса с интересом относится к этим новым планам. NASA предложило всем заинтересованным сторонам определиться с возможностью своего участия в реализации этой программы. При этом речь идет исключительно о партнерстве, а не о выполнении контрактных работ по заказу американской стороны. Следует принимать во внимание, что бюджет NASA на порядок превосходит совокупный бюджет других участников космической деятельности, поэтому международные партнеры справедливо выражают опасения, что их потенциальное партнерство с NASA не может быть равноправным. Фактически США это подтвердили, предав в 2006 г. гласности новую доктрину космической политики, о которой мы уже упоминали, где недвусмысленно заявлено о приоритетах американских национальных интересов в любых космических проектах, а также о намерении США ограничивать доступ к космическим программам *нежелательных участников*. По этим причинам международные партнеры пока не спешат присоединяться к американским инициативам.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что же, Россия и другие страны в этом направлении остаются пока в стороне?

КРАСНОВ: В России работы по изучению планет (в первую очередь Луны, Марса, Венеры) и малых тел Солнечной системы с помощью автоматических космических аппаратов проводятся с 1960-х гг. Получены важные результаты, накоплен уникальный опыт и научно-технический задел по созданию ключевых элементов, систем и комплексов средств для исследований и освоения планет Солнечной системы. В сфере пилотируе-

мых космических исследований России принадлежит приоритет в сооружении долговременных орбитальных пилотируемых комплексов и обеспечении длительной (до полугода лет) жизнедеятельности и работы человека в условиях космического полета. Накопленный потенциал представляет интерес и для международных партнеров.

Так, европейская сторона высказала заинтересованность в сотрудничестве с Россией в рамках европейской программы *Аврора*, нацеленной на освоение Солнечной системы. Россия и Европа согласны в том, что, прежде всего, необходимо завершить строительство МКС в согласованной конфигурации для обеспечения выполнения в полном объеме запланированной программы исследований и экспериментов, чтобы получить ответ на многие вопросы дальнейшего развития пилотируемой космонавтики, отработать отдельные технические решения, подтвердить и продемонстрировать их работоспособность.

Значительный интерес к взаимодействию с Россией в области исследования Луны проявляет Китай. В настоящее время российские и китайские специалисты проводят анализ возможностей совместного пилотируемого полета на Луну.

Что касается марсианской программы, то ее реализация требует привлечения столь огромных технологических, экономических и интеллектуальных ресурсов, что ни одна страна не сможет осуществить это в одиночку. В целом, совокупный потенциал США, России, Европы, Японии, Китая позволяет говорить о реальности пилотируемой экспедиции к Марсу в первой половине XXI века при условии объединения усилий различных государств и выполнения принимаемых ими на себя обязательств.

По оценкам российских специалистов, масштабное изучение и освоение Луны может начаться не ранее 2020–2025 гг. Кроме того, остаются открытыми многие вопросы, связанные с обоснованием целесообразности, целей и задач присутствия человека на Луне и других космических объектах. Мы готовы к самому тесному сотрудничеству с международными партнерами для решения этих и других задач на взаимовыгодной основе.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы уже сказали, исследования в космосе – это арена противостояния государств. Тем не менее, недавно некоторые частные компании предприняли попытки собственных запусков. Как Вы реагируете на такое развитие событий?

КРАСНОВ: Я думаю, что перспектива космических исследований у частного бизнеса, безусловно, есть. Космос и космические технологии – это, прежде всего, сложная техника, и многое, как правило, начинается с неудач, но это не должно обескураживать. Перспектива в первую очередь есть у тех компаний, которые занимаются этим уже несколько лет. *Суборбиталка* – сектор околокосмических полетов – представляет существенный бизнес-интерес. Кстати, об этом мало кто знает, но занимаются этим и в России, только, к сожалению, с участием не российского, а иностранного частного капитала. Однако мы должны всегда иметь в виду, что эта сфера обречена на очень пристальное внимание со стороны соответствующих государственных ведомств, которые призваны осуществлять контроль над такими чувствительными вещами.

Примечания

¹ В основу интервью положено выступление начальника Управления пилотируемых программ Федерального космического агентства А.Б. Краснова на заседании клуба *Триалог*, проведенном ПИР-Центром 10 апреля 2007 г.

² Имеется в виду «Национальная космическая политика» (*National Space Policy*), концептуальный документ по проведению американской политики в космосе, подписанный Джорджем Бушем в 2006 г. Документ, в частности, предусматривает, что в будущем Вашингтон не будет подписывать соглашения, которые способны ограничить его космические планы, а также будет стремиться ограничить доступ в космос *враждебным* силам.

Геннадий Евстафьев

РАЗОРУЖЕНИЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

В последнее десятилетие мы являемся – кто свидетелем, а кто и прямым участником *совершенствования* и *наращивания* вооружений во всем мире. Достаточно сказать, что военные расходы всех стран мира к 2006 г. достигли не укладывающейся в голову цифры – 1,1 трлн долл¹.

Половина этой суммы падает на военный бюджет США – по-видимому, отсюда и проистекает наступательный характер концептуальных воззрений американских военно-политических стратегов и энергичное претворение этих воззрений в жизнь. Задавая тон, Соединенные Штаты вынуждают остальных – как своих союзников и партнеров, так и противников, в меру имеющихся финансовых и научно-технических возможностей тянуться за ними с тем, чтобы не дать окончательно нарушить и без того хрупкий, изрядно расшатанный (а, может быть, уже и иллюзорный) баланс сил. Это большая *медвежья услуга*, которую делают наши американские партнеры всему остальному человечеству.

При этом говорить и обсуждать проблему сдерживания роста военных бюджетов стало не модно. Отсюда следует, что в обозримом будущем тенденции их непрерывного роста будут сохраняться.

КРИЗИС ПОЛИТИКИ РАЗОРУЖЕНИЯ

Стремительные темпы прогресса в военно-технических технологиях, их быстрое внедрение в вооруженные силы многих государств и, как следствие, пересмотр военно-доктринальных подходов к использованию вооруженных сил для борьбы с новыми угрозами и геополитическими вызовами – все это застало мировое сообщество врасплох.

Как результат этой уже изрядно затянувшейся растерянности международно-правовая база контроля над вооружениями – а формировалась она десятилетиями – стала устаревать. По многим параметрам **она больше не соответствует требованиям современных условий**.

В последние годы нарушился и некий негласный баланс, существовавший долгое время между усилиями в сфере чистого классического разоружения, с одной стороны, и областью борьбы с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), – с другой. При этом я далек от мысли противопоставить их друг другу. Вместе взятые, оба направления составляют суть и содержание мирового разоруженческого процесса. Это хорошо видно из перечисления известных 13 практических шагов по обеспечению систематических и последовательных усилий по осуществлению ст. VI Договора о нерас-

пространении ядерного оружия (ДНЯО), принятых участниками Конференции в Нью-Йорке в 2000 г.².

Как известно, в принятом документе содержатся и скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), и разработка Договора о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия или других взрывных устройств (ЗПРМ), и скорейшее вступление в силу и полное осуществление Договора СНВ-2, и заключение как можно скорее Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) как краеугольного камня стратегической стабильности и как основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений, а также применение принципа необратимости к мерам по ядерному разоружению и много чего еще.

С удовлетворением можно отметить, что 25 декабря 2006 г. президент России подписал Федеральный закон «О ратификации соглашения между правительством Российской Федерации и ПК ОДВЗЯИ о проведении мероприятий в отношении объектов Международной системы мониторинга, предусмотренной Договором о Всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний»³. Мир давно ждет американских шагов по ратификации самого ДВЗЯИ, что помогло бы снять серьезные сомнения относительно конечных замыслов США.

Однако в целом, как показали последовавшие после документа 2000 г. события, **надежды на серьезный прогресс в области ядерного разоружения не оправдываются.**

Ядерное оружие, как минимум, до середины XXI века уверенно будет занимать свое *исключительное* место в арсеналах официальных ядерных держав и усиливать свои позиции в вооруженных силах неофициальных ядерных держав (Индии, Пакистана и Израиля). Потенциал последних, не будучи ограничиваемым никакими соглашениями, скоро может стать сопоставимым с ядерными арсеналами таких держав, как Франция, Великобритания и Китай, ядерные возможности которого теперь оценивают примерно в 200 единиц (в 2004 г. – 402 единицы)⁴.

Конечно, не все выглядит совсем мрачно. За последние 10–12 лет количество ядерных боеголовок, находящихся на вооружении США и России, в результате достигнутых соглашений сократилось более чем в два раза. Но остальной мир *справедливо* считает, что этого мало. 30 сентября 2005 г. США и Россия объявили о том, что по соглашению ВОУ-НОУ от 1993 г. завершена конверсия 250 т ВОУ, что приблизительно дает 10 тыс. ядерных боеголовок⁵. На рубеже XXI века возникли иллюзии насчет того, что мы находимся накануне прорыва. 13 ноября 2000 г. недавно избранный президент России В.В. Путин заявил: «Мы не видим оснований, которые препятствовали бы дальнейшим глубоким сокращениям стратегических наступательных вооружений. Как известно, мы предложили США, в том числе и на самом высоком уровне, поставить в качестве цели достижение (что вполне реально сделать к 2008 году) радикально пониженных уровней ядерных боезапасов наших стран до 1500 единиц. Но и это не предел – мы готовы рассмотреть в последующем и более низкие уровни»⁶. Даже известный в свое время *ястреб* генерал Эндрю Гудпейстер, бывший в конце 1990-х гг. президентом влиятельного в США Атлантического Совета, выдвигал идеи СНВ-3, СНВ-4, СНВ-5 с выходом в конечном итоге на совокупный уровень 1 000 ядерных боеголовок для всех пяти официальных ядерных держав⁷.

Но этого не произошло. В США к власти пришли радикально настроенные республиканские консерваторы, которые были убеждены, что вот-вот наступит *американский век*, то есть век длительного безраздельного военно-политического господства США. Известные сторонники *разрядки*, например Генри Киссинджер, рассматривались ими как *пораженцы*. Более того, по словам известного американского политолога Роуз Геттемюллер, президент Джордж Буш-младший «радикально изменил проведение американской политики в области разоружения, применив два принципа: сделал ставку на односторонние действия [...] и отбросил те переговорные механизмы, которые могли бы рассматриваться как устаревшие или вредные для интересов США»⁸.

Последствия этого выбора Вашингтона продолжают ощущаться до сих пор. Очень быстро был утрачен Договор по ПРО, ушел в небытие и из политического употребления СНВ-2. СНВ-3 был заменен Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалах (СНП), который имеет свою специфику по сравнению с предыдущими соглашениями между двумя странами. Настали времена, окрашенные болезненной реакцией США на драматические и неожиданные события 11 сентября 2001 г. и стремлением силой, даже в одиночку, разгромить террористов по всему миру. Одной из главных задач стало лишение террористов доступа к ОМУ. В 2003 г. началась иракская операция, обернувшаяся предсказуемо катастрофическими последствиями для Ирака и для всего региона; она длится до сих пор. *Глобальная война* против терроризма стала главным политическим козырем республиканской администрации. В результате был пересмотрен концептуальный подход к строительству ядерных сил и их возможному использованию. Мир явился свидетелем появления американской концепции *новой триады*. Классическое разоружение прочно ушло в тень.

Несбалансированное увлечение тематикой нераспространения ОМУ проявилось не только в переносе центра тяжести дипломатической и переговорной работы с *разоружения на нераспространение*, но и в перетоке кадров переговорщиков и экспертов в таких ключевых участниках переговорного процесса, как США и Россия, из достаточно быстро зачихших механизмов переговоров по стратегическим и обычным вооружениям в весьма аморфные и сильно политизированные структуры, связанные с комплексом нераспространенческих проблем. А некоторые политологи привнесли в анализ многосторонних проблем нераспространения традиционную неспешную методику *двухсторонки*. Таким образом, ряды тех, кто досконально знает разоруженческое дело и умеет грамотно вести переговоры, сильно ослаблены по обе стороны океана. Несмотря на видимую концентрацию экспертных ресурсов на нераспространенческом направлении, в 2005 г. произошел феноменальный провал Седьмой обзорной Конференции ДНЯО в Нью-Йорке, когда не удалось согласовать даже *куцый* заключительный документ. Виной тому, в том числе, и застой в процессе классического ядерного разоружения.

Совершенно очевидно, что ни одна из этих двух областей контроля над вооружениями не должна становиться заложницей другой. В обеих областях в равной степени накопились крупнейшие проблемы, угрожающие безопасности и стабильности и могущие породить региональные и даже глобальные кризисы, как правило, затрагивающие непосредственные интересы России. Между этими двумя направлениями существует неразрывная связь. Например, известный специалист Н.Н. Соков считает, что неэффективность существующих нераспространенческих режимов и, как теперь стало модно утверждать, неспособность международных организаций остановить распространение незаконных программ ОМУ могут придать ядерному оружию новую роль как важному компоненту средств так называемого контрраспространения⁹. Ядерные испытания, проведенные Северной Кореей в октябре 2006 г., безусловно, будут обыгрываться в интересах такого подхода.

Россия является преемницей сложившихся традиций в области борьбы за разоружение. Спад в ее активности на этом направлении закончился. Есть все основания ожидать, что Россия выступит с предложениями, нацеленными на то, чтобы если не остановить, то хотя бы замедлить наиболее опасные устремления тех, кто считает, что для них не существует ни пределов здравого смысла, ни ограничений их амбиций.

В Военной доктрине Российской Федерации одним из основополагающих положений является требование о том, что Россия должна обладать таким ядерным потенциалом, который был бы достаточен для того, чтобы нанести «заданный ущерб» любому агрессору «в любых условиях»¹⁰. Иными словами, российские ядерные силы должны быть способны пережить массированный неожиданный удар и в ответных действиях нанести агрессору вышеупомянутый «заданный ущерб». На этом подходе, по существу, и построена оправдавшая себя за долгие годы концепция ядерного сдерживания.

Сегодня довольно часто (правда, неофициально) слышатся голоса из наиболее воинственных кругов республиканцев в Вашингтоне, вещающие, что при нынешнем военном превосходстве, в том числе и в сфере ядерных вооружений, США могли бы одержать победу над любым противником в ядерном конфликте. Эти настроения нашли свое выражение и в на шумевшей статье в журнале *Foreign Affairs*¹¹, написанной двумя малоизвестными специалистами. По сути, эту статью можно оценить как провокационное прощупывание мировой реакции на некоторые идеи, прорабатывающиеся в Пентагоне. Дональд Рамсфельд ушел, так и не добившись окончательной победы в Ираке. И сразу же появился доклад Совета по науке Пентагона (*Defence Science Board*), который немедленно утек в прессу. В упомянутом докладе ставится вопрос об отказе от дальнейших переговоров по сокращению стратегических ядерных сил (СЯС) и необходимости сохранения и укрепления американского потенциала сдерживания «до прояснения будущего России»¹². Если такой подход станет реальной линией администрации, то он еще больше осложнит ситуацию вокруг дальнейших шагов по ядерному разоружению. Во всяком случае, нечеткая, мягко говоря, позиция Вашингтона по продолжению переговоров относительно замены СНВ-1 новой договоренностью не случайна. По-видимому, статья в *Foreign Affairs* происходит из тех же кругов, а целью своей она имела также и намерение подбодрить Пентагон в его нынешних иракских и афганских страданиях.

ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

Появление концепции *новой триады* США не ускользнуло от внимания руководства России. В своем докладе 2 октября 2003 г. на совещании руководящего состава Вооруженных сил РФ занимавший тогда пост министра обороны С.Б. Иванов обратил внимание на возможность возвращения американскому ядерному оружию свойств реального военного инструмента за счет применения отдельных технологических достижений. Речь идет о превращении ядерного оружия из средства сдерживания в оружие поля боя. На практике это означает снижение порога применения ядерного оружия, что фактически и следует из новоявленной концепции *новой триады*. А это, естественно, в генеральных штабах различных стран потребует перестройки системы управления войсками и принципов их боевого применения¹³.

Со своей стороны, российское руководство теперь допускает применение «принципа превентивности» в отношении международных террористов, что расширяет гибкость действий и возможность своевременного противодействия опасным тенденциям. Речь, однако, не идет о применении ядерного оружия¹⁴.

Конечно, в обозримом будущем, при отсутствии прямой военной угрозы, Россия не должна обременять себя катастрофическими идеями поддержания ядерного паритета не только с основными ядерными державами в совокупности, но и с США в отдельности. Мы не имеем права *наступать на те же грабли*, что и Советский Союз: это слишком дорого нам обошлось! Но поддержание убедительного ядерного сдерживания как ключевого элемента концепции стратегической стабильности является мерой ответственности руководства страны перед своим народом, что было четко выражено в «Основных положениях военной доктрины» 2000 г., где сказано: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»¹⁵. Таким образом, оставлено за собой право применить ядерное оружие первыми при определенных обстоятельствах. Это требует не только переосмысления подходов к ядерному строительству, но и выделения в полной мере необходимых финансовых и материальных ресурсов, чтобы поддерживать живучесть и управляемость нашего сокращающегося ядерного потенциала на самом высоком и надежном уровне с учетом непрерывно совершенствующихся ядерных и неядерных средств нападения в современной войне.

Пока наши СЯС еще не достигли необходимых кондиций. Если такая работа будет последовательно осуществляться, то и провокационных мыслей о возможности победить нас в ядерном конфликте возникать не будет. Однако эта работа ни в коем случае не должна принять характер втягивания России в очередную гонку ядерных вооружений.

Для политического сигнала о серьезности наших намерений по защите нашей собственной национальной безопасности и территориальной целостности российское руководство, на мой взгляд, нуждается в обнародованной системе *предъядерного сдерживания*. Такая система предполагает параллельно опору на высокоточное оружие (ВТО) большой дальности для уничтожения на территории потенциального агрессора *объектов высокой ценности* с целью продемонстрировать в случае необходимости готовность ответить на угрозы повышением уровня эскалации. Это позволит иметь значительную гибкость и некий план первоначальных действий. В подавляющем большинстве ситуаций сам факт наличия системы *предъядерного сдерживания* станет важнейшим фактором сдерживания. В этом смысле я разделяю многие из взглядов известного российского специалиста по стратегическим вооружениям А.Г. Савельева¹⁶. Для достижения такого потенциала нет необходимости строить новые силы.

АМЕРИКАНСКАЯ ДОКТРИНА НОВОЙ ТРИАДЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПРОЦЕССА РАЗОРУЖЕНИЯ

Озвученный в 2002 г. в США «Обзор состояния ядерных сил США» (*Nuclear Posture Review*) наметил важнейшие тенденции в развитии строительства американских ядерных сил в предстоящие пять–десять лет. Их реализация вызвана, в том числе, и новыми отношениями между США и Россией в стратегической сфере – обе стороны достигли понимания, что они не рассматривают друг друга в качестве противников и готовы совместно работать по проблемам новых вызовов и рисков, особенно в сфере борьбы с международным терроризмом. Сама ключевая идея, облеченная в термин *новая триада*, несколько дезориентирует, если не абстрагироваться от известного старого определения стратегической триады. Согласно этому документу, *новая триада* состоит из:

- наступательных ударных систем (как ядерных, так и неядерных);
- оборонительных систем (как активных, так и пассивных);
- обновленной оборонной инфраструктуры, которая обеспечивает своевременное реагирование на возникающие угрозы.

Эта *новая триада* связана в единый узел усиленной системой командования и контроля С2 и соответствующими разведывательными возможностями¹⁷.

Идея еще не приобрела окончательного облика, и попытки администрации *продать* ее Конгрессу США идут с переменным успехом в связи с предполагаемыми большими расходами на ее реализацию и очевидными политическими издержками. Но следует иметь в виду, что, хотя стратегические ядерные элементы старой триады становятся лишь частью *новой триады*, стратегические МБР, БРПЛ и бомбардировщики с ядерным оружием, тем не менее, продолжают составлять решающий компонент ядерной политики. В документе прямо говорится, что предметом озабоченности остается ядерный потенциал России. В случае, если отношения США и России серьезно ухудшатся в будущем, «США может потребоваться пересмотреть уровни ядерных сил и их планирование»¹⁸. Таким образом, не исключается пересмотр и договорных уровней. Но структура старой СЯС полностью сохраняется, и, более того, Вашингтон не намерен спускаться ниже уровня 2 200 ядерных боезарядов (плюс примерно 1 500 резервных)¹⁹. Уже идет работа по разработке новой МБР, которая с 2018 г. должна заменять *Минитмен 111*²⁰. Наличие таких планов не может быть объяснено никакими иными стратегическими задачами, кроме намерения сохранить мощный кулак ядерного сдерживания России. Спад в отно-

шениях США с Россией, имеющий место в последнее время, явно укрепляет такие задумки, и даже возможный приход к власти президента-демократа, по всей вероятности, не изменит эту постоянную составляющую американской политики.

В стадии обсуждения находятся проекты таких ядерных систем оружия, как высокоточные ядерные боеголовки мощностью около 10 т (так называемые *микро-ньюки*) для поражения высокопрочных объектов глубокого заложения; ядерные боеголовки мощностью около 1 000 т для использования на поле боя; ядерные боеголовки для противоракет системы ПРО мощностью примерно 100 т и некоторые другие новые типы ядерных вооружений²¹. Планируется все тот же *Минитмен-111* переоснастить боеголовками *W-87* и на БРПЛ *Трайдент-2* сохранить боеголовки *W-88*, которые предназначены исключительно для быстрого поражения высокозащищенных целей: шахтных пусковых установок МБР, районов размещения мобильных МБР и подземных пунктов управления войсками. Ни для кого не секрет, что перечисленные цели составляют основу ядерной инфраструктуры только в России. Известные противники этих планов сенаторы-демократы Эдвард Кеннеди и Дэйв Файнштейн высказались по этому поводу с предельной ясностью: «Новое направление администрации в области ядерного оружия угрожает подорвать всю архитектуру контроля над ядерными вооружениями, которая с таким трудом создавалась последние полстолетия. [...] Было бы неправильно добавлять еще одну опасность, относясь к ядерному оружию как просто к еще одному виду вооружений в арсенале»²². Остается надеяться, что уважаемые сенаторы сейчас, когда Конгресс США попал в руки Демократической партии США, останутся верны своей линии, что открыло бы возможность сотрудничества с ними или по крайней мере предоставило возможность отказа США от наиболее одиозных замыслов. У России есть хороший шанс предложить иное видение ядерного будущего.

На встрече с министром обороны РФ С.Б. Ивановым на Аляске в августе 2006 г. Дональд Рамсфельд заявил: «США рассматривают возможность снять с нескольких МБР ядерные боеголовки и заменить их на обычные, и будут рады, если Россия поддержит американскую инициативу»²³. В ВВС США считают возможным при сравнительно небольших затратах развернуть несколько десятков МБР с неядерными боеголовками в течение двух лет²⁴. Становится очевидным, что под предлогом крайней необходимости борьбы с международным терроризмом России предлагают пойти по пути введения в практику боевого планирования высокоэффективных неядерных ударных средств различного базирования, причем в ряде случаев в обход положений СНВ-1. Об этом свидетельствует программа переоборудования нескольких ПЛАРБ²⁵. В США уже существуют такие проекты, как «Минотавр-11» и «Минотавр-111», где увеличение поражающего неядерного оснащения МБР и БРПЛ намечено добиваться за счет применения более энергоемких взрывчатых веществ и некоторых других технологий. Похоже, что цель этого – наращивание контрсиловых возможностей.

Предложенное Дональдом Рамсфельдом переоснащение некоторой части МБР и БРПЛ неядерные, по-видимому, рассматривается в Вашингтоне как возможность вывести их за пределы существующих ныне соглашений. Понимая зыбкость своей аргументации и отсутствие необходимого уровня транспарентности, что не позволяет определить, с какой боеголовкой ракета запущена, обсуждается идея менее конфронтационной проблемы – «ложной идентификации неядерного удара». Американские специалисты рассуждают так, как если бы этот вопрос уже был предрешен, и даже предлагают раздельное размещение МБР с неядерным оснащением, в частности размещение на базах в Калифорнии и Флориде. Американцам по их стратегическим замыслам, судя по всему, выгодна такая амбивалентность, и им необходимо хотя бы молчаливое согласие России на такое развитие структуры СЯС. Проблема сама по себе от нас теперь куда не уйдет, и дело здесь не столько в аспекте «идентификации», сколько в обеспечении стратегической стабильности, что обе стороны традиционно торжественно декларируют. А реально это достижимо за счет повышения предсказуемости действий сторон и при постоянном устранении стимулов для нанесения первого удара. Как бы то ни было, проблема поставлена. Наверное, следует использовать ее для активизации переговоров с США относительно будущего стратегических вооружений, от которых наши партнеры упорно уходят.

ВЫСОКОТОЧНОЕ ОРУЖИЕ ВЫТЕСНЯЕТ ЯДЕРНОЕ?

Крупный российский ученый и конструктор, генеральный директор Государственного научного центра авиационных систем академик РАН Е.А.Федосов как-то писал: «...Основные вехи XXI века – глобализм экономики, постиндустриальная информационная цивилизация и возросший терроризм – совершенно не совместимы с ядерной парадигмой в системах вооружений. Глобальная экономика по своей логике не должна допускать применения ядерного оружия»²⁶. Военные столкновения, которые мы наблюдали в последние десять лет, свидетельствуют о **зарождении войн нового типа**.

Стерлось понятие *фронт*, который на Балканах, в Афганистане и Ираке фактически отсутствовал. Появилось понятие *бесконтактных боевых действий*. В качестве основного оружия использовалось ВТО (как правило, крылатые ракеты в широком операционном наборе), а также умные управляемые бомбы и такие новые средства разведки, целеуказания и доставки, как беспилотные летательные аппараты (БЛА). Сухопутные силы применялись только после полного разгрома противника для удержания и *зачистки* территории и ликвидации оставшихся отдельных очагов сопротивления. Все это не требует прибегать к ядерному оружию, хотя и ведутся разговоры о крайней необходимости мини-ядерных средств для уничтожения особо защищенных объектов или спрятанных в глубоких пещерах террористических структур.

По мнению Е.А. Федосова, страны с высокоразвитой экономикой, имеющие уязвимую инфраструктуру, находятся под возрастающим давлением общественных настроений в пользу запрета, наравне с химическим и бактериологическим, и абсолютного оружия – ядерного. 8 января 2007 г., явно откликаясь на эти настроения, такие видные в прошлом государственные деятели, как Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн, которые приложили ранее немало усилий для обоснования незаменимости ядерного оружия, выступили в газете *Wall Street Journal* с предложением о постепенном отказе от ядерного оружия в духе развенчания ореола могущественности, который ему сопутствует. Это, в принципе, не ново. В 1999 г. *ядерный ястреб* Пол Нитце также выступил с идеей отказа от ядерного оружия. Такое прозрение в политическом лексиконе США известно как *синдром отставных политиков и генералов*. Характерно, что многие действующие сотрудники госдепартамента, даже занимающиеся разоружением, о статье четырех отставников даже не слышали. В то же время мы видим и противоположную долгосрочную тенденцию: в США принята программа «Комплекс 2030», которая предусматривает глубокую модернизацию восьми ключевых объектов американского оружейного ядерного комплекса и по крайней мере семи ныне принятых на вооружение ядерных боеголовок.

В борьбе вышеперечисленных тенденций, по всей вероятности, и пройдет первая половина XXI века.

В случае технологического отставания России в разработке и строительстве ВТО (как оборонительных, так и наступательных), для нас могут возникнуть новые серьезные риски и угрозы. Для российских вооруженных сил приоритетной задачей в обозримом будущем должен стать переход на смешанную ядерную и неядерную парадигму развития вооружений (прежде всего, сокращение отставания от США и стран НАТО обеспечивается оснащением и концептуальной проработкой принципов использования ВТО сухопутными силами, ВВС и ВМФ в боевых действиях). Все это не исключает также и попыток в договорно-правовом поле *найти управу* на США и другие западные страны в плане пределов применения ВТО.

В современных условиях по-другому просматривается роль тактического ядерного оружия (ТЯО), которое в американских концепциях теряет свое значение²⁷. Выдвигаются некоторые идеи относительно того, что будто бы есть основания к выработке нового международного соглашения, которое охватывало бы все боеголовки и носители – как стратегического, так и тактического предназначения. Вряд ли в обозримом будущем переговоры о таком соглашении станут реальностью. А вот подключение к переговорам о сокращении ядерного оружия всех ядерных держав давно назрело.

В ПОВЕСТКЕ ДНЯ – КОСМОС

Все большую озабоченность вызывает ситуация, складывающаяся вокруг космического пространства. В 2007 г. отмечаются памятные даты: 150 лет со дня рождения К.Э. Циолковского; 100 лет со дня рождения С.П. Королева; 50 лет со дня запуска первого искусственного спутника Земли и сорокалетие со дня подписания Договора, регулирующего деятельность государств в открытом космосе (вступил в действие 10 октября 1967 г.). Как известно, данный Договор запрещает выводить в космос ядерное оружие и другие виды ОМУ, создание на космических сооружениях военных баз и объектов, проведение военных маневров в космическом пространстве. Однако в последнее время проблема вывода оружия в космос вновь выходит на передний план, поскольку имеющееся соглашение не полностью перекрывает путь для вывода в космос оружия на новых физических принципах. Военно-технические же достижения в области лазерной техники и электроники вплотную приближают некоторые страны к тому, чтобы получить военное превосходство над всеми в космосе, особенно в контексте противоракетной обороны.

Россия ранее заявляла о своей готовности официально объявить о том, что она не будет первой, кто выведет оружие в космос. Наши партнеры, прежде всего американские, не откликнулись. Более того, 18 октября 2006 г. Вашингтон обнародовал подписанный президентом США еще 31 августа 2006 г. документ о новой национальной политике в космосе. Этот документ заменяет президентскую директиву NSC-49/NSTC-8 от 14 сентября 1996 г. Анализируя этот документ, не могу не прийти к выводу о том, что США, действуя в одностороннем порядке, предпринимают попытку обеспечить себе абсолютную свободу действий в космосе в своих национальных интересах. Декларируется отказ от выработки новых правовых норм запретительного или ограничительного характера. Провозглашается намерение Вашингтона не допускать использования другими странами космических средств, *враждебных* для национальных интересов США. Право определения *враждебности*, естественно, полностью остается за США. Более того, Министерству обороны США ставится задача разработки механизмов по недопущению свободы действий в космосе возможных противников. В общем, новая космическая политика США открыто провозглашает долгосрочную доктрину завоевания господства в космосе. В этой новой доктрине прямо не говорится о возможности размещения оружия, в том числе ядерного, в космосе. Однако задача, поставленная перед Пентагоном, – использовать космический потенциал для обеспечения многоэшелонированной интегрированной системы ПРО, отлично вписывается в задачи *новой триады*, и одно это уже требует проведения дискуссии с США о правомерности такого подхода.

10 февраля 2007 г., выступая в Мюнхене на международной конференции по безопасности, президент России В.В. Путин высказал убеждение, что попытка милитаризации космоса может спровоцировать непредсказуемые для международного сообщества последствия – не меньшие, чем начало ядерной эры. Президент РФ сообщил, что Москва подготовила проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве и разошлет его всем партнерам в качестве официального предложения²⁸. Наступает так называемый *момент истины*. Начнется ли серьезная международная дискуссия?

Насколько в нынешних условиях реально начало такой дискуссии? В доктрине имеются положения, где говорится о приверженности США идее исследования и использования космоса всеми странами в мирных целях, о поддержке взаимовыгодного международного сотрудничества. Похоже, США не закрывают окончательно путь для обсуждения некоторых аспектов правового регулирования космической деятельности.

В то время как администрация США заявляет о своей оппозиции разработке новых правовых инструментов по предотвращению дальнейшей милитаризации космоса, для России целесообразно наращивать усилия по сохранению космоса свободным от новых видов оружия, по разработке мер, способствующих обеспечению предсказуемости стратегической ситуации в космосе. Союзников у нас здесь будет достаточно.

Следует иметь в виду, что в подходах США к проблемам космоса, как и на других направлениях разоруженческого процесса, просматривается уже знакомая линия. Во-первых, американцы, как правило, являются инициаторами открытия новых направлений гонки вооружений. Во-вторых, нескрываемой целью США является намерение добиться максимального военного превосходства и попытаться закрепить его на возможно долгий период. В-третьих, прослеживается постоянное уклонение если не от самого переговорного процесса, то от любых обязательств, которые могли бы связать им свободу рук и ограничить маневр. Наконец, в-четвертых, США стремятся вывести военно-технические достижения, а также свои арсеналы наиболее продвинутых средств разрушения из-под международного и двухстороннего контроля.

11 января 2007 г. КНР неожиданно для всех провела испытание противоспутникового оружия. На высоте более 800 км в космосе ракетой *Кайтуочже-2* был уничтожен спутник *Фен Юнь 1С*, который был запущен в 1999 г. При всей противоречивости в оценке технических и правовых аспектов произведенного китайцами испытания, совершенно очевидно одно – китайцы послали миру недвусмысленный сигнал, что они не намерены отдавать космос на откуп американцам и готовы бороться за его использование в интересах своей национальной безопасности. Для России в этой ситуации есть свой сигнал. Надо четко определяться и обеспечивать свои интересы, а параллельно формировать общественное мнение в пользу идеи мирного использования космоса.

БЕЗ ДОВЕРИЯ, БЕЗ НЕОБРАТИМОСТИ

Нынешняя администрация в Вашингтоне пришла в разоружение с лозунгом о том, что время юридически обязывающих договоров прошло, надо больше *налегать* на меры доверия и т.п. Времена президента Рональда Рейгана запомнились его знаменитым выражением «доверяй, но проверяй», теперь же эта присказка трансформировалась в формулу «мы настаиваем на том, чтобы по полной проверять вас, но вам следует отказаться от претензий на такие проверки в отношении нас».

Проблема заключается в том, что Россия и другие страны все меньше доверяют США. А ситуация между тем приближается к критической фазе. Учитывая, что в 2009 г. истечет срок действия СНВ-1 с его тщательно разработанной системой взаимного обмена информацией и контроля над выполнением, президент России В.В.Путин еще перед саммитом «Большой восьмерки» в Стрельне в 2006 г. призвал американских партнеров начать диалог о замене этого ключевого Договора соответствующими договоренностями. Настал 2007 г., а дело почти не стронулось с места. Возникают сомнения: а способна ли администрация Буша, окончательно ставшая *хромой уткой* после ноябрьских выборов 2006 г., на конструктивные достижения в области разоружения?

С администрацией Джорджа Буша-мл. Россия имеет пока только одно крупное достижение в сфере контроля над стратегическими вооружениями: Договор СНП 2002 г., выполнение которого приведет к демонтажу дополнительно тысяч ядерных боеголовок. Но и этот Договор завершится достаточно скоро – в 2012 г. Высокую оценку этому соглашению от имени мирового сообщества дал генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который, однако, не преминул напомнить о том, что «США и Россия должны сделать еще больше и заключить соглашения о контроле над вооружениями, которые влекут за собой не только демонтаж, но и **необратимость** [выделено мной – Авт.]»²⁹

Последнее имеет принципиальное значение. В Договоре о СНП по причине неуступчивости США нерешенной осталась проблема «возвратного потенциала», то есть, проще говоря, большое количество боеголовок снимается, но не уничтожается, а просто складировается. В случае необходимости они могут быть возвращены в строй. В середине 1990-х гг. заместитель генерального секретаря ООН Джаянта Данапала продвигал концепцию *decoupling* — то есть отстыковку боеголовок от боевых носителей и хранение их отдельно – очень похожую на концепцию СНП. Однако уже тогда многие специалисты выражали сомнение в том, что реализация этой идеи явится эффективной разоруженческой мерой.

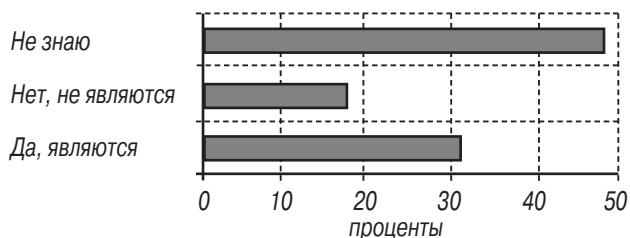

Говорилось, что это, скорее, мера доверия. Экспертам было ясно, что сама конструкция соглашения уязвима, открыта для злоупотреблений. В этих условиях призыв «проверяй!» крайне актуален в отношении действий именно США, которые рассчитывают иметь до 1 500 ядерных боеголовок в так называемом резерве³⁰. В подходах США и России возникает определенная асимметрия.

На эту мысль наталкивают и выявившиеся теперь достаточно отчетливо последствия разрушения Договора по ПРО администрацией Джорджа Буша-мл. Появление проектов создания в Европе, в непосредственной близости от территории России, так называемого «третьего позиционного района по развертыванию эшелонированной системы ПРО» – якобы против иранских ракет, явилось, на самом деле, шагом, давно продуманным. Дело тут не только и не столько в иранской угрозе, сколько в планах США запустить еще один рычаг давления не только на Россию, но и на своих европейских союзников.

Является ли размещение компонентов ПРО США в Польше и Чешской Республике угрозой для национальной безопасности России?

В опросе принимали участие посетители интернет-представительства ПИР-Центра. Опрос проводился в период с 15 апреля по 31 мая 2007 г.

ЯДЕРНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Россия вовлечена в стратегические отношения с США в разных форматах. Это огромные по своему объему отношения на двухсторонней основе и взаимодействие в рамках многосторонних переговоров. В этом контексте есть две особенно болевые точки: ратификация ДВЗЯИ и вопрос Протокола о контроле за выполнением Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (биологического) и токсинного оружия и его уничтожения (КБТО).

В случае с ДВЗЯИ, полагаясь на свое огромное финансовое и технологическое превосходство, США поначалу рассчитывали *задушить* своих партнеров по ядерному клубу – прежде всего Россию и Китай – посредством цепких объятий ДВЗЯИ. Республиканцы по наследству восприняли эту линию от демократов. Расчет строился и в определенной степени продолжает строиться сейчас на том, что в условиях действия моратория на проведение ядерных испытаний (с 1992 г. моратория по ДВЗЯИ и более длительного одностороннего моратория СССР) скорость деградации ядерно-оружейного комплекса РФ резко возрастет и за годы действия ДВЗЯИ окончательно закрепится большое ядерное преимущество США.

Да, у России по ряду показателей ядерные боезаряды уступают американским сверхсовершенным боеприпасам. Но именно в силу менее «напряженной конструкции» наши специалисты заложили более высокие запасы надежности в условиях неопределенности по параметрам старения. Это окупил себя много лет спустя, хотя этот вопрос должен постоянно находиться под самым бдительным наблюдением наших военных ядерщиков. А что же американцы? Несмотря на все ухищрения и *вылизанность* до предела, конструкции американского ядерного боезаряда оказались сверхкапризными и чрезвычайно чувствительными к эффекту старения. Как следует из анализа намерений американцев, выраженных в программе *RRW (Reliable Replacement Warhead)* – иными словами, программы надежной замены боеголовок – именно у них обострилась проблема гарантированной надежности боезарядов. В программе *RRW* заявляется, что цель будет

достигнута без ядерных испытаний. Удастся ли это сделать – большой вопрос. По крайней мере, неудачные пока попытки нынешней администрации добиться от Конгресса США сократить срок готовности Невадского ядерного полигона к испытаниям с 36 месяцев до 18 месяцев³¹ вызывают подозрения. США стали заложниками своей предыдущей политики и будут всячески искать варианты для возобновления проверки надежности ядерных вооружений при минимальных политических издержках для себя. И в этом смысле следует также ожидать усиления целенаправленных попыток вновь увести дело в сторону «гонки научно-технических возможностей». Уже тратятся огромные средства на компьютерное моделирование и оснащение полигонов для безвзрывных испытаний. Тем не менее, в этом вопросе нас могут подстергать большие неожиданности, исходящие от США.

В отличие от США, делающих ставку на превентивный разоружающий удар (*preemptive as well as preventive*), Россия планирует применять ядерное оружие только в ответ на агрессию, и нам нужны более мощные боеприпасы. Не имея избытка в носителях ядерного оружия, мы крайне нуждаемся в том, чтобы сохранить существующий арсенал в требуемых (это не означает несокращаемых) количественных параметрах. Это также залог нашего успешного ядерного сдерживания. Это, как писал великий Ломоносов в своем письме графу Шувалову 1 ноября 1761 года, «задача сохранения военного искусства во времена долговременного мира»³².

НОВЫЕ ТЕАТРЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Нынешняя правящая группа республиканской партии США активно проводит концепцию «революции в военном деле» (*Revolution in Military Affairs*), начатой еще при Билле Клинтоне. Суть ее в том, что вооруженные силы США через перевод военной машины на новые военные технологии должны быть оптимизированы таким образом, чтобы американское руководство могло проецировать американскую мощь глобально, в любую точку мира. Естественно, потребовалось политическое обрамление этих устремлений, выразившееся в появлении концепции «революции в стратегических подходах» (*Revolution in Strategic Affairs*). Но администрация Джорджа Буша-мл. значительно расширила содержание планов предшественника.

В контексте этой революции появились принципиально новые театры применения вооруженных сил США. Удивительно, но большая часть новых театров оказалась на территории стран СНГ – Кавказ, Центральная Азия и др. Развитие этих концепций на практике должно стать предметом пристального внимания российского руководства. К примеру, зачем нам нужно создание по американскому сценарию так называемой *Каспийской стражи* (*Caspian Guard*), естественно, при ключевом участии вооруженных сил Соединенных Штатов – страны ни географически, ни политически не принадлежащей региону. Ведь Россия уже сделала предложение о создании «Сил по поддержанию безопасности на Каспии» (*CASPFOR*). Зачем конкурировать?

НУЖЕН ЛИ ДОВСЕ?

В контексте многосторонней дипломатии и переговорного процесса крупным достижением стало заключение в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). При заключении ДОВСЕ высказывались надежды, что мы на пути к укреплению европейской безопасности и стабильности. Поначалу так и было. За 16 лет все страны-участницы Договора, прежде всего Россия, ликвидировали в общей сложности 63 500 единиц тяжелых вооружений, одновременно количество людей в военной форме уменьшилось более чем в два раза – до трех млн человек. ДОВСЕ все еще является ключевым элементом в системе отношений НАТО и России, но постепенно ощутимо теряет свою актуальность и логику.

Прежде всего, в силу кардинально изменившихся политических и военно-стратегических условий в Европе такое спорное положение, как фланговые ограничения в пределах национальной территории, которые сейчас действуют только в отношении России и частично в отношении Украины, по-моему, полностью потеряли смысл. В свое время они очень мешали России в проведении контртеррористических операций на Северном Кавказе. Мне, участнику разработки мандата по переговорам ДОВСЕ, хорошо известно, как Россия пошла навстречу Западу, прежде всего Турции, при определении прохождения границы так называемой *зоны исключения* на территории Турции в Малой Азии, где, по словам турецких военных, они проводили контртеррористическую операцию против мятежных *горных туток* (на самом деле курдов). Запад же не пошел России навстречу на Северном Кавказе, пока *не запахло порохом* в США и Европе.

Нам и сейчас постоянно напоминают о так называемом *полном выполнении* Стамбульских обязательств и поэтому много лет блокируют ратификацию адаптированного ДОВСЕ. Отсюда возникают два вопроса. Первый – а есть ли единое понимание, прежде всего на Западе, что такое *полное выполнение* Стамбульских обязательств? И, во-вторых, на мой взгляд, существующий вариант адаптированного ДОВСЕ за эти годы настолько устарел, что его надо заново адаптировать, учитывая в нем и ликвидацию той *серой зоны*, которая возникла с вступлением трех прибалтийских государств в НАТО, и последствия последнего расширения НАТО, в результате которого государства, входящие теперь в западный блок, используют квоты вооружений, которые они ранее приобрели как участники, в него не входящие.

Мне, активному участнику переговоров, прекрасно помнится один из примечательных аргументов НАТО в пользу как можно больших сокращений тогда еще советских вооружений и весьма специфической географической структуры размещения вооруженных сил по территории СССР (России). Мы спрашивали натовцев, зачем им эти сложности и неужели они думают, что мы на них собираемся нападать. На что они совершенно спокойно отвечали: нет, мы уверены, что вы не собираетесь на нас нападать, но вы имеете такие военные возможности (*military capabilities*), выдвинутые в чувствительные натовские регионы, что кроме количественных ограничений необходимы и географические пределы уровней войск. М.С. Горбачев решил пойти навстречу пожеланиям западных партнеров в расчете на их, казалось бы, искренние заверения о дружбе и сотрудничестве вплоть до заверений, что у них-де и в мыслях нет планов расширения НАТО. Что из этого вышло, мы все теперь знаем. Пора бы Западу продемонстрировать на практике свой здравый смысл и сделать ответные шаги.

С тех пор утекло много воды. Россия пережила длительный период ослабления, который наши партнеры использовали максимально в своих интересах. Настало время сказать нашим натовским партнерам те же слова, с какими они обращались в свое время к нам: **«Возможно, вы и не собираетесь на нас нападать, но ваши *military capabilities*, а, главное, их размещение по периметру российских границ вызывают у нас открытые подозрения; и даже сотрудничество в рамках Совета Россия–НАТО никоим образом не снимает все наши озабоченности».**

Как человеку, причастному к разработке ДОВСЕ, мне особенно грустно осознавать, что в том виде, в каком он сохранился, в настоящее время ДОВСЕ не отвечает потребностям обеспечения равной безопасности для всех стран европейского континента, а тем более не отвечает в должной мере интересам обеспечения безопасности России. Но отказаться от устаревшего, но очень важного документа, не предложив ничего взамен, проще всего. Будет более правильным и понятным, если Россия выступит с развернутым видением обеспечения безопасности Европы на нынешнем и последующих этапах с учетом новых реалий, с видением, включающим и современные идеи обеспечения баланса интересов всех стран.

Более 100 лет назад один из первых российских геополитиков А.Вандам (генерал-майор императорского генштаба А.Е. Едрихин) дал интересную рекомендацию: «В Европе [...] нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими

народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя»³³. По-видимому, это наблюдение царского генерала и русского патриота становится особенно верным сейчас, когда на Западе все чаще звучат заявления о том, что энергетические богатства России должны принадлежать всему миру (читай – Западу).

***

Администрация Джорджа Буша-мл. и администрация В.В. Путина вступают в президентские избирательные циклы в своих странах. Действующие сейчас главы двух государств, судя по всему, не успевают решить все накопившиеся проблемы в области контроля над вооружениями. Но мы вправе ожидать, чтобы они **приступили хотя бы к созданию задела для своих преемников** ради продолжения важной для всего мира работы по укреплению безопасности и стратегической стабильности, прежде всего в ядерной сфере. Чувствуется, что Россия в принципе готова к этому. А наши американские партнеры?

Карл фон Клаузевиц писал: «Главная ошибка людей состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше, чем бед завтрашних». Это означает только одно: надо учиться упреждать последствия появления новых опасных военных технологий и классов оружия путем своевременных политических и юридических шагов. В противном случае нас снова ждет долгая и изматывающая гонка вооружений и возникновение тяжелых кризисов и противостояний.

Примечания

¹ SIPRI Yearbook 2006. Armaments, Disarmament and International Security. NY.: Oxford University Press. P. 326.

² 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document, NPT/CONF/2000/28 (Parts I and II). P. 14–15, <http://disarmament.un.org/wmd/npt/2000FD.pdf> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).

³ Министерство иностранных дел РФ. «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Подготовительной комиссией Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПКОДВЗЯИ)». Сообщение для СМИ № 2254 от 25.12.2006, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/E7AA5E4E17B6B0B6C325724F002F2EE9 (последнее посещение – 21 февраля 2007 г.).

⁴ U.S. Nuclear Policy and World Nuclear Situation. Presentation of Hans M. Kristensen to the Gensuikin Conference, Tokyo, August 1, 2004, <http://www.nukestrat.com/pubs/gensuikin2004b.pdf> (последнее посещение – 21 февраля 2007 г.).

⁵ U.S.-Russia Mark Major Nonproliferation Milestone. Statement by the Press Secretary, <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/09/20050930-3.html> (последнее посещение – 22 февраля 2007 г.).

⁶ Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации, 2000/11/13-2, <http://kremlin.ru/text/psmes/2000/11/31956.shtml> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).

⁷ Andrew J. Goodpaster. Shaping the nuclear future: toward a more comprehensive approach. The Atlantic Council of the United States Occasional paper 1997, http://www.acus.org/docs/9712-Shaping_Nuclear_Future_Toward_More_Comprehensive_Approach.pdf (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).

⁸ Rose Gottemoeller. Arms control in a new era. *The Washington Quarterly*. 2002. Spring. P. 45.

⁹ Nikolai Sokov. Trends in US Nuclear Strategy. Presentation at conference «Results of the NPT Review Conference and Nuclear Policies», Geneva Center for Security Policy, June 8, 2005, http://www.gcsp.ch/e/meetings/Security_Challenges/WMD/Public_Disc/2005/NPT/speechDr.Sokov.pdf (последнее посещение – 22 февраля 2007 г.).

- ¹¹ Keir A. Lieber, Daryl G. Press The Rise of U.S. Nuclear Primacy. *Foreign Affairs*. 2006. March/April, <http://www.foreignaffairs.org/20060301faessay85204/keir-a-lieber-daryl-g-press/the-rise-of-u-s-nuclear-primacy.html> (последнее посещение – 21 февраля 2007 г.).
- ¹² US report warns of Russian nuclear threat. *Jane's Intelligence Digest*. 2007. January 26.
- ¹³ Доклад министра обороны РФ на совещании руководящего состава ВС РФ 2 октября 2003 года, <http://www.old.mil.ru/articles/article3667.shtml> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).
- ¹⁴ Сергей Иванов. Военная доктрина: Россия должна быть сильной. *Ведомости*. 2006, 12 января. <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/01/12/101504> (последнее посещение – 20 февраля 2007 г.).
- ¹⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Цит.соч.
- ¹⁶ Александр Савельев. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке. *Ядерный Контроль*. 2005. № 3. С. 45–54.
- ¹⁷ Nuclear Posture Review (in-depth coverage). Submitted to Congress on 31 December 2001, <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/npr.htm> (последнее посещение – 22 февраля 2007 г.).
- ¹⁸ Ibid.; Владимир Дворкин, Павел Каменнов, Элина Кириченко, Владимир Пырьев, Семен Ярославцев. Ядерная политика «большой пятерки». В кн.: А. Арбатов, В. Дворкин (ред.) Ядерное оружие после «холодной войны». М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 61–62.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ SIPRI Yearbook 2006. Op.cit. P. 642.
- ²¹ Владимир Дворкин, Павел Каменнов, Элина Кириченко, Владимир Пырьев, Семен Ярославцев. Цит.соч. С. 60
- ²² А.С. Дьяков, Е.В. Мясников. Высокоточные ракеты заменяют ядерные. *Независимое Военное Обозрение*. 2000, 4 февраля.
- ²³ Владимир Белоус. Странные предложения Дональда Рамсфелда. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 15 сентября.
- ²⁴ А.С. Дьяков, Е.В. Мясников, Н.Н. Соков. Процесс сокращения ядерных вооружений и контроль над ними в российско-американских отношениях: состояние и перспективы. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный: 2006. 44 с.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Российское военное обозрение*. 2004, № 5, май. С. 6–7.
- ²⁷ Nikolai Sokov. Op.cit.
- ²⁸ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года, Мюнхен, http://kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118109.shtml (последнее посещение – 17 апреля 2007).
- ²⁹ При большей свободе: к развитию безопасности и правам человека для всех. Доклад Генерального секретаря ООН (A/59/2005), 21 марта 2005 года. С. 37.
- ³⁰ Олег Владыкин. Просчитались и расстреляли. *Московские Новости*. 2007, 2 февраля.
- ³¹ Nikolai Sokov. Op.cit.
- ³² М.В. Ломоносов. Сочинения. М.: Современник, 1987. С. 253.
- ³³ А. Вандам. Наше положение. В кн.: Неуслышанные пророки грядущих войн. М.: 2004. С. 138.

Андрей Фролов

ИРАН: ДЛЯ ЧЕГО ЕМУ РАКЕТЫ?¹

В конце 2006 г. США объявили о планах развертывания элементов системы противоракетной обороны (ПРО) в странах Восточной Европы. Официальная мотивировка ее создания, предоставленная Белым домом, – это защита Европы от Ирана и Северной Кореи – стран, которые обладают или, возможно, стремятся обладать ядерным оружием. Факт размещения американских ракетных установок в Польше и радаров в Чешской Республике уже вызвал волну противостояния между Западом и Россией – последняя полагает, что подобного рода аргументация несостоятельна. Действительно, обладает ли Иран достаточным потенциалом для создания средств доставки ядерного оружия – баллистических ракет, бомбардировщиков и подводных лодок?

Очевидно, что без средств доставки собственно ядерный боезаряд играет не более чем статусную роль и представляет собой головную боль для сил безопасности государства-обладателя. В свою очередь, наличие средств доставки позволяет судить о том, насколько далеко могут распространяться амбиции государства-обладателя и его реальные возможности по применению подобного *аргумента*.

Интересны примеры стран – официальных членов *ядерного клуба*, а также Индии и Пакистана. Во всех случаях атомный боезаряд появлялся не в вакууме, для него имелись средства доставки, причем во многом именно они определяли массово-габаритные характеристики боезарядов и возможности по их применению. Во всех упомянутых странах, за исключением, пожалуй, Пакистана, хронологически первым носителем была авиация, и только затем – ракетносители наземного и морского базирования. Все упомянутые страны к моменту испытания своих первых пригодных к использованию атомных бомб имели на вооружении серийные образцы авиационных носителей, которые могли действовать на тактическом, оперативно-тактическом и, частично, межконтинентальном уровне (хотя бы за счет использования тактики *билет в один конец*, например, бомбардировщики *Tu-4* и *M-4* ВВС СССР).

В этой связи примеры Северной Кореи и, частично, Ирана (если предположить, что Исламская Республика Иран все-таки имеет целью разработку ядерного оружия) представляют особый интерес. Когда начинаешь внимательно анализировать данные об их ракетных и ядерных программах, то нельзя не отделаться от мысли о феномене *курицы и яйца*: что первично и что превалирует в военной стратегии этих государств – создание ядерной бомбы, которое *подтягивает* за собой разработку средств доставки, либо же относительно успешное развитие средств доставки приводит к ускорению работы по созданию ядерного оружия.

В Иране работы над созданием собственной ракетной техники велись еще при шахском режиме, но революция 1979 г. их замедлила. *Ренессанс* ракетной программы Ирана связан с массовым применением баллистических ракет (БР) Ираком в ходе восьмилет-

ней войны с Ираном, а также решением Багдада о применении против иранцев химического оружия, которое было воплощено на практике. Нельзя не отметить, с какой скоростью отреагировал Иран, ответив *симметрично* путем постановки на вооружение и применением собственных БР, правда, произведенных в КНДР. Не менее примечателен путь от *отверточной* сборки северокорейских ракет до создания полноценного собственного производства и научно-испытательной базы ракет разных типов.

БАЛЛИСТИЧЕСКИЕ РАКЕТЫ

Иран в настоящее время является одним из самых *динамичных* ракетных государств. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что с середины 1980-х до конца 1990-х гг. в стране существовало 23 известных ракетные программы, что является непревзойденным рекордом последних лет². К 2000–2001 гг. в Иране имелось девять программ по производству и разработке БР³. Иранская ракетная программа, которая вылилась в 1990-е гг. в испытание и производство ракет *Шехаб*, является результатом многолетней работы иранского руководства, причем, как уже было отмечено выше, ее основы были заложены еще при шахском режиме.

Так, еще в 1970-е гг. Иран заключил ряд соглашений с американскими фирмами не только в области производства в Иране фюзеляжей самолетов, ракет «земля–воздух», но и в сфере совместного производства ракет «земля–земля» с забрасываемой массой в 350 фунтов (примерно 140 кг)⁴. Отметим также, что в 1974 г. США экспортировали в Иран ракеты *MGM-52 Lance* с дальностью стрельбы 130 км⁵.

Революция 1979 г. значительно притормозила большинство работ в военной сфере, однако начавшаяся вскоре ирано-иракская война оказала решающее воздействие на дальнейшее развитие ракетной программы Ирана. В первую очередь, Иран оказался перед лицом значительного превосходства своего противника в обычных вооружениях, а также массированного применения Ираком ракет «земля–земля» советского производства. Последнее приводило к осознанию иранским населением постоянной угрозы с воздуха, которой практически невозможно было противостоять. Кроме того, Иран стал жертвой массированного применения химического оружия, что неизбежно привело к мысли о необходимости иметь собственное оружие сдерживания, а также средства уничтожения и перехвата вражеских носителей. Наконец, задача по собственному производству ракет рассматривается в Тегеране как ключевая задача для поддержания региональной безопасности и в качестве средства устрашения для потенциальной угрозы извне.

Война городов оказала значительное влияние на руководство Ирана и его решимость развивать свою ракетную программу. Так, в результате ракетных атак Ирака погибло около пяти тыс. человек (в подавляющем большинстве – гражданские лица), кроме того, ракетные обстрелы оказывали значительное психологическое и социальное воздействие на население страны, в первую очередь из-за постоянного страха пострадать от *глупого оружия*, которое использовалось иракцами преимущественно по густонаселенным районам страны.

Из-за невозможности противостоять иракским ракетам Иран принял решение об обладании собственными ракетами. Для этого расширялась военно-индустриальная база, созданная при шахе, значительные инвестиции направлялись в НИОКР по ракетной тематике, развивалось сотрудничество в данной области с КНР, КНДР, Ливией и Сирией, а также производились масштабные закупки ракет. Эти усилия дали свой результат уже к 1985 г., когда вооруженные силы Ирана, в первую очередь Корпус стражей Исламской революции (КСИР), получили на вооружение первые мобильные ракеты *SCUD*.

Первые БР пришли из Ливии, переговоры с которой начались в 1984 г. По зарубежным данным, в 1985 г. первым траншем в Иран поступило 20 ракет и два транспортера *МАЗ*

543. Отметим, что на тот момент ракетные части в Иране служили дополнением значительно ослабевшей ударной мощи ВВС.

Практически сразу ракеты были пущены в ход. В 1985 г. Иран запустил 14 БР, в 1987 г. – 16, а в 1988 г. на Ирак обрушилось уже 76 ракет⁶. Имеется также информация, что в ходе войны Иран выпустил по противнику 120 БР *SCUD-B*, причем максимальная дальность пуска составила 325 км⁷. Характерной особенностью иранской стратегии был обстрел исключительно гражданских объектов Ирака для предотвращения ракетных ударов по собственным городам и промышленным объектам, то есть проводилась политика устрашения⁸. При этом становилось понятно, что для парирования иракской угрозы, текущей (на момент военных действий) и потенциальной, для Ирана было необходимо иметь БР различной дальности и отличающиеся по массе боевой части (БЧ). Достигнуть этой цели можно было двумя путями: импортом готовых ракет и организацией собственного производства и сборки из импортных комплектующих.

К 1987 г. стало очевидно, что Ливия и Сирия уже не в состоянии удовлетворять иранский спрос на БР, поэтому в сферу внимания Ирана попадает КНДР, которая не только имела на вооружении значительное число БР той же системы, но и производила их. Поэтому, начиная с 1986–1987 гг. основным партнером Ирана в ракетной сфере становится именно Северная Корея.

Судя по всему, в конце 1980-х гг. Иран развивал оба направления по получению в свое распоряжение ракет. В 1987 г. руководство Ирана заявило о том, что в стране произведено некоторое количество ракет *Шехаб-1*⁹. Западные аналитики полагают, что в качестве образца для них была взята советская ракета *P-17*, полученная от Ливии¹⁰. Скорее всего, на данном этапе Иран все-таки производил *отверточную сборку* «ракеток-комплектов», поставляемых из-за рубежа, в первую очередь из КНДР. Так, в ходе ирано-иракской войны Северная Корея поставила в Иран порядка 100 ракет *SCUD-B* и оборудование для их производства. По другим данным, в 1987–1992 гг. КНДР поставила в Иран порядка 200 БР и от 6 до 12 мобильных пусковых установок¹¹. Хотя в начале ракетной программы ее курировали структуры КСИР, уже в 1989 г. производственные мощности перешли в ведение Организации оборонной промышленности. Но ракетные части продолжали находиться непосредственно в ведении КСИР. Примерно в это же время Иран перешел на полностью самостоятельное производство ракет. Характеристики ракеты примерно соответствовали советской *P-17*: дальность полета от 50 до 300/320 км, масса БЧ – 985 кг, предельное отклонение – от 450 до 800/1000 м¹². *Шехаб-1* оказалась самой *воюющей* иранской ракетой: за время ирано-иракской войны было выпущено порядка 90 ракет и уже в 1994–2001 гг. по базам повстанцев в том же Ираке – еще от 50 до 80 ракет (согласно различным источникам)¹³.

Начиная с 1991 г. КНДР стала поставлять в Иран усовершенствованные ракеты *SCUD-C*, получившие иранское наименование *Шехаб-2*. По оценкам зарубежных экспертов, в Иран было поставлено порядка 60 ракет северокорейской сборки, а в конце 1991 – начале 1992 гг. Иран стал производить их самостоятельно¹⁴. По западным оценкам, произведено примерно 170 ракет данного типа¹⁵. Ракета представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с предыдущей модификацией, так как максимальная дальность ее полета составляет 500 км (минимальная – 50 км), масса БЧ – 500 кг, предельное отклонение – 1000 м¹⁶.

По сообщениям западных источников, на этом сотрудничество двух стран в ракетной сфере не закончилось. В 1991 г. КНДР кроме поставок в Иран ракет *SCUD-C* оказывала техническую помощь в разработке ракеты *Шехаб-3* (западные источники в середине 1990-х гг. также полагали, что этот проект изначально назывался *Зеллал-3*¹⁷) (в особенности, в области повышения точности ракеты), которая, в свою очередь, по оценкам экспертов, является развитием корейской БР *Нодонг-1*¹⁸.

Крепкие связи на рабочем уровне между двумя странами были установлены в начале 1990-х гг. Так, в апреле 1993 г. в КНДР прибыла первая группа иранских специалистов в количестве 15 человек во главе с бригадным генералом Мантеги, главой Орга-

низации оборонной промышленности¹⁹. После первого визита более 300 иранских специалистов предположительно прошли обучение в КНДР²⁰. По сообщениям западной прессы, изначально Иран планировал закупить и произвести на своих предприятиях порядка 150 БР *Нодонг*²¹. По оценкам, КНДР в 1994–1997 гг. поставила в Иран от 5 до 12 БР, а также четыре ПУ²². На период с 1997 по 2002 г. пришлось поставки второго транша северокорейских ракет, всего было поставлено 20 ракето-комплектов²³. По оценкам 2001 г., Иран планировал производить порядка 20 ракет в год, а мелкосерийное производство с использованием северокорейских двигателей началось еще до 2001 г.²⁴ Видимо, используя имеющиеся ракеты, а также в ожидании новых поставок, в 2000 г. КСИР создал пять новых ракетных частей, на вооружении которых стояли БР *Шехаб-3*²⁵.

Интересно, что ракеты и компоненты доставлялись из КНДР в Иран, вероятно, воздушным путем. В июне 2003 г. южнокорейская газета *JoonqAng* сообщила, что с апреля 2003 г. в аэропорту северокорейского города Сусанн несколько раз были замечены иранские средние транспортные самолеты *Ил-76*, которые перевозили контейнеры и в которых, как предполагалось, находились разобранные ракеты *Нодонг*²⁶. Южнокорейские журналисты также сообщили, что до 2003 г. иранские транспортники появлялись в КНДР не менее двух раз в год²⁷.

Как уже отмечалось выше, *Шехаб-3/Шехаб-3Д* разрабатывается на базе северокорейской *Нодонг-1* и является первой ракетой, которая может достичь территории Израиля²⁸. Имеется информация о том, что Иран выступал коспонсором разработки ракеты *Нодонг-1* КНДР, а также вел переговоры о закупке 150 ракет в обмен на поставки нефти²⁹. По зарубежным данным, Иран приступил к производству ракет в 2001 г., однако производство на первых порах включало импортируемые из КНДР ракетные двигатели³⁰. Дальность стрельбы ракеты составляет порядка 1300 км³¹. Масса БЧ – 1000 кг³². Круговое вероятное отклонение (КВО) *Шехаб-3* оценивается в 0,08% от дальности полета, что составляет примерно 1 км, что представляется ошибочным³³. Имеется информация, что Иран также проводит работы по увеличению дальности стрельбы ракет *Шехаб-3* с 1300 км до 1600 км. Причем работы по модернизации *Шехаб-3* проводятся как альтернатива закрытой в ноябре 2003 г. программой по разработке новой ракеты *Шехаб-4*³⁴.

В июне 2005 г. в ходе испытательного пуска (согласно сообщению министерства обороны Ирана) БР *Шехаб-3* с РДТТ достигла дальности в 2000 км, при этом была увеличена точность³⁵. Представляется, однако, что с технической точки зрения переоснащение *Шехаб-3* РДТТ означает фактически разработку новой ракеты. Отметим, что в конце 2004 г., по израильским данным, улучшенная модификация БР *Шехаб-3/Шехаб-3Д* с помощью китайской системы наведения уменьшила КВО до 250 м, что представляется явным преувеличением³⁶. По состоянию на май 2004 г. боеготовыми считались 20 БР³⁷.

Модернизация в основном проходит по линии оснащения РДТТ ракет семейства *Шехаб*. В мае 2005 г. министр обороны Ирана Али Шамхани заявил, что его страна провела успешное испытание твердотопливного двигателя для БР *Шехаб-3*. При этом было заявлено, что «использование твердого топлива позволяет увеличить срок хранения ракет, а также увеличить их точность»³⁸. Поэтому нельзя исключать, что Иран провел испытания для ракет другого семейства или в Иране ведется разработка новой твердотопливной ракеты, представляющей собой качественный скачок в иранской ракетной программе. Однако это событие показывает, что Тегеран намерен уделять серьезное внимание развитию твердотопливных двигателей для ракет средней дальности, что неизбежно повышает требования к уровню иранской ракетной и химической промышленности.

Также следует отметить, что Иран имеет опыт боевого применения ракет *Шехаб* уже после ирано-иракской войны. Выше указывалось, что в период до 2001 г. в ходе конфликта низкой интенсивности между Ираном и оппозиционной партией «Муджахеддин

Хальк» («Союз моджахедов» – *Mujahedeen-e Khalq*), которая базировалась в приграничных районах Ирака, иранские вооруженные силы выпустили по базам противника от 58 до 77 БР *Шехаб* (модификации неизвестны, вероятнее всего, *Шехаб-1* и 2)³⁹. Очевидно, это было вызвано как ограниченной возможностью иранских ВВС наносить удары возмездия по базам на территории соседнего государства, так и, вероятно, желанием проверить эффективность ракет собственной сборки при массовом использовании в реальных боевых условиях.

На Западе также обсуждалась возможность разработки Ираном ракеты *Шехаб-4*, которая, вероятно, является либо развитием советской ракеты *P-12* (что в принципе является довольно натянутым предположением – с учетом того, что последние *P-12* были сняты с вооружения еще в мае 1990 г.), либо усовершенствованной версией БР *Шехаб-3*, аналогичной пакистанской *Гаури-2*⁴⁰.

25 февраля 2007 г. Тегеран заявил об успешном испытании первой космической ракеты иранского производства. Научно-исследовательская ракета поднялась в космос на высоту 150 км от поверхности Земли, а затем спустилась при помощи парашюта. Между тем, в Министерстве обороны РФ заявили, что российская РЛС Дарьял-У в азербайджанской Габале не зафиксировала никаких пусков космических ракет с иранской территории. В то же время российская система контроля космического пространства также не зафиксировала в космосе каких-либо новых объектов. Грозные сюжеты о космической ракете появились в момент очередного резкого обострения кризиса вокруг ядерной программы Тегерана. Это заявление прозвучало накануне заседания в Лондоне группы пяти постоянных членов Совбеза ООН и Германии, на котором обсуждалось введение новых санкций против Ирана. Эксперты высказали мнение, что сообщения о пуске космической ракеты являются блефом Тегерана, имеющим вполне определенную внешнеполитическую цель⁴¹

Наряду с семейством жидкостных ракет *Шехаб* иранский ракетный арсенал также включает в себя твердотопливные ракеты: китайскую *CSS-8* (иранское обозначение *Тондар-69*) и *Фатех А-110*. *Тондар-69* представляет собой переделку в ракету «земля–земля» китайской копии советской ракеты «земля–воздух» *C-75* (китайская версия на Западе получила наименование *HQ-2*), производимой в КНР. *Фатех А-110* – относительно новая ракета, официально о ее существовании было заявлено в сентябре 2002 г., когда официальные представители Тегерана объявили об успешном пуске ракеты данной системы.

По имеющейся информации, *Фатех А-110* – это одноступенчатая ракета с дальностью полета 200 км и массой БЧ 500 кг⁴². Согласно официальным заявлениям Иран самостоятельно изготавливает как сами ракеты, так и твердотопливные двигатели для них, а для производства двигателей был построен специальный завод⁴³. КВО ракеты, по мнению американских экспертов, составляет порядка 100 м⁴⁴. Недостатком ракеты является ее неподвижная пусковая установка (ПУ), хотя западные специалисты предполагают, что для нее ведется разработка мобильной ПУ⁴⁵. Предполагалось, что *Фатех А-110* достигнет боевой готовности в конце 2004 г.⁴⁶

Ракеты семейства *Назарит*, пожалуй, являются самыми старыми из разработанных и произведенных в Иране. Работы над ними начались еще в конце 1970-х гг., причем помощь в разработке оказывали КНДР, КНР и, возможно, даже Бразилия⁴⁷. Было создано значительное количество модификаций данной ракеты, причем модификации *Назарит Н-5* и *Н-6* применялись в войне с Ираком. Максимальная дальность модификации *Н-5* составляет 105 км, *Н-6* – 120–130 км, а у *Н-10* – до 150 км. Масса боевой части у данных модификаций – 150 кг, хотя в *Н-8* ее увеличили до 300 кг (в *Н-10* масса БЧ вновь понижена до 250 кг, видимо, для увеличения дальности).

Иран, предположительно, развивает и программу твердотопливных ракет на базе китайских *М-11 (DF-11/CSS-7)* и *М-9 (DF-15/CSS-6)*. Первая из них, предположительно, имеет иранское обозначение *Тондар-68* или *Гадр*⁴⁸. По аналогии с родственной ей пакистанской ракетой *Газвани*, испытанной в 2002 г. на дальность 290 км, можно предположить,

что и иранские версии летят примерно на такое же расстояние. *Тондар-68/Гадр*, предположительно, оснащен 500 кг БЧ, отделяемой в полете, что теоретически делает ее более точной, чем *Шехаб-2*⁴⁹. Важной особенностью китайской версии ракет *М-11* является возможность ее запуска с мобильной ПУ на базе *МАЗ-543*, что с учетом наличия у Ирана подобных ПУ делает возможным запуск *Тондар-68/Гадр* с них.

Информация о развитии в Иране второй программы твердотопливных ракет на базе китайской *М-9* носит отрывочный характер. По предположениям западных аналитиков, иранская версия ракеты может доставить заряд в 320 кг на дальность 800 км⁵⁰.

Таблица 1: Основные характеристики иранских БР

Название	Дальность, км		Масса, кг		КВО, м	Тип двигателя
	мин.	макс.	ракета	БЧ		
<i>Назарит Н-6</i> (Иран 130, Мушак 120)	Н.д.	105	н.д.	150	н.д.	РДТТ
<i>Назарит Н-8</i>	Н.д.	н.д.	н.д.	300	н.д.	РДТТ
<i>Назарит Н-10</i>	Н.д.	150	н.д.	250	н.д.	РДТТ
<i>Зелцал-1</i>	Н.д.	100–150	н.д.	600	н.д.	РДТТ
<i>Зелцал-2</i>	Н.д.	350–400	н.д.	600	н.д.	РДТТ
<i>CSS-8 (М-7)</i>	Н.д.	150–180	н.д.	190	н.д.	ЖРД
<i>Шехаб-1 (SCUD-B)</i>	50	300	5862	989	450–1000	ЖРД
<i>Шехаб-2 (SCUD-C)</i>	55	700	6400	700	1000	ЖРД
<i>Шехаб-3 (Зелцал-3)</i>	Н.д.	1300–1500	16000	760–1100	1000	ЖРД
<i>Шехаб-4</i>	Н.д.	1800–2000	22000	750–1000	н.д.	ЖРД
<i>М-11</i>	Н.д.	290	н.д.	500	н.д.	РДТТ
<i>М-9</i>	Н.д.	800	н.д.	320	н.д.	РДТТ

Примечание: РДТТ – ракетный двигатель на твердом топливе;
ЖРД – жидкостный ракетный двигатель.

Представляется, что наряду с разработкой и производством собственно ракет, перед Ираном стоит вопрос и о пусковых установках для них.

Иран, видимо, сделал ставку на использование мобильных ПУ, однако в середине 1990-х гг. имела информация, что Иран построил на побережье Персидского залива подземную систему бункеров для использования БР типа *Шехаб*⁵¹. По оценке западных аналитиков, ракеты из этих бункеров могли бы достичь столиц Катар, Омана и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ)⁵².

Однако представляется, что основное количество ракет предполагается запускать с мобильных ПУ. В конце 1990-х гг. количество ПУ на базе советского *МАЗ-543* и грузовиков германского производства оценивалось в 100 ед.⁵³

При этом все равно ПУ иранских ракет будут оставаться весьма уязвимыми перед лицом противника с мощными ВВС. Пример июльской кампании 2006 г. Израиля в Ливане это подтверждает. По израильским данным, в начале боевых действий ВВС уничтожили 59 иранских ПУ для ракет *Зелцал-2* и *Фаджр* (на основе данных, предоставленных военной разведкой АМАН)⁵⁴.

Карта. 1. Основные центры по производству ракетной техники Ирана

Источник: Неконвенциональное и ракетное оружие Ирана. *War Online*, http://www.waronline.org/mideast/iran_wmd.htm

Примечание: центры кооперации в производстве ракетной техники Ирана:

- Исфахан – НИОКР, производство ракет, производство топлива;
- Семнан – ракетное производство тактических ракет, испытательный полигон;
- Шираз – НИОКР, производство ракет и ракетного топлива;
- Султанатабад, Лавизан – НИОКР;
- Кух – Барджамали – производство измерительного оборудования для испытаний;
- Шахруд – НИОКР, ракетное топливо и испытательный полигон.

Мелкие предприятия, занятые в кооперации по производству ракет:

- Абадан – ракетное производство.
- Алиабад – оборудование для ПУ ракет.
- Арак – НИОКР, предприятие по переоборудованию (модификации) SCUD.
- Бендер-Аббас – ракетное производство.
- Доруд – НИОКР.
- Гамсар – испытательный полигон.
- Гостареш – НИОКР.
- Кередж – НИОКР и ракетное производство.
- Манзарих – НИОКР, производство ракетного топлива.
- Массканд – ракетное производство (ракеты, ТРД).
- Окараман – ракетное производство (детали для *Шехаб*).
- Парчин – ракетное производство (ТРД, ЗУР, ПТУР, авиационные ракеты, детали для *Шехаб*).
- Сарджи – ракетное производство.
- Тебриз – ракетное производство (*Шехаб*).
- Тегеран – НИОКР и ракетное производство.
- Хорремабад – ракетное производство⁵⁵.

КРЫЛАТЫЕ РАКЕТЫ

Значительный успех достигнут Ираном в разработке и производстве крылатых ракет (КР). Правда, речь в первую очередь идет о противокорабельных ракетах (ПКР), но нельзя исключать и их применение по наземным целям. Основной иранской крылатой ракетой класса «земля–земля» является местная копия китайской *CSSC-2 Silkworm (HY-1)* и *CSSC-3 Seersucker (HY-2)*. По западным данным, в 1987 г. Иран приступил к производству ракет данного типа при помощи КНР и КНДР, а в дальнейшем перешел к производству усовершенствованных моделей собственной разработки. Не исключается также, что в ходе работ по увеличению дальности полета *CSSC-2* Иран мог использовать иракские КР *FAW-150* и *FAW-200*, которые в основе имеют также китайский прототип⁵⁶. Масса БЧ *CSSC-2* составляет 400 кг, а *CSSC-3* – 513 кг, что теоретически позволяет размещать в последней ядерный боезаряд⁵⁷. Иранский вариант усовершенствованной версии *CSSC-2* получил название *Пирузи-75*, однако работы по нему были прекращены в 1996 г. из-за того, что все усилия были брошены на производство более совершенных образцов – китайских *C-801* и *C-802*. В 2004 г. Иран продемонстрировал очередную модификацию *CSSC-2* под обозначением *Паад*, которая, предположительно, несет 500 кг боевой части на дальность от 150 до 400 км⁵⁸.

Работы над иранскими версиями *C-801 (Карус)* и *C-802 (Тондар)* предположительно начались в 1996 г. *Карус* имеет дальность стрельбы 40 км, в то время как *Тондар* – 120 км. Отмечается, что обе ракеты могут быть использованы не только с кораблей, но и с мобильных ПУ в береговой обороне.

Отдельно стоит отметить историю с приобретением Ираном на Украине советских ракет *X-55*, факты продажи которых в Иран (12 ед.) вместе с комплектом наземного оборудования КНО-120 и Китай (6 ед.) (хотя по другим данным, было 6 и 6 ракет соответственно) признаны новым украинским руководством. Но эти ракеты не могут запускаться с имеющихся в Иране самолетов-носителей, даже с *мифических Ту-22М* (подробнее об этом чуть ниже), которые были вооружены ракетами *X-22* и *X-15*⁵⁹. *X-55* может применяться (причем только в ядерном оснащении) исключительно со стратегических бомбардировщиков *Ту-95МС* и *Ту-160*, которые в настоящее время остались на вооружении только в России. Поэтому можно с уверенностью сказать, что попавшие в Иран *X-55* могут быть использованы только для изучения иранским специалистами. Более того, носители полетных заданий были выведены в Россию, видимо, вместе с ядерными БЧ *X-55*⁶⁰.

В истории с украинскими *X-55* стоит отметить еще один момент. Еще в марте 1978 г. было принято решение о развертывании серийного производства ракет на Харьковском авиапромышленном объединении (ХАПО). Для производства ракет предприятием было освоено много новых технологий, установлено много нового уникального оборудования и оснастки. Например, пришлось освоить новые методы сварки, работу с композитными материалами и т.д. Двигатели *P-95-300* разработки московского НПО Союз стали также выпускаться в Украинской ССР – на Запорожском моторостроительном заводе (в настоящее время ОАО «Мотор-Сич»). И хотя в декабре 1986 г. вышло постановление о прекращении производства *X-55* на ХАПО и передаче оснастки и задела на Кировский механический завод, известно, что еще в марте завод сдал 16 модернизированных ракет *X-55СМ* для проведения испытаний новой ракеты⁶¹.

То есть нельзя исключать, что на заводе остались необходимые специалисты и частично оборудование, а также определенный задел (документация, комплектующие) для того, чтобы не только восстановить те образцы, которые имелись на складах украинской армии, но и на их базе, или из заводского задела довести *X-55*, например, до уровня *X-55СМ* (с увеличенной дальностью). Это теоретически позволит иранским специалистам получить доступ к одной из самых совершенных крылатых ракет большой дальности, а в случае обмена с пакистанскими ракетчиками может получиться весьма интересная совместная разработка.

Могут предположить, что полученные ракеты вряд ли будут воспроизведены в изначальном варианте стратегической ракеты. Это связано как с отсутствием в Иране технологий для обеспечения точной *картинки* цели вероятного противника для ИНС, так и отсутствием носителей для того, чтобы осуществлять точную навигацию, необходимую для работы ИНС.

Кроме того, конструктивные особенности *X-55* (подвеска с четырьмя разнесенными узлами вместо традиционной подвески за один бугель) предполагают наличие специальной пусковой установки, разработка которой в Иране представляется маловероятной.

Но нельзя полностью исключать, что на базе *X-55* может быть создана оперативно-тактическая КР (аналогичная пакистанской *Бабур*) с дальностью 500–600 км, главным преимуществом которой будет большая мобильность, точность, скрытность и меньшая стоимость. К тому же меньшая дальность позволит увеличить вес БЧ и, соответственно, вероятность оснащения КР ЯБЧ.

АВИАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ДОСТАВКИ

На вооружении иранских ВВС находится значительное количество самолетов, однако минимальным современным требованиям соответствуют только машины третьего и четвертого поколений: американские истребители *F-4* и *F-14*, французские *Mirage F-1*, советские фронтовые бомбардировщики *Су-24МК* и истребители *МиГ-29*. Из них относительную боевую ценность представляют только *F-4*, *F-1*, *Су-24МК* и *МиГ-29* – эти машины могут применяться в том числе и против наземных целей.

Из них относительную боевую ценность как ударные самолеты представляют *Mirage F-1* модификации *F.1 EQ-2* и *-4* с возможностью дозаправки в воздухе, а также оснащенная радаром *Cyrano-IV* модификация *Q-5*, способная применять ПКР *AM.39 Exocet*. Всего в Иран перелетело 24 машины, одна из которых предположительно была потеряна в 2001 г.⁶² Эти самолеты теоретически способны поднять ядерный боеприпас, но реальную боевую ценность в качестве ударного самолета имеет только модификация *Q-5*, количество таких самолетов не превышает 10.

Стоит также отметить и основной ударный самолет ВВС Ирана – *F-4D/E Phantom II*, общее число таких самолетов оценивается в 60–66 ед., из которых порядка 30 боеспособны⁶³. Несмотря на то, что *F-4* использовался иранцами в качестве ударного самолета в ходе ирано-иракской войны и он замечен в качестве основного носителя авиационных ударных систем иранской разработки, думается, что самолеты, последний из которых был поставлен в 1977 г., не могут рассматриваться как действенное и перспективное средство доставки, хотя грузоподъемность, дальность и относительная многочисленность *F-4* позволяют предположить его теоретическое использование в качестве носителя ядерного оружия.

Наиболее предпочтительным в этом качестве смотрится *Су-24МК* – как самолет, специально сконструированный для нанесения ударов по наземным целям. Большая часть машин данного типа были получены Ираном необычным путем: во время операции многонациональных сил против Ирака «Буря в пустыне» в 1991 г. ВВС Ирака во избежание полного уничтожения перегнали ряд самых современных самолетов в соседний Иран. Примечательно, что во время этой операции ни один из участвующих в ней иракских *Су-24МК* в количестве 24 единиц не был сбит. После окончания войны Иран отказался вернуть самолеты своему бывшему противнику. По западным оценкам, в составе ВВС Ирана имеется 24 единицы *Су-24*, в числе которых закупленные в СССР и реквизированные иракские (в совокупности в Иране максимально было 22 иракских *Су-24МК* и 12 полученных из СССР *Су-24МК*)⁶⁴. Машины сосредоточены в 72-й эскадрилье, базирующейся на авиабазе в Ширазе⁶⁵.

Состояние оставшихся в Иране экземпляров неизвестно, эксперты полагают, что самолеты могли быть приведены в боевое состояние путем закупки необходимых запчастей на черном рынке⁶⁶. Отмечается также, что «[...] *Су-24 МК* может быть эффективным носителем ядерного оружия, разработку которого, по мнению Запада, ведет Иран. Самолет *Су-24 МК* может быть приспособлен к этому даже силами национальной промышленности»⁶⁷.

Этому также могут способствовать и программы по модернизации различных модификаций *Су-24*, предлагаемые российской стороной. Они включают в себя новый бортовой ком-

пьютер *СВ-24*, который позволяет довести точность сбрасывания свободнопадающих бомб в 3–10 раз⁶⁸. Отклонение бомб от цели при этом составляет 10–15 м, что сопоставимо с управляемыми авиационными бомбами⁶⁹. Причем сброс бомб может осуществляться при свободном маневрировании носителя на расстоянии семь–восемь км от цели, что повышает выживаемость бомбардировщика⁷⁰. Наряду с модернизацией приборного оборудования предложения по модернизации включают в себя установку на самолете навигационных систем GPS/ГЛОНАСС, а также новых систем радиоэлектронной борьбы (РЭБ)⁷¹. Новое оборудование позволит расширить арсенал бомбардировщика, который может включать в себя такие системы, как ПКР *X-31А*, противорадиолокационную ракету *X-31П*, авиационную тактическую ракету *X-59МК*, а также корректируемые авиабомбы *КАБ-500*⁷².

Также значительными боевыми возможностями обладают и 14 истребителей *МиГ-29*, стоящих на вооружении иранских ВВС. Несмотря на то, что они играют значительную роль в обеспечении ПВО страны, *МиГ-29* могут быть применены не только как эскорт для *Су-24*, но и как истребители-бомбардировщики. Хотя *МиГ-29* ранних серий плохо приспособлены для нанесения ударов по наземным целям, они могут использоваться и как носители свободнопадающих бомб. Более того, в состав вооружения *МиГ-29* в Советских ВВС кроме ракет «воздух-воздух» входили 4 бомбы *ФАБ-500* или *ФАБ-250* (цифровой индекс означает калибр бомб в килограммах. – А. Ф.), а также блоки неуправляемых авиационных ракет (НАР) *Б-8М* под 80-мм НАР *С-8* или 4 НАР *С-24*⁷³.

Кроме того, в комплект вооружения истребителя могла входить и атомная бомба⁷⁴. Однако считалось, что для ее применения этот самолет подходит мало, и предпочтение отдавалось ударным *Су-17М*, *МиГ-27*, *Су-24* и *МиГ-25 РБ*. Но в случае Ирана выбирать особо не приходится, и сравнение с советскими ВВС периода их расцвета в 1970–1980-х гг. просто неуместно. А с учетом программ модернизации ранее поставленных самолетов, предлагаемых РСК МиГ (например, доведение самолетов до стандарта *МиГ-29СМТ*), возможности иранских *МиГ-29* могут значительно расширяться, причем при относительно невысоких затратах. К слову, Иран старается поддерживать парк *МиГ-29* в боеготовом состоянии: в 2002 г. иранские специалисты приступили к осуществлению регламентных работ на первом истребителе, причем все необходимые операции производятся на мощностях авиаремонтного предприятия авиабазы в Тебризе⁷⁵.

Карта 2: Иранские авиабазы

Источник: Air Force, Iran. Jane's Sentinel Security Assessment. *The Gulf States*. 2004, November 22.

Однако картину сильно портит значительный процент небоеспособных самолетов, в особенности Су-24, статус которых не ясен. Если Ирану удастся провести как минимум капитальный ремонт самолетов, выпущенных в лучшем случае в конце 1980-х гг., а максимум – обширную модернизацию прицельных устройств, БРЭО и систем РЭБ, в первую очередь Су-24 и МиГ-29, а также оснащения самолетов системой дозаправки в воздухе, у Ирана появится высококомбинированное, а значит, менее уязвимое средство доставки. Более того, по точности оно будет значительно превосходить имеющиеся и перспективные БР.

В некоторых источниках указывается, что Иран приобрел в России или Украине дальние бомбардировщики Ту-22МЗ⁷⁶. Фигурировала даже цифра заказанных иранских Ту-22М – 12 единиц⁷⁷. Также имеется информация, что Иран «рассматривался как потенциальный покупатель» на Ту-22М⁷⁸. Представляется, однако, что до практического осуществления данной инициативы очень далеко. Украинские Ту-22М уничтожаются согласно двустороннему украинско-американскому соглашению «О предоставлении помощи Украине в ликвидации стратегического ядерного оружия и предотвращения распространения оружия массового уничтожения», подписанного еще 25 ноября 1993 г. Правда, работы начались лишь в ноябре 2002 г., но согласно договоренностям в Украине к началу 2005 г. должны были быть уничтожены 17 Ту-22М2 и 14 Ту-22М3, а на вооружении ВВС Украины останутся 20 самолетов в 185-м тяжелобомбардировочном полку⁷⁹. Напомню, что на момент распада СССР на территории Украины находилось порядка 100 единиц Ту-22М2/МЗ⁸⁰. На 1999 г. в составе ВВС Украины числилось уже 55 самолетов данного типа⁸¹. Так что теоретически некоторые машины из *исчезнувших* 40 бомбардировщиков могли оказаться в Иране, но самолет слишком велик, чтобы попасть на территорию Ирана незамеченным, к тому же с большой долей вероятности можно утверждать, что потенциальные носители ОМУ на территории стран СНГ находились под пристальным вниманием США, и они предприняли бы соответствующие шаги в случае попытки передачи Ирану Ту-22М.

Российский след также кажется не очень правдоподобным. Об этом может свидетельствовать пример долгих переговоров между Россией и Индией о сдаче в аренду нескольких Ту-22М, которые так и не вышли на финальную стадию. Такая же ситуация сложилась и с перспективами аренды/продажи Ту-22М Китаю. В любом случае возможная сделка по передаче Ирану Ту-22М состоится не раньше аналогичного контракта с Индией. При этом в отличие от индийского случая на Россию будут намного более мощно давить, так как Ту-22М, безусловно, является высокоэффективным наступательным оружием, которое может значительно повлиять на баланс сил в регионе. Не менее важным сдерживающим фактором будет стоимость сделки, а также расходы на содержание машин, что может оказаться непосильным для иранских ВВС, страдающих от многочисленных проблем, связанных с общим устареванием самолетного парка.

Теоретически нельзя исключить заинтересованность Ирана в подобного рода системах, ведь во время ирано-иракской войны иракские Ту-22Б (предшественник Ту-22М) активно применялись по иранским целям.

Однако наряду с несомненными достоинствами дальних бомбардировщиков иранцам очевидны и их недостатки: так, наличие всего одного основного аэродрома базирования делало иракские Ту-22Б весьма уязвимыми для авиационных налетов, что, как сообщалось, вынуждало размещать самолеты на территории Саудовской Аравии и Северного Йемена⁸². Следовательно, в случае приобретения подобных машин Ираном необходимо расширять аэродромную сеть и укреплять систему ПВО аэродромов, что делает данную систему менее привлекательной по критерию «стоимость-эффективность». Кроме того, перспективы даже Ту-22М3 в гипотетических ударах по целям в Израиле или по американским базам на Ближнем Востоке кажутся призрачными, если принимать во внимание сильнейшую ПВО и незначительное количество задействованных самолетов, а также отсутствие самолетов поддержки (разведчиков, РЭБ и т.д.)⁸³. А использование такой системы в качестве носителя свободнопадающих бомб (не исключая атомные) против других государств региона представляется избыточным.

В целом, с позиции сегодняшнего дня представляется, что вся история с *иранскими Ту-22* была направлена не столько против Ирана, сколько против России. Нельзя исключать того, что весь шум был связан с опасениями США по поводу *расползания* этой мощной системы с территории стран СНГ. Кроме того, возникшая ситуация могла также быть использована для предотвращения экспорта *Ту-22М* из России в Индию (переговоры о поставке в Индию двух-четырех единиц идут без особого успеха как раз с середины 1990-х гг.) или Китай.

МОРСКИЕ СРЕДСТВА ДОСТАВКИ

С большой долей вероятности можно утверждать, что иранский военно-морской флот не обладает возможностью доставить оружие массового уничтожения (ОМУ) к цели. Единственным потенциальным носителем ударного оружия могут быть только три дизельных подводных лодки (ПЛ) российской постройки *877ЭКМ* (код НАТО—*Кило*) *Тарик*, *Нуур* и *Юнез*. Это относительно новые корабли (вошли в состав иранского флота в 1992, 1993 и 1996 гг.), которые к тому же обладают пониженным уровнем шумности, в связи с чем их относительно сложно обнаружить, что является существенным фактором для потенциального носителя ОМУ. В своей нынешней конфигурации лодки данного типа несут только торпеды, и применение ракетного оружия, включая и ПКР, с них невозможно. Однако существует возможность провести модернизацию данных лодок, совмещенную со средним ремонтом, что позволит применять с них ракетный комплекс *Club/ЗМ54*, с помощью которого возможно применение не только ПКР, но и ракеты «поверхность—поверхность» *ЗМ14*. По данным западных источников, планировалось оснастить ПЛ китайской ПКР типа *YJ-1* или российской *Alfa* (в настоящее время известна под экспортным наименованием *Club*)⁸⁴.

Однако более реалистичным и логичным выглядит модернизация иранских ПЛ по образцу однотипных индийских – с установкой на них комплекса *Club*. Косвенно это подтверждается сообщениями об интересе Ирана к оснащению трех ПЛ данным комплексом⁸⁵. Для ударов по сухопутным целям может применяться ракета *ЗМ14*. Дальность полета ракеты составляет 300 км. На ракетах применяется инерциальная система наведения с корректировкой от навигационных систем GPS/ГЛОНАСС⁸⁶. Правда, насколько можно судить, ракеты *ЗМ14* в серию еще не пошли, и речи об оснащении ими кораблей и подводных лодок пока не идет⁸⁷.

Косвенно это предположение подтвердилось в июле 2005 г., когда в ходе Второго международного военно-морского салона в Санкт-Петербурге были проведены переговоры между ФГУП Рособоронэкспорт и Ираном о ремонте и модернизации иранских ПЛ. По оценкам, на каждой из них будет проведена замена узлов и агрегатов, выработавших ресурс, а также будут смонтированы ПКР *Club-S*. На модернизацию каждой ПЛ планируется подписать отдельный контракт, стоимость которого оценивается в 80–90 млн долл.⁸⁸ Изначально предполагалось, что работы будут вестись на северодвинском предприятии «Звездочка», но за получение контракта также боролись и «Адмиралтейские верфи» (Санкт-Петербург), на которых и были построены три иранские ДЭПЛ⁸⁹. Вероятнее всего, контракт получила «Звездочка», так как в апреле 2006 г. стало известно, что специалисты этого предприятия посетили иранскую верфь в Бендер-Аббасе, где ознакомились «с возможностью осуществления среднего ремонта ДЭПЛ пр. 877ЭКМ»⁹⁰.

Весьма вероятно, что какие-то работы на ПЛ были проведены – в августе 2006 г. иранское телевидение распространило видеокadres, на которых был изображен подводный старт новой иранской ракеты *Thaqeb*. Однако западные аналитики подвергли правдоподобие этих кадров сомнению⁹¹. Но сам факт подобной акции иранцев говорит о том, что Иран серьезно рассматривает свои ДЭПЛ в качестве носителей ракетного оружия.

Однако цена подобной модернизации для всех трех лодок может оказаться весьма существенным бременем для бюджета ВМС Ирана, и вероятность одновременной модернизации всех трех ПЛ можно оценить как не очень большую.

ТАК ВСЕ ЖЕ ЗАЧЕМ ИРАНУ РАКЕТЫ И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ РОССИИ?

В настоящее время основным и наиболее вероятным средством доставки перспективного ядерного заряда Ирана являются баллистические ракеты семейства *Шехаб*. Это утверждение вытекает из факта, что баллистические ракеты в настоящее время представляют собой единственный вид оружия дальнего радиуса действия, против которого нельзя создать гарантированную защиту. Способность БР гарантированно донести до цели свой заряд делает этот класс оружия весьма привлекательным для региональных держав. Не является исключением и Иран.

Ирану удалось создать разнообразный арсенал тактических, оперативно-тактических ракет и ракет средней дальности, которые дают иранскому руководству значительную гибкость в принятии решений. Как было отмечено выше, *длинной рукой* исламского государства на сегодняшний момент являются только ракеты *Шехаб*. Именно они могут одновременно поднять несколько сот тонн взрывчатки (и, возможно, ОМУ) и обрушить ее на противника на расстоянии до 1500 км от своих границ. Дальность стрельбы ракет позволяет покрыть:

- 300 км – Багдад, Кувейт, Бахрейн, Катар.
- 600 км – западные районы Ирака и южные – Турции.
- 1000 км – Эр-Рияд, Дамаск, Амман и Кабул.
- 1200 км – Тель-Авив, Анкара.
- 1500 км – Каир, Дели, Бомбей.
- 2000 км – Киев, Москва, Афины.
- 3000 км – Берлин, Рим.

Однако эти цифры показывают максимальный радиус поражения, если отсчет вести от границ Ирана, что на деле представляется маловероятным, учитывая повышенную уязвимость ПУ. Если предположить, что стрельба будет осуществляться из внутренних районов страны, то БР с дальностью 800 км поражают всю территорию Ирака, 1000 км – страны Персидского залива, южную Турцию, Афганистан, Иорданию, Сирию, 1500 км – Израиль и Турцию, 2000 км – Египет и западную Индию.

Карта 3. **Достигаемость ракет при пусках из северо-восточных районов Ирана**

Источник: *Jane's Strategic Weapons*.

Имеющийся ракетный арсенал позволяет Ирану контролировать практически весь регион Ближнего Востока, включая Израиль, Среднюю Азию и Турцию, что кажется достаточным для целей сдерживания, в первую очередь Израиля, а также для угрозы американским базам в регионе (в Ираке, Афганистане, Катаре, Саудовской Аравии).

Низкие характеристики ракет не позволяют рассчитывать на поражение точечных целей, что предполагает их использование как оружие устрашения против таких гражданских и площадных целей, как крупные базы, склады, города, причем массированное использование может позволить *продавить* даже израильскую ПРО или американскую ПРО ТВД, однако ракет *Шехаб-3*, способных достичь Израиля, судя по всему, немного, что теоретически повышает шансы ПРО на уничтожение всех целей.

Важным недостатком существующих иранских жидкостных ракет является и относительно долгое время предстартовой подготовки (один-два часа), что делает ракеты более уязвимыми и замедляет время реакции. Видимо, осознание этого факта привело к появлению альтернативных программ твердотопливных ракет, основанных уже на китайских технологиях.

При этом складывается такое впечатление, что северокорейский задел и помощь, сыгравшие свою роль при налаживании производства *Шехаб-1*, *Шехаб-2* и *Шехаб-3*, начинает исчерпывать себя, так как северокорейские технологии, судя по всему, не позволяют сделать качественный рывок в вопросах повышения точности и дальности ракет. И сотрудничество с Китаем в этом вопросе не выглядит иррациональным.

Иранская ракетная программа в целом представляет собой интересный феномен. Ирану удалось создать и серийно производить разнообразные типы ракет, которые позволяют *ступенчато* применять их в зависимости от степени эскалации предполагаемого конфликта, когда применение дорогих и относительно немногочисленных БР класса *Шехаб* было бы неоправданно.

При этом в случае, если Ирану удастся полностью *локализовать* ракетное производство на своей территории, в мире может появиться новый поставщик недорогих ракетных технологий и самих ракет. Роль Ирана в этом качестве может возрасти в случае принятия *решительных мер* в отношении КНДР и/или объединения двух Корей. Иран в перспективе вполне может стать региональным поставщиком ракет для стран Ближнего Востока и Африки. *Первой ласточкой* представляется неподтвержденная информация о поставках Ираном БР в Судан в 1996 г., что, правда, опровергалось обеими странами⁹².

В этой связи интересен пример конфликта в Ливане летом 2006 г., где против Израиля было применено значительное количество неуправляемых твердотопливных ракет различной дальности. Массовое их применение оказало стратегический эффект, так как нормальное функционирование приграничных районов Израиля было, насколько можно судить, парализовано. По официальным израильским данным, за 33 дня боевых действий *ракетчиками* организации «Хизбалла» было выпущено 3970 ракет, ставших причиной гибели 41 мирного жителя⁹³. Интенсивность пусков составила в среднем около 120 ракет в день. При этом было показано, что пусковые установки ракет практически невозможно уничтожить с воздуха и довольно сложно *выловить* в ходе наземной операции. Всего, по официальным израильским данным, было уничтожено 126 ПУ ракет⁹⁴.

Таким образом, Иран уже обладает своеобразным *субстратегическим* оружием для действий по Израилю. Однако для этого необходимо сохранять контроль над пограничными с Израилем территориями, что делает южную часть Ливана своеобразным аналогом Кубы в период нахождения там советских ракет средней дальности. Соответственно, расширение *зоны безопасности* под контролем войск ООН или израильских войск снижает эффективность большинства легких иранских неуправляемых радиоактивных снарядов (НУРС), однако для парирования угрозы со стороны более тяжелых и дальнобойных систем необходима уже оккупация значительной части Ливана, что представляется неприемлемым.

Наконец, наличие иранских тактических ракет в Ливане также позволяет осуществить следующий сценарий. В случае конфронтации с Израилем массированное применение дальнобойных НУРС и оперативно-тактических ракет (ОТР) с территории Ливана по известным средствам ПВО и ПРО Израиля может дать шанс для массированного применения БР *Шехаб-3* в ударе по стратегическим целям и объектам. В этом случае возможности ПРО Израиля перехватить все ракеты становятся не очевидны.

Наконец, стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. В 2003–2004 гг., насколько можно судить, произошло резкое замедление темпов развития ракетной программы Ирана в части разработки новых ракет большой дальности. Вероятно, усилия иранской ракетной промышленности сосредоточились на совершенствовании ракет семейства *Шехаб-3* в плане повышения точности, надежности, а также эксплуатационных характеристик. Дело в том, что в результате вторжения в Ирак американские войска сами значительно приблизились к иранской границе и оказались в пределах досягаемости многочисленных иранских тактических ракет. Так, в настоящее время в Ираке находится порядка 12 крупных постоянных американских баз, которые расползены практически по *линеечке* в центральных районах страны⁹⁵. В целом, на данный момент в Ираке находится около 130 тыс. американских военнослужащих, значительная часть которых проводит операции в шиитских районах Ирака, прилегающих непосредственно к Ирану, и находится, таким образом, в радиусе действия иранских «субстратегических» ракет. Нельзя исключать и того, что Иран провоцирует вооруженную борьбу в приграничных районах Ирака, в том числе с целью *приблизить* американские войска в пределы досягаемости менее дальнобойных систем.

При таком сценарии американский контингент фактически становится заложником ирано-американских отношений и намного более уязвимым по сравнению с американскими базами в районе Персидского залива или собственно территорией США. Наконец, под ударом иранских тактических и оперативно-тактических ракет находятся военнослужащие, что позволит избежать обвинений в нападении на мирное население в случае возможного удара. Соответственно, для удара по США достаточно простых и дешевых систем, что позволяет Ирану сосредоточиться на доводке ракет семейства *Шехаб-3* и постепенном наращивании характеристик этой ракеты. Данное предположение хорошо укладывается в основной постулат иранской военной доктрины: сдерживание возможной агрессии за счет «выставления» максимально возможной цены, которую придется заплатить агрессору за свои действия⁹⁶.

Но, как уже было отмечено выше, ракетный арсенал в своем нынешнем состоянии и при условии неприменения ОМУ представляет собой не более чем дорогостоящую *дубину*, имеющую малую боевую ценность в современной войне.

Опыт Ирана также свидетельствует о том, что даже массированное применение БР по гражданским объектам не дает желаемого эффекта, а массированное применение ракет в современных условиях является очень дорогостоящим (так, по некоторым данным, по окончании *войны городов* у Ирана оставалось только 20 ракет *SCUD-B*).

Отсюда логически вытекает, что иранский ракетный арсенал в нынешнем состоянии в обычном оснащении представляет собой не более чем оружие устрашения, нацеленное в первую очередь против гражданского населения либо крупных военных объектов потенциального противника. Для повышения эффективности ракетного арсенала необходимы значительные инвестиции в программы модернизации существующих ракет, в первую очередь, в вопросах повышения точности и, в меньшей степени, дальности, что представляется очень затратным – как по временным, так и по финансовым ресурсам. Нельзя исключать и компромиссный вариант, когда ракетная *дубинка* будет дополнена самолетной *рапирой*, причем единственным кандидатом в этом варианте является имеющийся на вооружении иранских

С материалами по иранской ракетной программе вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Иран» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

ВВС Су-24. Однако и в этом случае Ирану требуются значительные средства для проведения даже не модернизации, а хотя бы текущего ремонта самолетов. Но в случае проведения подобных работ на вооружении Ирана появится субстратегическое средство доставки ОМУ, у которого значительно повысится точность, а в случае оснащения системой дозаправки в воздухе (как на советских/российских Су-24М) радиус его действия еще больше повысится⁹⁷.

Перспективным видится и направление по развитию крылатых ракет Ирана. Хотя большинство из них разработаны и производятся как ПКР, опыт показывает, что они могут применяться и как оружие «поверхность–поверхность» (например, применение индийскими ВМС ПКР П-15 по береговым целям при ударе по Карачи в 1971 г.; все ПКР ВМФ СССР всегда имели режим для стрельбы по наземным радиолокационно контрастным целям)⁹⁸. А в случае оснащения уже имеющихся ПКР БЧ с химическим или биологическим зарядом в руках у иранцев получится относительно недорогое средство доставки химического и биологического оружия (ХБО). Однако отсутствие пригодных для них носителей делает перспективы применения ПКР сомнительными, так как ВМС Ирана даже по сравнению с флотами стран Персидского залива являются незначительной боевой силой. Хотя иранским руководством принимаются меры по его усилению, в первую очередь путем закупки ракетных кораблей (китайских ракетных катеров *Худонг*, оснащенных китайской же ПКР С-802). Однако самым перспективным морским носителем крылатых ракет все-таки представляются ДЭПЛ пр.877ЭКМ, которые при проведении соответствующей модернизации на российских предприятиях могут стать морскими элементом иранской стратегической *триады*.

Перспективы же ракет средней дальности, стратегических КР и дальних бомбардировщиков кажутся весьма далекими, в первую очередь из-за значительной стоимости подобных систем, а также необходимости совершенно иного технологического уровня для их разработки, производства и эксплуатации. Судя по всему, перспективные НИОКР по подобного рода системам ведутся (в первую очередь, по КР и БРСД), причем в распоряжении иранцев могли оказаться даже такие высокотехнологичные системы, как российская стратегическая КР Х-55⁹⁹.

Таким образом, единственным реальным средством доставки потенциального ОМУ в Иране является семейство ракет *Шехаб*, из которых наибольшую угрозу представляет последняя известная модификация – *Шехаб-3*. Немаловажно, что у Ирана имеется богатый опыт эксплуатации ракет данного типа, они хорошо освоены частями КСИР и, видимо, лишены большинства *детских болезней*, в особенности *Шехаб-1, 2*. Представляется, что в ближайшее время им на смену будут приходиться БР *Шехаб-3*, а также, возможно, ракеты с РДТТ.

Кроме того, при анализе носителей необходимо учитывать не только наличие той или иной системы в *железе* или даже в серийном производстве, а ее возможность поднять и донести ядерный заряд до цели. Массово-габаритные характеристики иранских ЯБЧ оценить практически невозможно, но некоторые западные аналитики полагают, что они в значительной степени базируются на китайских проектах, полученных через сеть Абдул Кадыр Хана, и весят около 1000 – 2000 фунтов (450–900 кг)¹⁰⁰. На сегодняшний день данный вес могут поднять иранские средства доставки, приведенные в таблице 2.

Таким образом, мы видим, что в настоящее время к субстратегическим носителям ядерного оружия при условии, что иранским физикам удастся минимизировать потенциальную ЯБЧ и выдержать массу не более 1000 кг, относятся два типа баллистических ракет и фронтовой бомбардировщик Су-24 МК. В случае уменьшения массы ядерного заряда спектр средств доставки значительно расширится. Однако второе представляется очень отдаленной перспективой, то есть реальными носителями могут считаться только Су-24МК и ракеты *Шехаб-2, 3*. При этом бомбардировщик может служить средством для нанесения точечных ударов, в то время как баллистические ракеты будут служить не более чем средством устрашения, в первую очередь соседних арабских государств, а также Израиля, с возможностью применения ОМУ.

Для России иранская ракетная программа в настоящее время не представляет угрозы. Видимо, Иран никогда не рассматривался в качестве цели для советских/российских стратегических сил (по аналогии с КНДР, чья ракетная программа объективно более развита, а КНДР непосредственно граничит с Россией)¹⁰¹. В случае появления у Ирана ядерного оружия, а также ракет средней дальности представляется, что основным средством сдерживания могут служить, в первую очередь, авиационные носители – самолеты стратегической и дальней авиации, а также тактические бомбардировщики Су-24М, М2 и Су-34.

Таблица 2. Средства доставки ядерного оружия, способные поднять заряд массой не менее 500 кг

Название	Дальность, км мин. – макс.	Масса, кг ракета	БЧ	КВО, м	Тип двигателя
<i>Твердотопливные БР</i>					
<i>Зелцал-2</i>	350–400	нет данных	600	н.д.	РДТТ
<i>Жидкостные БР</i>					
<i>Шехаб-1 (SCUD-B)</i>	50–300	5862	989	450 – 1000	ЖРД
<i>Шехаб-2 (SCUD-C)</i>	55–700	6400	700	1000	ЖРД
<i>Шехаб-3 (Зелцал-3)</i>	1300–1500	16000	760–1100	1000	ЖРД
<i>Шехаб-4</i>	1800–2000	22000	750–1000	нет данных	ЖРД
<i>КР</i>					
<i>CSSC-2</i>	85	2300	400		ТРД
<i>CSSC-3</i>	95	3000	513		ТРД
<i>Раад</i>	150–400	нет данных	500		
<i>Авиационные носители</i>					
<i>Су-24 МК</i>	950 км с бомбовой нагрузкой 2500 кг 1050 км с бомбовой нагрузкой 3000 кг и двумя подвесными баками			Максимальный калибр бомб – 1500 кг	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иранские ракетные и ядерные проекты, как вытекает из вышеизложенного анализа, не синхронизированы. Ракетная программа Ирана развивается по собственной логике. *Пересечение* ядерных и ракетных программ, конечно, возможно – но не сейчас, а в перспективе, да и то в случае, если Иран действительно стремится к обладанию ядерной бомбой (что не является предметом анализа в данной работе).

В условиях непростых переговоров по иранской ядерной программе увязка этих двух вопросов может значительно ужесточить иранскую позицию и не представляется целесообразной. 🐼

Примечания

¹ Данное исследование подготовлено в рамках проекта, финансирование которого осуществлялось Институтом мира США.

² Lennox Duncan. Iran's ballistic missile projects: uncovering the evidence. *Jane's Intelligence Review*. 1998, June 1.

- ³ Iran's war of the cities' experience. *Ballistic Missile Proliferation*. 2000, March.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Lennox Duncan. Op. cit.
- ⁶ Iran's war of the cities' experience. Op.cit.
- ⁷ Lennox Duncan. Op. cit.
- ⁸ Большинство иранских военно-промышленных объектов и густонаселенных районов находилось в пределах 400 км от ирано-иракской границы, следовательно, в досягаемости ракетами *SCUD* и *Аль-Хусейн* иракского производства.
- ⁹ Procurement, Iran. *Jane's Sentinel Security Assessment – The Gulf States*. 2004, November 24.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Hughes Robin. Iran's ballistic missile developments – long-range ambitions. *Jane's Defense Weekly*. 2006, September 13.
- ¹² SCUD-B' variants. *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2004, June 15.
- ¹³ Offensive Weapons- Unclassified Projects, Iran. *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2005, January 26.
- ¹⁴ SCUD-C' variant (Hwasong 6) and SCUD-D' variants (Hwasong 7). *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2004, June 15.
- ¹⁵ Offensive Weapons- Unclassified Projects, Iran. Op. cit.
- ¹⁶ SCUD-C' variant (Hwasong 6) and SCUD-D' variants (Hwasong 7). *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2004, June 15.
- ¹⁷ Blanche Ed. Iran claims missile self-sufficiency. *Jane's Missile and Rockets*. 1999, January 1.
- ¹⁸ Procurement, Iran. Op. cit.
- ¹⁹ Beaver Paul. Iran's Shahab 3 IRBM «ready for production». *Jane's Missiles and Rockets*. 1998, June 1.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Shahab 3/4. *Jane's Strategic Weapon Systems*. 2004, June 15.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Blanche Ed. Iran puts Shahab-3 into service. *Jane's Missiles and Rockets*. 2003, September 1.
- ²⁵ Blanche Ed. Iran forms five units for Shahab ballistic missiles. *Jane's Defense Weekly*. 2000, July 12.
- ²⁶ Blanche Ed. Shahab 3 ready for service, says Iran. *Jane's Missiles and Rockets*. 2003, August 1.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Неконвенциональное и ракетное оружие Ирана. *War Online*, (http://www.waronline.org/mideast/iran_wmd.htm (последнее посещение - 20 апреля 2007 г.).
- ²⁹ Ракетная программа Северной Кореи.
- ³⁰ Blanche Ed. Iran hints at more Shahab 3 capabilities. *Jane's Defense Weekly*. 2002, May 22.
- ³¹ *Jane's Defense Weekly*. 1999, March 10.
- ³² *Jane's Missiles and Rockets*. 2004, February 1.
- ³³ Richardson Doug. Iran is developing an IRBM, claims resistance group. *Jane's Missiles and Rockets*. 2005, January 1.
- ³⁴ Procurement, Iran. Op. cit.
- ³⁵ Глава Минобороны Ирана заявил, что испытанная недавно ракета «Шехаб-3» имеет исключительно оборонительный характер. *РИА-Новости*. 2005, 8 июня.
- ³⁶ Blanche Ed. Iran claims Shahab 3 range now 2000 km. *Jane's Missiles and Rockets*. 2004, November 1.
- ³⁷ Shahab 3/4. *Jane's Strategic weapon Systems*. 2004, June 15.
- ³⁸ Ben-David Alon. Iran tests solid-fuel engine for Shahab 3. *Jane's Defense Weekly*. 2005, June 8.

- ³⁹ Why Iran fired Scuds at Iraq. *Foreign Report*. 2001, June 28.
- ⁴⁰ Lennox Duncan. *Jane's Defense Weekly*. 1999, September 8.
- ⁴¹ Габуев Александр, Сафронов Иван. Иран запустил космическую утку. *Коммерсантъ*. 2007, 26 февраля.
- ⁴² Fateh A-100. *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2004, June 15.
- ⁴³ Procurement, Iran. Op. cit.
- ⁴⁴ Lennox Duncan. Short-range Iranian ballistic missile on view. *Jane's Defense Weekly*. 2003, February 5.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Fateh A-100. *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2004, June 15
- ⁴⁷ Offensive Weapons – Unclassified Projects, Iran. *Jane's Strategic Weapons Systems*. 2005, January 26.
- ⁴⁸ Offensive Weapons – Unclassified Projects, Iran. Op. cit.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Hough Harold. Iran targets the Arabian Peninsula. *Jane's Intelligence Review*. 1996, October 1.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ Lennox Duncan. Iran's ballistic missile projects: uncovering the evidence. *Jane's Intelligence Review*. 1998, June 1.
- ⁵⁴ ЦАХАЛ за 34 минуты уничтожил иранские пусковые установки. *AAA PWG SYSTEMS*, новость от 25 октября 2006 г., <http://www.pwgs.org/news/25-10-2006.htm> (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).
- ⁵⁵ Неконвенциональное и ракетное оружие Ирана. *War Online*, (http://www.waronline.org/mideast/iran_wmd.htm (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).
- ⁵⁶ Offensive Weapons- Unclassified Projects, Iran. Op. cit.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Рада стараться. *Коммерсантъ*. 2005, 3 февраля.
- ⁶⁰ Марковский В., Перов К. Авиационные крылатые ракеты. *Авиация и Космонавтика*. 2005, № 9. С. 55
- ⁶¹ Марковский В., Перов К. Авиационные крылатые ракеты. Цит. соч. С. 53
- ⁶² IRIAF since 1998. Dassault Mirage F.1EQ in service with the IRIAF. Arabian Peninsula & Persian Gulf Database, http://www.acig.org/artman/publish/printer_219.shtml, (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).
- ⁶³ Военно-воздушные силы и ПВО Ирана. *War Online*, http://www.waronline.org/mideast/iran_airforce.htm (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).
- ⁶⁴ Air Force, Iran. *Jane's Sentinel Security Assessment – The Gulf States*. 2004, November 22.
- ⁶⁵ Islamic Republic of Iran Air Force. *Jane's World Air Force*. 2005, January 17.
- ⁶⁶ Сергей Мороз, Игорь Приходченко. Цит. соч. С. 37.
- ⁶⁷ Там же. С. 37.
- ⁶⁸ Novichkov Nikolai. The Gefest&T joint stock company of Russia is offering to upgrade while in service the full range of Sukhoi-24 aircraft. *Jane's International Defense Review*. 1999, December 16.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Butowski Petr. Su-24 upgrades proposed. *Jane's International Defense Review*. 2000, August 16.

- ⁷³ Мороз Сергей. Фронтовой истребитель МиГ-29. М.: ООО «Издательский Центр «Экспринт», 2004. С. 36.
- ⁷⁴ Там же. С. 36.
- ⁷⁵ David C Isby. First MiG-29 overhauled. *Jane's International Defence Review*. 2002, September 16.
- ⁷⁶ Air Force, Iran. *Jane's Sentinel Security Assessment – The Gulf States*. 2004, November 22.
- ⁷⁷ Procurement, Iran. *Jane's Sentinel Security Assessment – The Gulf States*. 2004, November 24.
- ⁷⁸ Боевые самолеты ВВС России. *Авиация и Космонавтика*. 1999, № 8. С. 4.
- ⁷⁹ Романченко Валерий. Панорама. *Авиация и Время*. 2002, № 6. С. 22.
- ⁸⁰ Подсчитано по: Ленский А.Г., Цыбин М.М. Военная авиация Отечества. Организация, вооружение, дислокация (1992/2000 гг.). СПб., 2004.
- ⁸¹ Боевые самолеты ВВС России. Цит. соч. С. 4.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Напомню, что, по данным доступных источников, в переговорах с Индией об аренде *Tu-22M3* речь идет о двух-четырёх машинах, которые, правда, планируется применять в действиях над морем как носителей ПКР и дальних разведчиков.
- ⁸⁴ Submarines, Iran. Kilo class (Project 877 EKM) (SSC). *Jane's Fighting Ships*. 2005, February 17.
- ⁸⁵ Procurement, Iran. Op. cit.
- ⁸⁶ SS-N-27 (3M14/3M54/91R1/91R2 Club). *Jane's Strategic Weapon Systems*. 2004, July 24.
- ⁸⁷ Ibid.
- ⁸⁸ Грицкова Александра, Лантратов Константин. Россия оснастит иранские подлодки ракетами. *Коммерсантъ*. 2005, 4 июля.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Фролов Андрей. Машиностроительное предприятие «Звездочка». *Экспорт Вооружений*. 2006, № 4. С. 54.
- ⁹¹ US scoffs at Iranian sub-launched missile «test». *Jane's Missiles and Rockets*. 2006, November 1.
- ⁹² Shahab 1 (SS-1C 'Scud B' variant). *Jane's Strategic Weapon Systems*. 2006, June 23.
- ⁹³ Официальные израильские данные приводятся по: Ben-David Alon. Israel introspective after Lebanon offensive. *Jane's Defense Weekly*. 2006, August 23.
- ⁹⁴ Вэй Сергей. Израиль после наступления на Ливан. *Army Guide*, 2006, 22 сентября. <http://www.army-guide.com/rus/article/article.php?forumID=702> (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).
- ⁹⁵ Приводится по данным: *The Friends Committee on National Legislation*, www.fcnl.org/iraq/bases.htm (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).
- ⁹⁶ Цит. по : Knights Michael. Iran's conventional forces remain key to deterring potential threats. *Jane's Intelligence Review*. 2006, February 1.
- ⁹⁷ Радиус действия с нормальной бомбовой нагрузкой в 1 т – 600 км, сравним с дальностью стрельбы ракеты *Шехаб-2*, при том что масса БЧ последней 700 кг и КВО составляет 1 км. Максимальная бомбовая нагрузка *Су-24* составляет 7 т. Наконец, самолет, в отличие от ракеты, оружие многоразового применения.
- ⁹⁸ Кузин В.П., Никольский В.И. Военно-Морской Флот СССР 1945–1991. СПб., Историческое Морское Общество, 1996. С. 326.
- ⁹⁹ Черников Андрей. Украина списала советские ракеты на Леонида Кучму. *Коммерсантъ*. 2005. 19 февраля.
- ¹⁰⁰ Knights Michael. US long-range planners focus on containment of a nuclear Iran. *Janes's Intelligence Review*. 2005, September 1.
- ¹⁰¹ Есин Виктор. То, что взорвали, – не боезаряд. *Московские Новости*. 2006, 13 октября.

Сергей Понамарев

КНР: НОВАЯ ВЕЛИКАЯ МОРСКАЯ ДЕРЖАВА?¹

В настоящее время мало у кого может вызывать сомнения неоспоримый рост геополитического влияния Китая. КНР уже заняла нишу регионального лидера и имеет огромный потенциал, чтобы в будущем стать важнейшим полюсом в мировой политике. Все эти процессы закономерно актуализируют изучение современной внешней политики Китая, в особенности определение основных императивов дипломатического курса при решении первоочередных задач, стоящих перед сегодняшним руководством КНР. В этой связи особенно значимым становится объективный анализ официальной военно-стратегической доктрины Китая, которая представляет собой один из наиболее информативных и одновременно открытых источников по проблематике внешней политики КНР.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представляет собой один из самых насыщенных конфликтными зонами регионов мира. Среди них особо необходимо выделить: Корейский полуостров (с одной стороны – проблема ракетно-ядерной программы КНДР, с другой – тенденции к унификации полуострова в среднесрочной перспективе), Тайваньский пролив, острова Сенкаку и Спратли. Развитие ситуации вокруг данных конфликтных зон напрямую связано с военно-политической обстановкой в регионе в целом, сохранением или, напротив, расшатыванием геостратегической стабильности на уровне АТР. Во всех этих конфликтных зонах развивающийся и усиливающийся день ото дня Китай имеет свои национальные интересы, которые намерен защищать и реализовывать, а это в свою очередь сопряжено с парадигмой проводимой военной политики, уровнем военного потенциала и присутствия в данном районе. Все эти причины привлекают все большее внимание к принципам оборонного строительства Китая, идеям, заложенным в его национальной военно-стратегической доктрине.

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КНР: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, ПРОТИВНИКИ

Прежде чем приступать к анализу наших источников, необходимо оговориться, что в понятие «доктрина» мы закладываем несколько более широкий смысл, нежели это обычно принято. Под «военно-стратегической доктриной» нами понимается не одно конкретное периодически издающееся документальное резюме, а комплекс официальных документов, касающихся реализации национальных геополитических интересов субъектов мировой политики в контексте обеспечения региональной и глобальной военной безопасности. Любая доктрина есть интеллектуальный продукт, совокупность взаимосвязанных идей в области управления реальными и прогнозируемыми тенденциями для защиты постоянных интересов государства и общества. По сути, структуру военно-стратегической доктрины в ее широком понимании мы можем представить в следующем качестве:

- Фундаментальные долгосрочные и постоянные интересы государства;
- Конкретные целевые установки, разрабатываемые и достигаемые для обеспечения фундаментальных интересов;
- Миссия государства на данном историческом этапе, способы и методы реализации задач национальной безопасности.

В комплекс официальных программных документов, которые составляют военно-стратегическую доктрину КНР, входят: «Белая книга по обороне Китая», «Белая книга КНР по контролю над вооружениями и разоружению»², «Государственный закон против разделения Родины»³. Необходимо отметить тот факт, что последние редакции всех этих регулярно переиздаваемых Госсоветом КНР документов были опубликованы в период 2004–2005 гг. Отдельным источником несколько ретроспективного характера стоит назвать «Белую книгу КНР: Тайваньский вопрос и объединение Китая»⁴, изданную в 1993 г.

Естественно, что касается программных документов КНР, то в них в меньшей степени, нежели чем, например, в аналогичных документах США заметна тенденция к эволюции идеологических взглядов. Но постепенная смена генерации руководства Китая, которая началась в 2003 г. и продолжается до сих пор, неизбежно наложила свой отпечаток и на внешнеполитический курс современного Китая, а также на определение поля если не фундаментальных национальных интересов, то, как минимум, первостепенных задач⁵. А вместе с ними – методов их решения, в том числе и в аспекте военной стратегии и оборонного строительства.

Серия новых публикаций программных документов в 2004–2005 гг. позволяет нам утверждать о том, что председатель Ху Цзиньтао готов активно проводить реформы в области ВПК и в самой структуре Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Вопреки опасениям, которые в 2002 г. высказывали некоторые российские исследователи, Ху Цзиньтао не ориентирован в своей политике исключительно на продолжение экономических реформ с поддержкой Запада, следствием чего могло бы стать и изменение позиции Пекина в отношении расстановки сил в АТР и Северо-Восточной Азии (СВА)⁶. Напротив, сегодня мы уже с полной уверенностью можем говорить о том, что *четвертая генерация* китайских руководителей в полной мере переняла императивы политическо-мировоззрения Цзян Цзэминя и его поколения, однако готова по-новому и более активно реагировать на острые геополитические вызовы современной эпохи⁷. В результате Китай сохранил неизменной свою позицию по ключевым вопросам международных отношений и, в том числе, по вопросам военной безопасности, но *команда Ху* адекватно признала необходимость внутригосударственных реформ и преобразований во многих сферах и отраслях⁸.

Идеологический компонент, как и прежде – в период *третьей генерации* китайских руководителей, ориентирует военно-стратегическую доктрину Китая на противодействие однополярному мироустройству. Во введении каждой «Белой книги» по национальной обороне КНР с 1998 г. отмечается, что после окончания холодной войны «мир зигзагообразно объективно стремится к многополярности», но встречает противодействие «ряда развитых стран», которые стремятся расширить разрыв между собой и «развивающимися государствами»⁹. В связи с этим Китай намерен противодействовать «любым настроениям гегемонизма и политики с позиции силы», отстаивать свои взгляды по всем важнейшим вопросам международных отношений¹⁰. С другой стороны, китайские программные документы отмечают, что в XXI веке «перед человечеством открылись новые возможности, но одновременно ему противостоят новые вызовы»¹¹. Эти вызовы, по мнению КНР, угрожают и без того шаткой стабильности в ряде регионов мира, в связи с чем необходимо укрепление сотрудничества между государствами, в особенности между развивающимися странами. Поэтому в официальных заявлениях Китай выражает готовность принять на себя всю ответственность по защите мира и стабильности движущегося к многополярности мира от геополитических рисков, вызовов и угроз XXI века¹².

Основными вызовами и угрозами Китаю в регионе и в мире «Белая книга по национальной обороне КНР» называет:

- *Международный терроризм.* «В последние годы терроризм заметно возрос, поставив под угрозу международный мир и развитие. События 11 сентября 2001 г. нанесли огромный финансовый ущерб, лишили жизни многих, обратив на себя всеобщее внимание международного сообщества. Китай также является жертвой терроризма»¹³. В то же время – и это одно из коренных отличий в восприятии вызова международного терроризма в доктринах КНР и США, которое нам необходимо особо отметить – китайские документы вносят ряд оговорок, которые призывают учитывать при борьбе с терроризмом. Правительство Китая подчеркивает необходимость усиления диалога и консультаций международного сообщества, развития сотрудничества, совместных усилий в борьбе с террористическими движениями, чтобы уничтожить источник возникновения угрозы. Но «...при нанесении ударов по терроризму необходимо иметь убедительные доказательства и ясные цели, отвечать миссии и принципам Устава ООН и общепринятым международно-правовым нормам, в полной мере выявлять ведущую роль ООН и ее Совета Безопасности. Все предпринимаемые контрмеры должны благоприятствовать долговременной защите мира в регионе и во всем мире. Нельзя смешивать терроризм с той или иной национальностью или религией. Нельзя придерживаться двойных стандартов при нанесении ударов по терроризму. Когда бы, где бы, против кого бы и в какой бы форме ни произошли террористические акты, международное сообщество должно совместными усилиями решительно осуждать и наносить удары по ним. В борьбе с терроризмом необходимо применять паллиативные и радикальные методы, а также комплексные меры. При этом очень важными становятся вопросы развития, сокращение разрыва между Югом и Севером, решение региональных конфликтов»¹⁴.
- *Распространение оружия массового уничтожения (ОМУ).* В определении политических методов противодействия этому вызову военной безопасности Китай также несколько расходится с США. КНР в изданной в конце 2005 г. «Белой книге» по контролю над вооружениями и разоружению подтверждает особую опасность, которую может представлять для мирового сообщества распространение ОМУ, однако предостерегает от необдуманных агрессивных действий. В документе подчеркивается: «...каждая страна имеет право поддерживать свою обороноспособность, на всех этапах осуществления контроля над вооружениями и разоружения необходимо добиваться того, чтобы безопасность всех стран не ущемлялась. Все страны, будь то большие или малые, имеют право принимать участие в обсуждении и разрешении проблем контроля над вооружениями и разоружения на равноправных началах. В осуществлении международного контроля над вооружениями и разоружением нельзя ущемлять независимость и суверенитет любых стран, нельзя применять силу или угрожать ее применением, нельзя вмешиваться во внутренние дела других стран»¹⁵. Этот пассаж может восприниматься исключительно как не слишком завуалированная антиамериканская риторика. Китай выступал и выступает резко против агрессивной политики США в отношении таких стран, как Северная Корея и Иран, которые, по мнению Белого дома, представляют основную угрозу существующему режиму нераспространения. Тем более Пекин осуждал операцию США в Ираке, оправданием которой служила борьба с распространением ОМУ, что в итоге не подтвердилось. Тем самым Китай указывает на то, что мифическое иракское ОМУ стало лишь поводом для распространения военного присутствия США в регионе.
- *Сепаратизм.* Этот вызов отдельно выделяется Китаем, что обусловлено его национальной задачей *воссоединения родины*. Фиксация этого вызова в официальных документах в первую очередь должна оправдывать активизацию деятельности правительства Китая по возвращению Тайваня в состав КНР¹⁶.

Остальные проблемы международной безопасности китайской доктриной понимаются в их классическом видении, среди них: транснациональная и трансрегиональная организованная преступность, наркотрафик, вызовы окружающей среды, демографическая и миграционная безопасность.

Именно в такой трактовке геополитического фона вызовов и угроз руководство Китая выстраивает систему координат геостратегических целей и задач при обеспечении национальной обороны. Такими задачами оборонная доктрина КНР называет:

- *Завершение объединения родины.* Еще в докладе генерального секретаря ЦК КПК XVI съезду партии в ноябре 2002 г. эта проблема была определена как «великая историческая задача»¹⁷. На практике, как уже указывалось нами выше, эта задача предполагает присоединение к КНР Тайваня на выдвигаемых Пекином условиях и установление контроля над спорными островными территориями в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море: Парасельские острова, архипелаг Спратли, острова Сенкаку (Дяюйдао)¹⁸. В первую очередь это обуславливается прогнозом наличия больших запасов неразработанных энергетических ресурсов в этих регионах.
- *Предотвращение вооруженной подрывной деятельности и защита общественной стабильности*¹⁹. Эта задача подразумевает борьбу с «Исламским движением восточного Туркестана», которое рассматривается как террористическая, экстремистская и сепаратистская организация. Причем военная доктрина Китая ни в коей мере не исключает возможности применения вооруженных сил для полного и абсолютного решения этой задачи²⁰.
- *Защита своих интересов в прибрежных акваториях.* Эта задача объективно обусловлена возрастающими объемами морской торговли в регионе, кроме того, необходимостью доставки энергоресурсов на материк. Транспортные перевозки и инфраструктура в акватории Южно-Китайского моря представляют особую важность для экономики Китая (они уже сейчас составляют до 27% от всего грузооборота страны, а торгово-танкерный флот занимает восьмое место в мире по грузоподъемности, причем цифры эти в силу указанных факторов неизменно растут)²¹. Вместе с тем в регионе неизбежно растет и пиратство, борьба с которым только лишь силами правопорядка и береговой охраны становится невозможной.

Из вышеизложенного видно, что две из трех групп первостепенных задач обеспечения национальной безопасности КНР в программных документах напрямую связываются с проецированием военного присутствия за пределы материка, в первую очередь в Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, Тайваньский пролив, Японское море.

В последние годы Китай все более явно демонстрирует свое стремление расширить геополитическое влияние как в США и АТР, так и в мире в целом. Как справедливо замечено авторитетнейшими российскими исследователями проблематики А.В. Болятко и А.Ф. Клименко, в китайском военном и политическом лексиконе появились термины *стратегические границы* и *жизненное пространство*²². Это *жизненное пространство* является исторически необходимым условием экономического, научно-технического, социального развития и обеспечения безопасности страны. *Жизненное пространство*, как оно понимается в Китае, по сути, представляет собой сферы собственного геополитического влияния²³. *Стратегические границы* в отличие от границ государственных понимаются как пределы, в которых государство на данном этапе с помощью военной силы реально может защитить свои интересы. *Жизненное пространство* охватывает все сферы деятельности государства на суше, на море, под водой, в воздухе и в космосе, а его размеры определяются возможностями страны в экономической, научно-технической, социальной и военной областях. *Стратегические границы жизненных пространств* сильных держав *a priori* выходят далеко за рамки их государственных границ, в свою очередь *жизненные пространства* слабых стран порой имеют *стратегические границы*, не соответствующие их возможностям, что в итоге может привести к утрате контроля над территориями и ущемлению их национальных интересов. Особенностью развития современного мира, по мнению китайских военных теоретиков, является стремление большинства стран к установлению для своих *жизненных пространств* новых *стратегических границ*, адекватных их реальной мощи.

Поэтому сегодня Китай в рамках СВА и АТР объективно может и должен расширять *стратегические границы* собственного *жизненного пространства*²⁴, что опять же невозможно без проецирования своего военного присутствия на все районы АТР.

В соответствии с поставленными задачами военно-стратегическая доктрина КНР определяет геополитические силы, которые противодействуют реализации национальных интересов в полной мере, а также потенциальных противников Китая на международной арене²⁵.

Официальные документы определенно указывают на два рода таких сил, противодействующих развитию Китая. Во-первых, это силы международного терроризма, которые для Китая выражаются прежде всего в «Исламском движении Восточного Туркестана». Во-вторых, это государства, проводящие «политику силы и гегемонизма», что, безусловно, указывает на США и государства региона, поддерживающие американскую политическую парадигму на внешнеполитической арене, то есть в первую очередь – на Японию. Что опять же может быть увязано с постоянно декларируемым курсом Китая на конструирование многополярного мироустройства.

Однако необходимо отметить, что напрямую ни в одном документе подробных указаний на какие-либо конкретные страны нет и быть не может. Последняя открытая отсылка к США как идеологическому и историческому противнику была в «Белой книге» по национальной обороне КНР за 2000 г.²⁶. С 2002 г. Пекин декларирует отсутствие какой-либо угрозы для третьих стран со своей стороны, проводя политику «улучшения собственного имиджа», призывая развитые и особенно развивающиеся государства к диалогу и «взаимовыгодному сотрудничеству»²⁷: «оборонное строительство Китая не представляет никакой угрозы ни для какого государства»²⁸. В широко публикуемых статьях китайских исследователей – государственных служащих – особо подчеркивается этот аспект отсутствия определенного противника, а теория *китайской военной угрозы* называется лишь *опасным мифом*: «распространение концепции *китайской военной угрозы* не только не соответствует принципам дружественных отношений [...], но и создает серьезное препятствие дальнейшему развитию сотрудничества между государствами»²⁹.

СТРУКТУРА, СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА НОАК НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

С момента образования КНР и до начала XXI в. оборонная доктрина Китая была ориентирована на ведение сухопутной войны. Могли изменяться стратегические и тактические методы ведения боевых действий, однако общая парадигма на проведение *народной войны* оставалась неизменной. Она базировалась на *трех китах*: революционном духе вооруженных сил Китая, готовности к бесконечной партизанской войне на своей территории (что было вынесено из опыта гражданских войн и войны с Японией в первой половине XX в.), а также философской опоре на принципы ведения боевых действий согласно традиционной китайской военной мысли, изложенной в трактатах Сунь-цзы и У-цзы. Данная концепция со времен формулирования ее *Председателем Мао* носила исключительно идеологическую окраску, то есть национальному и революционному духу войск отводилось намного более значимая роль, нежели профессионализму или технической оснащенности. Вследствие этого стратегия ведения боевых действий в соответствии с доктриной *народной войны* подразумевала создание численного превосходства НОАК (частей постоянной боевой готовности и резерва) над вооруженными силами противника на театре военных действий (ТВД), а вооружение НОАК должно было «соответствовать поставленным задачам», следовательно, основной упор делался на обеспечение стрелковым оружием, танками, артиллерией, ПВО; в то время как ВВС и ВМФ официально считались лишь вспомогательными видами войск, хотя по своим тактическим функциям их логичнее было бы даже определять как рода. Например, в 1987 г. для ВМС Китая была принята тактика «активной обороны и береговых операций» (*цзицзи фаньюй цзиньхай цзочжань*), которая подразумевала исключительно контроль над побережьем и предупреждение о десантах противника силами малых кораблей и опорных пунктов³⁰.

Нагляднейшими примерами реализации доктрины *народной войны* на практике являются все вооруженные конфликты, в которых так или иначе участвовала НОАК за всю свою историю: корейская война 1950-х гг., вьетнамский конфликт, конфликт на о. Даманском в 1969 г. Однако подобный перекося в военно-стратегическом планировании привел в итоге к тому, что главный потенциальный соперник КНР в регионе – США – теоретически может полностью блокировать действия НОАК и практически абсолютно контролировать региональную систему безопасности сетью небольших военно-морских баз при поддержке подводного флота и военно-морской авиации. Поэтому вплоть до последнего времени моделирование конфликтов в регионе с участием КНР и США неизменно приводило к поражению Китая. Причем такие оценки характерны как для российских, так и для западных экспертов – таких, как А.В. Ломанов, А. Иванов, Н. Резяпов, Э. Скобелл, И. Иланд, Л. Ворцел³¹.

Американская концепция проведения операций в регионе остается неизменной вот уже более 15 лет, она известна под названием *война с моря против суши*. Основой ее является тесное взаимодействие на региональном театре военных действий военно-морских сил и военно-воздушных сил США. Именно этим видам войск отводится основная роль на подготовительном и основном этапах проведения боевых операций. В основу данной концепции положено две идеи: «Вперед... со стороны моря» (*Forward... From the Sea*) – для ВМС и «Глобальный контроль – Глобальная досягаемость – Глобальная мощь» (*Global Vigilance – Global Reach – Global Power*) – для ВВС³². Впервые данная концепция была реализована в ходе войны в Персидском заливе (1991 г.). На практике концепция означает полную изоляцию зоны конфликта силами ВВС и ВМС, нарушение управления вооруженных сил противника, завоевание господства в воздухе и на море, уничтожение большей части авиации противника, аэродромов и системы ПВО силами ВВС с применением высокоточного оружия. На следующем этапе огневой мощью ВМС и ВВС уничтожается инфраструктура ВС противника и наиболее важные стратегические объекты и тем самым обеспечивается возможность для перехода к финальной сухопутной части операции³³. Таким образом, особую роль в данной концепции регионального военного присутствия играют силы авианосных групп. Авианосцы, благодаря присущей им высокой ударной мощи, маневренности и боевой устойчивости, рассматриваются командованием США как основа оперативных соединений и групп флота ВС США³⁴.

Таблица 1. Боевые корабли ВМС стран СВА и США в 2006 г.

Тип / Страна	КНР	КНДР	РК	Япония	Тайвань	США (в АТР)
Авианосцы	–	–	–	–	–	7
Амфибии	69	10	12	4	18	15
Миноносцы	30	23	15	31	12	2
Ракетные патрульные катера	96	22	5	9	59	–
Другие патрульные катера	235	279	75	–	–	21
Корветы	–	6	28	–	–	13
Фрегаты	42	3	9	9	21	15
Крейсеры	–	–	–	–	–	13
Субмарины	69	26	20	16	4	37
АПЛ	6	–	–	–	–	24
ПЛАРБ	1	–	–	–	–	8

Источник: Cordesman & Kleiber: The Asian Conventional Military Balance 2006. CSIS. 2006, June.

В АТР «комплексная ударная мощь» ВС США обеспечивается в первую очередь 7-м оперативным флотом ВМС США, который по своему суммарному потенциалу в условиях прямого взаимодействия с противником превосходит большинство флотов стран региона. По сути, именно этот флот является стержнем военного присутствия США в АТР и субрегионе СВА³⁵. Общая численность личного состава 7-го флота ВМС США составляет около 20 тыс. военнослужащих. Флагманской группой 7-го флота является авианосная группа во главе с авианосцем *Китти Хоук*, базирующаяся в Йокосуке в 3 200 милях от Сингапура³⁶. Кроме того, в 7-й флот входят сменяющиеся на ротационной основе соединения шести эсминцев типа *Эрли Берк*, оснащенные многофункциональной системой *Иджис*. Кроме того, проводится развертывание на рубеже крейсеров УРО типа *Тикондерога* с ЗУР *Стандарт SM-3 Block I*. Все они приписаны к военно-морской базе (ВМБ) Йокосука и ВМБ Перл-Харбор³⁷.

Таким образом, противодействовать американской стратегии «войны с моря против суши» в АТР сможет только государство, которое в состоянии противопоставить силы собственного ВМФ флоту США в регионе, не допуская его в собственную акваторию, а также не давая возможности развернуть активные действия ВВС ВМС США. Следовательно, симметричное противодействие возможно исключительно при условии наличия адекватной численности, техники и профессиональной подготовки ВМС, ВВС, ПВО и ПРО.

В целом мы можем констатировать, что в XXI веке Китай вступил с достаточно развитой системой вооруженных сил и органов военного управления, которые продолжают активно модернизироваться. ВС Китая состоят из НОАК, народной вооруженной милиции и народного ополчения. Основным боевым компонентом вооруженных сил, предназначенным для выполнения внешних функций, является НОАК, имеющая четырехвидовую организационную структуру: сухопутные войска (СВ), ВМС, ВВС и стратегические ракетные войска (*второй артиллерийский корпус*). Численность НОАК – 2,47 млн человек, организационный резерв – 500–600 тыс. человек³⁸. Центральный военный совет (ЦВС) КНР осуществляет руководство видами вооруженных сил и военными округами через Генеральный штаб и Главные управления НОАК: политическое, тыла и вооружений. Постоянное руководство оборонным строительством осуществляется министерством обороны, действующим в структуре Госсовета КНР³⁹.

Карта 1. Военные округа КНР

Командования военными округами НОАК играют роль командований на ТВД и имеют в своем подчинении некоторое количество общевойсковых армий, соединения и части различных видов вооруженных сил, части тылового обеспечения, а также командования провинциального уровня (или командования отдельных гарнизонов). Их основные функции включают организацию и координацию совместных операций СВ, ВМС и ВВС (но не *второго артиллерийского корпуса*, который имеет единое централизованное руководство) в пределах военного округа. Всего в КНР семь военных округов: Шэньяньский, Пекинский, Ланьчжоуский, Цзинаньский, Нанкинский, Гуанчжоуский и Чэндуский.

В целом состояние НОАК в начале XXI века можно охарактеризовать как «пока не соответствующее задачам геополитического центра силы». Во-первых, технический парк вооружений все еще по большей части представлен образцами 1960–1980 гг.

Во-вторых, с момента создания НОАК особенностью всей структуры армии Китая была высокая централизация управления. Формально управление ВС КНР осуществляется по двум линиям – партийной (через Военный совет ЦК КПК) и военно-административной (через ЦВС КНР). Однако на руководящих постах в обоих органах, как правило, находятся одни и те же лица, которые и реализуют политический курс в отношении оборонного строительства Китая. В частности, председатель ЦВС КНР одновременно является председателем Военного совета ЦК КПК⁴⁰.

В-третьих, в связи с тем, что НОАК всегда была одним из основных звеньев внутривнутриполитической партийной системы, чрезмерное значение уделялось идеологической *подкованности* военнослужащих, верности курсу КПК, зачастую в ущерб профессионализации кадров и направленности на выполнение внешних функций. По сути, события 1989 г. на площади Тяньаньмэнь продемонстрировали всему миру, что КПК намерена твердо рассчитывать на НОАК как на аппарат принуждения. Но в итоге, в 2001 г. ЦВС КНР признал серьезную отсталость в профессиональной подготовке личного состава НОАК и указал на существование десяти «больших скрытых угроз для вооруженных сил», свидетельствующих об «упадке боевого и революционного духа» армии⁴¹.

Осознание изложенных проблем и несоответствий в развитии НОАК руководством КНР привело к серьезным реформам и модернизации в оборонном строительстве и военно-стратегическом планировании. Начало им было положено Цзян Цзэмином в ноябре 2002 г. на XVI съезде КПК. Этот курс развития ВС КНР включает три этапа:

- *Начальный этап.* Создание основ преобразований (до 2010 г.)
- *Промежуточный этап.* Вооруженные силы КНР должны стать сильнейшими в Азии (2010–2020 гг.)
- *Завершающий этап.* Предполагается завершить модернизацию и достичь передового уровня вооружений развитых стран (2020–2049 гг.)⁴².

Заявленный курс требует серьезных изменений в финансировании НОАК и ВПК в виде резкого увеличения расходов. Тем не менее, официально публикуемые Пекином данные не говорят о сколько-нибудь заметных изменениях в этой области⁴³. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что официальные военные расходы (расходы государственного бюджета по статье «Национальная оборона») не являются единственным источником финансирования и реальные военные расходы существенно превосходят официальные. В частности, Стокгольмский международный институт исследования проблем мира (СИПРИ)⁴⁴ доказал, что официальные военные расходы КНР предназначены главным образом для финансирования НОАК, в то время как финансирование фундаментальных оборонных исследований, перевооружение и развитие ВПК осуществляется из других бюджетных источников – Фонда научных исследований и разработок и Фонда развития новых видов продукции. Согласно оценке СИПРИ, реальные военные расходы Китая в среднем более чем в двое превышают официальные⁴⁵. Тех же оценок придерживаются и американские исследовательские центры, такие, как, например, Центр стратегических международных исследований (CSIS)⁴⁶.

Таблица 2. **Официальные расходы КНР на оборону и реальные расходы по оценке CSIS** (в млрд долл.).

Год / Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Официальные расходы	13,1	14,6	17,4	20,5	22,3	25,3
Оценка CSIS	48,3	49,2	49,6	57,4	61,2	66,7

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОБОРОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КИТАЯ

Мне представляется возможным выделить четыре основных компонента перестройки системы оборонного строительства и военного планирования НОАК. Все они призваны нивелировать военное превосходство США над Китаем в регионе, создать условия адекватного противодействия абсолютно любому противнику в условиях современного военного конфликта – как локального, так и глобального характера. В основе всех преобразований лежит постепенный отход от концепции *народной войны*, повышение профессионализма личного состава, руководящих кадров и командного состава НОАК всех уровней, улучшение техники и вооружений и тылового обеспечения.

Во-первых, реформа оборонного строительства Китая предусматривает **создание мобильных сил**, численность которых в отличие от численности НОАК в целом не только не сокращается, но и постоянно наращивается. Мобильные силы китайской армии состоят из двух компонентов – сил быстрого реагирования и сил быстрого развертывания.

Силы быстрого реагирования – это ударные силы, обладающие наиболее высокой боеспособностью и маневренностью. Они оснащены легким вооружением и перебрасываются в район боевого предназначения по воздуху и морем. Они должны быть в состоянии десантироваться с воздуха в любой точке Китая в течение десяти часов после получения приказа. В состав сил быстрого реагирования входят воздушно-десантный корпус, около шести пехотных дивизий, батальоны специального назначения окружного подчинения, морская пехота ВМС. Их численность составляет более 285 тыс. человек, что превышает общую численность ВС Тайваня⁴⁷.

Силы быстрого развертывания исполняют роль второго эшелона мобильных сил и предназначены для наращивания ударной мощи сил быстрого реагирования. Они имеют тяжелое вооружение и перебрасываются в назначенный район, в основном по железной дороге, в течение двух–семи суток. В их состав в настоящее время включены две армии (из Пекинского и Шэньянского военных округов)⁴⁸.

Вторым компонентом модернизации НОАК и ВПК Китая является **развитие современных систем управления войсками и разведки**⁴⁹, то есть методов ведения *информационной войны*. Обобщающей работой по данной теме является монография аналитика Института стратегических исследований военного колледжа армии США Тоши Ёшихара: «Китайская информационная война: призрак угрозы или ее возникновение?». Эта работа остается актуальной, несмотря на то, что была издана еще в 2001 г. Опираясь на китайские исследования в этой области, автор приходит к выводу, что в современной войне КНР будет стремиться «...к уничтожению способности получения, передачи, обработки и использования информации при защите своих собственных систем с целью достижения информационного превосходства. Например, системы командования и управления должны координировать точные удары и электронную войну посредством определения точного местоположения, слежения, нападения и оценки степени ущерба, нанесенного объектам противника»⁵⁰. В этой связи отмечается, что военная электроника является одной из основ национальной обороны и ей необходимо обеспечить приоритетные условия развития. В результате ЦВС КНР было принято решение о переводе практически всей системы коммуникации вооруженных сил и системы управления государством

на оптико-волоконные технологии как менее подверженные вторжениям и наиболее помехозащищенные. Кроме того, особое внимание уделяется вопросам развития китайской системы обнаружения целей в воздушно-космическом пространстве и средствам предупреждения подобного нападения. В итоге уже к 2001 г. были модернизированы линии связи, управления, разведки и радиоэлектронной борьбы (РЭБ) около 85% ключевых соединений и частей НОАК и около 65% частей береговой обороны и пограничных войск⁵¹.

В-третьих, учитывая возрастающую роль авиации в современных войнах, и опять же в поисках механизмов противодействия американскому тотальному военному превосходству в регионе, командование НОАК стремится к **увеличению потенциала ВВС**. При общем сокращении парка боевой авиации на 20–25% за счет утилизации самолетов второго поколения ударные возможности военно-воздушных сил должны возрасти в 1,5–1,7 раза при поступлении на вооружение более совершенных образцов авиационной техники⁵². С этой целью ведется обновление парка путем модернизации самолетов типа *Цзянь-7 (J-7)*, *Цзянь-8 (J-8)*, принятие на вооружение *Цзянь-10 (J-10)*, *Цзянь-11 (J-11)*, широкомасштабные закупки истребителей *Су-27*, *Су-30*, крылатых ракет класса «воздух–земля», средств дальнего обнаружения воздушного и космического базирования. К 2010 г. ВВС НОАК могут иметь обновленный парк авиации численностью около трех тысяч боевых самолетов. При этом количество машин четвертого поколения и удельный вес ударной авиации составят около 30%. В целом программа строительства ВВС рассчитана на то, чтобы этот вид вооруженных сил обладал не только оборонительными, но и наступательными возможностями. Одновременно предусматривается значительное повышение эффективности и мобильности войск ПВО (комплексы *С-300*, *Бук* и *Тор*)⁵³.

Возможности военно-транспортной авиации планируется вывести на уровень, позволяющий осуществлять десантирование парашютно-десантного полка или переброску по воздуху дивизии сухопутных войск с легким вооружением. Это дает возможность проводить воздушные наступательные операции в локальной войне и высаживать оперативно-тактические десанты. В военной стратегии КНР, одна из задач которой – обеспечить при необходимости «воссоединение Тайваня с Родиной», это довольно существенный фактор и одновременно элемент стратегической концепции устрашения конкурентов, претендующих на владение морской акваторией и спорными островами.

Таблица 3. ВВС КНР. Соотношение современных типов самолетов ко всему авиационному парку

Тип / Год	2000	2005	2006
<i>J-10</i>	0	0	62
<i>Су-30 МКК</i>	0	76	73
<i>Су-27</i>	50	78	116
Общее количество самолетов	3520	1900	2643
Современные самолеты	50	154	251

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

Но **наиболее значимым направлением переориентации военно-стратегической доктрины КНР и оборонного строительства является смещение акцентов с ведения сухопутной войны на усиление ВМС и достижение господства на морских пространствах региона**. Этот процесс обусловлен необходимостью решения геополитических задач, таких, как *воссоединение родины*, разрешение территориальных спо-

ров, охрана торговой и транспортной инфраструктуры региона, противодействие американской концепции военного присутствия («война с моря против суши»). Только при условии достижения всех поставленных целей Китай будет в состоянии проецировать свое военное присутствие на океанический уровень. Именно поэтому складывается впечатление, что вышеизложенные направления оборонного строительства КНР носят вспомогательный характер, в первую очередь поддерживая развитие военно-морских возможностей Китая.

УКРЕПЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

В течение нескольких лет шло определение задач, которые должен выполнять флот Китая в XXI веке, осуществлялась разработка приоритетных направлений развития. Основными задачами, определенными китайскими экспертами в рамках новой морской стратегии, которую можно условно охарактеризовать как «Доминирование в региональной акватории», являются:

- *Движение в сторону океана.* Создание 300-мильной зоны территориальных вод Китая и осуществление эффективного контроля над целостностью прав Китая на акваторию.
- *Обеспечение и усиление морского суверенитета и морских прав Китая.* Недопущение повторения ситуации XIX века, когда Китай был оттеснен с морской арены; осуществление принципа «не потерять ни сантиметра суши, не уступить ни сантиметра моря».
- *Сохранение единства страны.* Реагирование на проявления независимости Тайваня с нанесением удара по амбициям мятежной провинции. Установление полного контроля в воздушной и морской области Тайваньского пролива и обеспечение десантной операции.
- *Перенесение передней линии морской обороны за пределы экономической зоны Китая.* Постепенное углубление морской обороны в западной части Тихого океана. Создание «оборонной способности в голубом океане» (*Blue Ocean Defense Power, Ланьшуй янхай фаньюй нэнли*), способность в условиях мира и безопасности играть решающую роль в западной части Тихого Океана.
- *Преобразование Китая в сильную державу западной части Тихого океана*⁵⁴.

Как видно из контекста задач, значение мощной оперативной морской группировки в структуре морских сил Китая неизмеримо возрастает. Это также обуславливает ввод в состав передовых сил боевых кораблей и построение тактики ведения боя на совершенно новых, отличных от прошлых, принципах. Основой для построения новой тактики командование ВМС Китая считает обретение авианесущего крейсера, вокруг которого будет сформирована боевая группа, сбалансированная в трех измерениях силы – воздушной, надводной и подводной. Говоря о формировании *сбалансированной* боевой группы, в качестве ее ядра китайские специалисты видят авианосец с кораблями поддержки⁵⁵.

Анализ выступлений и статей показывает, что в состав первой авианесущей группы возможно включение, помимо авианесущего корабля, вертолетоносца с 5 вертолетами системы оповещения, 10 вертолетами противокорабельной борьбы, связи, поиска и спасения. В состав группы также войдет боевая группировка из шести–восьми боевых кораблей (фрегаты класса *Цзянху (Jianghu)*, эсминцы класса *Луху (Luhu)*) и две-три ударные подводные лодки с атомными силовыми установками, а также корабль обеспечения, корабль–топливный заправщик⁵⁶. Такой состав группы в целом соответствует существующим принципам построения аналогичных групп, и китайские эксперты вряд ли смогут предложить что-то новое как по составу, так и по идеям построения порядка. Американские военные эксперты приходят к выводу, что в подобной тактике боевого по-

строения и использования судов можно проследить серьезные заимствования американской концепции «авианосных групп», которая прекрасно зарекомендовала себя во многих конфликтах XX века⁵⁷.

С твердой уверенностью могу констатировать, что процесс обретения авианесущего крейсера Китаем существует не только *на бумаге*. Кстати, ставка в данном случае была сделана именно на скорость реализации *проекта 891* (именно так он назван в источниках), а основой для него, вероятнее всего, послужили купленные КНР у России, Украины, Австралии и Англии списанные образцы – *Киев*, *Варяг*, *Мельбурн* и *Мажестик* (планируемое водоизмещение китайского авианосца около 48 000 т). Эти корабли действительно устарели, но Китай, очевидно, резко *модернизирует* боевые возможности своего авианосца серьезной *начинкой* – в виде уже купленных у России 12 палубных вертолетов *Ка-28* и 28 морских многоцелевых истребителей *Су-30 МКК*, возможных дальнейших закупок *Су-33*.

В этой связи особенно интересна история с тяжелым авианесущим крейсером *Варяг* – в первую очередь потому, что его тактико-технические характеристики предполагают оснащение именно самолетами *Су-33*. *Варяг* был куплен у Украины некой китайской фирмой якобы для переоборудования в плавучее казино за 20 млн долларов в 1998 г. Однако в итоге авианосец отбуксировали на ВМБ в порту Далянь, где и законсервировали, но что с ним происходило в дальнейшем, уже никому не известно. Сама же фирма-покупатель исчезла, проведя по сути всего одну *коммерческую операцию* за свою недолгую историю.

Вообще о дате возможного ввода в строй китайского авианосца идут жаркие споры – известно слишком мало достоверных данных, и одновременно слишком много слухов витает вокруг *проекта 891*, но нам наиболее вероятным сроком реализации кажется 2010–2012 гг.

ВМС Китая обновляются активнейшим образом и по другим, не менее важным направлениям. В период 2000–2004 гг. помимо эсминцев и подлодок китайской постройки флот КНР пополнился 10 подводными лодками, 4 эсминцами (и 24 ракетами *Москит* к ним), 2 зенитно-ракетными системами корабельного базирования *С-300Ф*, импортированными из других стран, в первую очередь из России⁵⁸. Кроме того, в начале 2007 г. в состав ВМС КНР может войти первый головной танко-десантный корабль нового типа (вся серия около 10 единиц), который сможет принимать на борт до роты танков и до батальона десантников.

Отдельно необходимо выделить серьезное усиление и модернизацию китайского атомного подводного флота. Как видно из приведенной ниже таблицы 4, при условии выполнения поставленных задач к 2010 г. КНР будет обладать сильнейшим подводным флотом среди стран региона. Флагманами китайских атомных подводных лодок (АПЛ) должны стать новые атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), официальное планирование предполагает строительство семи таких лодок, каждая из которых способна нести до 16 баллистических ракет межконтинентальной дальности⁵⁹.

Еще одним направлением усиления ВМС КНР является продолжение курса на развитие сети военно-морских баз. На сегодняшний день известно о более чем 20 крупных ВМБ. Помимо этого со времен *стратегии береговых операций* ВМС КНР осталось огромное количество форпостов береговой охраны, рассыпанных по всему побережью Китая. Кроме того, существует мнение, что большое количество ВМБ – особенно баз подводного флота – КНР скрыты среди малых островов акватории и остаются неизвестными. Как видно из приведенной ниже карты, особенно много ВМБ расположено на южном и восточном побережье, что обусловлено опять же противоборством с Тайванем, а также стратегической необходимостью защиты морских коммуникаций и инфраструктуры таких экономических центров, как Гонконг и Шанхай. Нет сомнений, что и в будущем ВМБ останутся одним из краеугольных камней в процессе укрепления морской составляющей национальной обороноспособности Китая.

Карта 2. Крупные военно-морские базы КНР

Таким образом, при сохранении сегодняшних темпов Китай в состоянии уже в среднесрочной перспективе создать океанский флот, зона действия которого будет простирается вплоть до меридиана на острове Гуам, что поставит под сомнение возможность реализации принятых сегодня концепций ВМС США в регионе.

Первой широкомасштабной демонстрацией усиления боевых возможностей современной НОАК стали российско-китайские учения «Мирная миссия-2005», которые прошли в августе 2005 г. на территории РФ (г. Владивосток) и КНР (полуостров Шаньдун и прилегающая морская зона). Хотя официальной легендой учений была отработка действий по пресечению межэтнического конфликта, тем не менее, в сценарии легко усматривалась параллель с проведением Китаем возможной операции по силовому воссоединению Тайваня с материком. В ходе учений было отработано взаимодействие сухопутных войск, ВМС и ВВС, что уже само по себе свидетельствует об оперативно-стратегическом уровне учений. Важно отметить, что особое значение отводилось действиям ВВС (завоевание господства в воздухе, удары по целям стратегических бомбардировщиков, поддержка операции СВ силами штурмовой авиации) и ВМС (отражение атаки условного морского противника, действия подводных лодок по пускам ракет, выход к побережью противника и высадка десанта под прикрытием эскадренных миноносцев). Морская составляющая учений была представлена в первую очередь именно китайским флотом из 58 кораблей и подводных лодок. Для сравнения – в «Мирной миссии-2005» от российской стороны принимало участие лишь 5 кораблей⁶⁰.

Таблица 4. Вооружение ВМС КНР, импортированное с 2000 г.

Тип	Экспортер	Вооружение	Год	Количество
ПЛ <i>Kilo 887, Kilo 636</i>	РФ	Тактические ракеты <i>ЗМ-14</i> (до 300 км), противокорабельные ракеты <i>ЗМ-54</i> (до 220 км).	2005	2 поставлено (заказано 8), 8 поставлено.
Эсминцы класса <i>Современный</i>	РФ	Противокорабельные ракеты <i>Москит</i> (до 200 км).	2002	2, к 2006–2007 г. Будет поставлено 4.
Ракетные катера класса <i>Молния</i>	РФ	Противокорабельные ракеты <i>Москит</i> (до 200 км).	Нет данных	10–12
<i>Су-30 МКК2</i>	РФ		Заказано в 2002	24 истребителя поставлено, ожидается заказ еще 48.
<i>Ту-142</i>	РФ		Ведутся переговоры	
<i>Ка-28</i>	РФ		Нет данных	12
<i>Ка-29</i>	РФ		Ведутся переговоры	40
<i>Ка-31</i>	РФ		Ведутся переговоры	20
Самолет-амфибия <i>Ве-200</i>	РФ		Ведутся переговоры	15

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

Таблица 5. План постройки АПЛ КНР

Класс	Проект 093 Шан	Проект 094 Цзинь	Проект 041 Юань	Проект 039 Сун
Год и количество	2 в 2004 г., 6 до 2010 г.	3 до 2010 г.	10 до 2010 г.	11 в 2005 г., 20 до 2010 г.

Источник: Cordesman & Kleiber. Chinese Military Modernization. CSIS. 2006, August.

Реакция США, Японии и Тайваня на прошедшие учения не оставила сомнений в том, что демонстрационные цели «Мирной миссии-2005» Китаем были достигнуты в полном объеме. Все три государства констатировали усиление военно-морского потенциала Китая, а вместе с тем и исходящую от этого угрозу собственным геополитическим интересам в регионе. Особенная озабоченность, что вполне объяснимо, была проявлена Тайбэем. О реакции США, наблюдатели от которых, кстати, не были приглашены на учения, можно судить по интервью командующего Тихоокеанским флотом США адмирала Гэри Рафхеда. Он высоко оценил боеспособность военно-морского флота КНР, но выразил сомнение в том, что такой мощный флот необходим только лишь для защиты морских торговых путей⁶¹.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ КНР

Подводя итог этому краткому обзору, необходимо охарактеризовать процесс развития идей военно-стратегической доктрины Китая.

Невозможно отрицать сам факт проведения серьезных преобразований в оборонном строительстве КНР. Все более четко прослеживается *новый курс* развивающегося Китая на расширение ареала геополитического влияния путем проецирования своей военной мощи за пределы материка – на морские, а затем и океанские просторы. Казалось бы, этот процесс сам по себе может быть назван *революционным* – с точки зрения традиционного понимания методов обеспечения национальной военной безопасности в Китае, со времен флотоводца XV в. Чжэн Хэ представлявшего собой исключительно сухопутную державу, ни в коей мере не претендовавшую на звание *великой морской*. Тем не менее, что касается законодательного, *программного* оформления представленных нами процессов, то о них невозможно говорить иначе как об *эволюционных*.

Подтверждение этому мы находим в хронологии. Легко заметить, что начало *переориентации* военной стратегии Китая было положено в конце 1990-х гг. В частности, именно тогда появились первые данные о старте *проекта 891*, стремлении Китая принять на вооружение серию новых ПЛАРБ, стала активно проводиться политика модернизации технического оснащения ВВС и ВМС КНР путем закупок соответствующих вооружений. В то же время первые официальные заявления о реформе оборонного строительства прозвучали лишь на *судьбоносном* для НОАК XVI всекитайском съезде КПК 2002 г., но и на нем о самом характере будущих преобразований речь не шла. Хотя преобразования к тому времени, как видно, уже шли полным ходом. В «Белых книгах» 2002–2006 гг. употребляется термин «реформирование оборонного строительства Китая», однако и сегодня в базовых программных документах заявленный ЦВС КНР «курс на модернизацию НОАК» не расшифровывается, о его содержании можно судить лишь по таким ярким недвусмысленным демонстрационным шагам, как, например, российско-китайские учения 2005 г.

Судя по всему, китайские руководители *четвертой генерации* в управлении своим государством продолжают придерживаться традиционной для КПК схемы: формирование политического курса – начало его реализации – законодательное оформление курса при условии появления первых позитивных результатов.

Таким образом можно заключить, что в ближайшие годы следует ожидать продолжения процесса эволюционной переориентации базовых положений национальной военно-стратегической доктрины Китая, приведения их в соответствие с уже реализуемым курсом модернизации НОАК, связанным в первую очередь именно с укреплением военно-морской составляющей. 🐘

Примечания

- ¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву за помощь, оказанную в работе над статьей.
- ² Чжунгодэ цзюнькун, цайцзюнь юй фанкуо саньули («Белая книга» КНР по контролю над вооружениями и разоружению). Пекин, 2005, сентябрь.
- ³ Фань фэньле го фалюй («Закон против разделения Родины»). Пекин, 2005.
- ⁴ Тайвань вэньти юй Чжунго туньй. («Белая книга» КНР: Тайваньский вопрос и объединение Китая). Пекин, 1993, август.
- ⁵ Михеев В.В. Китай: новые компоненты стратегии развития. *Мировая Экономика и Международные отношения*. 2004, № 7. С. 48–56.
- ⁶ Именно такие опасения высказывались, например, Г. Арслановым. См: Арсланов Г. Смена поколений на политическом Олимпе. *Азия и Африка сегодня*. 2002, № 4. С. 2–6.

⁷ Подобный взгляд на *преемственность поколений* китайских лидеров был у некоторых авторов и в 2002 г., см. например: Мажаров И., Собянин А. В ожидании четвертой генерации. *Эксперт*. 2002, № 28 (335), 22 июля, http://www.chinadata.ru/generation_4.htm (последнее посещение – 28 марта 2007 г.).

⁸ Портяков В.Я. От Цзян Цзэмина к Ху Цзиньтао: КНР на рубеже веков. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. 247 с.

⁹ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь. А также: Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2002 г.). Пекин, 2002, декабрь.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чжунгодэ цзюнькун, цайцзюнь юй фанкуо саньули («Белая книга» КНР по контролю над вооружениями и разоружению). Пекин, 2005, сентябрь.

¹⁶ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь. А также: Фань фэньле го фалюй («Закон против разделения Родины»). Пекин, 2005.

¹⁷ Цит. по: Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая. *Военная Мысль*. 2005, № 4. С.7.

¹⁸ Heller E.N. Power Projections of the PRC: an Investigative Analysis of Defensive and Offensive Realism in Chinese Foreign Policy. *ACDIS Swords and Ploughshares*. University of Illinois at Urbana-Campaign: 2003, November. P. 2–27.

¹⁹ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь.

²⁰ Клименко А.Ф. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, № 2. С. 60–61.

²¹ Регентов Д. Китай и АСЕАН. «Проект Абирус». http://www.chinadata.ru/china_and_asean.htm (последнее посещение – 28 марта 2007).

²² Подробнее об этом см. работы указанных авторов в журналах *Проблемы Дальнего Востока*, *Военная Мысль*.

²³ Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая. *Военная Мысль*. 2005, № 4. С. 6–7.

²⁴ Лю Цзяньцзюнь. Чжунго сяньдай чжэнчжидэ чэнчжан. (Китай: Современный политический рост). Тяньцзинь, 2003. С. 25–35.

²⁵ Болятко А.В. Обеспечение национальной безопасности Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2003, № 4. С. 32–45.

²⁶ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2000 г.). Пекин, 2000.

²⁷ Wang Hongying. National Image Building and Chinese Foreign Policy. *China: An International Journal*. 2003, March, № 1. P. 46–72.

²⁸ Чжунгодэ цзюнькун, цайцзюнь юй фанкуо саньули («Белая книга» КНР по контролю над вооружениями и разоружению). Пекин, 2005, сентябрь.

²⁹ Цянь Сяюнь. Опасный миф о «китайской военной угрозе». *Азия и Африка Сегодня*. 2003, № 3. С. 29–35.

³⁰ Lewis J.W., Xue Litai. China's Strategic Seapower: the Politics of Force Modernization in the Nuclear Age. Stanford, 1994.

- ³¹ См. например: Иванов А. Первая тихоокеанская. *Коммерсантъ-власть*. 2001, 15 мая.; Ломанов А.В. Полгода после Клинтона: обороноспособность Тайваня в контексте политики США. В кн.: Тайвань на рубеже веков: новые условия и новые вызовы. М.: ИСАА при МГУ, 2001. С. 221-239; Зарубежные военные эксперты о возможном характере вооруженного конфликта между КНР и Тайванем. *ЗВО*. 2004, № 11; Резяпов Н. «Флот против флота»: ВМС Пекина и Тайбея могут сыграть важную роль в гипотетическом конфликте между «двумя Китаями». *Независимое Военное Обозрение*. 2000, 27 октября; Eland I. Is Chinese Military Modernization a Threat to the United States? *Policy Analysis*. 2003, January 23, No 465. Scobel A. The Costs of Conflict: The Impact on China of a Future War. Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute, 2001, October. Burkitt L., Scobell A., Wortzel L. The Lessons of History: The Chinese People's Liberation Army at 75. Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute, 2003, July.
- ³² Роль ВВС США в реализации концепции передового присутствия. *ЗВО*. 2004, № 9.
- ³³ Заяц В. Роль ВВС США в реализации национальной военной стратегии США. *ЗВО*. 2004, № 1. С. 21–27.
- ³⁴ Рюриков Д., Алексеев П. Организация и «трансформирование» авиации ВМС США. *ЗВО*. 2004, № 8.
- ³⁵ Константинов В. ВМС США в начале XXI века. *ЗВО*. 2003, № 1, 2.
- ³⁶ Чертанов В. Применение сил флота и морской пехоты США в 2003–2004 годах. *ЗВО*. 2004, № 12. С. 50.
- ³⁷ Там же. С. 51.
- ³⁸ Каменнов П. КНР: проблемы обороны. *Проблемы Дальнего Востока*. 2003, № 6. С. 53–66.
- ³⁹ Там же. С. 53–66
- ⁴⁰ Михеева В.В. (ред.) Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- ⁴¹ Там же. С. 141.
- ⁴² Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2002 г.). Пекин, 2002, декабрь.
- ⁴³ Чжунго гофан («Белая книга» по национальной обороне КНР в 2004 г.). Пекин, 2004, декабрь.
- ⁴⁴ Ежегодник СИПРИ 2003: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М., 2004.
- ⁴⁵ Цит. по: Михеева В.В. (ред.) Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- ⁴⁶ Cordesman Anthony H., Kleiber Martin.. Chinese Military Modernization. Main Report. CSIS. 2006, August. 114 p. http://www.csis.org/media/csis/pubs/060907_chinesemilitary.pdf (последнее посещение – 25 марта 2007 г.).
- ⁴⁷ Клименко А.Ф. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2004, № 2. С. 13.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Гриняев С. Об основных направлениях трансформации вооруженных сил Китая. «21-й век». 2005, № 1. С. 90.
- ⁵⁰ Yoshihara T. Chinese Information Warfare: A Phantom Menace or Emerging Threat? Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute. 2001, November. P. 153.
- ⁵¹ Ibid. P. 178.
- ⁵² Клименко А.Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая. *Военная Мысль*. 2005, № 4. С. 12.
- ⁵³ Остриков С. Воздушная мощь Поднебесной. *Проект Абирус*. <http://www.chinadata.ru/plaaf.html> (последнее посещение – 26 марта 2007 г.).

- ⁵⁴ Подробнее см.: Регентов Д. Китай: обретение авианесущего крейсера. *Проект Абирус*. http://www.chinadata.ru/air_carrier.htm (последнее посещение – 26 марта 2007 г.).
- ⁵⁵ Подробнее см.: You Ji. The Debate over China's Aircraft Carrier Program. *AFAR Association for Asian Research*. 2005, 3rd February. [Http://www.asianresearch.org/articles/2529.html](http://www.asianresearch.org/articles/2529.html) (последнее посещение – 26 марта 2007 г.).
- ⁵⁶ Данный вопрос всесторонне, качественно и подробно рассмотрен в работе Д. Регентова: Регентов Д. Китай и АСЕАН. «*Проект Абирус*». http://www.chinadata.ru/china_and_asean.htm (последнее посещение – 28 марта 2007 г.).
- ⁵⁷ Wortzel L. The Chinese Armed Forces in the 21st Century. Carlisle: US Army War College, Strategic Study Institute. 1999, December. P. 353.
- ⁵⁸ Регентов Д. Китай и АСЕАН. «*Проект Абирус*». http://www.chinadata.ru/china_and_asean.htm (последнее посещение – 28 марта 2007 г.).
- ⁵⁹ Бочаров И.Ф. Парадоксы ядерного сдерживания. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, 22 апреля.
- ⁶⁰ Георгиев А. «Мирная миссия» выполнима. *Военно-промышленный Курьер*. 2005, 24–30 августа, № 31 (98).
- ⁶¹ Зачем Китаю весь этот флот? *Lenta.ru*. 2005, 1 сентября.

Уильям Поттер

Скотт Пэрриш¹

ПОЛИТИКА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОСТИ

После провала Конференции по рассмотрению действия ДНЯО (КР ДНЯО) 2005 г. стало очевидно, что политика ядерного нераспространения совершенно не адекватна уровню стоящих перед человечеством ядерных угроз. Разрыв между нынешними шагами, применительно к которым даже эпитет *скромные* покажется громким, и между угрозами не просто велик. Он колоссален. Хуже того, он с каждым днем становится все драматичнее.

ЗАМЕДЛЕННАЯ РЕАКЦИЯ

После КР ДНЯО 2005 г. воочию проявилось то, что многие эксперты и так знали (или о чем догадывались), а именно: что государства-участники ДНЯО имеют иногда радикально различающиеся взгляды на состояние, в котором находится Договор, на его актуальность в свете современных ядерных вызовов, а также на возможность, желательность и актуальность внесения изменений и/или дополнений в данный документ, который на протяжении длительного времени является юридической основой международного режима нераспространения.

Обычно (и в общем-то справедливо) эти различия в национальных подходах объясняются разным восприятием угроз государствами. Многие аналитики, к примеру, отмечали, что государства, обладающие ядерным оружием (ЯОГ), и государства, не обладающие ядерным оружием (НЯОГ), фундаментально расходятся во взглядах на приоритетность разоружения и нераспространения, и они объясняют данное расхождение во взглядах разными оценками угроз международной безопасности со стороны горизонтального и вертикального распространения.

Далее, отметим, что сотрудничеству между США и Россией по противодействию ядерному терроризму способствует частичное совпадение взглядов Москвы и Вашингтона на ядерные угрозы со стороны негосударственных субъектов.

Другими словами, предполагается, что оценки угроз связаны с политическими предпочтениями и что государства, у которых восприятие угроз близко или совпадает, с большей вероятностью придут к соглашению по приоритетам в области политики.

Восприятие угроз часто рассматривается как основной фактор, мотивирующий государства в пользу выбора тех или иных политических решений. Ведь **государства реагируют на субъективно воспринимаемые ими угрозы, а совсем не обязательно на объективную реальность**. Следовательно, важно провести анализ различного восприятия угроз распространения теми государствами, которые играют критическую роль в глобальном режиме нераспространения. Такой анализ поможет предсказать, бу-

дут ли те или иные инициативы в области нераспространения иметь поддержку в будущем. Поможет он, как мы надеемся, также объяснить успехи и неудачи в сфере нераспространения в прошлом².

Хотя такой аналитический подход, казалось бы, является общепринятым и логичным, было сделано поразительно мало попыток использования такого подхода с целью систематического сравнения восприятия ядерных угроз государствами и предпочитаемых ими стратегий в области нераспространения. Такое сравнение могло бы позволить идентифицировать те области, где сходное восприятие угроз увеличивает шансы продвижения более активных (и многосторонних) инициатив в области нераспространения, а также определять те предметные области, где различия в оценках угроз могут потребовать применения альтернативных стратегий нераспространения при участии более компактных коалиций государств – с тем, чтобы эти стратегии были эффективными.

Данная статья начинается с оценки восприятия угроз распространения в шестнадцати странах, в том числе взглядов на угрозу со стороны отдельных государств, на различные аспекты ядерного терроризма, а также на другие ядерные вызовы. Далее, мы анализируем стратегии по противодействию этим угрозам, предпочтительные с точки зрения каждой из этих шестнадцати стран. В заключительном разделе мы рассматриваем картину, возникающую в результате оценки восприятия угроз и предпочитаемых стратегий по противодействию им, а также обсуждаем их последствия для режима ядерного нераспространения.

ВОСПРИЯТИЕ ЯДЕРНЫХ УГРОЗ

Угрозы со стороны государств

Таблица 1 суммирует наши оценки преобладающего в различных государствах восприятия ядерных угроз. Не требовалось проводить детального исследования, чтобы догадаться, что налицо – отсутствие единого мнения по поводу того, какие конкретные страны представляют наибольшую угрозу в плане ядерного распространения. Однако на основе данной таблицы мы пришли к некоторым любопытным выводам.

Таблица 1: Восприятие ядерных угроз, исходящих от государств³

	Китай	КНДР	Индия	Иран	Израиль	Япония	Пакистан
Бразилия	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Китай	Нет данных	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	Высокая	Низкая
Египет	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая	Умеренная
Германия	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная
Индия	Умеренная	Низкая	Нет данных	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая
Индонезия	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая	Умеренная
Иран	Низкая	Низкая	Низкая	Нет данных	Высокая	Низкая	Низкая – Умеренная
Израиль	Умеренная	Высокая	Низкая	Высокая	Нет данных	Низкая	Высокая
Япония	Умеренная	Высокая	Низкая	Умеренная	Низкая	Нет данных	Умеренная
Пакистан	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая	Нет данных

Республика Корея	Низкая – Умеренная	Умеренная – Высокая	Низкая	Умеренная	Низкая	Умеренная	Умеренная
Россия	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная	Умеренная	Низкая – Умеренная	Высокая
Испания	Низкая – Умеренная	Высокая	Низкая – Умеренная	Высокая	Умеренная – Высокая	Низкая	Умеренная
Южная Африка	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Швеция	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная
США	Умеренная	Высокая	Умеренная	Высокая	Низкая	Низкая	Умеренная

Почти все государства сходным образом оценивают угрозу ядерного распространения со стороны Ирана и Северной Кореи⁴. Те государства, которые рассматривают Северную Корею как слабую угрозу, также склонны не рассматривать серьезно угрозу со стороны Ирана, тогда как те страны, которые рассматривают угрозу со стороны Северной Кореи как умеренную или сильную, склонны видеть в Иране такую же угрозу. Главным исключением здесь является Египет, который видит сильную ядерную угрозу со стороны Ирана, в то же время рассматривая ядерный вызов со стороны Северной Кореи как значительно меньшую угрозу.

Также важно отметить, что все опрошенные *де-юре* ядерные государства разделяют точку зрения, что Северная Корея и Иран представляют собой умеренную или высокую ядерную угрозу. По крайней мере на первый взгляд это совпадение в восприятии угроз могло бы создать основу для того, чтобы данные государства совместно противодействовали вызовам режима нераспространения со стороны Северной Кореи и Ирана. Поскольку Франция и Великобритания также разделяют эту точку зрения (обоснованное предположение, которое, однако, не рассматривается в данном исследовании), можно было бы представить себе, что постоянные члены СБ ООН (P-5) будут стремиться занять единую позицию по Северной Кореи и Ирану. Однако сложности в достижении сотрудничества среди стран *ядерной пятерки* по этому вопросу были продемонстрированы в ходе КР ДНЯО 2005 г., когда разногласия по вопросам разоружения не позволили им принять совместное заявление, ставшее, казалось бы, уже традиционным.

Тем не менее, постоянные члены СБ ООН разделяют общую точку зрения относительно того, что поиск разрешения северокорейского ядерного кризиса должен вестись в рамках шестисторонних переговоров, и этот подход разделяется также Японией и Южной Кореей.

Сравнительная оценка угроз, однако, указывает на разногласия между ЯОГ и ключевыми представителями Коалиции за новую повестку дня (КНПД) и Движения неприсоединения (ДН) (а также на разногласия внутри этих политических групп) по вопросу об угрозах, исходящих от конкретных государств. Например, Бразилия и Южная Африка склонны считать ядерные угрозы, исходящие от семи рассматриваемых в нашем обзоре стран, как низкие, в то время как их коллеги по КНПД Швеция и Египет рассматривают угрозу со стороны Ирана как высокую (Швеция также рассматривает угрозу со стороны Северной Кореи как высокую, в то время как Египет придает этой угрозе гораздо меньше значения). Различные взгляды на угрозы со стороны Ирана и Северной Кореи существуют и среди таких активных участников ДН, как Индонезия, Южная Африка, Египет и Иран. Эти различия в восприятии угроз среди стран-участниц КНПД и ДН, а также различия в данном вопросе между этими политическими группами и ядерными государст-

вами были одной из причин неспособности найти консенсус по вопросу Северной Кореи и Ирана на КР ДНЯО 2005 г.

Среди рассмотренных стран, наиболее серьезную обеспокоенность вызывают Северная Корея и Иран. Большинство других государств рассматриваются как угроза только своими региональными соперниками. Израиль, например, рассматривается как серьезная угроза Ираном и Египтом, а Китай рассматривается как умеренная или серьезная угроза Россией, Индией, Японией и США. При отсутствии широкого совпадения взглядов на угрозы, исходящие от конкретных стран, многосторонние шаги с целью решения этих региональных проблем безопасности слишком маловероятны.

ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Таблица 2: Ядерный терроризм

	Устройства, рассеивающие радиацию	Диверсии против ядерных объектов	Самодельные ядерные взрывные устройства	Тактическое ядерное оружие (ТЯО)
Бразилия	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Китай	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Египет	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Германия	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Высокая
Индия	Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая
Индонезия	Умеренная	Низкая	Низкая – Умеренная	Низкая
Иран	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая
Израиль	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Япония	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная
Пакистан	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Республика Корея	Низкая – Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая
Россия	Высокая	Умеренная – Высокая	Низкая	Низкая
Испания	Умеренная	Высокая	Умеренная	Умеренная
Южная Африка	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Швеция	Умеренная	Умеренная	Умеренная – Высокая	Высокая
США	Высокая	Умеренная	Умеренная	Низкая

Несмотря на большое внимание американских СМИ и правительства США, которое они уделяют угрозе ядерного терроризма, большинство других стран мира не считают эту угрозу столь же актуальной⁵. Единственным другим государством со сходным уровнем обеспокоенности по поводу некоторых аспектов угрозы ядерного терроризма, по-видимому, является Россия, но даже США и Россия склонны преуменьшать угрозу ряда

форм ядерного терроризма – например несущие опасность реального взрыва ядерной бомбы.

Очень немногие государства рассматривают угрозу всех четырех основных форм ядерного терроризма как «высокую». Что касается устройств, рассеивающих радиоактивные вещества, или *грязных бомб*, как их называет пресса, то только США и Россия рассматривают эту угрозу как «высокую», в то время как семь государств расценивают ее как «низкую». В нашей выборке только Испания и Иран расценивают угрозу диверсий или атак против ядерных объектов как «высокую», при этом Иран, по-видимому, имеет в виду атаки со стороны США или Израиля. Вероятность создания террористами самодельного ядерного взрывного устройства расценивается как «низкая» десятью из рассматриваемых государств, и она не расценивается как «высокая» ни одним из государств, включая США и Россию. Только пять из рассматриваемых государств расценивают угрозу хищения и использования готовых ядерных взрывных устройств (в первую очередь ТЯО) как «высокую» или «умеренную», хотя отсутствие ясности в определении этого термина, скорее всего, объясняет то, что несколько стран в Азии приписали этой угрозе «низкую» опасность.

В целом, США, некоторые из их союзников, а также Россия испытывают наибольшее беспокойство по поводу ядерного терроризма. Страны ДН – за исключением Индонезии – склонны считать эту угрозу незначительной, и только Швеция среди рассматриваемых стран, входящих в КНПД, признает хотя бы одну из четырех разновидностей ядерного терроризма как высокоприоритетную угрозу. Хотя ряд стран ДН в рамках международных форумов поддержали меры, направленные на противодействие некоторым аспектам ядерного терроризма, общее признание этих абстрактных угроз не трансформировалось в понимание того, что они напрямую затрагивают национальную безопасность.

Возможно, наиболее алогичным результатом нашего исследования является низкая приоритетность угрозы хищения или использования готового ТЯО для представителей рассматриваемых в данной работе стран КНПД. КНПД находилась на переднем плане на многих форумах, включая Первый Комитет и заседания по рассмотрению действия ДНЯО, выступая за дальнейшие практические шаги, направленные на уменьшение угрозы со стороны ТЯО, однако среди рассматриваемых в нашей работе четырех стран КНПД только Швеция расценивает угрозу со стороны ТЯО как «высокую».

Несмотря на отсутствие большого количества совпадающих точек зрения на относительную значимость угроз со стороны отдельных форм ядерного терроризма, проблема ядерного терроризма в целом не вызывает значительного политического отторжения. Большинство стран согласны с утверждением, что со стороны негосударственных субъектов имеется новая и растущая угроза международному миру и безопасности, даже если эти субъекты напрямую не угрожают их собственной безопасности.

Наибольшая угроза в области ядерного терроризма связана с возможным приобретением и использованием самодельного или готового ядерного оружия негосударственными субъектами. Однако в связи с более широкой распространенностью радиоактивных источников и атомных энергетических объектов было бы легче предпринять широкие коллективные усилия по борьбе с угрозами *грязной бомбы* и ядерного саботажа. А вот противодействовать угрозе расползания ТЯО будет наиболее трудно, если не невозможно, так как две страны, обладающие большей частью мирового арсенала этого класса вооружений – Россия и США – не только отвергают само наличие такой угрозы, но и оказывают активное противодействие большинству инициатив по ее уменьшению.

ВОСПРИЯТИЕ ДРУГИХ УГРОЗ

Таблица 3

	Вертикаль- ное распро- странение	Связь с угро- зами со сто- роны биоло- гического и химического оружия	Выход из ДНЯО	Невыпол- нение обя- зательств по ДНЯО	Недееспособные государства	Исламский фундамен- тализм
Бразилия	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая
Китай	Высокая	Умеренная	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая
Египет	Высокая	Низкая- Умеренная	Умеренная	Высокая	Высокая	Высокая
Германия	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Умеренная	Высокая
Индия	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Высокая	Умеренная	Умеренная
Индонезия	Высокая	Умеренная	Умеренная	Умеренная- Высокая	Низкая	Умеренная
Иран	Высокая	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Низкая (кроме <i>Аль-Каиды</i>)
Израиль	Высокая	Умеренная- Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая
Япония	Высокая	Умеренная	Высокая	Высокая	Умеренная	Высокая
Пакистан	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая	Умеренная
Республика Корея	Низкая- Умеренная	Умеренная	Низкая- Умеренная	Низкая	Умеренная- Высокая	Низкая- Умеренная
Россия	Умеренная	Низкая	Низкая- Умеренная	Низкая- Умеренная	Умеренная	Высокая
Испания	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная- Высокая	Умеренная	Высокая
Южная Африка	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	Умеренная
Швеция	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Умеренная	Высокая
США	Низкая	Низкая	Низкая- Умеренная	Высокая	Умеренная	Высокая

Исламский фундаментализм стоит особняком – как угроза, признаваемая в качестве серьезной почти всеми рассматриваемыми странами. Только Бразилия и Иран не счи-

тают его умеренной или опасной угрозой (при этом даже Иран выражал обеспокоенность по поводу угрозы со стороны *Аль-Каиды*). Девять стран (Китай, Египет, Германия, Израиль, Япония, Россия, Испания, Швеция и США) считают данную угрозу высокоприоритетной.

Однако многие государства не связывают исламский фундаментализм с ядерным терроризмом и даже, возможно, с ядерным распространением в более широком смысле. Многие из государств, которые рассматривают исламский фундаментализм в качестве умеренной угрозы – такие, как Индонезия, Южная Африка и Индия, вероятно, рассматривают данную угрозу в контексте обычного терроризма и повстанческих действий, а не как относящийся к ядерной сфере вопрос. В результате, тогда как многие государства видят в исламском фундаментализме значительную угрозу, степень согласия по поводу природы этой угрозы и ее взаимосвязи с ядерным терроризмом и распространением ОМУ значительно меньше.

Вертикальное распространение является еще одной угрозой, которая вызывает умеренную или большую обеспокоенность почти у всех рассматриваемых государств. Действительно, десять государств (Китай, Египет, Германия, Индонезия, Иран, Израиль, Япония, Пакистан, Испания и Швеция) называют вертикальное распространение одной из приоритетных угроз. Особенно важно отметить, что США стоят особняком среди рассматриваемых стран, т.к. они придают малое значение проблеме вертикального распространения (Южная Корея является страной с умеренным-низким уровнем обеспокоенности по поводу этой проблемы).

Такое отношение к этой угрозе изолирует США от других стран. Даже многие близкие союзники США, такие, как Германия и Япония, рассматривают вертикальное распространение как серьезную угрозу. Два других ЯОГ (Китай и Россия) также испытывают по поводу вертикального распространения высокую и умеренную озабоченность соответственно. Следовательно, они вряд ли будут заодно с США, когда этот вопрос будет рассматриваться в контексте ДНЯО. В отличие от многих других угроз, анализируемых выше, вертикальное распространение также является проблемой, точки зрения на которую у стран КНПД и ДН совпадают, хотя и не полностью. Учитывая существование широкого консенсуса по этому вопросу, очевидно, что по нему надо стремиться предпринять коллективные действия, несмотря на позицию США.

Отдельная группа государств выражает обеспокоенность по поводу *недееспособных государств*, то есть тех государств, у которых отсутствует возможность адекватно контролировать свою национальную территорию и ресурсы, что делает их источником нестабильности, терроризма и чреватой их возможным распадом. С одной стороны, данная угроза рассматривается как умеренная или серьезная США и их союзниками, другими ЯОГ, а также Египтом и Индией. Хотя многие из стран ДН и членов КНПД рассматривают данную угрозу как незначительную, несколько государств в обеих политических группах имеют противоположные взгляды, по-видимому, главным образом из соображений региональной безопасности. Учитывая существенное расхождение взглядов на угрозу со стороны недееспособных государств в целом, неочевидно, что коллективные действия по решению этой проблемы могли бы быть легко предприняты. Однако перспективы таких действий по отношению к отдельным странам выглядят более реальными.

Среди большинства рассматриваемых стран существует обеспокоенность по поводу выхода государств из ДНЯО. Только Пакистан (не являющийся участником ДНЯО) оценивает эту угрозу как «слабую», в то время как два других государства, не входящих в ДНЯО – Индия и Израиль, рассматривают угрозу выхода из ДНЯО как «умеренную» и «высокую» соответственно. Однако важно, что ни США, ни Россия в настоящее время не рассматривают угрозу выхода стран из ДНЯО в качестве большой проблемы, что в случае Соединенных Штатов может быть дополнительным свидетельством того, что нынешняя администрация придает меньшее значение ДНЯО в качестве инструмента нераспространения. Большинство других стран оценивает данную угрозу как умеренную.

Исключением являются некоторые страны Северо-Восточной Азии (Япония, Китай), которые опасаются последствий заявленного Северной Кореей выхода из ДНЯО, а также страны Ближнего Востока, где Египет и Израиль обеспокоены возможным выходом из Договора Ирана.

Существенное совпадение в восприятии разными странами угроз выхода других стран из ДНЯО позволило некоторым наблюдателям сделать предположение, что государства-участники ДНЯО предпримут коллективные действия по этому вопросу в рамках КР ДНЯО 2005 г. Этот прогноз не оправдался. Хотя на Конференции состоялась обширная дискуссия по поводу того, как интерпретировать и применять статью X ДНЯО, консенсус найден не был. Тем не менее, дальнейшие дискуссии по этой проблеме могут уменьшить разногласия по вопросу о том, как можно лишить государства стимулов использовать статью IV ДНЯО с целью достижения статуса пороговой ядерной державы перед объявлением о выходе из Договора.

Многие рассматриваемые в данной работе государства обеспокоены по поводу неспособности государств-участников ДНЯО выполнять свои обязательства по Договору, хотя государства высказывают различные мнения по поводу того, какие обязательства не выполняются. Например, те государства, которые выражают наибольшую обеспокоенность по поводу ядерной угрозы со стороны Северной Кореи и Ирана, также особенно обеспокоены по поводу неспособности этих стран соблюдать свои обязательства по гарантиям МАГАТЭ. Ряд других стран, однако, в равной, если не в большей степени, обеспокоены тем, что они считают *неспособностью* ЯОГ выполнять свои обязательства по разоружению согласно статье VI ДНЯО.

Для этих государств обеспокоенность по поводу выполнения ДНЯО обычно тесно коррелирует с восприятием угроз ядерного распространения. Германия, Япония и Швеция выделяются среди рассматриваемых стран тем, что они разделяют особенно сильное восприятие угроз, связанных как с неспособностью НЯОГ выполнить свои нераспространенческие обязательства, так и с неспособностью ЯОГ выполнить свои обязательства по разоружению. Неудивительно, что это расхождение во взглядах было еще раз продемонстрировано во время КР ДНЯО 2005 г., хотя оно находилось в тени разногласий внутри традиционных политических групп⁶.

ВЫБИРАЯ СТРАТЕГИИ

А как государства из нашей выборки смотрят на то, какие меры следует предпринимать для противодействия вызовам распространения?

Среди рассматриваемых стран поддержка *ДНЯО*, особенно на риторическом уровне, остается очень сильной. Только Пакистан и Индия (государства, не подписавшие этот Договор) придают малое значение ДНЯО. Все другие страны, по нашим оценкам, рассматривают ДНЯО в качестве важного компонента их стратегии нераспространения, при этом 12 из 15 стран рассматривали его как важный приоритет. Однако не наблюдается согласия по вопросу о том, какие именно элементы Договора нуждаются в укреплении, да и вообще о том, какими путями его укреплять.

Подавляющее большинство рассматриваемых стран считает, что *Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)* имеет большую или умеренную важность. Но резко отрицательное отношение США к ДВЗЯИ означает, что какой-либо прогресс в вопросе его вступления в силу маловероятен, хотя только Израиль и Индия среди рассматриваемых стран разделяют точку зрения США относительно того, что этот договор имеет «низкую» важность. Данная ситуация не является необычной, учитывая, что США в последние годы фактически были в одиночестве, выступая против резолюций Генассамблеи ООН в поддержку ДВЗЯИ.

Таблица 4. Предпочтительные стратегии.
Контроль над вооружениями/разоружение

ДНЯО	13 Практических шагов	ДВЗЯИ	ГЯП	Гарантии МАГАТЭ	Дополнительный протокол	ДЗПРМ	Резолюция СБ ООН № 1540	Санкции	Экспортный контроль	Контр-распространение	Продажа оружия	Временные рамки для разоружения
Бразилия	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Низкая-Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	Умеренная	Низкая	Низкая	Умеренная-Высокая
Китай	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Высокая	Умеренная	Умеренная-Высокая	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая
Египет	Высокая	Умеренная	Низкая	Высокая	Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая	Высокая
Германия	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая
Индия	Низкая	?	Низкая	Умеренная	Умеренная	Низкая	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная	Низкая	Умеренная
Индонезия	Высокая	Умеренная	Низкая	Высокая	Умеренная	Высокая	Низкая	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая
Иран	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Умеренная	Высокая
Израиль	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая-Умеренная	Умеренная	Низкая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая
Япония	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Умеренная
Пакистан	Низкая	?	Высокая	Низкая	Низкая	Умеренная	Низкая	Низкая	Умеренная	Низкая	Высокая	Высокая
Республика Корея	Высокая	Умеренная-Высокая	Умеренная-Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая-Умеренная	Низкая	Умеренная-Высокая	Умеренная	Нет данных	Низкая
Россия	Высокая	Низкая	Умеренная	Высокая	Умеренная-Высокая	Умеренная	Умеренная	Низкая	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая
Испания	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая
Южная Африка	Умеренная	Высокая	Умеренная	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная	Высокая	Низкая	Умеренная
Швеция	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая	Умеренная
США	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая-Умеренная	Умеренная	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая

Таблица 5. Предпочтительные стратегии. Зоны, свободные от ядерного оружия

ЗСЯО		ЗСЯО	
Бразилия	Умеренная	Япония	Высокая
Китай	Высокая	Пакистан	Умеренная
Египет	Высокая	Республика Корея	Умеренная
Германия	Высокая	Россия	Низкая-Умеренная
Индия	Низкая	Испания	Высокая
Индонезия	Умеренная	Южная Африка	Умеренная
Иран	Высокая	Швеция	Высокая
Израиль	Низкая	США	Умеренная

Таблица 6. Предпочтительные стратегии. Технические решения

	Альтернативные топливные циклы	Конверсия исследовательских реакторов	Утилизация плутония	Консолидация ВОУ/уничтожение/ГИСУ
Бразилия	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Китай	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Египет	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Германия	Умеренная	Умеренная ⁷	Высокая	Умеренная
Индия	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Индонезия	Низкая	Умеренная	Низкая	Низкая-Умеренная
Иран	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Израиль	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Япония	Умеренная	Умеренная	Высокая	Умеренная
Пакистан	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Республика Корея	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная
Россия	Высокая	Умеренная	Высокая	Низкая-Умеренная
Испания	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Умеренная
Южная Африка	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Швеция	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Высокая
США	Умеренная	Умеренная	Умеренная	Высокая

США, Индия и Израиль также занимают обособленную позицию в вопросе о *выработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ)*. Они придают ему «низкую» важность, в то время как шесть из других 15 стран придают ему высокую важность, а остальные – умеренную. Многие страны, включая близких союзников США, отвергают новую позицию, занятую Соединенными Штатами в 2004 г., заключающуюся в том, что исполнение ДЗПРМ не может быть эффективно верифицировано, поэтому договор должен быть заключен без положений о мерах проверки. Высокопоставленный японский дипломат, участвовавший в данном опросе, например, сообщил, что его правительство рассматривало меры проверки как очень важный элемент ДЗПРМ. Твердая, но изолированная позиция США, занятая ими в вопросе о ДВЗЯИ, однако наводит на мысль, что достичь консенсуса и предпринять коллективные действия по этому вопросу будет очень сложно.

Сходная проблема проявляется при изучении отношения рассматриваемых стран к *13 практическим шагам*, принятым без голосования на КР ДНЯО 2000 г. Хотя США являются практически единственной страной, высказывающейся против ДВЗЯИ, а также против многих других шагов, или назвавшей их бессмысленными, Россия тоже прохладно относится ко многим из 13 шагов, так же, как и Франция – ядерная держава, не включенная в данное исследование. Разногласия по поводу юридического статуса данного документа явились одной из главных причин того, что государства-участники ДНЯО не смогли принять повестку дня до начала КР ДНЯО 2005 г. Жесткая оппозиция США по отношению ко многим из 13 шагов делает маловероятным то, что они смогут послужить основой будущих коллективных действий, несмотря на широкую поддержку, которой они пользуются со стороны большинства государств, включая КНПД и ДН.

Необходимость укрепления гарантий МАГАТЭ и усиления роли *Дополнительного протокола*, являющегося добровольным для исполнения в настоящее время, является той областью, в которой многие государства очень заинтересованы. Практически все рассмотренные государства, кроме Израиля и Индии, придают большое значение гарантиям МАГАТЭ. Однако вопрос о том, как укреплять существующую систему гарантий, вызывает большее число противоречий. Генеральный директор МАГАТЭ Мохамед Эльбаррадей выступил с предложением «сделать Дополнительный Протокол нормой проверки выполнения ДНЯО». Этот подход также был одобрен в начале КР ДНЯО 2005 г. Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном. Наше исследование позволяет сделать вывод, что семь стран придают *Дополнительному протоколу* высокую важность. Бразилия была единственной страной-участницей ДНЯО, придававшей низкую важность *Дополнительному протоколу*, скорее всего, в основном из-за своего спора с МАГАТЭ в 2005 г. по поводу проверки ее деятельности по обогащению урана. Хотя ряду стран ДН не нравится акцент на гарантиях нераспространения без параллельного акцента на разоружении, признание ценности усиленных гарантий со стороны большинства стран растет.

Предложения о введении *временных рамок для процесса разоружения* также традиционно вызывают противоречия между ЯОГ и НЯОГ. Проведенный в данном исследовании обзор показал, что разоружение в заданные сроки остается концепцией, разделяемой не всеми. Исторически такой подход поддерживало ДН, и данный обзор показывает, что ряд стран ДН, включая Индию, Индонезию и Египет, до сих пор придают ему высокую важность. Несколько других стран, включая некоторых участников КНПД (например, Южная Африка и Бразилия) и ДН (снова Южная Африка) придают такому подходу умеренную важность. Неядерные страны – союзники США, такие, как Германия, Испания и Южная Корея, с другой стороны, придают низкую важность данному подходу и рассматривают его как непродуктивный. ЯОГ (США, Россия и Китай) продолжают отвергать этот подход как неприемлемый, придавая ему низкую важность. Франция, не включенная в наш обзор, заняла особо жесткую позицию после КР ДНЯО 2000 г. по любым вопросам, где был бы хотя бы намек на ядерное разоружение в заданные сроки, настаивая на увязке этого вопроса с всеобщим и полным разоружением.

В целом, наше исследование показывает низкую вероятность того, что выход из тупика по этому вопросу будет найден.

Исторически сложилось так, что *экспортный контроль* всегда был камнем преткновения при обсуждении приоритетов ядерного нераспространения. ЯОГ придают большее значение этому подходу по сравнению с НЯОГ, последние в большей мере склонны рассматривать экспортный контроль в качестве препятствия для их доступа к осязательным благам мирного атома. Это расхождение во взглядах государств на экспортный контроль в целом и на Группу ядерных поставщиков (ГЯП) в частности четко заметно и в нашем исследовании. Девять стран придают высокую важность экспортному контролю в качестве стратегии по нераспространению (хотя многие из них поддерживают этот инструмент главным образом, когда он не применяется к ним самим). Меньшее число стран (Германия, Япония, Испания, Швеция и США) рассматривают ГЯП как важный инструмент нераспространения. Хотя лишь несколько государств, рассматриваемых в нашей работе, не придают важности экспортному контролю (Египет, Индонезия и Иран), большее число стран выражает скептицизм по поводу полезности ГЯП, к которой они обычно относятся как к картелю поставщиков. Хотя разоблачение деятельности сети Абдул Кадыр Хана заставило большее количество государств признать необходимость усиления контроля над ядерным экспортом, существуют значительные расхождения между многими ЯОГ и НЯОГ по поводу важности и насущности принятия мер усиленного контроля над ядерной торговлей. Из-за этих разногласий очень сложно представить себе возможность масштабных коллективных действий в рамках этого вопроса.

Многие из отмеченных выше разногласий по отношению к экспортному контролю также можно заметить при анализе отношения государств к возглавляемой США *Инициативе по безопасности в области распространения (ИБОР)*, призванной содействовать международному сотрудничеству с целью предотвращения незаконного оборота ОМУ-технологий и материалов. США и Израиль являются единственными странами в данном исследовании, проявляющими большой интерес к данному инструменту нераспространения, хотя ряд других союзников США (Германия, Япония, Испания) также признают ценность данного подхода, наряду со Швецией и Россией. С другой стороны, большинство стран, входящих в КНПД и ДН, а также Китай – скептически относятся к ИБОР и/или рассматривают ее с некоторой остороженностью. В основе этих взглядов, возможно, лежат опасения, что Инициатива чревата нарушением их суверенитета. Тем не менее, несмотря на то, что в рамках этого подхода отсутствует даже намек на консенсус, ИБОР быстро расширила число своих сторонников.

Контрраспространение, обычно определяемое как прямые военные действия с целью заблокировать или обратить вспять процесс распространения ОМУ, имеет мало сторонников среди рассматриваемых стран. Только США и Израиль придавали «высокую» важность этому подходу. Таким образом, имеется широкая оппозиция по отношению к контрраспространению в качестве инструмента нераспространения ОМУ. Помимо того, что десять стран в нашем исследовании придавали этому подходу «низкую» важность, многие рассматривали его как весьма контрпродуктивный подход. Такая точка зрения, по-видимому, только усилилась после вторжения США в Ирак в 2003 г.

Санкции, давно пользующиеся популярностью у США в качестве инструмента давления, используемого для продвижения целей нераспространения, не имеют большой поддержки со стороны других стран, многие из которых видят себя в качестве потенциальных жертв санкций и рассматривают их в качестве последнего средства, граничащего с военными действиями. Опыт применения санкций ООН против Ирака, которые, по всей видимости, парализовали иракскую программу по созданию ОМУ (однако ценой больших издержек для населения Ирака) вызвали еще больший скептицизм у многих стран по поводу полезности санкций в качестве инструмента политики нераспространения. США – единственная страна в данном исследовании, считающая санкции высокоприоритетным политическим инструментом. Несколько других стран (Южная Африка, Бразилия и Индонезия) отдают им умеренную приоритетность, в то время как остальные рассматриваемые страны – низкую. Таким образом, санкции, вероятно, будут оставаться инструментом нераспространения, используемым США, инструментом, который даже многие из их союзников поддерживают неохотно.

Таблица 7. Предпочтительные стратегии. Прочие инициативы

	СУУ и смежные программы «Большой ФЗУКЯМ восьмерки»	Глобальное партнерство «Большой ФЗУКЯМ восьмерки»	Усиленные нормы	Мирное обеспечение безопасности (Статья IV)	Региональная безопасность/использование зование	Обмен данными	Гарантии поставок энергии/топлива	Многоядерные топливные центры	Экономические/Технологические стимулы
Бразилия	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная	Высокая	Низкая	Низкая
Китай	Умеренная	Умеренная	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная	Низкая	Низкая	Низкая
Египет	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная-Высокая	Низкая	Низкая-Умеренная	Высокая
Германия	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Высокая	Высокая
Индия	Низкая	Низкая	Умеренная	Умеренная	Высокая	Умеренная	Умеренная	Нет данных	Высокая
Индонезия	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная	Высокая	Низкая	Низкая
Иран	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая
Израиль	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая	Варьируется	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая
Япония	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная
Пакистан	Низкая	Низкая	Низкая	Умеренная	Умеренная	Низкая	Умеренная	Низкая-Умеренная	Умеренная
Республика Корея	Умеренная-Высокая	Умеренная-Высокая	Умеренная-Высокая	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Умеренная	Умеренная
Россия	Умеренная	Высокая	Низкая	Высокая	Высокая	Низкая	Умеренная	Высокая	Умеренная
Испания	Умеренная	Умеренная	Высокая	Высокая	Умеренная	Низкая	Умеренная-Высокая	Низкая-Умеренная	Высокая
Южная Африка	Низкая	Умеренная	Высокая	Низкая	Высокая	Умеренная	Высокая	Низкая-Умеренная	Низкая
Швеция	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая	Умеренная	Высокая	Умеренная	Умеренная	Умеренная
США	Высокая	Высокая	Низкая	Высокая	Низкая	Низкая-Умеренная	Умеренная-Высокая	Умеренная-Высокая	Высокая

Одной из наиболее важных новых инициатив в области нераспространения является резолюция Совета Безопасности ООН №1540, которая предписывает всем государствам принять и реализовать эффективные меры законодательного характера с целью предотвращения изготовления, приобретения, обладания, разработки, транспортировки, передачи или использования ядерного, химического или биологического оружия и средств его доставки любыми негосударственными субъектами. Эта резолюция, принятая в апреле 2004 г., также предписывает всем государствам разработать и поддерживать надлежащие меры физической защиты и учета этого оружия массового уничтожения и связанных с ним материалов, а также принимать соответствующие эффективные меры пограничного контроля с целью обнаружения, сдерживания, предотвращения незаконного оборота такого оружия и материалов и борьбы с незаконным оборотом. Принятая под воздействием разоблачения нелегальной сети Абдул Кадыр Хана резолюция №1540 показывает, что консенсус по новым инициативам в области нераспространения может быть достигнут – по крайней мере в СБ ООН – при наличии сильной политической воли постоянных членов СБ ООН. Однако менее ясным является то, в какой мере резолюция будет выполняться, учитывая, что ряд стран не считает проблему важной, у многих других нет соответствующих ресурсов для выполнения резолюции, а также учитывая сомнения ряда государств, особенно некоторых близких союзников США, по поводу того, что роль СБ ООН не распространяется на *законотворчество* в области нераспространения. Это расхождение во мнениях отражено в нашем исследовании, где семь государств придают высокую важность резолюции №1540, пять стран придают ей умеренную важность, а три государства–члена ДН (Египет, Индонезия и Иран) придают ей низкую важность и считают ее неприемлемой. Хотя Пакистан и не заблокировал принятие этой резолюции СБ, он также выступил с существенными оговорками по поводу этого инструмента и поначалу не испытывал энтузиазма в отношении выполнения резолюции. В дальнейшем, однако, большинство государств, включая Пакистан, пошло навстречу резолюции и даже навстречу идее о пролонгации мандата комитета ООН, созданного в соответствии с резолюцией для мониторинга ее выполнения.

Подписание 8 сентября 2006 г. странами Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) договора о создании в Центральной Азии *зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО)*, показательна с точки зрения разоруженческого и нераспространенческого потенциала такого инструмента, как ЗСЯО. В целом, среди рассматриваемых стран и среди большинства политических групп преобладает большая поддержка концепции ЗСЯО. Семь стран придают высокую важность ЗСЯО, а еще шесть рассматривают создание ЗСЯО как приоритет умеренной важности. Хотя все ЯОГ декларируют поддержку концепции ЗСЯО, на практике они сильно затрудняются указать ту ЗСЯО, которая им нравится. Ключевой вопрос, на который данное исследование не дает четкого ответа, – это степень, до которой в целом высокий уровень поддержки концепции ЗСЯО может быть транслирован в конкретные действия, например в создание дополнительных ЗСЯО и присоединение ЯОГ к протоколам договоров о создании таких зон. Поведение ЯОГ по отношению к недавно созданной ЗСЯО в Центральной Азии, вероятно, будет важным прецедентом.

Недавнее появление новой информации по иранской, ливийской и северокорейской ядерным программам породило призывы *найти технические ответы* на вызовы распространения ОМУ, включая альтернативные топливные циклы, переоборудование исследовательских реакторов на использование низкообогащенного урана (НОУ), сосредоточение и/или уничтожение запасов высокообогащенного урана (ВООУ), а также утилизацию плутония в долгосрочной перспективе. Хотя некоторые из рассматриваемых государств испытывают оптимизм по поводу потенциала технических подходов к решению основных проблем распространения, они находятся в явном меньшинстве. Альтернативные топливные циклы и создание новых реакторов, устойчивых с точки зрения распространения, например, являются приоритетом в основном для России. Другие страны, как правило, не выступают против данной концепции, но либо имеют тенденцию не придавать большой важности данному подходу, либо не считают его особенно многообещающим. Вследствие этого, несмотря на значительный интерес к МАГАТЭ и активную работу в рамках данной организации, демонстрируемые, в особенности Россией,

дальнейшие шаги в этом направлении будут в основном предприниматься отдельными странами или небольшими группами стран.

Судя по впечатляющему количеству участников первой международной конференции по Глобальной инициативе по снижению угрозы (ГИСУ), прошедшей в Вене в сентябре 2004 г., – более 575 представителей из более чем 90 стран, нельзя сбрасывать со счетов возможность широких коллективных действий по конверсии исследовательских реакторов во всем мире на использование НОУ и по возврату ВОУ советского производства.

Хотя данный подход заслуживает внимания из-за существования больших запасов ВОУ в гражданском ядерном секторе с недостаточным уровнем безопасности, в качестве приоритетных подходов к обеспечению нераспространения лишь немногие из рассматриваемых государств придают важное значение конверсии реакторов, консолидации запасов ВОУ и/или их уничтожению. Только США и Германия рассматривают конверсию реакторов как важный приоритет (но только в том случае, когда речь не идет об их собственных реакторах), и только США и Швеция среди рассматриваемых в данной работе стран подчеркивают важность задачи консолидации запасов ВОУ. Хотя Россия номинально присоединилась к США в рамках инициативы ГИСУ, она вложила мало средств в ее реализацию и склонна проявлять гораздо больший интерес к работам по обеспечению безопасности, консолидации и уничтожению радиоактивных источников, а не расщепляющихся материалов. В связи с тем, что лишь немногие государства активно выступают против этой инициативы – в основном те, которые находятся за рамками нашего исследования и которые рассматривают свои запасы ВОУ как разменную монету на переговорах по различным другим вопросам – возможно создание сравнительно широких добровольных коалиций при условии, что США или другая страна выступит в качестве сильного политического лидера и предоставит основную часть ресурсов, необходимых для осуществления инициативы. Данная возможность была продемонстрирована в ходе КР ДНЯО 2005 г., на которой удалось добиться большой поддержки инициативы по борьбе с терроризмом путем исключения ВОУ из гражданского ядерного сектора. Данная инициатива, разработанная Киргизией и Норвегией, при полезном вкладе со стороны Австрии, Канады, Германии, Греции, Японии, Швеции и США, считает ВОУ наиболее вероятным материалом, который могут выбрать негосударственные субъекты при создании импровизированного ядерного взрывного устройства. Инициатива призывает все страны минимизировать использование ВОУ и торговлю им в гражданском секторе, как только это станет технически возможно⁸.

Утилизация плутония также главным образом заботит небольшую группу стран, у которых имеются значительные запасы плутония, таких, как Россия, Германия и Япония. США в настоящее время демонстрируют лишь незначительный интерес к данному вопросу, в то время как большинство других рассмотренных стран считает данную проблему низкоприоритетной и имеющей к ним малое прямое отношение. Вследствие этого коллективные действия по этому вопросу маловероятны, хотя совместные действия в рамках добровольной коалиции, возможно, через механизм Глобального партнерства *Большой восьмерки* могут быть предприняты при условии общего согласия о способе утилизации плутония и его финансировании.

В данном исследовании проведен обзор позиций государств по ряду политических инициатив, связанных с техническими вопросами, такими, как многонациональные ядерные топливные центры, экономические/технологические стимулы, гарантии поставок энергии/топлива, а также важность *использования атомной энергии в мирных целях*. В целом, использование атомной энергии в мирных целях в качестве стратегии нераспространения все еще пользуется большой поддержкой. НЯОГ придают ему особую важность, в особенности это относится к членам Движения Неприсоединения: Бразилия, Египет, Индонезия, Иран и Южная Африка наравне с Японией, Южной Кореей и Китаем придают ему высокую важность. Другие четыре страны придают ему среднюю важность, и только Израиль придает ему низкую важность в качестве подхода к нераспространению почти наверняка из-за обеспокоенности по поводу возможных злоупотреблений со

стороны таких стран, как Иран. Как США, так и Россия имеют противоречивый взгляд на эту проблему, поддерживая мирное использование в принципе, но испытывая обеспокоенность в связи с возможностью использования атомной энергии в целях создания оружия. Россия, исходя, в том числе, из экономических соображений – в надежде на потенциальную прибыль от ядерного экспорта, к существующим механизмам относится более оптимистично, чем США. Хотя США не оспаривают важность мирного использования атомной энергии как части сделки в рамках ДНЯО, они наряду с некоторыми из своих союзников все больше озабочены тем, какими путями можно предотвратить использование статьи IV в целях создания ядерного оружия.

Примером двойственной природы приверженности США статье IV является предложение, выдвинутое в феврале 2004 г. президентом Джорджем Бушем – о предотвращении приобретения любыми новыми странами технологий обогащения урана или переработки плутония. В случае реализации данная инициатива не позволит странам, не обладающим полным ядерным топливным циклом, получить контроль над таким циклом, тем самым снижая один из рисков распространения. Так как ряд стран рассматривает контроль над ядерным топливным циклом в действительности или по крайней мере в потенциале в качестве важного элемента своей энергетической независимости, инициатива президента Дж. Буша была встречена в мире прохладно. К примеру, на пленарном заседании ГЯП в июне 2004 г. данное предложение было внесено США, но оно не было поддержано всеми членами Группы. Ряд стран, включая Южную Африку, Францию и Бразилию, по имеющимся данным, выступили на заседании против инициативы Дж. Буша.

Создание многонациональных топливных центров является примером традиционного подхода, который был возрожден в качестве решения проблемы возможного злоупотребления положениями статьи IV ради создания ядерного оружия. Данная идея, впервые получившая значительную популярность в ходе обсуждений во время Оценки международного ядерного топливного цикла в конце 1970-х гг., поддерживается рядом стран, включая Россию, которые, скорее всего, выступают в качестве поставщиков топлива для таких центров⁹. Но многие страны, являющиеся потенциальными покупателями топлива, поставляемого такими центрами, например, Бразилия, Египет, Индонезия, Иран и Япония, относятся к данному подходу без интереса. Они считают его либо подрывающим их право на разработку собственного ядерного топливного цикла, либо представляющим серьезную угрозу их энергетической безопасности. В частности, Япония даже намекнула, что многосторонние ядерные топливные центры могут стимулировать процесс распространения. Хотя остается возможность, что в ходе дальнейших экспертных обсуждений будут идентифицированы некоторые полезные идеи, по которым существует консенсус, – наиболее это вероятно в части переработки отработавшего ядерного топлива; идея многонациональных ядерных топливных центров, скорее всего, со стороны широкой коалиции государств не обретет достаточной поддержки, чтобы в краткосрочной перспективе достичь продвижения вперед на этом направлении.

Программа Совместного уменьшения угрозы (Программа Нанна–Лугара, СУУ), связанные с ней инициативы по сотрудничеству в области нераспространения, а также программа Глобального партнерства стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения (ГП) рассматриваются в качестве *приоритета* сравнительно небольшой, но экономически благополучной группой стран. Эта группа включает в себя США, Японию, Германию и, в меньшей степени, Россию, которая поддерживает саму идею, но скептически настроена по поводу некоторых приоритетных программ, а также по поводу быстроты выделения средств. Хотя ряд стран в данном исследовании не придает высокой важности такому подходу, как СУУ или ГП, это происходит главным образом из-за отсутствия понимания значимости этих программ с точки зрения требований национальной безопасности и не является свидетельством активной оппозиции данному подходу. На настоящий момент большинство из этих программ рассматриваются как направленные, главным образом, на решение проблем распространения на постсоветском пространстве.

Обмен разведывательными данными рассматривается в качестве *ключевого* инструмента нераспространения практически всеми государствами в нашем исследовании. Каждое государство, за исключением Ирана, придавало этому инструменту высокую или среднюю важность. Проблема, однако, заключается в механизмах и методах сотрудничества, количестве участвующих сторон, способе участия многосторонних институтов в данном процессе и в степени их участия. Таким образом, хотя многие страны традиционно выражают поддержку принципу обмена разведывательными данными по вопросам нераспространения, на практике этот принцип оказалось сложно реализовать. Можно было бы ожидать, например, что с учетом совпадения взглядов США и России на угрозу незаконного оборота ядерных материалов (НОЯМ) и утечки умов, а также прецедента обмена разведанными в рамках борьбы с терроризмом, российско-американский обмен разведывательными данными должен был быть уже налажен. Однако успехи в этой области к настоящему моменту в лучшем случае можно назвать скромными.

Образование является совсем новым и недостаточно используемым подходом по укреплению нераспространения и разоружения. Образование всплыло в качестве международного вопроса только в 2000 г., когда в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН была создана группа правительственных экспертов с целью выработки рекомендаций по этому вопросу. За этот подход, однако, ухватились некоторые государства, рассматривая его как относительно не спорный вопрос, потенциально имеющий большое влияние на глобальные нормы нераспространения в долгосрочной перспективе, а также более прямое практическое применение при противодействии вызовам в области нераспространения. Среди рассматриваемых стран Япония и Швеция придают этому подходу особую важность, они заняли лидирующие позиции в рамках таких международных форумов, как Первый Комитет и Процесс рассмотрения действия ДНЯО с целью содействия выполнению рекомендаций Группы экспертов. Ряд других стран, включая Бразилию, Китай, Египет, Индию, Индонезию, Южную Африку и Россию, также выразил поддержку этому общему подходу и выступил соавтором резолюции по этому вопросу на сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2004 г. Удивительно, но США, имеющие значительно больший опыт, чем другие страны в области преподавания по проблемам нераспространения, до сих пор не стремились продвигать данный подход в рамках международных форумов (или препятствовать ему), хотя министерство энергетики США в действительности поддержало ряд инициатив в области образования и нераспространения¹⁰.

УЗОК КРУГ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ПРЫВА

Каковы вызовы в сфере нераспространения и каковы возможности для сотрудничества, основанного на предварительном анализе видения угроз государствами и предпочитаемых ими стратегий нераспространения? Учитывая совпадения в оценках угроз, прибегнут ли государства к долгосрочному сотрудничеству в сфере нераспространения, основанному на созданных в ходе переговорного процесса правовых режимах и организациях, или следует довольствоваться менее формальными механизмами, созданными в соответствии с конкретными потребностями?

Первая реакция на выводы нашего исследования: разногласия в восприятии угроз между государствами насколько велики, что универсальный многосторонний подход к борьбе с новыми угрозами распространения сейчас попросту невозможен. Данная точка зрения популярна среди некоторых ключевых фигур в политическом истеблишменте США, которые полагают, что добровольные коалиции *ad hoc* лучше приспособлены для быстрых и эффективных действий по противодействию вызовам распространения со стороны государств, поддерживающих терроризм и самих террористов. ИБОР, в которой США играют лидирующую роль, часто ставится в пример в качестве прототипа новой, менее универсальной, но более гибкой и эффективной стратегии нераспространения.

Результаты нашего исследования наводят на мысль, что потенциальные точки пересечения, действительно, можно сосчитать по пальцам. Так, хотя Иран и Северная Ко-

С материалами по проблемам нераспространения вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Нераспространение и Россия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/nonproliferation>

рея рассматриваются многими как наиболее опасные государственные угрозы режиму нераспространения, существуют серьезные разногласия среди государств по поводу степени этой опасности и методам противодействия ей. И хотя подавляющее большинство рассмотренных стран поддерживает ДНЯО, они не обязательно поддерживают общий план конкретных практических шагов, направ-

ленных на то, чтобы помочь Договору лучше справляться с современными вызовами.

Удачной иллюстрацией данной проблемы являются трудности, которые государства-участники испытывают при поисках общей позиции для исправления тех недостатков Договора, по которым уже имеются консенсус или близость позиций (например, недостаток внимания к негосударственным субъектам и злоупотребление некоторыми государствами положениями статьи IV и статьи X). В большинстве случаев государства-участники процесса рассмотрения действия ДНЯО не желают или не способны решать сложные проблемы распространения, предпочитая либо откладывать их «на потом», либо действовать по принципу «наименьшего общего знаменателя». Подобный подход к северокорейскому вопросу опять проявился в ходе КР ДНЯО 2005 г. Единственным вопросом, по которому было найдено согласие, стала передача таблички КНДР в секретариат конференции. Хотя может показаться, что данная стратегия предохраняет ДНЯО от сомнительных дискуссий, на деле она способствует ослаблению ДНЯО и процесса рассмотрения его действия и придает убедительности утверждениям его критиков об уменьшающейся значимости Договора.

Тем не менее, было бы преждевременно делать вывод из данного исследования или из неудачи КР ДНЯО 2005 г. о том, что многосторонний режим нераспространения устарел и нежизнен. Все же остается несколько значимых областей, где прогресс возможен – как в рамках формального процесса рассмотрения действия ДНЯО, так и вне этих рамок.

Так, наше исследование высветило высокий уровень поддержки Дополнительного протокола и слабую оппозицию ему. Поэтому можно было бы сделать Дополнительный протокол стандартом гарантий в соответствии с ДНЯО. Данный шаг мог бы значительно укрепить уверенность, что мирные ядерные технологии используются по назначению.

Также результаты нашего исследования позволяют допустить, что в недалеком будущем государства-участники ДНЯО могут по-новому истолковать процесс выхода государств из ДНЯО и последствия таких действий¹¹.

Резолюция СБ ООН №1540 иллюстрирует возможности (и ограниченность) действий Совета в сфере нераспространения. Если резолюция СБ ООН №1540 будет эффективно реализовываться, она может послужить моделью для последующих действий Совета Безопасности.

Наше исследование подтвердило исходный тезис о глубине разногласий между государствами – как по поводу, если хотите, *приоритизации* угроз, так и по поводу способов противодействия им. Поэтому подчас единственным способом предотвращения насущных угроз ядерного нераспространения, единственным выходом при решении задач борьбы с распространением будут компактные коалиции.

Наше исследование не внушает оптимизма нам самим, поэтому мы предполагаем, что реакция экспертного сообщества на наши выводы тоже будет весьма пессимистичной. Но по крайней мере мы попытались очертить ту – очень небольшую – зону, где мы все же можем ожидать прорыва, и при этом постарались прямо назвать направления, где такой прорыв практически невозможен.

Примечания

¹ Более ранняя версия данного исследования была подготовлена для Комиссии по оружию массового уничтожения (Комиссия Бликса). Авторами данного исследования также являются Жан Дюпре, Гаурав Кампани, Дениэл Пинкстон, Сэмми Салама, Лоренс Шайнман, Мария Лоренцо Собрадо и Жинг-Донг Юан. Авторы также хотели бы выразить признательность Мортену Бремер-Маерли и А. Никитину за их комментарии. Данное исследование проведено при поддержке Фонда Маркатуров. Перевод © ПИР-Центр.

² Данное исследование представляет собой подробный анализ «в первом приближении». Группой специалистов Центра по изучению проблем нераспространения (ЦИПН) из Монтеррея (США) было проведено совместное исследование, результатом которого стала оценка восприятия угроз распространения и стратегий в области нераспространения в следующих 16 государствах: Бразилия, Китай, Египет, Германия, Индия, Индонезия, Иран, Израиль, Япония, Пакистан, Республика Корея, Российская Федерация, Испания, Южная Африка, Швеция, США. Этот список не является в полной мере репрезентативной выборкой, однако он хорошо иллюстрирует тот круг государств, который традиционно играет важную роль в ядерной политике. Данный список включает в себя несколько государств, обладающих ядерным оружием (США, Россия, Китай), ряд государств, не обладающих ядерным оружием, с высокоразвитой мирной атомной энергетикой (Германия, Япония, Южная Корея, Испания), членов Коалиции за новую повестку дня (Бразилия, Египет, Южная Африка, Швеция), Движения неприсоединения (Индонезия, Иран), а также три де-факто ядерные государства (Индия, Пакистан, Израиль). Наш анализ содержит оценки экспертами ЦИПН преобладающих взглядов в 16 государствах на ядерные угрозы и стратегии нераспространения. Данные оценки, с которыми, догадываемся, другие эксперты могут и не согласиться, основываются на тщательном изучении как официальных заявлений, так и реального поведения 16 рассматриваемых стран, а также на подробных беседах с официальными лицами, журналистами и аналитиками из данных стран. На основе этой информации была проведена оценка преобладающего в этих странах восприятия интенсивности ряда угроз распространения с использованием простой шкалы «низкая–умеренная–высокая угроза». Используя аналогичный подход, была также проведена оценка предпочтений тех или иных стратегий в области нераспространения по той же шкале. При этом мы отдаем себе отчет в уязвимости такого подхода. Во многих странах среди политиков отсутствует консенсус по поводу природы угроз распространения и наилучших способов противодействия им. Как по большинству других вопросов, организационные, политические, и экономические соображения влияют на подходы соответствующих игроков, что может приводить к не всегда рациональной и даже непоследовательной национальной политике. Тем не менее, идентификация преобладающих взглядов среди лиц, формирующих национальную политику, представляется нам все-таки реальной, пусть даже мы и упускаем здесь из виду многие тонкости в национальной политической обстановке и в стратегиях.

³ Данная таблица измеряет восприятие угрозы со стороны тех государств, которые перечислены в ряду сверху, лицами, формирующими политику в государствах, перечисленных в колонке слева.

⁴ Данное исследование было завершено до проведения КНДР ядерного испытания в октябре 2006 г.

⁵ В нашем определении ядерного терроризма он имеет четыре аспекта: использование устройств, рассеивающих радиоактивные вещества; диверсии или атаки против ядерных объектов; изготовление и/или использование самодельных ядерных взрывных устройств, а также хищение и использование готового ядерного оружия. Ядерное оружие, подверженное наибольшему риску кражи, – это портативные устройства, включая (но не только) тактическое или нестратегическое оружие. Некоторые виды стратегического ядерного оружия могут быть также сравнительно портативными. См.: Ferguson Charles and Potter William C. with Sands Amy, Spector Leonard S., and Wehling Fred L. *The Four Faces of Nuclear Terrorism* N. Y.: Routledge, 2005. P. 48.

⁶ См: William C. Potter. *The NPT Review Conference: 188 States in Search of Consensus. The International Spectator*. 2005, №3. P. 19–31.

⁷ «Высокая» – когда речь идет не о собственном реакторе.

⁸ См: *Combating the Risk of Nuclear Terrorism by Reducing the Civilian Use of Highly Enriched Uranium. Working Paper submitted by Iceland, Lithuania, Norway, and Sweden, 2005 Review Conference on the*

Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, May 20, 2005 (NPT/CONF.2005/MCIII/WP.5). См. также Potter William. Nuclear Pact's Parties Must Unite on Terror. *San Jose Mercury New*. 2005, 6 May. P. 9c.

⁹ См. анализ предложения президента РФ В.В. Путина о создании международных центров ядерного топлива в: Екатерина Рыкованова. Российская инициатива по созданию системы международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла. *Вопросы Безопасности*. № 4 (167), 2006, май. <http://www.pircenter.org/data/publications/vb4-2006.html> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

¹⁰ Проект Доклада Председателя Главному Комитету I Конференции по рассмотрению действия ДНЯО, представленный на пленарном заседании, содержал два параграфа о разоружении и образовании в области нераспространения. См: Report of Main Committee I, 2005 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, NPT/CONF.2005/MC.I/1. 2005, 25 May.

¹¹ Хотя КР ДНЯО 2005 г. не смогла сформировать консенсус по вопросу о том, как решать эту проблему, все же тогда в Нью-Йорке состоялась конструктивная дискуссия по данному вопросу и были выдвинуты некоторые полезные идеи о том, как уменьшить стимулы для использования Договора с целью получения статуса пороговой ядерной державы и увеличить издержки такого рода действий.

Антон Хлопков¹

ЧТО ПРИНЕСЕТ РОССИИ ЯДЕРНЫЙ ПАКТ С США?²

Решение президентов России и США В.В. Путина и Джорджа Буша о начале переговоров двух стран по соглашению о сотрудничестве в области атомной энергии (Соглашение 123³) стало неожиданным результатом встречи лидеров накануне саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г. Вскоре после этой встречи руководитель Федерального агентства по атомной энергии С.В. Кириенко заявил, что выработка соглашения займет «не менее одного года»⁴.

Каковы могут быть технические и политические выгоды для российской атомной промышленности, правительства, институтов от заключения Соглашения? Сможет ли Соглашение оказать позитивное влияние на развитие атомной энергетики в России и повышение конкурентоспособности российских АЭС и услуг в области ядерного топливного цикла (ЯТЦ) за рубежом?

КАК РОССИЯ ВПЕРВЫЕ СТОЛКНУЛАСЬ С СОГЛАШЕНИЕМ 123?

В начале 1989 г. на Международном симпозиуме по космической ядерной энергетике в г. Альбукерке (шт. Нью-Мексико, США) у американских специалистов вызвали большой интерес сообщения академика Н.Н. Пономарева-Степнова и директора ГП *Красная Звезда* Г.М. Грязнова о результатах разработки и испытаний термоземиссионных космических ядерных энергетических установок (ЯЭУ) *Топаз*.

ЯЭУ *Топаз-1* (другое наименование *Тополь*) разрабатывалась под научным руководством Физико-энергетического института (Обнинск, Калужская обл.) в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 702-295 от 3 июля 1962 г. для космических аппаратов (КА) радиолокационной разведки, а ЯЭУ *Топаз-2* (*Енисей*) – создавалась под научным руководством Института атомной энергии им. И.В. Курчатова в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 715-240 от 21 июля 1967 г., согласно официальным данным, для КА системы непосредственного телевизионного вещания из космоса⁵. Летные образцы ЯЭУ *Топаз-1* были запущены в космос в качестве бортового источника электропитания на спутниках морской разведки *Космос-1818* 2 февраля 1987 г. и *Космос-1876* 10 июля 1987 г.⁶

С середины 1980-х гг. финансирование данного направления, как и многих других, связанных с атомной техникой, было значительно сокращено. Для того, чтобы довести технологии до промышленного внедрения, советские предприятия стали искать возможность международной кооперации, которая открывалась с началом *перестройки*.

В апреле 1989 г. в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова состоялись переговоры советских разработчиков ЯЭУ *Топаз-2* (ИАЭ им. И.В. Курчатова, ЦКБМ, НПО *Луч*) с предста-

А
Н
А
Л
И
З

вителями американской компании *Space Power Inc. (SPI)*. Обсуждение касалось возможности сотрудничества в области космических термоэмиссионных ЯЭУ гражданского применения, которые предлагались в качестве альтернативы солнечным энергоустановкам.

Результатом переговоров стало решение о демонстрации одного из опытных образцов ЯЭУ *Топаз-2* (без ядерного топлива)⁷ в январе-марте 1991 г. на очередном Симпозиуме по космической ядерной энергетике в Альбукерке, а также на выставке «Наука–космос–конверсия» при Мэрилендском университете^{8,9}.

Показ установки в США имел большой успех. Однако когда пришел срок возвращать установку, возникли неожиданные для советских разработчиков сложности. Таможенные органы США отказывались выпустить ее на основании отсутствия соответствующей лицензии, а лицензирующие органы отказывались разрешить вывоз установки с территории США на основании Закона об атомной энергии 1954 г., который ограничивает американо-советское сотрудничество в области ядерных технологий при отсутствии между странами соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (Соглашение 123).

Ввоз установки на территорию США из СССР также подпадал под ограничение Закона об атомной энергии, но американцами было оформлено специальное разрешение на выполнение этой процедуры. Руководство компании *Space Power Inc. (SPI)*, получавшее разрешение на ввоз установки, заверяло, что оно не было знакомо со сложностями, которые могут возникнуть при ее возвращении. Советским ученым пришлось вылетать в Москву без *Топаза-2*, после чего был остро поставлен вопрос о необходимости срочно-го возвращения установки в СССР.

Как-то утром министр атомной энергетики и промышленности В.Ф. Коновалов, в очередной раз прослушав в машине по дороге на работу радиосообщение о задержании *Топаза-2* в США, столкнулся в коридоре министерства с академиком Пономаревым-Степным, который возглавлял российскую делегацию на конференции в Альбукерке. После короткого общения министр укоризненно заметил: «А установку ты все же верни!». «Верну!» – ответил академик, который уже не одну неделю ломал голову, как преодолеть ограничения, накладываемые Законом США об атомной энергии. Готового решения не было, не помогли и юристы, рекомендованные американскими партнерами ИАЭ им. Курчатова, которые подтвердили, что вывезти установку не представляется возможным из-за запрета, налагаемого Законом об атомной энергии. И даже альтернативные варианты в виде снятия отдельных элементов установки не меняли ситуацию – согласно американскому законодательству установка по-прежнему попадала в запретные списки.

В конце концов академик Пономарев-Степной решил искать выход на самом верху – было принято решение написать письмо президенту Джорджу Бушу-ст., единственному, кто, согласно законодательству США, мог разрешить ситуацию в пользу советских ученых.

Вскоре было готово письмо, в котором отмечалось, что вопреки стремлению ученых СССР и США к сотрудничеству и совместной работе существуют искусственные бюрократические барьеры, мешающие этому процессу, и одним из примеров этого является *удерживание* советской установки на территории США.

Перед отправлением письма Н.Н. Пономарев-Степной решил посоветоваться с кем-то более опытным в вопросах дипломатии. Выбор был сделан в пользу Э.А. Шеварднадзе, который к тому времени уже сложил с себя полномочия министра иностранных дел СССР и возглавлял Ассоциацию по внешнеполитическим отношениям. При встрече Эдуард Амвросиевич внимательно изучил письмо, высоко отозвался о его слоге и содержании, однако способ передачи письма президенту США предложил искать самостоятельно.

После долгих телефонных переговоров с министерством обороны США, оказывавшим поддержку компании *Space Power Inc. (SPI)* в сотрудничестве по установке и имевшим отношение к ее временному вывозу в США, Пономареву-Степному удалось узнать номер факса в Вашингтоне, по которому следовало направить письмо.

Процесс согласования администрацией Джорджа Буша-ст. разрешения на вывоз установки занял несколько недель, и только в мае 1991 г. было получено специальное разрешение президента США на возвращение *Топаз-2* в СССР.

Так отечественные ученые впервые на собственной практике натолкнулись на препятствие, именуемое Соглашением 123. За последующие годы личная санкция президента США еще несколько раз *предоставляла* атомным отраслям двух стран (поставка *Pu-238*, который используется в качестве источника питания в космических аппаратах, совместные работы по испытаниям установок *Топаз-2* в США, соглашение ВОУ-НОУ, которое обеспечивает топливом 50% АЭС в США, и т.д.) возможность временного сотрудничества, однако за время, прошедшее с момента *первого знакомства* России с Соглашением 123, так и не была создана юридическая база для долгосрочного сотрудничества двух стран в области атомной энергетики.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

В основе определения возможных направлений сотрудничества с США в области атомной энергетики на современном этапе, в первую очередь, должно лежать понимание ключевых положений развития отрасли в России на среднесрочную и долгосрочную перспективу и идентификация тех направлений ее развития, где российские ученые и компании имеют потребность в международной кооперации, в частности со своими американскими коллегами.

В рамках утвержденной 6 октября 2006 г. правительством РФ Федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие атомного энергопромышленного комплекса России на 2007–2010 годы и на перспективу до 2015 года» планируется введение в эксплуатацию 10 новых энергоблоков атомных электростанций (АЭС) общей установленной мощностью не менее 9,8 ГВт с увеличением общей установленной мощности АЭС до 33 ГВт. При этом доля электроэнергии, производимой атомными электростанциями, по факту реализации программы составит 18,6% от общего объема производства электроэнергии в Российской Федерации, а эксплуатационные расходы АЭС должны быть снижены на 20% от уровня 2006 г.¹⁰. Всего к 2030 г. в России планируется ввести в эксплуатацию 42 энергоблока с достижением доли атомной энергетики в общем энергобалансе страны не менее 25%. В целях привлечения дополнительных средств для развития атомно-промышленного комплекса страны одновременно ставится задача обеспечения роста экспорта ядерных установок для зарубежной атомной энергетики на уровне, соизмеримом с их использованием внутри страны.

Исходя из того, что в ядерной энергетике время, необходимое для разработки и промышленного освоения новой технологии, соизмеримо с длительностью полного жизненного цикла установок, сконструированных на ее основе, что, как правило, занимает несколько десятилетий, период до 2030 г. Федеральным агентством по атомной энергии РФ рассматривается в качестве переходного. На переходном этапе наращивание мощностей атомной энергетики в России будет происходить преимущественно за счет ввода усовершенствованных водо-водяных энергетических реакторов (реакторов ВВЭР), технология строительства которых хорошо отработана и в эксплуатации которых накоплен многолетний опыт. Дальнейшее наращивание мощностей и переход к инновационной атомной энергетике будет осуществляться в основном за счет ввода коммерческих быстрых реакторов.

ЛЕГКОВОДНЫЕ, КАНАЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ РЕАКТОРЫ

Повышение коэффициента использования установленной мощности действующих АЭС

Одной из основных проблем современной атомной энергетики в России является низкая эффективность использования установленной мощности реакторов (КИУМ). В 2006 г. на российских АЭС (при 31 ядерном реакторе) этот коэффициент составил 75,9%¹¹, что, даже несмотря на последовательный рост этого показателя на протяжении

последних лет (в 2002 г. он составлял 71,7%, а в 2005 г. – 73,4%), далеко от значений, достигнутых на АЭС США и Западной Европы и составляющих в среднем 85–90%.

Повышение КИУМа зависит от сокращения сроков планово-профилактических ремонтных кампаний и срока перегрузки топлива, что в свою очередь зависит от качества приборной части и эффективности автоматизированной системы управления технологическими процессами (АСУ ТП) реактора.

В США на 103 действующих энергетических реакторах по состоянию на июнь 2006 г. КИУМ составлял 89,6%, средняя длительность перегрузки топлива – 32 дня¹². Для сравнения – на одной из самых современных российских АЭС, Балаковской, перегрузка топлива с проведением ремонтных работ в среднем занимает 50 суток¹³. При этом США удалось с 1997 по 2002 г. поднять КИУМ на своих станциях на 10%, а сроки перегрузки ядерного топлива с 1990 по 2004 гг. сократить с 74,5 дня до 32 при общей установленной мощности АЭС в 4 раза больше, чем в России, и на блоках по возрасту в среднем старше российских.

В этой связи для компании *Росэнергоатом*, ответственной за эксплуатацию АЭС в России, может представлять интерес изучение американского опыта, а в перспективе – и проведение совместных с учеными США мероприятий, направленных на повышение эффективности действующих АЭС. В настоящее время Россия уже осуществляет аналогичное взаимодействие с Германией. При содействии немецких специалистов к 2009 г. на Балаковской АЭС будут модернизированы топливоперегрузочные машины на всех четырех энергоблоках. Исторически российская приборная база уступает европейским и американским аналогам, поэтому сотрудничество по данному направлению может представлять интерес для России в целях повышения КИУМ легководных реакторов, эксплуатируемых на территории страны, и повышения конкурентоспособности реакторов ВВЭР в тендерах на строительство АЭС за рубежом.

Снижение эксплуатационных расходов и продление сроков эксплуатации АЭС

Еще одним естественным направлением для сотрудничества *Росэнергоатома* с американскими коллегами может являться обмен опытом в части продления сроков и снижения издержек эксплуатации АЭС. Согласно ФЦП «Развитие атомного энергопромышленного комплекса России на 2007 – 2010 годы и на перспективу до 2015 года», к 2015 г. *Росэнергоатом* должен сократить издержки на 20%.

США имеют позитивный опыт в реализации программ по снижению эксплуатационных расходов (эксплуатация, управление и снабжение топливом) на АЭС. С 1987 по 2001 г. в США расходы были сокращены более чем в два раза (с 3,4 до 1,68 цент/кВт-ч.), и в настоящее время составляют порядка 1,5 цент/кВт-ч.

Другой позитивный опыт США в эксплуатации АЭС – продление срока работы энергоблоков до 60 лет. Первоначальный срок действия лицензий на эксплуатацию энергетических ядерных реакторов в США составляет 40 лет, после чего они продлеваются еще на 20 лет. Проектный срок эксплуатации АЭС, работающих в настоящее время в России, составляет 30 лет¹⁴ и может быть пролонгирован еще на 15 лет, что делает атомную энергетику в России экономически менее привлекательной, учитывая, что капитальные затраты в стоимости электроэнергии, произведенной на АЭС, составляют порядка 70%. Еще одним потенциальным направлением сотрудничества представляется обмен опытом по выводу из эксплуатации ядерно-опасных объектов, включая энергетические атомные реакторы.

Участие американских компаний в производстве оборудования для АЭС в России

Резкое падение объемов производства в энергомашиностроении в последние 15 лет привело к потере атомной специализации на ряде предприятий, ранее считавшихся ключевыми составляющими атомно-промышленного комплекса России. Ряд гигантов, таких, например, как волгодонской *Атоммаш*, перешли в частные руки и значительно пе-

репрофилировали направления своей работы. В связи с принятием в России планов по масштабному развитию атомной энергетики остро встал вопрос о восстановлении элементов машиностроительной цепочки по производству оборудования для АЭС, в том числе с привлечением иностранных компаний. В рамках проекта АЭС-2006 по созданию атомной станции нового поколения на базе легководных реакторов ВВЭР-1000 (с повышенной установленной мощностью энергоблока до 1150 МВт, увеличенным КПД и выработкой электроэнергии, сочетанием активных и пассивных систем безопасности) планируется использовать оборудование российского производства как основное, а вспомогательное может быть частично заменено импортным¹⁵.

Компания *Атомэнергомаш* ведет переговоры с рядом западных компаний, включая французскую *Alstom* и американскую *General Electric*, о создании совместного предприятия (СП) по производству турбин¹⁶. Последняя готова инвестировать в российский машиностроительный бизнес до 100 млн долл. США¹⁷.

Основа для сотрудничества двух стран в турбиностроении уже имеется. Так, научно-производственное объединение *Сатурн* и корпорация *General Electric* в ноябре 2006 г. договорились о создании СП по производству в России промышленных газовых турбин. Производство газотурбинной техники будет осуществляться по лицензии, передаваемой американской корпорацией совместному предприятию. Предусматривается, что диапазон мощности турбин будет находиться в пределах от 40 до 150 МВт¹⁸.

Подписание Соглашения 123 может дать дополнительный импульс развитию сотрудничества компаний России и США в области атомного энергомашиностроения.

Совместное строительство АЭС за рубежом

Взаимодействие по легководным реакторам в части приборной базы и АСУ ТП также может представлять интерес для компании *Атомстройэкспорт*, являющейся экспортером российских ядерно-энергетических установок.

Конкурентоспособность отечественных АЭС на мировом уровне во многом зависит от качества систем автоматизированного управления и контроля над технологическими процессами. В настоящее время в ряде зарубежных проектов, включая строительство АЭС в Бушере (Иран) и Кудамкуламе (Индия), Россия использует отечественные АСУ ТП. Однако это вызвано скорее юридическими и политическими ограничениями на участие европейских и американских организаций в поставках оборудования атомно-энергетического комплекса в указанные страны, нежели признанием конкурентоспособности имеющихся российских систем. К тому же существует прецедент, когда из-за низкой конкурентоспособности российских АСУ ТП иностранный заказчик в качестве условия при строительстве АЭС настаивал на использовании оборудования и систем третьих стран. Так, при заключении контракта на строительство АЭС Тяньвань в Китае заказчик выдвинул требование: АСУ ТП должна быть не российского производства, а производства компании *Siemens*¹⁹.

Таким образом, для повышения конкурентоспособности российских АЭС на внешнем рынке компания может быть заинтересована в привлечении западных подрядчиков для поставки комплектующих при строительстве реакторов *ВВЭР-1000*, что мы уже наблюдаем. Тендер на строительство двух реакторов в Белене (Болгария) в 2006 г. был выигран *ЗАО Атомстройэкспорт* с привлечением немецкой компании *Siemens* и французской *AREVA*, которые поставят цифровую систему управления АСУ ТП, а также прочее оборудование, влияющее на уровень безопасности АЭС и технико-экономические показатели станции. Участие иностранных компаний в строительстве АЭС по российскому проекту призвано оказать содействие в получении более высоких технико-экономических показателей за счет снижения простоев реакторов, увеличения сроков службы основного оборудования до 60 лет, повышения коэффициента установленной мощности до 90%²⁰.

Очевидно, что в будущем при участии в тендерах на строительство АЭС в Восточной Европе предложения *Атомстройэкспорта* станут более привлекательными для потенциальных заказчиков в случае кооперации с иностранными компаниями в части АСУ ТП. При этом международная кооперация при строительстве АЭС является объединением не только технологических усилий, но и политических, и формирует благожелательное отношение к проекту со стороны соседних государств, а в случае стран Восточной Европы – со стороны Европейского Союза (ЕС). Кооперация *Атомстройэкспорта* с американскими подрядчиками может оказать позитивное влияние на отношение к российским проектам в странах Азии и некоторых государствах Латинской Америки.

Одной из перспективных площадок для сотрудничества является Турция, которая планирует развивать атомную энергетику и построить первый энергетический реактор на берегу Черного моря к 2015 г.²¹ Турция является членом НАТО, стремится стать частью ЕС, поэтому России будет не просто пробиться на турецкий рынок АЭС самостоятельно. Шансы заметно повышаются при кооперации *Атомстройэкспорта* с западными компаниями: *Westinghouse* или *Areva* и *Siemens*, с которыми уже имеется опыт взаимодействия в рамках тендера на строительство АЭС в Белене (Болгария).

В целом, подобная кооперация отвечала бы современным мировым тенденциям в реакторостроении. Так, *Westinghouse* объединилась с японской *Toshiba*, *General Electric* создала альянс с японской компанией *Hitachi*, еще одна японская компания *Mitsubishi* кооперируется с французской *Areva*, которой также принадлежит атомное подразделение немецкой компании *Siemens*.

К перспективным направлениям сотрудничества также следует отнести совместную разработку и продвижение (включая уже имеющиеся проекты) на внешний рынок реакторов средней и малой мощности.

Разработка нового коммерческого легководного реактора

Еще одним направлением сотрудничества России и США может стать совместная работа над легководным реактором нового поколения для создания конкуренции европейскому проекту *EPR-1600*²². В противном случае Россия рискует оказаться в ситуации, когда на внешних рынках будет необходимо в одиночку конкурировать с европейским реактором повышенной мощности и американским реактором с пассивной системой безопасности *AP-1000*. Предсказать исход такого соперничества трудно, даже учитывая новые отечественные проекты АЭС-2006 и ВВЭР-1500.

При этом объединение усилий России и США в тендерах на строительство легководных реакторов за рубежом еще не гарантирует успеха – компания *Westinghouse* не имела заказов на строительство АЭС в США уже более 30 лет. Однако подобная кооперация значительно повышает шансы совместного проекта, особенно с учетом возможности объединения политических усилий по продвижению энергоблока в третьи страны. Впрочем, нельзя полностью исключать и возможной кооперации российских ученых и инженеров с европейскими коллегами в рамках проекта *EPR-1600*²³.

ПОСТАВКА ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ АЭС В США

В настоящее время на долю российских ядерных материалов (ЯМ), поставляемых в рамках Соглашения ВОУ-НОУ, приходится 50% электроэнергии, вырабатываемой на АЭС в США. Поскольку американские атомные электростанции производят около 20% всей электроэнергии в стране, то соответственно потребности 10% электроэнергетики США обеспечиваются за счет ЯМ из России. Всего по состоянию на 31 декабря 2006 г. в рамках Соглашения ВОУ-НОУ в США было поставлено 8,540 метрических тонн низкообогащенного урана, что эквивалентно потребностям 9 энергоблоков типа ВВЭР-1000 для 40-летней эксплуатации. По данным МИД РФ, ежегодный доход от реализации контракта составляет порядка 700 млн долл.²⁴

В России сохраняется значительный дефицит добычи урана. В настоящее время потребление урана в России составляет примерно 10 тыс.т ежегодно, а добыча – 3,2 тыс.т. Итого дефицит – около 7 тыс.т. В соответствии с программой развития атомной энергетики потребность в уране составит около 15 тыс.т, а дефицит – 12 тыс. т²⁵. Согласно имеющимся прогнозам, Россия только к 2015–2020 гг. сможет выйти на такой уровень добычи²⁶, который бы на 100% покрывал отечественные нужды. Это заставляет руководство Росатома при поставках урана за рубеж оглядываться на объемы внутреннего потребления уранового сырья.

Представители США многократно подчеркивали свою заинтересованность в продолжении программы и появлении проекта «Мегатонны в Мегаватты»-2. Однако Россия продлевать Соглашение ВОУ-НОУ не заинтересована. При этом руководитель Росатома С.В. Кириенко уже обозначил, что Россия хотела бы сохранить объем поставок урана в США, но осуществляться они должны по коммерческим контрактам и на основании рыночных цен, а не через монополиста-посредника – корпорацию *USEC*, как это происходит в настоящее время^{27, 28}.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В рамках американско-российского сотрудничества в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (ФЗУКЯМ) и установок с момента подписания 2 сентября 1993 г. соответствующего межправительственного соглашения проделана большая работа. Благодаря совместной работе удалось не только оборудовать необходимыми системами защиты ядерно-опасные объекты в России, но и привить культуру обращения и хранения ЯМ. Совместные усилия двух стран, результаты которых наиболее заметны на атомном флоте России, позволили сменить *солдата с ружьем* на современные автоматизированные системы. Не менее важным результатом сотрудничества стало создание в России нормативно-правовой базы в области ФЗУКЯМ, отраслевой автоматизированной системы транспортировки ядерно-опасных материалов и системы подготовки специалистов.

Таким образом, в России заложена основа для развития и укрепления системы физической защиты ядерных материалов в зависимости от задач, которые предстоит решать в связи с новыми угрозами и вызовами, в первую очередь со стороны терроризма. При этом финансирование программ физической защиты после 2012 г. (окончание срока действия программы *Глобальное партнерство против распространения ОМУ*) полностью ляжет на плечи российского бюджета. С технологической точки зрения Россия в последние 15 лет стала в значительной степени самодостаточной в решении вопросов ФЗУКЯМ. Приборы и оборудование, которые до сих пор не производятся в стране, могут быть приобретены на международном рынке при условии наличия для этого юридической базы.

При этом, очевидно, российско-американское взаимодействие в области физической защиты должно быть трансформировано из формата *донор–получатель* в равноправное партнерство. Взаимодействие России и США в области технологий и оборудования для физической защиты должно быть переведено на коммерческие рельсы (в формат *покупатель–продавец*), в то время как российско-американское Соглашение 123 призвано сформировать долгосрочную юридическую базу для такого сотрудничества.

Впрочем, это не означает, что с прекращением программы *Глобального партнерства* страны потеряют взаимный интерес к области физической защиты ЯМ. Рост технической обеспеченности и подготовленности террористических организаций предъявляет новые повышенные требования к эффективности мер по обеспечению ФЗУКЯМ. В этой связи в условиях необходимости повышения антитеррористической устойчивости ядерно-опасных объектов представляется целесообразным создание консультационного механизма для обмена опытом, новыми подходами и методологией обеспечения безопасности установок и материалов, размещенных на предприятиях атомно-промышленного комплекса. Одной из площадок для сотрудничества двух стран в области ФЗУКЯМ может стать МАГАТЭ и деятельность Агентства по разработке международных норм и стандартов в этой области.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕАКТОРОВ

Безопасность атомной энергетики является надгосударственной проблемой, поскольку серьезная авария на ядерно-опасном объекте затронет все без исключения страны, развивающие атомную энергетику, и поставит под вопрос ее будущее.

Россия и США имеют позитивный опыт сотрудничества в области безопасности энергетических реакторов, в частности реакторов типа РБМК, которое было приостановлено в 1998 г. после введения санкций в отношении Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники им. Н.А. Доллежала (НИКИЭТ), являющегося главным конструктором проекта.

После снятия санкций в 2004 г. руководство Института составило список потенциальных направлений сотрудничества с США. Большинство из них касается уже действующих установок, в первую очередь – реакторов РБМК (ранее сотрудничество шло через *Westinghouse Electric* и *Тихоокеанские Северо-Западные Лаборатории*). Заметное место в списке заняли направления, связанные с безопасностью реакторов. Однако по состоянию на декабрь 2006 г. сотрудничество так и не было реанимировано. Представляется, что оно может быть возобновлено после подписания Соглашения 123.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА

В развитие инициативы президента Путина в сентябре 2006 г. Россия официально проинформировала МАГАТЭ, что с использованием разделительных мощностей Ангарского электролизного химического комбината²⁹, расположенного в Восточной Сибири, будет создан Международный Центр по обогащению урана (МЦОУ). Центр должен стать альтернативным источником низкообогащенного урана для стран, добровольно отказавшихся от развития национальных программ в области обогащения.

Помимо этого, Центр открыт для стран, уже обладающих разделительными мощностями, которые, однако, не удовлетворяют полностью национальным потребностям. В частности, нельзя исключить возможность того, что после окончания срока действия контракта ВОУ-НОУ (2013 г.), США заинтересуются размещением заказов по обогащению урана в России, включая МЦОУ, если к тому времени не будут введены в строй на проектные мощности американские обогатительные комбинаты в штатах Огайо и Нью-Мексико.

Помимо этого МЦОУ может рассматриваться в качестве участника проекта по созданию банка ядерного топлива под руководством МАГАТЭ, что гарантировало бы поставки топлива для АЭС странам, не обладающим технологией его производства. Такие гарантии могут основываться как на создании материальных запасов топлива, доступных в случае невыполнения контракта основным поставщиком (*физический банк топлива*), так и на обязательствах производителей резервировать часть продукции для тех же целей (*виртуальный банк топлива*).

Согласно предложению США, *физический банк топлива* может находиться под контролем и управлением МАГАТЭ. С учетом планов постановки МЦОУ под гарантии Агентства представляется целесообразным проработать идею создания одного из хранилищ банка топлива при МЦОУ, которое могло бы содержать запасы обогащенного уранового продукта в виде гексафторида.

Также для МЦОУ может представлять интерес участие в реализации проекта *виртуального банка* – механизма резервных поставок, когда страна-импортер в случае срыва поставок по основному контракту может обратиться к МАГАТЭ с просьбой о переходе на резервную схему³⁰, то есть о содействии в приобретении ядерного топлива в третьей стране.

Взаимодействие России с США (а также другими странами, обладающими промышленными предприятиями по обогащению урана) является необходимым условием для эф-

фективной реализации инициативы по созданию международных Центров по обогащению урана. Политическая поддержка со стороны США могла бы ускорить процесс присоединения неядерных государств к российской инициативе, имеющей важное значение для режима нераспространения.

ИННОВАЦИОННЫЕ ЯДЕРНЫЕ РЕАКТОРЫ

Для практического перехода к инновационной атомной энергетике, с учетом того, что в России в качестве обязательного компонента ее развития рассматриваются быстрые реакторы, а также предусматривается внедрение атомной энергетике в энергообеспечение технологических процессов и, в частности, для производства водорода, необходимо решить следующие основные задачи:

- коммерциализация продемонстрированных технологий быстрых реакторов и замкнутого топливного цикла;
- НИОКР и демонстрация инновационных реакторных и топливных технологий с их последующей коммерциализацией³¹.

Развитие инновационных реакторов является масштабной и наукоемкой задачей, которая требует значительных интеллектуальных и финансовых инвестиций. Для России комплексность задач в рамках инновационного развития атомной энергетике усугубляется одновременным развитием в стране широкого спектра реакторных направлений. Так, в мае 2006 г. на инновационный форум Росатома поступило 13 различных проектов атомных энергоблоков, при этом у некоторых из предложенных реакторов имеются вариации с различными видами топлива. Например, для использования в быстрых реакторах с натрием рассматривается оксидное, нитридное и карбидное топливо.

В США в качестве наиболее перспективного рассматривается развитие натриевого быстрого реактора в рамках инициативы по Глобальному партнерству в ядерной энергетике (*GNEP*). В рамках Международного форума *Поколение-4*³² США ведут разработку высокотемпературного газового теплового реактора. При этом в США не проявляют интереса к быстрым реакторам со свинцовым теплоносителем (типа БРЕСТ). Таким образом, для России и США может представлять взаимный интерес сотрудничество в области инновационных реакторов, в первую очередь в области быстрых реакторов с натриевым теплоносителем, и высокотемпературных газовых тепловых реакторов.

Натриевый реактор

В России накоплено около 40% накопленного мирового опыта в эксплуатации быстрых реакторов, первые опытные образцы которых были опробованы практически одновременно с реакторами на тепловых нейтронах. Реакторы БР-1 и БР-2 были введены в эксплуатацию в 1954 г. и 1956 г. соответственно, позднее успешно эксплуатировались натриевые реакторы БР-10, БОР-60, БН-350, БН-600. Последний из них уже более 25 лет действует на Урале на Белоярской АЭС как единственный в мире быстрый реактор, работающий в коммерческом режиме. Там же строится более мощный реактор БН-800, который планируется ввести в эксплуатацию в 2012 г.

В США развитие технологий в этой области стартовало в начале 1950-х гг. Были построены пять реакторов, последний из которых *EBRD-2* закрыт при администрации Билла Клинтона в 1994 г. Ведущий американский исследовательский быстрый реактор в Хэнфорде был закрыт в конце 1993 г., и с 2001 г. на нем проводятся дезактивационные работы в целях последующего демонтажа³³. Таким образом, после принятия программы *GNEP* США столкнулись с проблемой отсутствия центров для отработки технологий и материалов установок на быстрых нейтронах.

Несмотря на наличие в России исследовательских центров, активно занимающихся технологиями быстрых реакторов (ГНЦ-РФ ФЭИ, Обнинск, Калужская область; ГНЦ-РФ НИИАР, Димитровград, Ульяновская обл.), сохраняется необходимость дальнейшего развития экспериментальной базы для исследования свойств материалов и топлива, а также для отработки технологий, связанных с эксплуатацией быстрых реакторов на натриевом теплоносителе.

В России для быстрых реакторов отработано смешанное уран-плутониевое оксидное топливо, также имеется интерес к нитриднему топливу, ведутся исследования по топливу с добавками младших актинидов; в США велись исследования с металлическим топливом. В рамках программы *GENP* проявляется интерес к оксидному топливу, содержащему младшие актиниды, что создает поле для сотрудничества и обмена опытом ученых двух стран. Одной из возможных площадок для сотрудничества и отработки различных видов топлива могла бы стать Белоярская АЭС, где ведется строительство реактора на быстрых нейтронах БН-800. Однако без наличия Соглашения 123 ядерные материалы и топливные сборки американского происхождения не смогут быть ввезены в Россию.

Еще одним важным направлением сотрудничества двух стран в области быстрых реакторов может стать отработка принципов и систем их безопасности.

Высокотемпературный гелиевый реактор

И Россия, и США проявляют интерес к высокотемпературным гелиевым реакторам, при этом накопленный опыт и знания двух стран в этой области примерно одинаковы.

В настоящее время реализуется двухсторонний проект, связанный с разработкой высокотемпературного газового реактора нового поколения – газотурбинного модульного гелиевого реактора ГТ-МГР. Компания *General Atomic* и ОКБМ им. Африкантова (Нижний Новгород) при научном руководстве со стороны РНЦ *Курчатовский Институт* ведут работу над созданием газового реактора, способного нарабатывать водород^{34,35}. Проект реализуется при паритетном финансировании со стороны Федерального агентства по атомной энергии РФ и Министерства энергетики США. Во Всероссийском научно-исследовательском институте неорганических материалов (ВНИИМ) им. Бочвара в рамках этого проекта совместно с американскими учеными создается опытно-конструкторская установка по производству МОКС-топлива на основе сферических микрочастиц с керамическими покрытиями. Предполагается, что опытная реакторная установка будет готова к 2015 г., а первый опытно-промышленный высокотемпературный газовый реактор – к 2023–2025 гг. Стоимость проекта составляет не менее 2 млрд долл. США³⁶.

С учетом взаимных интересов России и США в создании инновационных реакторов и нехватки экспериментальной базы для их отработки представляется целесообразным рассмотреть перспективы создания международной экспериментальной базы для быстрых реакторов в России и аналогичной базы для высокотемпературных тепловых реакторов – в США, при условии, что российские и американские эксперты получат возможность проведения экспериментов в исследовательских Центрах обеих стран. Тройственное сотрудничество в этой области возможно при создании в Европе исследовательского Центра для отработки технологий быстрых реакторов с тяжелым металлическим теплоносителем.

ИННОВАЦИОННЫЙ ЯДЕРНЫЙ ТОПЛИВНЫЙ ЦИКЛ

Для развития инновационного замкнутого ЯТЦ в России в числе первоочередных задач необходимо:

- создание хранилища ОЯТ большой мощности;
- введение в эксплуатацию промышленного производства для радиохимической переработки ОЯТ реакторов ВВЭР-1000;

- создание промышленного производства для изготовления МОКС-топлива быстрых реакторов с использованием плутония, выделяемого вместе с ураном при переработке ОЯТ тепловых реакторов;
- создание хранилища РАО большой емкости³⁷.

Хранилище ОЯТ

По состоянию на середину 2005 г. в России накоплено 16 тыс.т ОЯТ энергетических реакторов, а к 2015 г. планируется увеличение этой цифры до 24 тыс.т³⁸ с учетом ежегодной *наработки* 800 т облученного топлива.

Мокрое хранилище ОЯТ мощностью шесть тыс.т на Горно-химическом комбинате (Железногорск, Красноярский край) было сдано в эксплуатацию в 1985 г. Хранилище позволяет выдерживать ОЯТ в бассейнах под слоем воды до 30 лет. По состоянию на декабрь 2006 г. оно принимает облученные тепловыделяющие сборки с российских, украинских и болгарских реакторов ВВЭР-1000 и заполнено на 81%³⁹. При сохранении нынешних темпов поступления ОЯТ (около 350 т в год) *мокрое* хранилище окажется полностью заполненным через четыре-пять лет. В этой связи принято решение за счет применения новой конструкции сборок, в которых хранится ОЯТ, увеличить вместимость хранилища до 8,6 тыс.т ОЯТ⁴⁰, тем самым отсрочив его полное заполнение дополнительно на шесть-семь лет, то есть до 2016–2018 гг.

В 2001 г. там же на ГХК, было начато строительство *сухого* хранилища, рассчитанного на прием 38 тыс.т ОЯТ, в том числе 27 тыс.т с реакторов РБМК-1000 и 11 тыс.т с реакторов ВВЭР-1000. Хранилище предназначено для приема и хранения ОЯТ в течение 50 лет, после чего его ждет либо переработка, либо размещение на долговременное хранение. Приблизительная стоимость проекта – 540 млн долл. США. Ввод в эксплуатацию пускового комплекса на пять тыс.т для кассет РБМК-1000 запланирован на 2008 г.⁴¹.

Радиохимическая переработка ОЯТ

Переработка ОЯТ в СССР была начата с вводом в действие завода РТ-1 на ПО *Маяк* в 1976 г. Проектная мощность завода составляет 400 т ОЯТ в год. На заводе осуществляется переработка ОЯТ реакторов ВВЭР-440, БН-600, реакторов транспортных ядерно-энергетических установок (ледоколов и подводных лодок) и исследовательских реакторов. Регенерированный уран направляется на изготовление топлива для реакторов РБМК, а выделенный плутоний складировается.

В 1984 г. было начато строительство второго в СССР завода по переработке ОЯТ РТ-2 в Железногорске. Проектная мощность завода составляла 1500 т ОЯТ в год, что, как планировалось, позволило бы принимать на переработку облученное топливо с АЭС (в первую очередь реакторов ВВЭР-1000). Однако по экономическим соображениям и вследствие снижения темпов развития атомной энергетики строительство завода было приостановлено в 1989 г. и позднее заморожено.

Не имея бюджетных средств на завершение строительства объекта, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. руководство Министерства по атомной энергии РФ стало проявлять интерес к созданию в Железногорске Международного хранилища ОЯТ, которое бы принимало иностранное ОЯТ для последующего длительного контролируемого хранения. Предполагалось, что средства на завершение строительства будут получены от иностранных государств, пожелавших разместить свое ОЯТ на хранение в России. В целях создания юридической базы для реализации проекта были внесены изменения в действующее российское экологическое законодательство. В июне 2004 г. этот вопрос обсуждался на встрече генерального директора МАГАТЭ Мохамеда Эльбардея и председателя Правительства РФ М.Е. Фрадкова, а также на встрече главы МАГАТЭ с президентом России В.В. Путиным.

Позднее в соответствии с предложением президента Путина, озвученным на заседании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) 25 января 2006 г., идея Междуна-

А
Н
А
Л
И
З

родного хранилища была трансформирована в инициативу по созданию Международного Центра по обращению с ОЯТ (МЦОЯТ).

Предполагается, что, помимо задачи хранения российского и зарубежного ОЯТ, МЦОЯТ мог бы решать следующие задачи:

- ❑ выбор и отработка технологий переработки ОЯТ и обращения с РАО, включая создание демонстрационного стенда по переработке ОЯТ;
- ❑ переработка ОЯТ с получением МОКС-топлива для реакторов на быстрых нейтронах;
- ❑ долговременное хранение и захоронение РАО.

Инициатива Международного Центра по обращению с ОЯТ также может стать важным звеном в решении задачи снижения риска распространения при строительстве АЭС в странах, до настоящего времени не обладавших промышленными атомно-энергетическими установками, включая Алжир, Египет, Марокко, Турцию и страны Персидского залива. В силу отсутствия опыта в обращении с большими объемами ОЯТ в этих странах, а также их *подверженности* масштабным террористическим актам особо актуальным в их отношении представляется вопрос о возвращении ОЯТ в страны происхождения топлива. С учетом отсутствия подобной практики и законодательной базы в США вывоз ОЯТ в Россию и размещение его в МЦОЯТ может стать наиболее эффективным способом решения проблемы облученного ядерного топлива. По оценке российских экспертов, создание Международного Центра по обращению с ОЯТ требует инвестиций в размере трех млрд долл.⁴².

В рамках двухстороннего диалога с США Россия неоднократно поднимала вопрос о заключении соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии⁴³, которое бы создавало юридическую базу для возможного ввоза в Россию ОЯТ иностранного происхождения, содержащего американские материалы. Однако российские усилия неизменно разбивались о политические условия, выдвигаемые США, в первую очередь связанные с прекращением российско-иранского сотрудничества в области атомной энергетики. В России *обусловленность* подписания соглашения и попытки использовать вопрос ввоза ОЯТ как *пряник* была воспринята однозначно негативно. Фактически было принято политическое решение временно понизить приоритетность данного вопроса.

Помимо политических препятствий на пути создания МЦОЯТ существует ряд других барьеров:

- ❑ **отсутствие в России прорывных достижений в технологиях заключительных стадий ЯТЦ, включая инновационные методы переработки ОЯТ.** Нынешняя технология водной переработки (*PUREX*), которая, скорее всего, останется базовой в атомной промышленности на ближайшую перспективу, приводит к появлению большого количества жидких радиоактивных отходов (2000 м³ РАО при переработке 1 т ОЯТ) и требует совершенствования. В этой связи важными направлениями работ в области обращения с ОЯТ являются создание установок с применением неводных методов переработки и повышение рентабельности процесса переработки ОЯТ. В 2006 г. ГХК, НПО *Радиевый институт* и ВНИИНМ им. Бочвара приступили к углубленному лабораторному изучению на реальном топливе перспективных технологий переработки ОЯТ, позволяющих снизить строительные затраты на единицу оборудования и исключить некоторые операции. В будущем на площадях ГХК планируется создать демонстрационный стенд по переработке ОЯТ с производительностью 50–100 т/г.;
- ❑ **отсутствие полноценного технико-экономического обоснования проекта.** Наиболее распространенное в конце 1990-х гг. *экономическое* обоснование проекта создания Международного хранилища ОЯТ – его доходность в размере 20 млрд долл., – по сути, было *сделано на коленке* и имело следующую арифметику: всего хранилище на ГХК рассчитано на 38 тыс.т, Россия может выделить

площади под размещение до 20 тыс.т иностранного ОЯТ; при цене за один кг – одна тыс. долл. получается, что общий доход составит 20 млрд долл.;

- **отсутствие общественной поддержки проекта**, что является важным фактором, особенно на фоне многочисленных протестов в отношении создания куда более безопасного предприятия – Международного Центра по обогащению урана в Ангарске.

С учетом совокупности факторов, изложенных выше, неудивительна настойчивость руководителя Федерального агентства по атомной энергии С.В. Кириенко, который во время только одной пресс-конференции на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге трижды повторил, что у России в настоящее время нет намерений ввозить ОЯТ иностранного производства.

Однако при этом необходимо помнить, что вопрос строительства хранилища ОЯТ в России существует вне политической плоскости и вне зависимости от того, будет ли подписано с США Соглашение 123 или нет. Проблемы создания в России хранилища ОЯТ актуальны и без иностранного облученного топлива, имея в виду планы по масштабному развитию атомной энергетики в стране и мире и с учетом практики России по возврату ОЯТ при поставках топлива за рубеж.

Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие атомного энергопромышленного комплекса России на 2007–2010 годы и на перспективу до 2015 года» предусматривает целый ряд научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), связанных с созданием хранилища ОЯТ, включая работы по созданию технических средств вывоза облученного топлива в долговременное централизованное хранилище, а также создание в 2011–2015 гг. Центра по отработке технологий долговременного хранения ОЯТ.

В технологическом плане Россия самодостаточна по основному оборудованию и технологиям при создании хранилища ОЯТ. США, в свою очередь, заметно отстают в развитии технологий обращения с ОЯТ, поскольку работы в этой области были прекращены еще в 1977 г., при администрации Джимми Картера. В то же время отдельное вспомогательное оборудование, как, например, контейнеры для перевозки ОЯТ, превосходит российские аналоги и поэтому может быть востребовано.

США также могут оказать содействие в развитии технологий обращения с ОЯТ в России путем непротиводействия ввозу в Россию ОЯТ, содержащих материалы американского происхождения. Согласно экспертным оценкам, количество ОЯТ, находящегося под юридическим контролем США, составляет около 75% от всего объема облученного топлива, накопленного за рубежом⁴⁴. Ввоз в Россию ОЯТ иностранного происхождения позволит отрасли получить дополнительные средства на развитие технологий обращения и переработки.

Общий объем накопленного за историю атомной энергетики ОЯТ составляет порядка 250 тыс. т⁴⁵, из которых 34% облученного топлива уже было переработано. Географически ОЯТ распределяется следующим образом: США – 53% (83 тыс.т), Западная Европа – 23% (36 тыс. т), Восточная Европа – 8% (13 тыс.т), Азиатско-Тихоокеанский регион и другие страны – 16% (24 тыс. т)⁴⁶. Ежегодно из реакторов выгружают 12 тыс. т ОЯТ, из них около 800 т – из реакторов АЭС в России.

Недавние попытки реализации программ по обращению с ОЯТ (например, в Японии, США) показали, что решение данной проблемы на сугубо национальном уровне требует использования исключительных финансовых и интеллектуальных ресурсов и при этом не гарантирует успеха. Достаточно вспомнить, что стоимость завода по переработке ОЯТ в Роккасе (Япония) составила 18 млрд долл., однако проблема облученного топлива на долгосрочную перспективу так и не была решена.

Новая энергетическая политика США, принятая в 2001 г., предусматривает совместную разработку с иностранными государствами технологий обращения и химической переработки ОЯТ, которые бы были более чистыми, эффективными, предусматривали бы

появление меньшего количества отходов и были более устойчивыми с точки зрения нераспространения.

Взаимодействие США и России на этих направлениях могло бы обеспечить эффективность реализации инициатив, нацеленных на снижение риска распространения и повышение привлекательности Международного Центра по обращению с облученным ядерным топливом в условиях широкомасштабного развития атомной энергетики.

Производство уран-плутониевого топлива

Более серьезной проблемой для перехода к замкнутому ЯТЦ является отсутствие в России промышленных установок по производству уран-плутониевого топлива. В настоящее время существует возможность ежегодного производства на установке *Паке* на ПО *Маяк* 10 ТВС с оксидным уран-плутониевым (МОКС) топливом, в то время как для одной загрузки реактора БН-600 необходимо 369 ТВС.

Предполагалось, что в рамках реализации российско-американского соглашения об утилизации каждой из стран 34 т оружейного плутония в Россию будет поставлена французская промышленная установка по производству МОКС-топлива. Россия готова сотрудничать с Францией по технологии МОКС, однако главным образом для быстрых реакторов⁴⁷, но не готова использовать французское оборудование, если оно будет поставляться на условиях *black-box*, т.е. без доступа к технологическим решениям, применяемым на установке. Однако в настоящее время практическая реализация соглашения парализована отсутствием заявленного международного финансирования.

Обращение с РАО

Другой нерешенной проблемой, возникающей при химической переработке ОЯТ, является последующее обращение с РАО. Необходимо создание хранилища, в которое могли бы захораниваться средне- и высокоактивные отходы после отверждения. В России в настоящее время рассматриваются две площадки для создания таких хранилищ: Нижнеканский гранитоидный массив (Красноярский край), находящийся в 25 км от месторасположения будущего сухого хранилища ОЯТ, а также Краснокаменск (Читинская область), где имеется инфраструктура, созданная для добычи урана и где со временем запасы руды будут истощены.

В решении данной проблемы может пригодиться опыт Швеции, Финляндии и США – стран, которые достигли заметного прогресса в создании долговременных хранилищ для радиоактивных отходов. В частности, опыт создания долговременного геологического хранилища в США *Yucca Mountain* не смотря на всю противоречивость проекта, может представлять интерес для российских ученых при создании подземной лаборатории по изучению влияния отвержденных радиоактивных отходов и облученного ядерного топлива на гранитоидную породу и окружающую среду.

Привлекательность сотрудничества России и США в разработке новых методов переработки ОЯТ и инновационных подходов к обращению с РАО была отражена в перечне перспективных направлений сотрудничества двух стран в области атомной энергетики, подготовленном в соответствии с поручением президентов России и США на саммите в Москве в мае 2002 г.⁴⁸

АТОМНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С США: ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКИХ ИГРОКОВ

Интересы отдельных представителей атомной индустрии России в рамках потенциального сотрудничества с США суммированы в *Таблице 1*.

Таблица 1. Интересы российских игроков в области атомной энергетики в рамках сотрудничества с США

Причины заинтересованности в подписании Соглашения		
<i>Росатом</i>	Необходимость создания правовой базы для <i>паритетного</i> сотрудничества в области атомной энергетики на долгосрочную перспективу	
	Стремление руководства отрасли к развитию двухстороннего сотрудничества в области атомной энергетики в условиях <i>стагнации</i> отношений между двумя странами в других областях	
Направление сотрудничества		Проекты
Производящие компании		
ТВЭЛ	Разработка инновационного ЯТЦ	Строительство промышленной установки по производству уран-плутониевого топлива
<i>Техснабэкспорт</i>	Беспрепятственное трансграничное перемещение ядерных материалов	<ol style="list-style-type: none"> 1. Продажа на коммерческой основе НОУ для использования в ядерных реакторах на территории США 2. Ввоз ОЯТ, содержащего материалы американского происхождения (Тайвань, Южная Корея и др.) 3. Создание Международного Центра по обогащению урана (МЦОУ) 4. Политическое содействие со стороны США в привлечении стран к участию в МЦОУ
<i>Атомстройэкспорт</i>	Совместные проекты строительства АЭС в третьих странах	Турция как один из наиболее перспективных вариантов
<i>Росэнергоатом</i>	Повышение эффективности использования мощностей АЭС	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение коэффициента установленной мощности АЭС 2. Снижение эксплуатационных затрат
<i>Атомэнергомаш</i>	Развитие в России машиностроительной базы по производству оборудования для АЭС	Создание совместных предприятий для производства крупного оборудования для АЭС
Предприятия ЯТЦ		
Горно-химический комбинат	Международный Центр по обращению с ОЯТ	Ввоз в Россию ОЯТ, содержащего материалы американского происхождения
Ангарский электролизный химический комбинат	Международный центр по обогащению урана	Обогащение материалов по заказу американских компаний
Научно-исследовательские институты		
РНЦ Курчатовский Институт	Разработка инновационных реакторов	Высокотемпературный газовый реактор
Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники им. Н.А. Доллежаля (НИКИЭТ)	Повышение безопасности действующих реакторов	Реакторы РБМК
ГНЦ Физико-энергетический институт (ФЭИ) им А.Ч. Лейпуновского	Разработка инновационных реакторов	Создание прототипа коммерческого быстрого реактора на натрие вом теплоносителе
Всероссийский научно-исследовательский институт неорганических материалов им. А.А. Бочвара	Разработка инновационных реакторов Разработка элементов инновационного ЯТЦ	Создание материалов для инновационных реакторов Создание опытной установки по производству уран-плутониевого топлива на основе сферических микрочастиц с керамическими покрытиями для высокотемпературных газовых реакторов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соглашение 123 способно стать рамочным документом, который создаст правовое поле для долгосрочного сотрудничества двух стран в области атомной энергетики. В настоящее время практически отсутствуют глубоко проработанные предложения по совместным проектам, которые могли быть начаты вскоре после введения Соглашения в действие, однако принятие в США инициативы по Глобальному ядерному партнерству (GNEP) создает хороший потенциал для более активного российско-американского сотрудничества в области замкнутого ЯТЦ.

Среди направлений сотрудничества, которые при соответствующей проработке могли бы представлять интерес для России, можно выделить следующие:

- коммерческое сотрудничество в области поставки российских ядерных материалов для АЭС США;
- работы по повышению эффективности эксплуатации легководных ядерных реакторов российского производства;
- создание в России Международного Центра по обращению с ОЯТ, в первую очередь за счет привлечения средств от размещения на хранение иностранного ОЯТ, содержащего материалы американского происхождения;
- разработка инновационных ядерных реакторов с акцентом на быстрый реактор с натриевым теплоносителем, включая отработку новых видов уранплутониевого топлива для него, и на высокотемпературный газовый реактор;
- привлечение на коммерческой основе американских компаний для совместного производства отдельного оборудования для АЭС российских проектов, а также поставки отдельных комплектующих;
- реализация совместных проектов строительства АЭС в третьих странах, включая АЭС на основе реакторов средней и малой мощности;
- совместная разработка легководных реакторов большой мощности (1,500 МВт) и с пассивной системой безопасности;
- сотрудничество в области повышения безопасности и физической защиты ядерных реакторов, других ядерно-опасных установок и материалов.

Для того, чтобы введение в силу российско-американского Соглашения 123 повлекло за собой эффективное взаимодействие двух стран в атомной сфере, необходимо **устранение равноправного и паритетного сотрудничества**. Опыт сотрудничества двух стран на такой основе практически отсутствует и ранее сводился к отношениям *донор – реципиент*, а в условиях экономического коллапса предприятий ядерной отрасли России *продавец – покупатель технологий*.

Другим важным условием для установления эффективного и долгосрочного сотрудничества двух стран в области атомной энергетики является **создание технологической и коммерческой, но не политической основы** для кооперации. В этой связи США должны снять вопрос российско-иранского сотрудничества в качестве политического барьера для развития взаимодействия двух стран в области атомной энергетики. Дальнейшее увязывание США *иранского вопроса* с двухсторонним сотрудничеством, скорее всего, ограничит кооперацию нынешним уровнем и вынудит Росатом переориентироваться на сотрудничество в области инновационных технологий с учеными из ЕС и Японии, а в перспективе – Китая и Индии.

Должны быть устранены негативные последствия предыдущей политики США, включая санкции против российских компаний за якобы имевшее место содействие Ирану в создании ядерного потенциала (в первую очередь против Российского химико-технологиче-

ческого университета – РХТУ им. Менделеева). Должны быть также удалены искусственные барьеры на пути к сотрудничеству двух стран на коммерческой основе, включая снятие антидемпинговых ограничений на поставку ядерных материалов из России.

Подписание Соглашения 123 в долгосрочной перспективе должно оказать позитивное влияние на укрепление режима нераспространения путем предоставления услуг в области ЯТЦ вместо развития странами собственных мощностей по обогащению урана и обращению с ОЯТ. С этой точки зрения особенно перспективными являются инициативы по созданию в России международных центров по обогащению урана и обращению с ОЯТ. Участие США в первом из них будет способствовать присоединению к участию в работе Центра большего числа государств. Согласие США на ввоз в Россию ОЯТ, содержащего материалы американского происхождения, приведет к созданию Центра по обращению с ОЯТ в более короткие сроки, а также поможет формированию предпосылок для гарантированного вывоза ОЯТ из стран, не обладающих достаточным опытом в обращении с ним и расположенных в регионах повышенной уязвимости к террористическим актам.

Примечания

¹ Материал подготовлен в рамках совместного проекта ПИР-Центра и Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, США).

² Автор благодарит за содействие в подготовке исследования следующих экспертов: Зродникова А.В., генерального директора ГНЦ Физико-энергетический институт; Иванова В.Б., депутата ГД ФС РФ; Каграманяна В.С., помощника по инновационным технологиям в атомной энергетике генерального директора ГНЦ Физико-энергетический институт; Мурогова В.М., профессора Обнинского института атомной энергии; Полуэктова П.П., заместителя генерального директора Всероссийского научно-исследовательского института неорганических материалов (ВНИИНМ) им. А.А. Бочвара; Пономарева-Степного Н.Н., вице-президента РНЦ Курчатовский Институт; Ручкина С.В., заместителя директора Департамента стратегического анализа ОАО *Техснабэкспорт*; Рябева Л.Д., советника руководителя Федерального агентства по атомной энергии; Саркисова А.А., заведующего Отделом прикладных проблем ядерной энергетике Института проблем безопасного развития атомной энергетике Российской академии наук (ИБРАЭ РАН); Тимербаева Р.М., председателя Совета ПИР-Центра; Черепнина Ю.С., заместителя директора Научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники им. Н.А. Доллежала (НИКИЭТ) по НИОКР, а также координатора проекта ПИР-Центра Е.А. Вотановскую.

³ Соглашение названо в соответствии с номером статьи Закона об атомной энергии США, которая регулирует международное сотрудничество США с иностранными государствами.

⁴ Процесс согласования деталей и подписания США Соглашения 123 с другими странами ранее занимал от девяти месяцев до нескольких лет. Единственным ядерным государством, у которого имеется двухстороннее соглашение с США о сотрудничестве в области атомной энергетике, является Китай, подписавший Соглашение 123 в 1985 г. (Франция и Великобритания осуществляют сотрудничество с США под зонтиком соглашения Евроатома). К слову, этому же Соглашению принадлежит и рекорд по длительности введения его в действие – почти 152 месяца.

⁵ *Атомная Стратегия XXI*. 2004, сентябрь. С. 31–32.

⁶ А.В. Зродников, В.И. Ионкин. А.И. Лепунский и ядерные энергетические установки для космических исследований. *Ядерная Энергетика*. 2003, № 4. С. 24–26.

⁷ Загрузка топлива составляет по урану-235 – 25 кг, полная масса головного блока установки – 1000 кг. См. Nikolai Ponomarev-Stepnoi, Viktor Talyzin, Veniamin Usov. Russian Space Nuclear Power and Nuclear Thermal Propulsion System. *Nuclear News*. 2000, December. P. 33–46.

⁸ Контракт предусматривал возврат установки в СССР, а при демонстрации чувствительные узлы и технологические секреты были недоступны для американских экспертов.

⁹ В.Е. Гудилин, Л.И. Слабкий. Ракетно-космические системы (История. Развитие. Перспективы). М., 1996. 320 с. <http://www.buran.ru/htm/gud%2026.htm> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

¹⁰ В настоящее время на 10 действующих АЭС в России эксплуатируется 31 энергоблок общей установленной мощностью 23,2 ГВт. В 2005 г. АЭС выработали 152,9 млрд. кВт-ч. электроэнергии, что составляет около 16% общего объема производства электроэнергии.

¹¹ В январе–декабре 2006 г. коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) на атомных станциях России вырос на 2,5% по сравнению с аналогичным периодом 2005 г. и составил 75,9%. Пресс-служба концерна «Росэнергоатом». 2007, 9 января.

¹² Официальный сайт Всемирной ассоциации организаций, эксплуатирующих атомные электростанции. <http://www.wapomc.ru/wapomc/IMAGES/MENU/MENU3/281,14>, Слайд 14 (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

¹³ На БАЭС модернизирован процесс перегрузки ядерного топлива на блоке №1. *СаратовБизнес-Консалтинг*. 2006, 16 июня.

¹⁴ Планируется, что проектный срок эксплуатации новых энергоблоков ВВЭР-1000 (мощностью 1150 МВт), создаваемых в рамках проекта АЭС-2006, составит 50 лет.

¹⁵ В Росатоме приступили к разработке проекта «АЭС – 2006». *ИА Regnum*. 2006, 21 февраля.

¹⁶ Атомэнергомаш ведет переговоры с *General Electric* и *Alstom* о производстве турбин. *Интерфакс*. 2006, 20 ноября.

¹⁷ С низкого старта. *Эксперт-Урал*. 2006, 16 мая.

¹⁸ Ведущие фирмы России и США в области технологий для энергетики договорились о создании совместного предприятия по производству турбин. *ИТАР-ТАСС*. 2006, 30 ноября.

¹⁹ АСУ ТП в проектах по сооружению российских АЭС за рубежом. *Бюллетень по Атомной Энергии*. Май 2006.

²⁰ Победа «Атомстройэкспорта» в тендере на сооружение АЭС «Белене» в Болгарии. Пресс-служба ЗАО «Атомстройэкспорт». 2006, 31 октября.

²¹ Всего в течение 15 лет Турцией планируется ввести в строй три энергоблока общей мощностью 5 000 МВт.

²² Строительство прототипа реактора *EPR-1600* в Финляндии на АЭС «Олкилуото» намечено завершить в 2012 г.

²³ До настоящего времени не построены референтные блоки с ядерными энергетическими установками *EPR-1600* и *AP-1000*. Строительство первого ведется на АЭС «Олкилуото» в Финляндии, второй США планируют построить в Китае.

²⁴ Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос агентства *ИТАР-ТАСС* относительно эффективности российско-американского соглашения ВОУ-НОУ. Сообщение Департамента информации и печати МИД РФ. 2005, 25 мая.

²⁵ Джакишев Мухтар. Стратегия мечты. *Экономические стратегии – Центральная Азия*. №1, 2006. С. 68-73.

²⁶ Добыча урана в РФ через 10–15 лет вырастет как минимум в 5 раз – замглавы Роснедр Владимир Бавлов. *Интерфакс*. 2006, 26 октября.

²⁷ По оценкам российских экспертов, *благодаря* наличию посредника в лице *USEC* Россия за время реализации соглашения недополучила порядка 700 млн долл.

²⁸ Чеховский Николай. Наполеоновские планы Кириенко. *Эксперт Online*. 2006, 28 сентября.

²⁹ Стенограмма встречи заместителя директора Федерального агентства по атомной энергии (Росатом), председателя Комиссии по созданию Международного центра по обогащению урана Ни-

коля Спасского с представителями органов власти и общественных организаций Иркутской области. Ангарск, 29 сентября 2006 г.

³⁰ James Timbie, Presentation at the 2005 Carnegie Nonproliferation Conference, November 8, 2005. http://www.carnegieendowment.org/static/npp/2005conference/presentations/Black_Markets_transcript.pdf (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

³¹ Доклад генерального директор ФЭИ А.В. Зродникова «Инициатива Президента Российской Федерации по созданию глобальной инфраструктуры атомной энергетики». Международная конференция МАГАТЭ «Обращение с отработавшим топливом ядерных энергетических реакторов». Вена, 19–22 июня 2006 г.

³² Международный форум *Поколение-4* был основан в 2001 г. по инициативе США и объединяет ученых из Аргентины, Бразилии, Великобритании, Канады, Китая, Республики Корея, России, США, Франции, Швейцарии, ЮАР, Японии, а также Европейского сообщества по атомной энергии (ЕВРАТОМа) в целях проведения совместных НИОКР и разработки реакторов нового четвертого поколения. В качестве перспективных направлений исследований были выбраны быстрые реакторы с натриевым, газовым и свинцовым охлаждением и тепловые реакторы: высокотемпературный, с расплавом солей и охлаждаемый водой сверхкритического давления. Планируется, что разрабатываемые системы могут быть введены в эксплуатацию к 2030 г.

³³ Fast Neutron Reactors. *Briefing Paper*. № 98, June 2006. <http://www.uic.com.au/nip98.htm> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

³⁴ Одной из попутных задач высокотемпературного газового реактора может являться выжигание оружейного плутония.

³⁵ Создается реактор, который уничтожает опасные изотопы. *РИА ОРЕАНДА*. 2006, 28 октября.

³⁶ *РИА Новости*. 2006, 28 ноября.

³⁷ Доклад генерального директора ФЭИ А.В. Зродникова «Инициатива Президента Российской Федерации по созданию глобальной инфраструктуры атомной энергетики». Международная конференция МАГАТЭ «Обращение с отработавшим топливом ядерных энергетических реакторов», Вена, 19–22 июня 2006 г.

³⁸ Артем Буслаев. Обсуждается проблема создания международных центров ЯТЦ. Официальный сайт Федерального агентства по атомной энергии. 2005, 14 июля.

³⁹ Виталий Хижняк. Экскурсия на хранилища ГХК или директор выполняет свое обещание. *NuclearNo.ru*. 2006, 13 декабря.

⁴⁰ На Железногорском ГХК будет увеличена емкость «мокрого» хранилища ОЯТ. *ИА Regnum*. 2006, 2 мая.

⁴¹ Юрий Ревенко о перспективах и проблемах. Информационно-аналитический сайт IranAtom.ru. 2006, 13 апреля. <http://iranatom.ru/news/aeoi/year06/april/revenko.htm> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

⁴² Завадский М.И. Оценка возможности создания международного регионального центра по обращению с ОЯТ в российских условиях. Международная конференция «Многосторонние технические и организационные подходы к ядерному топливному циклу для укрепления режима нераспространения», 13–15 июля 2005 г.

⁴³ Доклад генерального директора ОАО *Техснабэкспорт* В.А. Смирнова «Анализ возможностей заключения международных контрактов по ввозу в Российскую Федерацию на временное хранение и переработку облученных тепловыделяющих сборок зарубежного производства. Состояние и перспективы мирового рынка отработанного ядерного топлива». Второе заседание Специальной комиссии по вопросам ввоза на территорию РФ облученных тепловыделяющих сборок зарубежного производства, 15 декабря 2003 г.

⁴⁴ Оценки компании *Техснабэкспорт*, которая уполномочена Правительством РФ совершать сделки с зарубежным ОЯТ.

⁴⁵ Солонин М.И. Доклад «Обращение с отработавшим ядерным топливом как фактор развития атомной энергетики». Международная конференция «Обращение с облученным ядерным топливом 2002: новые инициативы для России», 9 сентября 2002 г.

⁴⁶ В.Н. Говорухин: Через десять лет мировой объем переработанного ОЯТ увеличится примерно вдвое. 2003, 11 декабря. <http://www.tvel.com.ua/news/1543> (последнее посещение – 17 апреля 2007 г.).

⁴⁷ В России в качестве наиболее перспективного варианта утилизации плутония рассматривается его сжигание в быстрых реакторах.

⁴⁸ В документе под названием «Совместное заявление Президента В.В.Путина и Президента Джорджа Буша о новом российско-американском энергетическом диалоге» лидеры двух стран поручили создать объединенную экспертную группу по инновационным технологиям в атомной энергетике. С российской стороны сопредседателем группы стал первый заместитель министра по атомной энергии Л.Д. Рябев. Согласно заявлению президентов отчет о возможных направлениях сотрудничества в области инновационных ядерных реакторов и ЯТЦ должен был быть подготовлен в течение 60 дней. Для обмена информацией о направлениях НИОКР, рассматриваемых в качестве перспективных, было проведено рабочее заседание в Вашингтоне. 31 июля 2002 г. объединенная группа представила свой отчет министрам А.Ю. Румянцеву и Спенсеру Абрахаму, в котором подчеркивалось существующее сходство в направлениях НИОКР. Предлагалось в случае преодоления политических разногласий, т.е. подписания Соглашения 123, уже осенью 2002 г. провести тематические заседания для обсуждения деталей сотрудничества.

Андрей Макарычев

ТERRORИЗМ: ЭНЦИКЛОПЕДИИ, АРХЕОЛОГИЯ,
ГРАММАТИКА

В последние годы редкий анализ международной политики обходится без упоминания о терроризме. И что же? Сама эта тема стала своего рода *дежурной, обязательной* для сообщества экспертов в области безопасности.

Есть, тем не менее, сфера, в которой наблюдается не переизбыток, а, наоборот, дефицит исследований – речь идет о концептуальном *прочтении* феномена (пост)современного терроризма. При всем обилии эмпирических исследований попыток перевести разговор о терроре на теоретический язык предпринималось не так уж и много. Между тем соотношение между различными версиями природы терроризма является одной из ключевых, но в то же время мало исследованных тем современного дискурса безопасности. Государство, становящееся мишенью террористических атак или их угроз, обычно имеет перед собой своего рода *меню интерпретаций*, состоящее из нескольких позиций, имеющих свою скрытую или явную логику.

МОЙ МЕТОД

В методологическом плане подход, предлагаемый в настоящей статье, базируется на трех взаимосвязанных концептах, каждый из которых имеет как свои корни в различных теориях дискурса, так и практические проявления в интересующей нас сфере безопасности. Первый рабочий концепт взят мной из работ Умберто Эко – это *семантическая энциклопедия*, то есть «наша система понятий», «запас знаний» о системе кодов, которые «читатель использует при интерпретации текста». «Стоит поменять энциклопедию – и наше восприятие будет иным», полагает итальянский мыслитель и продолжает: энциклопедия дает сведения о позиционировании тех или иных выражений при разных обстоятельствах и в разных контекстах¹.

Для У. Эко существование любого текста возможно лишь как результат тесного взаимодействия между его *отправителем* и *получателем*. «Есть тексты, которые могут не только свободно, по-разному интерпретироваться, но даже и создаваться ... в сотрудничестве с их адресатом; «оригинальный» текст в этом случае выступает как пластичный, изменчивый тип, позволяющий осуществлять себя в виде многих различных реализаций»².

Исходя из целей моего анализа, полагаю допустимым рассматривать феномен терроризма как череду сменяющих друг друга текстов (*сообщений*), которыми обмениваются все вовлеченные (и сопряженные друг с другом соавторством этих *текстов*) стороны, у каждой из которых есть своя *семантическая энциклопедия*, то есть собственная система восприятия окружающего мира. Эти тексты по-разному прочитываются (расшифровываются) в рамках различных «текстовых стратегий» и насыщаются разными контек-

А
Н
А
Л
И
З

стуальными смыслами, исходящими из различий между кодами (интерпретационными ключами) адресата и отправителя. Одни свойства текста могут быть актуализированы по мере его прочтения, а другие – наоборот, отключены или заморожены – ситуация, которая более подробно будет разобрана на примере взаимного соотнесения политизированных и деполитизированных стратегий интерпретации терроризма.

Второй концепт, на котором базируется моя система рассуждений, – это *грамматика*, под которой мы (вслед за Эрнесто Лаклау) будем понимать правила, которые определяют внутреннюю структуру дискурса, включая *языковые игры* и манипуляции смыслами. В этой связи можно вспомнить работы Ю.М. Лотмана, посвятившего немало усилий объяснению того, почему «в одних случаях разные тексты охотно вступают в отношения, образуя структурное целое, а в других – они как бы не замечают друг друга»³. «Один и тот же текст мог содержать тайное (конспиративное) значение для посвященного и несокровенное – для профана... Каждая деталь и весь текст в целом включены в разные системы отношений, получая в результате одновременно более чем одно значение»⁴.

Наконец, третий используемый концепт – это фукодианская *археология*. В категориях Мишеля Фуко *археология* описывает «дискурсы как практики, точно определенные в системе архива», то есть в системе, управляющей появлением тех или иных высказываний. «Археология определяет типы и правила дискурсивных практик» и указывает на так называемые «направляющие высказывания», которые «конституируют стратегический выбор», оставляя «место для неограниченного числа последующих предпочтений»⁵.

М. Фуко интересен мне с точки зрения своих подходов к дискурсу как явлению, которое дает возможность обнаружить за высказываниями намерения «говорящего субъекта». Разные типы дискурса (террористов и их жертв) предполагают друг друга, и в то же время «одна и та же совокупность слов может породить многие смыслы и многие возможные конструкции»⁶. Его работы позволяют мне не только выделять ключевые точки в той или иной дискурсивной практике, но и – что не менее важно – *расшифровывать молчаливые* ситуации, связанные с отсутствием четко артикулируемых позиций, что весьма актуально для изучения *грамматики* терроризма.

Как видим, все три концепта, несмотря на существенные различия между ними, объединяет общий интерес к проблемам внутреннего устройства текстов, которые составляют ткань взаимоотношений между различными социальными субъектами безопасности. Три категории, представленные выше, взаимно дополняя друг друга, высвечивают различные грани интересующего нас дискурса: *энциклопедия* вводит определенный понятийный аппарат и дает ему семантическую «расшифровку», *грамматика* встраивает отдельные его компоненты в те или иные *игровые* поля, а *археология* делает еще один шаг вглубь изучаемого предмета, объясняя, как различные логики и интерпретации сталкиваются друг с другом, порождая таким образом новые смыслы. Исходя из этого, наш анализ основывается на комбинации подходов, коренящихся в исследованиях названных выше мыслителей и примененных к анализу проблем терроризма в XXI в.

ТРИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ТЕРРОРИЗМА

С моей точки зрения, выделение основных теоретических подходов к феномену терроризма было бы интересно представить как сочетание различных *семантических энциклопедий*, каждая из которых базируется на определенном академическом *словаре*, формирующем вокруг себя особое смысловое поле.

Консервативная энциклопедия

Многие современные интерпретации терроризма строятся на основе известной формулы Карла Шмитта, согласно которой «феномен политического может быть понят только

в контексте постоянно сохраняющейся возможности деления на друзей и врагов, вне зависимости от того, как эта возможность влияет на мораль, эстетику или экономику»⁷.

Шмиттианские идеи могут быть применены к анализу проблем терроризма в силу того обстоятельства, что в триаде «Суверен – Друг – Враг» ключевым для К. Шмитта является ее первый элемент. Связывая воедино категории *общественного интереса* и *исключения*, немецкий мыслитель постулирует, что «законодатель должен сам учитывать то, что ему не удастся все предусмотреть»⁸. Глобализация террора заставляет нас по-новому услышать слова о том, что чрезвычайные обстоятельства требуют от Суверена «делать все, что он сочтет нужным», причем «все наказания и меры, заявленные в отношении бунтовщиков, заранее ратифицируются»⁹.

Мы указываем на К. Шмитта как на *эмблему консервативной энциклопедии*, поскольку для него важнее всего было противопоставить своим либеральным оппонентам тезис о том, что без политики исключений «государство и конституция могли бы погибнуть из-за своей *легальности*»¹⁰. Исходя из этого, он и пытался объяснить природу чрезвычайных мер в отношении вызовов безопасности и их постепенную институционализацию: «рамки правовой системы никогда не могут быть настолько широки, чтобы формализован был сам процесс приведения приговора в исполнение». Соответственно, вопрос о том, кто принимает решения в случаях, не регламентированных в правовом отношении, становится вопросом о *суверенитете*. Переводя К. Шмитта на современный язык начала XXI в., можно утверждать, что ответ на вызовы терроризма либо формулируется Сувереном, либо он не формулируется вообще. Шмиттианский Суверен – это тот, кто делает «исключения, которые разрешены»; тот, кто «может непосредственно, во всей полноте своего могущества выступить на защиту общественной безопасности и существования государства»¹¹.

Большинство современных подходов к «грамматике терроризма» так или иначе включают в себя шмиттианский ингредиент, однако трактуется он очень по-разному. Две интерпретации К. Шмитта – пост-структуралистская и конструктивистская – кажутся нам наиболее существенными в рамках анализа современного антитеррористического дискурса.

Конструктивистская энциклопедия

Интерпретация идей К. Шмитта, сформулированная в рамках конструктивистской парадигмы, состоит в недостаточности простого постулирования фигуры Суверена как *точки отсчета* для всей последующей системы рассуждений о безопасности. Фундаментальная проблема, выявляемая в ходе конструктивистского прочтения К. Шмитта, состоит в том, что его формула *политического* соединяет два параметра, которые его критики предпочитают разводить по разные стороны: это а) восприятие мира сквозь призму *друзей и врагов* и б) признание источником такого деления *чистое* волевое решение Суверена. Однако, с логической точки зрения, процедура *опознания* друзей и врагов не обязательно ограничивается суверенным жестом *номинации* на эти *вакантные должности*, равно как и волевые решения Суверена совсем не обязательно должны иметь в качестве своих референтов фигуры *друзей и врагов*.

Жак Деррида в этом смысле идет дальше К. Шмитта: *враг* для него не является фигурой данной (продолжая эту логику, можно привести массу вариантов, когда ситуация безопасности не базируется на вычленяемой фигуре Другого – например, *война с бедностью* или *война с террором*). Деррида говорит о том, что «для идентификации врага я должен признать его, но таким образом, чтобы и он тоже признал меня. В этом взаимном признании все дело»¹². То есть, процесс опознания врага предполагает в качестве неотъемлемого компонента самоидентификацию нас самих.

Схему К. Шмитта, делящую объекты внешних коммуникаций государства на *друзей* и *врагов*, справедливо пытается усовершенствовать и французский философ Ален Бадью.

Его мысль состоит в том, что в этой схеме проблематизации подлежат не столько концептуальные персонажи *друзей и врагов*, сколько те, кто (часто вынужденно) (пере)определяет себя по отношению к ним. Такая постановка вопроса, по сути, повторяет известный тезис социального конструктивизма о том, что политика – это создание *нас* через определение *их*. И К. Шмитт здесь вряд ли может чем-то помочь: для него единственной инстанцией, соотносящей себя с *друзьями и врагами*, является Суверен как источник чистой политической воли.

А. Бадью, таким образом, переносит внимание со шмиттианской пары *Друг – Враг* на другую пару: *Мы – Они*. Ему важно понять, «что это за «некое мстящее за себя *мы*», которое сталкивается с терроризмом»? В качестве основы для размышлений он предлагает три варианта: *мы – это Запад, общество, демократия*¹³. Рассмотрим каждый из предложенных вариантов более подробно.

- *Мы как Запад* представляется наименее плодотворным вариантом рефлексии, поскольку чисто географические категории здесь вряд ли очевидны. *Не-Запад* не в меньшей степени ощущает себя жертвой терроризма, чем страны Европы или Северной Америки. При этом, например, турецкие эксперты видят природу терроризма иначе, чем американские, – не столько в криминальных, сколько в идеологических, религиозных и даже культурных установках отдельных групп. Из этого следует иная стратегия противодействия терроризму, скорее связанная не с обрубанием финансовых потоков, питающих терроризм из незаконных источников, а с продуманной социальной политикой в проблемных регионах, вовлечением в политические процессы этнических групп, склонных к массовому насилию, и т.д.
- *Мы как общество*. Эта линия рассуждений фактически выводит нас на признание того обстоятельства, что *борьба с террором* заставляет нас в новом свете зафиксировать границу, отделяющую *Социальное* от *не-Социального*, то есть от «хаоса, полного разложения, распада всех социальных связей»¹⁴. В практическом плане речь может идти, в частности, об обсуждении возможностей общественных организаций (включая профессиональные ассоциации, этнические диаспоры, религиозные общины и т.д.) в профилактике терроризма. Есть основания предполагать, что страны Запада в ближайшее время попытаются создать ряд прецедентов в плане взаимодействия государственных и негосударственных инстанций в борьбе против терроризма и предложат эту модель другим странам.
- *Мы как демократия*. Такая постановка вопроса кажется наиболее релевантной, поскольку ключевой темой, обсуждаемой в настоящее время экспертами в контексте борьбы с терроризмом, является соотношение двух категорий – *безопасности* и *демократических свобод*. Есть точка зрения о том, что безопасность как концепт выходит за пределы *нормальной политики*¹⁵. Практически во всех странах Запада существует понимание того, что чрезвычайность угроз терроризма требует *чрезвычайных мер*, в значительной степени подразумевающих пересмотр традиционных представлений о правах человека. За последние годы законодательства практически всех стран, столкнувшихся с вызовами террористов, были дополнены новыми статьями, ограничивающими права граждан (на тайну переписки и переговоров, на распространение информации и пр.) и одновременно ужесточающими наказание за пособничество терроризму и пропаганду его идей. В Турции, например, уголовному преследованию подвергаются лица, участвующие (в том числе и анонимно) в публичных акциях, поддерживающих насилие, а также родители, чьи дети вовлечены в деятельность террористических движений.

В этой связи можно предположить, что магистральной линией политических дебатов в большинстве стран Запада (в парламентском или предвыборном форматах) на долгие годы вперед станет, во-первых, обсуждение *легитимности* экстраординарных мер, связанных с противодействием терроризму; и, во-вторых, установление зависимости анти-

террористических мер от политики в области *иммиграции* и предоставления убежища (наиболее типичным примером в этом плане, пожалуй, пока является Великобритания).

С моей точки зрения, А.Бадью можно понять в том смысле, что угроза терроризма меняет представления его реальных или потенциальных жертв о том, что такое *Запад, общество и демократия*. Однако его триаду, на наш взгляд, следовало бы дополнить еще одним элементом, который, возможно, дает даже более содержательный ответ на вопрос о том, как *мы, мишени* терроризма, воспринимаем самих себя и конструируем свою идентичность. Речь идет о существенно новых акцентах в понимании того, что представляет собой *политика*.

Эволюцию этого концепта можно проследить, отталкиваясь от широко распространенного в рамках *копенгагенской школы*, находящейся на пересечении школы исследования мира (peace research), социального конструктивизма и *английской школы* международных отношений, представления о том, что *политика* должна быть логически и концептуально отграничена от «безопасности». Представление некой ситуации как проблемы безопасности, следуя этой (в известном смысле, контр-шмиттианской) логике, означает ее вывод за пределы политического пространства, поскольку требует применения чрезвычайных мер, не вписывающихся в существующую нормативную базу¹⁶. Другими словами, «политика» – это феномен *нормального* состояния общества, в то время как *безопасность* – неизбежный атрибут ситуаций исключительных, экстраординарных.

Однако события 11 сентября 2001 г. дали толчок к пересмотру необходимости отделения сферы *политики (правила)* от сферы *безопасности (исключения)*. По сути, произошел возврат к шмиттианскому пониманию того, что в основе представлений о политике лежит война как экстремальное, но неизбежное выражение реакции государства на вызовы безопасности. Вот как об этом пишут Майкл Хардт и Антонио Негри: война «становится общей матрицей для всех отношений власти и техник доминирования... Особенностью нашей эпохи является то, что война превратилась из конечного элемента в цепи последствий власти ... в ее изначальный компонент, становясь у истоков политики как таковой... Если ранее войну пытались регулировать посредством правовых структур, то сейчас война сама стала регулятором посредством конструирования и навязывания своей правовой рамки»¹⁷.

Иными словами, в начале XXI в. чрезвычайность оказывается органически встроенной в наше понимание *политического*. Политика, таким образом, предполагает не только признание субъектности *Другого (Чужого)* в качестве оппонента, соперника или врага, но и выработку особых, нестандартных инструментов для решения вытекающих из этого проблем.

Постструктуралистская энциклопедия

Другая интерпретация К. Шмитта, сформулированная в рамках постструктуралистской традиции, содержит в себе, по меньшей мере, три отрицания.

Во-первых, постструктуралистская энциклопедия отрицает возможность описания отношений между Сувереном и террористами как отношений межсубъектных в строгом смысле этого слова. Этот аргумент распадается на две *половинки*.

С одной стороны, постструктуралистская энциклопедия ставит под большое сомнение неизбежность фигуры Суверена как субъекта безопасности. Как мы упоминали выше, К. Шмитт постулирует необходимость всемогущего Политического Субъекта, возникающего в акте решения. На первый взгляд, может показаться, что эта его идея популярна среди некоторых постструктуралистов: показательно, например, настойчивое упоминание о фигуре *Мастера* такими философами, как, например, Славой Жижек. Жижекковский *Мастер* изобретает свои *означающие* с тем, чтобы придать гармонию хаосу слов (*терроризм* – несомненно, один из таких *означающих*). Тезис, объединяющий К. Шмитта и С. Жижека, может звучать следующим образом: так называемые *состояния исклю-*

чения, особенно актуализирующиеся в связи с *войной против террора*, требуют Субъекта, обладающего характеристиками Суверена и не связанного в своей деятельности какими-либо ограничениями. Перефразируя Э. Лаклау, можно сказать, что у такого гипотетического Субъекта нет причин объясняться по поводу того или иного решения¹⁸.

Однако здесь необходимо сделать две существенные оговорки. Первая состоит в том, что *Мастер* у С. Жижека в отличие от Суверена у К. Шмитта – это скорее фигура дискурса, чем фигура политики. Во-вторых, есть сильное подозрение, что для С. Жижека *Мастер* как некое начало, упорядочивающее дискурс, необходим только для того, чтобы впоследствии было что деконструировать. Его фигура оказывается не только внутренне несовершенной, но и содержит в себе зерна саморазрушения. Ссылаясь на М. Фуко, можно утверждать, что суверенный Субъект никогда не может быть абсолютно полным и законченным; более того, сам Субъект является производным от операций власти.

Вторая оговорка касается того, что Субъект никогда полностью не контролирует результаты своих действий, которые обречены на то, чтобы неизбежно отличаться от первоначальных планов¹⁹. И именно в этом пункте скептицизм в отношении фигуры Суверена распространяется на фигуру его противника: источник террористической угрозы тоже не может быть признан Субъектом в строгом смысле этого слова. Скорее, мы имеем сетевую, децентрализованную конструкцию терроризма, которую сложно определить через категорию субъекта.

Во-вторых, постструктуралистская «энциклопедия» отрицает релевантность категории *общества*, которую А. Бадью предложил в качестве важного референта ситуаций безопасности. Наиболее подробно на эту тему высказывался Эрнесто Лаклау: для него социальное существо лишь как тщетная попытка установить собственный невозможный объект: *общество*²⁰. Такая позиция опирается на признание сомнительного характера любой структуры: «постоянное движение различий в развитых капиталистических обществах показало, что идентичность и гомогенность социальных агентов была иллюзией. Что всякий социальный субъект, по существу, является децентрированным, что его (ее) идентичность – это всего лишь изменчивая артикуляция непрерывно меняющихся положений»²¹.

В-третьих, постструктуралистская «энциклопедия» отрицает оппозицию *мы – они* применительно к ситуациям терроризма. Эта видно по тезису С. Жижека о том, что терроризм, как ранее фашизм, может рассматриваться как «неприличный эксцесс» самой западной цивилизации. В другом месте та же позиция выражается им в лакановской фразе «Я смотрю на картину и вижу в ней себя». Иными словами, во *Внешнем Зле* мы можем узнать некую версию нашей собственной сущности. Соответственно, террористическое насилие – это проекция, продолжение нас самих. В этом смысле вслед за С. Жижеком можно сказать, что «каждая черта, приписываемая Другому, уже присутствует в самом сердце Соединенных Штатов», включая «кровожадный фанатизм». В другом месте он пишет: «Джихад и мир Макдональдса – это две стороны одной медали; Джихад – это Мак-джихад»²². Применительно к Ираку эту логику можно продолжить в том смысле, что демонизированная фигура Саддама Хусейна предстает как прямое порождение американской пропагандистской машины.

Интересно, что аналогичную мысль высказывает и г-н Ремизов: статус террориста не исключает его «гражданской принадлежности обществу»²³. Другими словами, международный терроризм, с одной стороны, является специфическим продуктом своих жертв, а с другой – находит свое продолжение в виде своих *агентов*, действующих от его имени внутри самих западных обществ.

Сказанное выше в отношении размывания оппозиции *мы – они* выводит мой анализ на уровень поиска тех смыслов, которые возникают при проблематизации ряда концептов посредством их использования для объяснения тенденций, характерных для сферы безопасности. *Грамматический* подход будет применен нами для объяснения тех смыслов, которые вкладываются в термин *асимметричные* угрозы безопасности.

Включение терроризма в качестве составной части в целый комплекс *асимметричных* угроз безопасности, с нашей точки зрения, наиболее адекватно анализируется сквозь призму его *грамматики*. В современной литературе терроризм действительно часто упоминается в контексте асимметричных угроз. Этот термин приобретает все большую популярность среди специалистов по безопасности, однако представляется, что он требует весьма деликатного к себе отношения. Дело в не том, что в связи с терроризмом «симметричные» угрозы, якобы, оказались замененными на асимметричные. Скорее, следует говорить о новом, более сложном балансе между симметрией и асимметрией как характеристиками, присущими взаимоотношениям между «субъектами безопасности». Это обстоятельство хорошо иллюстрируется на примере «войны с терроризмом»: любая ситуация, описываемая как «война», симметрична в том смысле, что обе стороны вынуждены признать политическую субъектность друг друга, даже если речь идет об асимметричном противостоянии государства и трансграничной террористической структуры. Нельзя вести войну с тем, кого ты не признаешь равным и в известном смысле достойным для себя противником.

Антонио Негри, назвав терроризм *двойником Империи*, обратил внимание на важное обстоятельство, раскрывающее еще одну грань отношений симметрии между двумя воюющими сторонами. Это парадоксальное, на первый взгляд, определение можно понять по-разному. Например, в нем можно увидеть такие общие для *Империи* и терроризма характеристики, как мобильность, гибкость, децентрарованность и детерриториализацию. В то же время позицию А. Негри можно воспринять как указание на то, что коль скоро терроризм представляет собой радикальное отрицание существующих правил, то и отвечать на него следует аналогично – то есть с помощью политического по своей природе инструментария, предполагающего высокую степень *свободы рук*. Дискуссии в США о возможности применения пыток в отношении организаторов и соучастников террористических актов – одна из манифестаций симметричности реакции со стороны Запада на выпады терроризма. Тот же подход к симметрии С. Жижек формулирует несколько иначе: разные виды насилия («чистое» насилие, с одной стороны, и насилие, лежащее в основе функционирования и поддержания государства, с другой) сдерживают друг друга²⁴.

Есть и другое понимание симметрии, базирующееся на известной идее Жана Бодрийера о том, что терроризм – это такая же расплата постиндустриального общества за свои грехи, как и СПИД, электронные вирусы и биржевые махинации. Наконец, есть версия симметрии от Жака Деррида: для него она проявляется в отношениях взаимозависимости между внутренним и внешним врагами²⁵. Другими словами, в тех случаях, когда терроризм определяется как внешний враг, неизбежно появляется фигура его пособника, *двойника* внутри страны, играющего роль *пятой колонны мирового терроризма*.

Однако в этой симметрии можно найти существенные элементы асимметричных отношений. Несколько из них заслуживают особого внимания.

Во-первых, по словам Ж. Бодрийера, 11 сентября 2001 г. террористы нанесли Америке «удар, который вернуть она не сможет»²⁶. Эту мысль, очевидно, следует понимать в более широком контексте, определяемом, в частности, работами М. Фуко. Так, вводя в оборот фигуру «человеческого монстра» как воплощающую собой «радикальное отрицание закона», он говорит о том, что при этом сама законодательная система чаще всего оказывается не в состоянии выработать правовой ответ на этот вызов, заменяя его политическим (например, в виде выборочных репрессий). *Монстр* как «концептуальный персонаж», таким образом, ставит под сомнение работоспособность юридической системы государства. В более широком смысле М. Фуко можно прочитать таким образом, что «безосновательное преступление ставит уголовную систему в абсолютный тупик. Исполнение карательной власти в таком случае невозможно»²⁷.

Во-вторых, с одной стороны, террористические атаки затрагивают *простых людей* и направлены против общества; однако, с другой стороны, чаще всего ожидается, что ответ

на него должен быть сформулирован в политических категориях. Примером может служить так называемый «*карикатурный*» скандал, разразившийся в 2005 г. после публикации в одной из датских газет рисунка, изображающего в ироничном свете пророка Мухаммеда: в то время как мусульманские страны требовали от Копенгагена *политической* реакции, датское правительство уклонилось от нее, переведя свой ответ в *социально-технологический* формат, сославшись на право частного средства массовой информации на свободу изложения своей позиции. Косвенным результатом этой асимметрии стала серия погромов в отношении датских дипломатических учреждений по всему арабскому миру.

В-третьих, важным компонентом, усиливающим тенденцию к асимметрии, можно считать размытость субъектных позиций в рамках террористических ситуаций. Речь идет не только о том, что государства борются с сетевыми, децентрарованными структурами; более интересно за этой очевидной асимметрией увидеть другую, связанную с тем, что размывается граница между *политическими субъектами* и *субъектами безопасности*. Наиболее очевидным ее проявлением является тот факт, что большинство из основных террористических организаций (в данном контексте являющихся «чистыми» субъектами безопасности) порождают своих «политических двойников», функционирующих в качестве партий или общественных организаций (ХАМАС, «Хизбалла»).

Археология политизации и деполитизации

Археологический (в категориях М.Фуко) подход, сменяя (и углубляя) *грамматический* в последовательности наших рассуждений, фокусирует наше внимание на ситуациях встречи (и взаимного соотношения) различных, но тесно связанных друг с другом дискурсов, отражающих логики политизации и деполитизации. Дилемма «война или преступление»²⁸, сформулированная в отношении понимания терроризма, отчасти отражает эту проблемную ситуацию.

Подходы постструктуралистов, на первый взгляд, не имеющие прямого отношения к теме нашего анализа, представляют собой хорошую методологическую основу для понимания логики деполитизации. Ж. Деррида, к примеру, делал различие между: а) *политическими преступлениями* и б) *преступлениями против политического*, то есть теми, которые делают *политические преступления* (включая терроризм) неотличимыми от других видов преступности²⁹, то есть деполитизируют их.

Автором, который поставил вопрос о том, какого рода «техники нормализации» могут быть применены в отношении тех, кто восприимчив к исправлению и реабилитации, стал М. Фуко. Он интересен нам своей проблематизацией ситуаций, при которых источник насилия (в нашем случае – терроризма) не является юридическим субъектом в строгом смысле слова, а находится либо в зоне «умственного отклонения», либо преступности. Это он называет «территорией двойной детерминации», говоря о тенденции к «патологизации преступления»³⁰: «монстр» может быть «преступником», и наоборот. Другими словами, «просчет природы» может сочетаться с нарушением законов («преступник-безумец», или «выродок»)³¹. Об этом же размышляли и его коллеги, говоря о «зоне неразличимости между зверем и человеком»³².

Категорию «отклонения» в нашем контексте следует понимать в том смысле, что общественное сознание часто не может определить для себя рациональные мотивы в действиях террористов, квалифицируя их как «безосновательное деяние»³³ (например, убийство детей, женщин или стариков) и поэтому склонно описывать их действия в девиантных категориях: «судить индивидов будут как преступников, но квалифицировать, оценивать, мерить их будут в терминах нормального и патологического»³⁴.

М. Фуко первым среди влиятельных мыслителей увидел «дихотомический раздел между болезнью и ответственностью, между патологической обусловленностью и свободой юридического субъекта, между терапией и наказанием, между медициной и уголовной

практикой, между больницей и тюрьмой»³⁵ – с одной стороны, а с другой – «синтез опасности и безумия»³⁶. Говоря его словами, «за всяким преступлением может быть обнаружено некое безумное поведение, и, наоборот, во всяком безумии вполне может быть заключена опасность преступления»³⁷. «Криминальный» и «клинический» варианты интерпретации, впрочем, могут совпадать, как это произошло в случае с обошедшими весь мир кадрами, изображающими поверженного Саддама Хусейна в качестве обыкновенного пациента клиники, открывающего рот по указанию осматривающего его тюремного врача.

«Криминализация» терроризма включает его в упоминавшийся выше асимметричный «комплекс безопасности», в основе которого лежит организованная *преступность*, куда входят всевозможные повстанческие движения в политически слабых государствах, незаконные вооруженные формирования, а также нелегальные виды деятельности (включая наркотрафик, торговлю людьми и оружием, и пр.). Фактически такая широкая трактовка стирает грань между *войной с террором* и *войной с преступностью*, что уже отчасти отражается на внешней политике США по отношению к ряду *проблемных* стран. Из этого следует, что американское правительство готово поставить знак равенства между любой криминальной деятельностью (в том числе коррупцией) и терроризмом и, соответственно, рассматривать любые формы непрозрачности и *теневых отношений* как потенциальные основы для террористической активности.

Четыре дискурсивные диспозиции

Терроризм, на первый взгляд, дает нам типичный пример исключительно политического проекта в жижековском смысле: «если мы вовлечены в политический проект, мы готовы все отдать ради него, включая наши жизни» с тем, чтобы изменить «сами координаты возможного»³⁸. Терроризм – это и есть наиболее радикальное отрицание «правил игры», разрушение, подрыв структуры Символического Порядка. Любой теракт в этом смысле – акт политический, поскольку он, с одной стороны, «радикализирует возможность смерти»³⁹, а с другой – авторизуется, легитимируется самим политическим агентом без видимых внешних обоснований или ссылок на предыдущие обстоятельства, традиции и пр. Политический Акт не всегда можно объяснить рационально, он не есть естественный результат предыдущего ряда событий. Он неизбежно содержит в себе травму, риск, так как он не дает гарантий в виде отсылок к законам, которые обосновали бы решение и на которые можно было бы опереться.

При этом важно увидеть, что государство, ставшее мишенью или жертвой террористов, может как гиперполитизировать, так и деполитизировать ситуацию. С точки зрения сочетания стратегий политизации и деполитизации возможны четыре дискурсивные ситуации, описывающие *археологические* взаимоотношения между источниками террористических угроз и их жертвами. Две из них характеризуются симметричностью, в то время как две другие представляют собой примеры асимметричных отношений.

Во-первых, можно представить себе ситуации, при которых происходит «встреча», соприкосновение двух дискурсивных подходов, характеризующихся как политические. Другими словами, и террористы, и те, против кого направлены их действия, позиционируют себя в качестве политических субъектов, ведущих друг с другом войну по следующему принципу: «исключительность события или ситуации диктует необходимость исключительного ответа»⁴⁰.

Встреча двух политических волей и субъективностей может привести к двум прямо противоположным эффектам – либо к переговорам двух политических субъектов друг с другом, либо к эскалации конфликта. Примером последней может служить противостояние между израильянами и палестинцами: обе стороны воспринимают конфликт, конституирующей основой которого является террористическое насилие, исключительно в политических категориях. Авторы терактов заявляют об их политической подоплеке, и именно таким образом они осознаются и трактуются противоположной стороной. При этом

война не столько определяется политическими факторами, сколько сама «определяет условия аутентичной политической практики»⁴¹. Примеры Израиля и США при этом показывают, что не существует непреодолимого противоречия между либерализмом внутреннего устройства государства и его склонностью вести войны, включая войну с террором: «действия, предпринимаемые либеральными демократиями в ответ на глобальный терроризм, являются просто продолжением практик, которые определяют и поддерживают либеральную модель управления»⁴².

Во-вторых, другая форма симметричных отношений возникает, когда обеими сторонами ситуация интерпретируется в неполитических категориях. Такое возможно, например, когда группа террористов выдвигает ряд частных требований, не связанных с отношениями власти в прямом смысле этого слова и поэтому технически вполне осуществимых (например, денежный выкуп за захваченных заложников или освобождение из тюрем ряда лиц). Ситуация складывается таким образом, что обе стороны воспринимают ее сквозь призму взаимного «технического» согласования ряда условий, выполнение которых потенциально может положить конец конфликту. Версия событий 11 сентября 2001 г., предложенная Майклом Муром в фильме «9/11 по Фаренгейту», является предельным выражением этой позиции, которая не оставляет места политическим факторам в строгом смысле этого слова, поскольку предлагает искать корни терроризма в прагматическом сговоре американской и саудовской элит.

Эта модель оставляет возможность для переговоров, однако принципиально важно то, что они не могут носить публичного характера. Основная опасность при этом состоит в том, что любой (даже относительный) успех такого закулисного торга может привести к желанию тиражирования такого опыта до бесконечности, что может превратиться в своего рода *бизнес* (захват заложников, например).

В-третьих, можно смоделировать первую из двух асимметричных ситуаций, при которой политическая позиция, заявленная террористами, не воспринимается в таком качестве их *мишенью*. Более того, эта «мишень» дезавуирует политическую составляющую противоположной стороны, представляя ее, например, в качестве *бандитов, преступников, незаконных вооруженных формирований* и пр. Здесь нет почвы для публичных переговоров между противостоящими сторонами (снятый на камеру телефонный разговор между В.С. Черномырдиным и Ш.С. Басаевым смотрится скорее как исключение).

Более типичной является *ситуация молчания*, находящая выражение в формуле «правительство не ведет переговоры с бандитами и не предоставляет им эфира». Искусственное замалчивание государством воззваний и требований террористов означает особый тип деполитизированной стратегии, в результате чего создается искаженное представление об их намерениях (особенно в случаях с захватом заложников). Эта дискурсивная «пустота» способствует восприятию обществом терроризма как серии аполитичных актов (не это ли, в частности, имел в виду Ж. Деррида, говоря о «странном диалоге между речью и безмолвием»?⁴³). В этом, видимо, есть своя симметрия: *постполитика* не терпит политических вызовов в их чистом виде и поэтому вынуждена редуцировать их, переводя интерпретации терроризма на органичный *постполитический* язык.

Такая модель применима и в отношении России: ее руководители «всеми силами стремятся отрестить от ассоциации своих действий с войной и представить их как ограниченную контртеррористическую операцию»⁴⁴. Террористам при этом отказывается в возможности предстать в качестве носителей политического *послания* посредством *криминализации* их действий на уровне как визуальных репрезентаций, так и дискурса. Допустим, чеченские *повстанцы*, как их часто называют на Западе, фигурируют в российских СМИ в качестве *бандитских группировок*, то есть одной из форм организованной преступности, которая находится вне поля политических отношений. Такая ситуация соответствует логике К. Шмитта, согласно которой представление себя в качестве неполитической фигуры не только открывает возможности для привнесения в свою позицию моральных, правовых, экономических и других компонентов, но и создает почву для кон-

трастного противопоставления своей *неполитической* позиции как морально превосходящей позицию своих оппонентов⁴⁵.

Частичным подтверждением этой модели стала трактовка лидерами «Большой восьмерки» терроризма как одного из видов организованной преступности, что можно интерпретировать как отказ террористам в признании политической составляющей их деятельности. Соответственно, борьба с терроризмом – это не столько политический ответ на политический же в своей основе вызов, сколько применение ряда *технических* мер, как то: стимулирование экономического развития *проблемных стран* посредством роста иностранных инвестиций, внедрение в них практики «надлежащего управления» (*good governance*), расширение ресурсных и институциональных возможностей (*capacity building*), поддержка образовательных программ, и так далее. Такая деполитизированная модель противостояния с терроризмом есть следствие увязывания «археологии» безопасности с целым рядом либеральных концептов, к числу которых, несомненно, относится прозрачность, толерантность, мультикультурализм.

Непризнание политической субъектности террористов со стороны их жертв ведет к инвестированию ресурсов террористических организаций в сферу публичных коммуникаций, о чем свидетельствует функционирование телеканалов типа *Аль-Джазира*, а также массы Интернет-сайтов соответствующего содержания. Воспроизводя логику А. Негри и М. Хардта, можно утверждать, что террористические структуры не менее эффективно, чем Запад, используют различного рода сетевые «стратегии сопротивления», в том числе и в коммуникационной сфере.

Наконец, *в-четвертых*, вероятны ситуации, при которых сторона, считающая себя жертвой, приписывает своим противникам политические намерения, хотя те, в свою очередь, действуют в рамках другой, неполитической логики. В категориях М.Фуко преступник может пониматься как «враг общества»⁴⁶, то есть политизируется. Чисто криминальные акты (например, взрывы нефтепроводов или насилие в отношении иностранцев на курортах) могут быть использованы в контексте конструирования образа Врага; либо акты локального насилия могут быть преподнесены как «агрессия глобального терроризма». Такая стратегия может стать необходимостью в случаях, когда дискурсивно терроризм становится «инструментом политической мобилизации»⁴⁷.

Конечно, политизированные и деполитизированные подходы могут вполне сочетаться друг с другом. Вновь сошлюсь на заявленную «Большой восьмеркой» на саммите в Санкт-Петербурге (июль 2006 г.) позицию по борьбе с терроризмом, составным компонентом которой является «привлечение к суду, в соответствии с обязательствами по международному праву, лиц, виновных в совершении терактов, а также их финансировании, поддержке, планировании подобного рода действий и подстрекательства к ним». Это политически корректное заявление, однако, оставляет открытым вопрос о том, почему буквально накануне приезда в Санкт-Петербург лидеры США и Евросоюза направили свои поздравления России в связи с физическим уничтожением Ш.С. Басаева, а уже во время самого саммита американский президент не стал осуждать Израиль за начало боевых действий против Ливана, фактически возложив ответственность за эскалацию насилия на «Хизбаллу». Разрыв между позициями, заявляемыми в официальных документах саммита, и практическими действиями лидеров, их подписавших, в этом смысле напоминает разрыв между Символическим и Реальным, который носит неустрашимый характер и в известном смысле конституирует логику современной мировой политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для России ситуация, описанная выше, дает повод варьировать различные стратегии в отношении терроризма. Их полярные случаи можно, вслед за С. Жижекком, назвать тактиками *возбуждения* и *транквилизации*⁴⁸. В ситуациях, требующих особой мобилизации населения, вполне вероятно использование алармистских приемов, связанных с поли-

С материалами по проблемам терроризма вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по темам – Мегатерроризм» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

тизацией вызовов террористов и представления их действий как требующих политического ответа. Возбуждение имплицитно имеет место всякий раз, когда дискурс власти строится вокруг информации о предотвращенных или планируемых терактах или предупреждения об их возможности. Этот дискурс имеет свою семантику, или

язык знаков: предметами его особого внимания становятся, например, бесхозные вещи, забытые пассажирами в общественном транспорте, припаркованные близко к дому грузовые машины (после взрывов жилых домов в Москве несколько лет назад), или мобильные телефоны в руках пассажиров авиалайнеров (показательным является случай с самолетом авиакомпании KLM, следовавшим по маршруту Амстердам – Бомбей в августе 2006 г. и запросившим экстренную посадку после того, как бортпроводницы заметили эти предметы в руках у вызвавшей их подозрение группы индусов. Визуальным выражением этого дискурса *возбуждения* стали плакаты «Внимание: терроризм!», развешенные по всем вокзалам России в последнее время.

Понимание семантики при этом носит принципиальный характер, поскольку ряд «смысловых маркеров» носит не побочный, а конституирующий ситуацию характер. Ярким примером этого может служить квалификация взрыва в августе 2006 г. на Черкизовском рынке: как известно, виновные были этнически русскими, таким способом они протестовали против засилия приезжих в торговых точках столицы. Однако представим себе обратную ситуацию: что, если бы обвинение было предъявлено «лицам кавказской национальности»? Взрыв в этом случае был бы практически неизбежно квалифицирован как террористический акт, который бы встраивался в предсуществующую логику событий, общественных настроений и ожиданий.

Но самое интересное случается, когда эффекты, спровоцированные в обществе постоянными призывами к бдительности, активизируются и одновременно гасятся. Одним из вариантов стратегии *транквилизации* является типичная для многих случаев авиакатастроф ситуация, при которой первая реакция властей выглядит примерно следующим образом: причины случившегося неизвестны, обсуждаются многие версии, но терроризм исключен. Логическая ошибка такого объяснения очевидна: задолго до выяснения общей картины трагедии одна из ее причин вычеркивается (выносится за скобки); однако для нас важнее не то, действительно ли в конечном итоге крушение авиалайнера не стало следствием теракта, а само нежелание обсуждать эту версию как достойную общественного внимания. Весьма наглядно это проявилось, к примеру, при освещении катастрофы самолета *Пулковских авиалиний* под Донецком в августе 2006 г.

То есть *абстрактная* перспектива терроризма признается аксиоматичной, в то время как *конкретная* его возможность ставится под вопрос. Другими словами, в одном случае мы имеем *презумпцию вероятности*, а в другом – *презумпцию невероятности*. Один из парадоксов состоит в том, что именно эта операция дискурсивного подавления террористической версии как нельзя лучше подчеркивает ее *особый* статус, нарочито выводится из общего ряда технических причин, неизбежно приобретая черты эксклюзивности.

Другим примером той же дискурсивной стратегии является «криминализация» терроризма: в числе прочего, такой подход предполагает отказ террористам в признании за ними некоей политической логики, а значит – выводит их действия *за скобки* отношений власти в строгом смысле этого слова. В этом случае *транквилизация* совпадает с *десекьюритизацией* в том, что источник угрозы представляется как входящий (встраиваемый) в более или менее понятный массовому сознанию ряд *обычных* (рутинных) и так или иначе изученных феноменов.

В идеале эти две взаимно противоположные, на первый взгляд, тактики очерчивают собой ту гамму инструментов, которые могут и должны дополнять друг друга в арсенале

внешнеполитических ведомств РФ – от *технического*, правового наказания террористов как преступников до *политического* отграничения их от общества. Однако при ближайшем рассмотрении окажется, что эти противоположности объединяет одно – обе предполагают ту или иную форму исключения. Изнанкой стратегии *транквилизации*, таким образом, становится та самая *секьюритизация*, которая лежит в основе дискурса *возбуждения*. 🐘

Примечания

- ¹ Эко Умберто. Роль читателя. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2005. С. 472.
- ² Там же. С. 11.
- ³ Лотман Юрий. Анализ поэтического текста. Ленинград: Просвещение, 1972. С. 123.
- ⁴ Лотман Юрий. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. С. 87.
- ⁵ Фуко Мишель. Археология знания. Санкт-Петербург: «Гуманитарная энциклопедия», 2004. С. 275.
- ⁶ Там же. С. 74.
- ⁷ Schmitt Carl. The Concept of the Political. Chicago and London: the University of Chicago Press, 1996. P. 35.
- ⁸ Шмитт Карл. Диктатура. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 60.
- ⁹ Там же. С. 75.
- ¹⁰ Там же. С. 273.
- ¹¹ Там же. С. 251.
- ¹² Derrida Jacques. The Politics of Friendship. London & New York: Verso, 2005. P. 161.
- ¹³ Бадью Ален. Философские размышления по поводу нескольких недавних событий. *Критическая Масса*. 2002, № 1.
- ¹⁴ Жижек Славой. 13 опытов о Ленине. Москва: Ad Marginem, 2003. С. 86.
- ¹⁵ Taureck Rita. Securitization theory and securitization studies. *Journal of International Relations and Development*. 2006. Vol.9, No 1, March P. 55.
- ¹⁶ Buzan Barry, Waver Ole, Wilde Jaap de. Security. A New Framework for Analysis. Boulder & London: Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 22.
- ¹⁷ Hardt Michael, Negri Antonio. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. London: Penguin Books, 2004. P. 21.
- ¹⁸ Laclau Ernesto. Ethics, Normativity and the Heteronomy of Law. *Political Theory Daily Review*, <http://www.politicaltheory.info/essays/laclau.htm> (последнее посещение – 25 марта 2007 г.).
- ¹⁹ Zizek Slavoj. Da Capo Senza Fine, in: Contingency, Hegemony, Universality. Contemporary Dialogues on the Left. London & New York: Verso, 2000. P. 253.
- ²⁰ Лаклау Эрнесто. Невозможность общества. *Логос*. 2003. № 4-5 (39). С. 57.
- ²¹ Там же. С. 56.
- ²² Zizek Slavoj. Iraq: the borrowed kettle. London & New York: Verso, 2004. P. 65.
- ²³ Ремизов Михаил. Война, язык и невращения. *Логос*. 2000. № 2. С. 28–34.
- ²⁴ Zizek Slavoj. Iraq: the borrowed kettle. London & New York: Verso, 2004. P. 159.
- ²⁵ Derrida Jacques. The Politics of Friendship. London & New York: 2005. P. 121.
- ²⁶ Бодрийяр Жан. Насилие глобализации. *Логос*. 2003. № 1 (36). С. 22.

- ²⁷ Фуко Мишель. Ненормальные. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 153.
- ²⁸ Huysmans Jef. International Politics of Insecurity: Normativity, Inwardness and the Exception. *Security Dialogue*. 2006, March. Vol.37, N 1. P.1 2.
- ²⁹ Derrida Jacques. Op.cit. P. 82.
- ³⁰ Фуко Мишель. Цит.соч. С. 61.
- ³¹ Там же. С. 108.
- ³² Делез Жиль, Гваттари Феликс. Что такое философия? Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. С. 229.
- ³³ Фуко Мишель. Цит.соч. С. 146.
- ³⁴ Там же. С. 119.
- ³⁵ Там же. С. 47.
- ³⁶ Там же. С. 176.
- ³⁷ Там же. С. 329.
- ³⁸ Zizek Slavoj. Op.cit. P. 81.
- ³⁹ Huysmans Jef. Op. cit. P. 18
- ⁴⁰ Neal Andrew. Foucault in Guantanamo: Towards an Archaeology of the Exception. *Security Dialogue*. March 2006. Vol. 37, N 1. P. 34.
- ⁴¹ Huysmans Jef. Op.cit. P. 20.
- ⁴² Jabri Vivienne. War, Security and the Liberal State. *Security Dialogue*, March 2006. Vol.37, N 1. P. 56.
- ⁴³ Деррида Жак. Письмо и различие. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. С. 162.
- ⁴⁴ Бабуркин Сергей. Оценка современного терроризма: российский и американский подходы. В кн.: Российско-американские отношения в условиях глобализации. Москва: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж.Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2005. С. 262.
- ⁴⁵ Schmitt Carl. The Concept of the Political. Chicago and London: the University of Chicago Press, 1996. P. 32.
- ⁴⁶ Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть. Москва: Праксис, 2005. С. 103.
- ⁴⁷ Драгунский Денис. Идентичность после конфронтации: поиски Другого в униполярном мире. *Вестник Института Кеннана в России*, выпуск 6. Москва, 2004. С. 5.
- ⁴⁸ Zizek Slavoj. The Puppet and the Dwarf. The Perverse Core of Christianity. Cambridge and London: the MIT Press, 2003. P. 98.

Дмитрий Тренин

Виталий Цыгичко

КИТАЙ ДЛЯ РОССИИ: *ТОВАРИЦ* ИЛИ *ГОСПОДИН*?

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: More menace than challenge

Добрый день, Дмитрий,

Есть один острый вопрос, который из области высоких теорий переходит в область практической политики. Меня он тревожит, и мне хотелось бы обозначить его сегодня, пусть для Вас он и не нов, и обсудить с Вами в нашей электронной переписке.

Вот каков этот вопрос: в последнее время, наблюдая поведение нашего южного соседа – Китая, делаю вывод о том, что он все больше возвращается к своей имперской традиции и действует соответственно. Сегодня Поднебесная с ее мощной, динамично развивающейся экономикой и самой многочисленной армией в мире является одним из центров силы, который стремится укрепить и расширить свое влияние не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и далеко за его пределами. При этом, опираясь на свои исторические традиции, Новая Срединная империя не гнушается никакими средствами для достижения своих гегемонистских целей и по мере усиления своей мощи действует все нахрапистей.

Скажу без обиняков. На мой взгляд, такая откровенно гегемонистская направленность китайской внешней политики создает непосредственную угрозу – а точнее, целый набор угроз и вызовов – российским интересам в АТР.

Какие выводы должна сделать Россия, как скорректировать свою внешнеполитическую линию?

*С уважением,
В. Цыгичко*

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: Soft power

Здравствуйте, Виталий,

Говоря об угрозах и вызовах, Вы, как мне видится, описываете все в неоправданно мрачных тонах.

А
К
И
М
Е
П
О

Да, Китай является растущим центром силы глобального уровня. В отдаленной перспективе (середина столетия) Китай может превратиться в крупнейшую экономику мира. Повышение экономического веса Китая будет сопровождаться ростом его политического влияния. Военная мощь Китая – как обычная, так и ракетно-ядерная – будет продолжать совершенствоваться. Наряду с этим будет расти *мягкая мощь* Китая, основанная на его растущей привлекательности и способности подстраивать желания и поведение других стран *под себя*. Образно говоря, *не выходя из берегов*, Китай будет постепенно *искривлять пространство* вокруг себя, заставляя другие страны и народы ориентироваться на Срединное государство.

В то же время Китай не уподобится Советскому Союзу или Японии 1930-х гг. Его экспансия не будет носить преимущественно территориальный характер и не будет осуществляться в основном военными-политическими средствами. Китайские *дивизии* – это транснациональные корпорации со штаб-квартирами в Шанхае, Пекине, Шэньчжэне и т.д. Военная агрессия КНР против России является крайне маловероятной на всю обозримую перспективу (скажем, 15-20 лет). «Не гнушаться никакими средствами» и «действовать нахраписто» сказано не про Китай XXI века, который, напротив, действует разборчиво и осмотрительно.

*Ваш
Дмитрий Тренин*

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: Military games

Дмитрий,

Не могу согласиться с Вашим тезисом о том, что экспансия Китая «не будет носить преимущественно территориальный характер и не будет осуществляться в основном военно-политическими средствами».

То, что Китай действует разборчиво и осмотрительно, – действительно, это так. Именно поэтому нам важно понять, зачем он провел в сентябре 2006 года беспрецедентные по масштабам десятидневные учения Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Шэньянского и Пекинского военных округов, двух самых мощных из семи китайских округов. Именно эти округа прилегают к границе с Россией, Шэньянский противостоит Дальневосточному, а Пекинский – Сибирскому военному округу Вооруженных сил России. В ходе учений части Шэньянского округа совершили бросок на расстояние 1000 км на территорию Пекинского, где провели учебное сражение с частями последнего. Любому военному специалисту ясно, что на этих учениях отработывался вариант ведения наступательной операции против России и Казахстана. В практике подготовки войск подобные ширококомасштабные учения проводятся для проверки уже отработанных стратегических концепций и принятых оперативных планов использования ВС.

А ведь эти учения проводились в период, когда наши политические и экономические отношения достигли самой благоприятной отметки! Такая откровенная демонстрация силы должна была, очевидно, сказать руководству нашей страны, что Китай готов развязать войну против России, если ее политический курс будет противоречить его интересам. Странно, что ни политическое, ни военное руководство нашей страны никак не среагировало на этот военный демарш.

Виталий Цыгичко

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: Look inside

Виталий,

Я уверен, что российские военные внимательно изучают сценарии китайских учений. Считаю, что Ваш вывод о целях проведенных учений не обоснован. Похоже, Вы и сами озадачены свои выводом, так как тут же пишете, что учения проводились в период, когда «наши политические и экономические отношения достигли самой благоприятной отметки». Одно из двух (если вывод верен): либо Пекин, поступая столь нелогично, просто подрывал собственную долгосрочную стратегию, либо руководство НОАК действовало самостоятельно по отношению к руководству КНР. Или не верен сам вывод, и требуется более глубокий анализ.

Тем не менее, если развивать Вашу мысль о китайской угрозе, то необходимо сдвинуть акцент на собственное развитие России, а точнее развитие наших восточных территорий. Развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири и их *двойная* интеграция – в Россию и в АТР – остается одной из важнейших геополитических проблем современной России. Решение этой проблемы, однако, зависит от самих россиян – политического руководства, бизнес-сообщества, федеральной и региональных элит, гражданского общества, наконец. Если Россия *проиграет* Дальний Восток и Сибирь (а Китай их *подберет*), то это произойдет не в результате китайской экспансии, а по причине неспособности страны к развитию. Надеюсь, этого не случится. У России есть официально признанная и полностью согласованная граница с Китаем. За происходящее внутри этих границ отвечают россияне и никто кроме них. *Китайская проблема* России находится внутри ее.

Ваш
ДТ

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: Check the textbooks

Понимаете, Дмитрий, если не удастся изменить существующие в настоящее время негативные тенденции развития социально-экономической ситуации на российском Дальнем Востоке, то в результате демографической и экономической экспансии Китая эта территория может стать его протекторатом. При определенных обстоятельствах не исключена и аннексия ряда дальневосточных российских территорий, в том числе с помощью военной силы, поскольку официальный Пекин считает эти территории временно отчужденными и принадлежащими ему исторически. О территориальных претензиях Китая можно судить даже по китайским *школьным учебникам географии, где в границы страны внесен ряд российских дальневосточных областей.*

Сегодня в качестве ключевого понятия теории развития современного мира китайские теоретики приняли термин *жизненное пространство*, которое, по их мнению, используется для обеспечения безопасности, жизнедеятельности, научно-технического и экономического развития страны. Для такого пространства устанавливаются так называемые стратегические границы или территориальные и пространственные рубежи, в пределах которых государство с помощью военной силы реально способно защищать свои интересы.

Жизненное пространство распространяется на все сферы жизнедеятельности государства на суше, на море, под водой, в воздухе и в космосе. Размеры *жизненного пространства* определяются возможностями страны в экономической, научно-технической, социальной и военной областях (*совокупной мощью* государства). Как полагают китайские теоретики, стратегические границы *жизненного пространства сильных держав* далеко выходят за рамки их государственных границ, а *жизненное пространство многих слабых стран* имеет стратегические границы, порой не соответствующие *совокупной мощи* этих госу-

дарств, что в ряде случаев приводит к утрате *слабыми* странами своих территорий. По их мнению, особенностью развития современного мира является стремление большинства стран к установлению для своего *жизненного пространства* новых стратегических границ, адекватных реальной мощи государства. Отсюда следует вывод, что Китай должен расширять свое *жизненное пространство* в соответствии со своей растущей экономической и военной мощью за счет более слабых соседей, к которым относится и Россия.

Эта теория, оправдывающая решение международных проблем с позиции силы, давно стала основой китайской внешней политики, что полностью подтверждают события последних лет. К одиннадцати из двадцати четырех своих соседей Китай имеет территориальные претензии, включая Индию, Японию, Вьетнам, Филиппины, Россию и другие страны, и делает попытки аннексировать спорные с его точки зрения территории, в том числе и силовым путем.

Военная сила была и остается важнейшим фактором политики, и, как показывает новейшая история, Китай активно использует этот фактор в отношениях практически со всеми своими соседями.

Вернусь к моему предыдущему письму об учениях НОАК. В Китае такие события могут происходить только согласно решению высшего руководства страны, которое полностью управляет военной сферой и определяет всю военную политику и стратегические концепции применения вооруженных сил. Поэтому я не могу согласиться с Вами в вопросе политической и военной оценки проведенных китайской армией стратегических учений.

Любому военному специалисту известно, что учения подобного масштаба являются завершающим этапом многолетней подготовки войск по реализации стратегического и оперативных планов по ведению стратегической операции на театре военных действий. География этих учений, наступательный характер отрабатываемых задач не оставляет сомнений, что «вероятным противником» в них выступает Россия.

Демонстрация силы – это древний традиционный прием китайской политики. Ясно, что учения – это хорошо продуманная, прежде всего политическая, акция, дающая понять, с каким «вероятным противником» имеет дело Россия, какие у этого противника стратегические планы на случай обострения отношений и как ей надо себя вести в отношениях с Китаем.

В заключение не могу не сказать, что договор России с Китаем о границе ни в коем случае не является гарантом нашей безопасности на Дальнем Востоке. Политическая практика Китая говорит о том, что он легко нарушает любые договоры, если они его не устраивают по тем или иным причинам. Во-вторых, договор о границе строго засекречен и широкой общественности не известен. В то же время ряд серьезных американских изданий утверждает, что этот договор заключен только на двадцать лет, после чего стороны должны вернуться к переговорам по этому вопросу. Скрытие текста договора от общественности говорит в пользу этой версии.

Виталий Ц.

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: Thorough research

Виталий,

Формирование внешнеполитической стратегии Китая – гораздо более сложный и противоречивый процесс. Вы предлагаете свое прочтение концепций, предложенных китайскими теоретиками. Возможно, оно близко к истинному, но так это или нет, можно установить только после серьезного анализа и сопоставления текстов с жизнью. Кроме того, надо учитывать, что политика любого современного государства основывается не

только на теоретических выкладках. *Извне* любая политика предстает более логичной и законченной, а иногда – более зловещей, чем она является на самом деле. Наоборот, собственная политика представляется менее сфокусированной, эклектичной и часто – более слабой, чем она видится со стороны.

Что касается секретного договора, то мне очень трудно представить президента России, который заключает явно невыгодный, чтобы не выразиться крепче, секретный *договор*, и *при этом всего лишь на 20 лет*. В принципе, *при наступлении момента истины* он должен еще здравствовать. Трудно представить, что могло бы побудить главу российского государства пойти на столь массивную сдачу коренных национальных интересов. Кроме того, из Вашей логики рассуждений следует, что особой необходимости в столь сложных и секретных построениях нет: «китайцы нарушали, нарушают и будут нарушать».

Я возражаю против автоматического истолкования существующих неясностей как свидетельств существования китайской угрозы. Китай – слишком серьезная для России тема, чтобы ее обсуждать в сугубо комплиментарном духе или, наоборот, с заранее предопределенным *обвинительным уклоном*. Но обсуждать обязательно нужно – в этом мы, я думаю, согласны. На мой взгляд, Китай требует не бездумного преклонения перед его новой мощью и не безотчетного страха перед нею. Он требует внимательного и всестороннего изучения. Иначе просчеты неизбежны.

ДТ

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: Russia is being used

Что же, давайте рассмотрим этот вопрос внимательно и всесторонне.

Россия занимает важное место в китайской геополитической игре, и Пекин делает все возможное, чтобы наша страна оставалась в сфере его влияния. Прежде всего, Россия чрезвычайно важна для Китая как экономический партнер – поставщик энергоресурсов, столь необходимых ему для продолжения экономической модернизации страны, а также как поставщик современных вооружений для его армии. Поэтому китайцы будут делать все для усиления своих экономических и политических позиций в нашей стране. Об этом свидетельствует и большая активность китайского лобби в России, успешно действующего на всех уровнях власти.

В настоящее время российско-китайское сотрудничество бурно развивается в экономической, политической, военной и других областях. Безусловно, развитие добрососедских, взаимовыгодных отношений между нашими странами надо только приветствовать. Однако направление развития и содержание этих отношений должно основываться не на сиюминутной политической конъюнктуре, как это выглядит сейчас, а на ясном осознании наших долгосрочных национальных интересов и трезвом анализе далеко идущих целей текущей политики Китая с учетом его геополитических амбиций, для реализации которых он активно использует Россию.

Виталий

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: Re: Russia is being used

Я поддерживаю призыв к осознанию долгосрочных интересов России и формированию на этой основе политики, не исходящей из сиюминутной политической конъюнктуры. Вместе с тем внешняя политика всегда и везде отражает конкретные интересы правящих элит (с поправкой на их демократическую легитимацию – там, где существует демократия), их мировоззрение и предрассудки. Российскую внешнюю политику определя-

ют и будут определять конкретные – и отчасти конкурирующие – группы интересов с соответствующими мировоззренческо-предрасудочными комплексами. Сближение с Китаем имеет материальную основу, которую нельзя игнорировать.

Для Китая Россия – это стратегический тыл и огромная ресурсная база. Естественно, что Китай будет стремиться удерживать Россию в поле «дружественного притяжения» и расширять свой доступ к различным российским ресурсам – от природных (энергетика и экология) до технологических (вооружения и космос). Китайское влияние на принятие российскими властями решений, прежде всего по вопросам сотрудничества с КНР, существует, но «китайского лобби, успешно действующего на всех уровнях власти», в России нет, хотя, конечно, со временем может возникнуть.

Ваш
ДТ

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: What about Russia's interests?

Вызывает большую озабоченность также и ясно различимое в последнее время китайское влияние на нашу внешнюю политику, выражающееся в стремлении придать ей антиамериканский и антизападный характер, что в корне противоречит национальным интересам России.

Китай, стараясь превратить нашу страну в свой «стратегический тыл и ресурсную базу», никогда не будет заинтересован в нашем экономическом и политическом развитии. Поэтому нынешний восточный курс нашей политики помогает, выражаясь вашей терминологией, *искривлять пространство* в интересах Китая, а не в коренных интересах нашей страны.

Упомяну и такой важный инструмент региональной политики Китая, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Эта организация нужна Китаю, прежде всего, для усиления своего влияния в регионе и контроля его над его природными ресурсами. Как самая мощная региональная держава Китай хотел бы главенствовать в этой организации и максимально использовать ее в своих интересах (чего стоит только предложение о полном финансировании Китаем всех энергетических проектов ШОС). Кроме того, эта организация обеспечивает более свободный доступ китайских товаров на рынки стран ШОС. За свой рынок им беспокоиться нечего, конкурентов здесь у них нет. Серьезным конкурентом Китаю в рамках ШОС выступает только Россия, которая пытается серьезно препятствовать его стремлению к гегемонии в этой организации.

Сухопутным границам Китая никто не угрожает. Внутренние проблемы, такие, как сепаратизм, Китай способен решить сам. Другими словами, в военном отношении он самодостаточен и военное сотрудничество в рамках ШОС нужно ему только для свободы рук при возникновении какого-либо конфликта, затрагивающего его интересы в регионе.

Перечисленные обстоятельства могут послужить уже в недалеком будущем источником серьезных конфликтов ввиду явного различия экономических и политических интересов России и Китая. Существующие сегодня между странами проблемы в области поставок энергоресурсов, разногласия в ШОС и многие другие, очевидно, только начало назревающих противоречий. Ясно, что китайцы это хорошо понимают и готовятся к такому повороту событий, в том числе и в военной сфере.

В. Цыгичко

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: Our own choice

Виталий,

Эволюция российской внешней политики – отдельная тема для разговора. Уход России с западной орбиты, умеренный (пока что) антиамериканизм, политическое сближение и даже блокирование РФ и КНР (например, в ООН) – факты, определяющее новое качество курса Кремля на международной арене. Это, однако, осознанный выбор российского руководства, а не результат *китайской напасти*.

Конечно, китайское руководство считает крайне нежелательным такое сближение России с США, которое сделало бы Россию инструментом американской политики в отношении Китая. Не будут приветствовать в Пекине и сближение России с Японией, если оно будет идти в ущерб интересам Китая (например, в области энергетической безопасности).

Я согласен, что ШОС расшифровывается прежде всего как «Китай в Центральной Азии». При помощи ШОС Пекин получил возможность развивать отношения с четырьмя бывшими советскими республиками, не раздражая Москву. Россия, со своей стороны, получила возможность «приглядывать» за этим развитием отношений и отчасти корректировать его. Для Китая инициатива о создании ШОС – знак активизации внешней политики, которая вплоть до середины 1990-х гг. оставалась довольно пассивной. Для Пекина создание ШОС – это формирование благоприятных внешних условий для стабилизации ситуации в Синьцзяне (который традиционно называли Западным Туркестаном), а также выход на альтернативные источники энергоресурсов.

ШОС – позитивный фактор региональной безопасности. Во-первых, благодаря тому, что его неформальными сопредседателями являются КНР и РФ; во-вторых, потому, что его членами стали все государства Центральной Азии, за исключением Туркмении; в-третьих, потому, что в работе ШОС в качестве наблюдателей участвуют такие государства, как Индия, Пакистан, Иран, а также Монголия. Существует и канал ШОС – Афганистан. Основные *темы* ШОС – безопасность и развитие – укладываются в логику подхода: безопасность *через* развитие. В этой связи между Москвой и Пекином в рамках ШОС существует скрытая конкуренция. Россия не хочет подпускать китайцев к вопросам традиционной безопасности (*базы–союзы–учения–вооружения*), но в то же время ревниво относится к стремлению Пекина перенести центр тяжести на проблематику развития (*кредиты–торговля–инвестиции*). Выход может быть в разделе сфер ответственности, но Москва, по-видимому, рассматривает Центральную Азию как регион, где преобладающими должны быть российские интересы – во всех основных сферах.

Д. Тренин

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: Bad model

Дмитрий,

На мой взгляд, Пекин действует очень многопланово. В политическом плане Китай стремится не допустить сближения России с США, Японией и другими западными демократиями, способными сообщать препятствовать его гегемонистским планам. Поэтому он боится демократических перемен в нашей стране и усиленно навязывает нашей политической элите, к сожалению, пока успешно, свою авторитарную модель политического устройства.

Сегодня многие лозунги китайской пропаганды прочно вошли в лексикон российских политиков. Это и «особый российский путь к демократии», и «неготовность российского

общества принять западные принципы и нормы демократии», «властная вертикаль» и другие положения, оправдывающие сползание нашей страны к авторитарно-бюрократическому режиму.

Я уже говорил о важности России для Китая как стабильного поставщика энергоресурсов, современных вооружений и технологий. Поэтому Китай делает все возможное, чтобы вовлечь нашу страну в орбиту своих экономических и геополитических интересов, в том числе путем декларации дружбы наших народов, проведения различных мероприятий, таких, как «год России в Китае» и «год Китая в России» и т.п. Все это создает тот фасад, за которым скрываются вполне прагматические цели, отнюдь не совпадающие с нашими национальными интересами, поскольку перспектива стать сырьевым придатком Китая – это самое худшее, что нас может ожидать. Ну а с «дружбой народов» мы уже имели дело в недавней истории наших взаимоотношений и знаем, чем она закончилась.

Если рассматривать экономические аспекты отношений двух стран, то прежде всего нужно отметить фактическое отсутствие китайских инвестиций в нашу промышленность, сельское хозяйство и инфраструктуру. Китайцы готовы вкладывать деньги только в наши энергетические проекты. Подобное обстоятельство объясняется двумя основными причинами. Во-первых, им не нужны лишние конкуренты на нашем внутреннем и внешних рынках. Дешевые китайские товары заполнили наши прилавки. Сегодня это не только ширпотреб, но и электроника, автомобили, станки и промышленное оборудование, а скоро это будут и товары высоких технологий. Все это не способствует развитию нашей весьма слабой в настоящее время промышленности. Во-вторых, китайцы хотели бы сохранить нас как свою сырьевую базу и получить контроль над нашими энергоресурсами, вкладывая деньги в наши проекты. Интенсивное развитие нашей экономики потребует резкого повышения внутреннего энергопотребления, что, несомненно, скажется и на объемах поставок энергоресурсов в Китай. Поэтому инновационное развитие нашей экономики отнюдь не в их интересах. Эти обстоятельства и лежат в основе экономической политики Китая в отношении России, что подтверждает статистика российско-китайской торговли и содержание большинства заключаемых соглашений.

ВЦ

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: It depends on us

Виталий,

Китайские руководители сосредоточены на геополитике, геоэкономике и геостратегии. Проблему демократии они рассматривают как инструментальную, призванную помочь США продвигать их реальные интересы. В этом они едины с обитателями Кремля. Китайцы боятся не столько российской демократии (насчет ее перспектив они настроены скорее скептически), сколько хаоса и возвращения к проамериканской политике начала 1990-х гг.

Авторитарную модель российскому руководству никто извне не навязывает. Ответственность за состояние российской политической системы несет российское руководство, эту систему построившее, и большая часть российского населения, эту систему поддерживающая. Российская политическая система будет неизбежно меняться в результате вызревания групп интересов, которые она в нынешнем виде не будет способна удовлетворить. Ни Китай, с одной стороны, ни Соединенные Штаты, с другой, здесь ни при чем.

При этом заметны тенденции изменения российско-китайских отношений. Визит Председателя КПК Ху Цзиньтао в Москву в марте 2007 г. продемонстрировал, что российско-китайские отношения становятся все более прагматичными. На данном этапе Пекин заинтересован прежде всего в получении из России энергоносителей, а Москва – в повы-

шении экономической отдачи от связей с Китаем. Показателен в этой связи короткий пассаж в мидовском Обзоре внешней политики РФ, посвященный отношениям с КНР: партнерство между двумя странами выглядит не столько *стратегическим*, сколько *прагматическим*.

Развитие российско-китайских экономических отношений наталкивается на ряд проблем. Так, цена, которую готовы платить китайцы за российский газ, в разы ниже, чем цена на газ на западноевропейском рынке Газпрома. Китайцы, со своей стороны, недовольны качеством российской машиностроительной продукции (гражданские самолеты), которую они закупили. Россияне иногда надеются на политические сделки (как говорится, *во имя укрепления отношений*), китайцы же выступают сугубыми прагматиками. Россиянам придется учиться конкуренции на китайском рынке, искать для себя ниши, продвигать свои товары и услуги. Без этого удел России – поставлять Китаю энергоносители и сырье, а также вооружения и военные технологии.

Относительно трезвого анализа. Китай, скорее всего, продолжит движение вверх, и пространство вокруг него продолжит искривляться. Проигрывая Китаю в динамике развития, Россия будет *сваливаться* в направлении восточного соседа. Ее спасение – в ускоренном саморазвитии. Удастся этот проект или нет, зависит от россиян. Не Китая нужно бояться, а неспособности переформатировать российское общество, экономику, политическую систему в жизнеспособный эффективный организм.

Д.Тренин

From: Vitali Tsygichko
To: Dmitri Trenin
Subject: Younger brother option

Действительно, надо не бояться Китая, а четко представлять его стратегию и долгосрочные планы относительно России, чтобы на этой основе формировать разумную политику, отвечающую нашим национальным интересам. В двухсторонних отношениях ситуацию определяют цели и текущая политика обеих сторон. Поэтому утверждение о том, что все зависит от нас самих, а Китай здесь ни при чем, выглядит, по моему мнению, попыткой уйти от объективного исследования и обсуждения стратегических целей и реальной политики Китая в отношении России, от тех острых проблем, которые неизбежно возникают в процессе реализации этой политики. К сожалению, наши власти, идя на политическое блокирование с Китаем, не понимают или не хотят видеть последствий этого курса, который при своем продолжении неизбежно приведет нашу страну к положению «младшего брата» Срединной империи, и прощайте великодержавные амбиции нашей политической элиты. Наконец, позволю себе согласиться с Вами в том, что только ускоренное развитие даст шанс России не стать протекторатом Китая.

From: Dmitri Trenin
To: Vitali Tsygichko
Subject: It sounds too alarming

Виталий, я также хотел бы зафиксировать области, где наши позиции совпадают. Я согласен с необходимостью объективного исследования и обсуждения стратегических целей Китая. Считаю также *уговор молчания* вокруг этой темы делом порочным, хотя, возможно, продиктованным благими намерениями (*не провоцировать соседа, не будить лиха* и т.п.). Наконец, я убежден, что стратегическое блокирование с Китаем не в интересах России, и не только из-за того, что в жертву придется принести великодержавные амбиции.

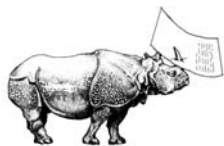
Российско-китайские отношения не только сложнее, но и противоречивее, чем они выглядят в речах президента РФ и председателя КНР. Российские власти, что бы они ни заявляли публично и как бы сильно ни подозревали США в стремлении *вбить клин* в образ-

цовые российско-китайские отношения, не идут на *стратегическое* блокирование с Китаем. Достаточно проанализировать реальное развитие отношений двух стран в области энергетики, присмотреться поближе к Шанхайской организации сотрудничества, к развитию всего комплекса отношений в Центральной Азии. В Кремле не высказали восторга в связи с испытанием Китаем в начале 2007 г. противоспутникового оружия. Очевидное стремление России выйти из ограничений, накладываемых советско-американским Договором по ракетам средней и меньшей дальности, официально аргументируется планами размещения элементов системы ПРО США в Центральной Европе. Это стремление, однако, появилось гораздо раньше, чем стало известно о планах США. Речь идет, по-видимому, о стратегии сдерживания возможных угроз на южных и восточных границах РФ.

Однако я не готов уже сейчас записать Китай в вероятные противники России. Хотя Вы прямо не говорите об этом, но такой вывод легко прочитывается. Это неверно методологически: надо обсудить все «за» и «против», исследовать проблему со всех сторон, проанализировать динамику изменений, иначе достоверного результата не получишь. В противном случае получается удар в *аналитический набат*, который может быть полезен как противовес некритическому восприятию соседа, но при этом будет столь же односторонен, как отсутствие всякой критики. 🐘

Ваш ДТ

Лора Холгейт

РЕЗЕРВ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ: КОНТУРЫ ИДЕИ

В своем выступлении 19 сентября 2006 г. в рамках 50-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ сопредседатель «Инициативы по сокращению ядерной угрозы» сенатор Сэм Нанн заявил:

«С ростом числа стран, стремящихся получить доступ к атомной энергии для обеспечения своего экономического развития, все больше государств начинает задаваться вопросом, какие варианты обеспечения ядерным топливом являются наиболее надежными и экономически обоснованными. Отвечая на этот вопрос, некоторые из них приступают к рассмотрению возможности создания национальных предприятий ядерного топливного цикла (ЯТЦ), выбирая дорогостоящий путь, который может привести к распространению технологий по всему миру, а следовательно, и повысить риск распространения ядерного оружия. Другие страны по экономическим соображениям и соображениям безопасности склоняются к импортированию ядерных материалов. В интересах нашей общей безопасности – обеспечить уверенность стран в правильности выбора именно второго пути».

В этой связи *Инициатива по сокращению ядерной угрозы* выступила с предложением о создании резерва ядерных материалов. *Инициатива* готова передать Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ) 50 млн долл. США на создание резерва низкообогащенного урана (НОУ). Предполагается, что он будет доступен в качестве *последнего средства* получения ядерных материалов для государств, принявших решение развивать атомную энергетику на основе поставок ядерного топлива из-за рубежа – и, таким образом, не имеющих в достаточном объеме собственных мощностей по обогащению урана.

Финансирование проекта со стороны *Инициативы по сокращению ядерной угрозы* будет зависеть от выполнения двух условий в течение двух лет с момента выдвижения предложения: *во-первых*, МАГАТЭ должно предпринять необходимые действия для утверждения проекта создания резерва ядерных материалов; а *во-вторых*, одна или более стран из числа членов Агентства должны дополнительно предоставить 100 млн долл. или же эквивалент этой суммы в виде НОУ для начала реализации проекта.

В выдвигаемом предложении не содержится каких-либо ограничений на право государств развивать мирные ядерные технологии. Проект нацелен на поддержку стран, сделавших выбор в пользу получения ядерного топлива из-за рубежа. При этом он должен быть реализован таким образом, чтобы полностью избежать его влияния на исторически эффективную работу рынка ядерных материалов.

Выработка положений о форме функционирования резерва ядерных материалов должна находиться в компетенции МАГАТЭ и его членов. Нет никаких других условий *Инициативы по сокращению ядерной угрозы*, кроме уже обозначенных выше – это принятие Агентством мер по легализации резерва и вложение в проект странами–членами Агентства средств в объеме, двукратно превышающем ее собственный вклад.

В любом случае, МАГАТЭ и его членам еще предстоит проработать целый ряд вопросов, связанных с созданием и функционированием резерва, некоторые из которых рассмотрены ниже.

СОДЕРЖИМОЕ РЕЗЕРВА

Одним из вопросов первостепенной важности является содержание создаваемого резерва. Для того, чтобы добиться максимальной гибкости в предоставлении ядерных материалов, они, скорее всего, должны находиться в виде гексафторида урана со степенью обогащения 4,9%. Сложно себе представить хранение ядерных материалов в виде собранных тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) или топливных сборок (ТВС), учитывая неопределенность в отношении того, кто будет их потенциальным потребителем.

Предполагается, что в резерве должно находиться как минимум такое количество НОУ, которого бы хватило для загрузки активной зоны одного стандартного ядерного реактора, то есть порядка 50-60 метрических тонн урана с обогащением 4,9%. Предоставляемых *Инициативой по сокращению ядерной угрозы* 50 млн долл. в сочетании со 100 млн долл. от государств-членов МАГАТЭ должно с запасом хватить на приобретение ядерных материалов для разовой загрузки одного реактора, а также на затраты по их хранению и транспортировке. Окончательное количество НОУ, находящегося под управлением МАГАТЭ в качестве резерва, должно быть определено путем дискуссии при участии поставщиков, покупателей и самого Агентства. Это позволит более точно установить, какое именно количество *резервного* урана необходимо, чтобы убедить потенциальных покупателей в надежности поставок и вместе с тем избежать вмешательства в работу рынка ядерных материалов. Можно предположить, что *резервные* запасы урана под управлением МАГАТЭ будут расти по мере роста рынка атомной энергетики.

Инициатива по сокращению ядерной угрозы обсуждала возможность первичной покупки НОУ для резерва в России, при этом исходя из того, что это не единственный возможный источник материала. Другая альтернатива – использование в качестве резерва НОУ, который получается при разубоживании высокообогащенного урана (ВОУ), – несет дополнительное преимущество с точки зрения нераспространения.

ХРАНЕНИЕ

Другой вопрос, который необходимо решить, – место размещения резерва. Разумеется, МАГАТЭ не может разместить запасы НОУ в своей венской штаб-квартире, а значит, одна из стран-членов Агентства должна выступить в роли принимающей стороны резерва. Для того, чтобы резерв действительно воспринимался в качестве *страховки* существующих коммерческих контрактов по топливным поставкам, запасы урана почти наверняка должны размещаться вне пределов шести основных поставщиков ядерного топлива. Идеальным местоположением стало бы предприятие, уже имеющее лицензию на обращение с низкообогащенным гексафторидом урана, так как это минимизировало бы необходимость сооружения новой инфраструктуры. Трудно предположить, что ядерный материал, находящийся в собственности МАГАТЭ, не будет находиться под гарантиями Агентства. Также МАГАТЭ может принять решение о необходимости применения Дополнительного протокола страной, где будет размещаться хранилище. Более того, Агентство может решить, что страна, размещающая резерв на своей территории, должна являться членом Конвенции по ядерной безопасности и Конвенции о физической защите ядерного материала. Издержки по хранению запасов ядерных материалов могут быть либо взяты на себя Агентством согласно соответствующему контракту с оператором хранилища, либо хранилище может быть предоставлено принимающей стороной в качестве *нематериального* пожертвования. Работа хранилища должна осуществляться в соответствии с правилами ядерной и физической безопасности страны, в которой оно расположено. По мере роста запасов урана, возможно, будет иметь смысл обращение к

услугам более чем одной принимающей страны, что послужит дополнительной гарантией надежных поставок ядерных материалов потенциальным потребителям.

ДОСТУП К РЕЗЕРВНОМУ УРАНУ

Условия доступа станут одним из наиболее чувствительных аспектов функционирования резерва ядерных материалов и, соответственно, будут чрезвычайно важной темой для обсуждения среди государств-членов МАГАТЭ. Ключевым требованием, вероятно, должно быть соблюдение государством, желающим воспользоваться *резервным* ураном, своих обязательств в области нераспространения.

Как уже было обозначено выше, скорее всего низкообогащенный уран, предоставляемый МАГАТЭ, должен использоваться в реакторе, находящемся под гарантиями Агентства. Другим условием может быть применение на территории страны Дополнительно-го протокола МАГАТЭ. От страны-получателя ядерных материалов также имеет смысл требовать участия в Конвенции по ядерной безопасности и Конвенции о физической защите ядерного материала. Наиболее важные требования к странам-потребителям *резервного* урана должны быть четко обозначены заранее, а решение о соответствии того или иного государства этим требованиям должно приниматься строго в соответствии с принципами объективности, без политизации вопроса и использования дискриминационных подходов. Для того, чтобы оградить решение от любых форм политического влияния, может потребоваться нестандартный подход. К примеру, как будет определяться, «отвечает ли потенциальная страна-покупатель нормам нераспространения»? Будет ли это решение Совета управляющих или Генерального директора МАГАТЭ, или же будет создано специальное заседание представителей государств-членов Агентства, которые и вынесут свой вердикт? Некоторые государства, прежде чем соглашаться принять условия *резервных* поставок топлива, могут потребовать выработки механизма поставок урана и соблюдения прав потребителей *резервного* урана.

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ

Ключевым при рассмотрении влияния такого резерва на мировой рынок топлива является вопрос цены, которую государства будут платить за доступ к низкообогащенному урану. Цель создания резерва НОУ – укрепление механизма импорта ядерного топлива; она предполагает, что в случае перебоев в поставках топлива любое государство может претендовать на НОУ из резерва.

Один из способов, который может гарантировать стабильность и предсказуемость рынка для потребителей – это фиксирование цен на НОУ, находящийся в резерве, на уровне, указанном в невыполненном контракте. Сложности при наполнении резерва у Агентства могут возникнуть, если цена, указанная в контракте, окажется намного ниже рыночной. В этом случае можно было бы обратиться к государствам-участникам проекта с просьбой покрыть разницу между ценой, указанной в контракте, и текущей рыночной ценой. Но при этом нельзя допускать, чтобы государства шли на провоцирование споров в рамках контрактов на коммерческие поставки, надеясь получить топливо из резерва МАГАТЭ по более низким ценам.

ПРОИЗВОДСТВО ТОПЛИВА

Как было отмечено ранее, многообразие типов реакторов в потенциальных странах-получателях ядерного топлива является серьезным аргументом против хранения *резервного* урана в виде ТВЭЛов, но это значит только, что вопрос фабрикации ядерного топлива также должен быть принят во внимание при создании резерва. В случае если государство имеет действующий контракт на поставку топлива, то стоимость услуг по фабрикации топлива обычно включена в его общую стоимость, при этом непосредственно процесс фаб-

рикации может осуществляться не на том предприятии, где осуществляется обогащение урана, и даже в другой стране. Таким образом, будут ли перебои в поставках НОУ угрожать доступу к услугам по фабрикации топлива – вопрос, ответ на который будет зависеть от каждого конкретного случая. Возможно, имеет смысл создание сети альтернативных лицензированных производителей топлива, к услугам которых можно будет обратиться в случае, если поступит запрос на использование резерва НОУ, принадлежащего МАГАТЭ. Очевидно, что этот сложный вопрос потребует дальнейшего обсуждения – как на уровне стран-членов Агентства, так и среди экспертов в области ядерного топливного цикла.

ЭКСПОРТНЫЙ КОНТРОЛЬ

Экспорт ядерных материалов и технологий регулируется посредством комплекса взаимосвязанных национальных и международных законов, процедур и механизмов. Их основная задача – гарантировать, что экспортируемые ядерные материалы используются исключительно в мирных целях и что они не будут переданы в третьи страны на условиях, ослабляющих такие гарантии. Государства, желающие предоставить услуги по хранению и изготовлению топлива в рамках проекта по созданию резерва топлива, должны быть готовы к внесению необходимых корректив в свое национальное законодательство в области экспортного контроля в целях обеспечения своевременных и предсказуемых ввоза и вывоза НОУ на свою/ со своей территории.

Таким механизмом, как Группа ядерных поставщиков (ГЯП), тоже, возможно, потребуются разработать особые процедуры – для уверенности, что их политика и практические методы работы согласуются с требованиями надежного управления резервом. Это еще один из вопросов, который нуждается в детальном рассмотрении странами-членами Агентства и экспертами, чтобы определить, как одновременно убедить потенциальных клиентов в том, что уран будет в их распоряжении тогда, когда он им потребуется, а поставщиков – в том, что материалы, которые они предоставляют или продают МАГАТЭ, используются по назначению.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ

Перечисленные выше задачи представляют собой лишь часть вопросов, связанных с созданием резерва ядерного топлива под руководством МАГАТЭ, однако представляется, что на них можно найти ответы, которые бы удовлетворили и потенциальных заказчиков, и поставщиков, и атомную промышленность, и само Агентство.

Несомненно, на пути реализации этого проекта появится много новых вопросов и задач для решения. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что перечисленные выше идеи призваны способствовать более активному диалогу на тему создания резерва ядерных материалов под контролем МАГАТЭ, но любые решения по этим вопросам, конечно, остаются в компетенции Агентства и его членов.

Самая главная задача на сегодняшний день – как можно скорее направить необходимые силы на решение этих вопросов, чтобы страны смогли оценить, отвечает ли проект создания резерва ядерных материалов требованиям устойчивости атомной энергетики. В этих целях *Инициатива по сокращению ядерной угрозы* поддерживает секретариат МАГАТЭ в проведении официальных и неформальных консультаций со странами-членами и экспертами, которые помогут подготовить этот вопрос к обсуждению на Совете управляющих Агентства.

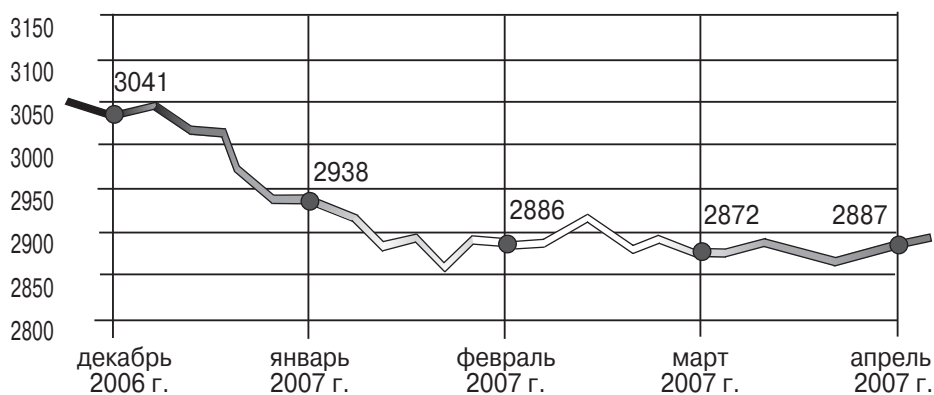
С ростом спроса на атомную энергию потребуются найти нестандартные, творческие решения, чтобы предотвратить сопутствующий рост угрозы ядерного распространения. В обеспечении более безопасного и надежного ядерного будущего должны быть заинтересованы все страны и все игроки ядерного рынка.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(декабрь 2006 г. – апрель 2007 г.)

- ➔ **ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ.**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: В ПРЕДЧУВСТВИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН.**
- ➔ **Мариан Абишева, Сержио Дуарте, Харальд Мюллер, Уильям Поттер, Александр Савельев, Евгений Сатановский, Константин Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПИР-ЦЕНТРЕ.**

Как уже сообщал *Индекс Безопасности* №1, 2007 (с. 138 – 140), с июля 2006 г. ПИР-Центр осуществляет проект вычисления Индекса *iSi* (*international Security index* – произносится: ай-си) – **универсального Индекса международной безопасности**. Целью *iSi* является разработка количественного исчисления динамики общемировых процессов, объединенных понятием «международная безопасность». Индекс *iSi* призван показать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от *идеальной* на каждый конкретный момент его определения. Он также показывает, как эта ситуация меняется под воздействием различных факторов военного и невоенного характера. *iSi* рассчитывается по оригинальной методике, разработанной ПИР-Центром. Он в целом показывает уровень состояния международной безопасности в военной, политической, экономической, экологической сферах. За идеальное состояние принята цифра **4210 пунктов**. То есть чем ближе показатели к этой цифре, тем спокойнее мир. И, наоборот, чем ниже Индекс *iSi*, тем, следовательно, выше уровень опасности.¹

Ежемесячное измерение *iSi* ПИР-Центр сопровождает телефонным опросом **Международной экспертной группы (МЭГ)**, в которой представлены эксперты из России, Казахстана, Бразилии, Германии, Индии, Китая, США. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину Индекса, тем не менее, позволяют проследить, как воспринимается наш замер. Насколько верен показатель *iSi* за январь или апрель, верна ли его динамика, какие события повлияли положительно (а какие отрицательно), и как возможно будет меняться показатель индекса в следующем месяце?

В декабре 2006 г. Индекс *iSi* составил **3041** единицу. В январе 2007 г. он **опустился на 103 пункта до 2938** единиц. В феврале и марте Индекс продолжил свое падение и достиг отметки в **2886** и **2872** единицы соответственно. В апреле 2007 г. Индекс начал подниматься и достиг **2887** пунктов.

Среди факторов, наиболее серьезно повлиявших на динамику *iSi* в этот период, можно выделить следующие события:

- Наметившееся осенью 2006 г. *похолодание* в отношениях между Россией и странами Запада (прежде всего США) в прошедший период только нарастало. Озвученные в декабре 2006 г. планы США о возможном размещении элементов американской системы ПРО в странах Восточной Европы приобрели реальные очертания. Кроме того, обсуждение в рамках Совета Безопасности ООН проекта резолюции по Косово, на содержание которой у России и стран Запада диаметрально противоположные взгляды, также крайне негативно повлияло на общую ситуацию в сфере международной безопасности. Все это стало причиной ряда резких заявлений со стороны политического и военного руководства РФ (*мюнхенская речь* российского президента В.В. Путина, проекты *асимметричного* ответа на инициативы США, планы по выходу России из ДОВСЕ и др.).
- Одним из наиболее серьезных вызовов международной безопасности в декабре 2006–апреле 2007 гг. была иранская ядерная проблема. В прошедший период Советом Безопасности ООН были приняты две резолюции по Ирану – №1737 (в декабре 2006 г.) и №1737 (в марте 2007 г.). Однако Тегеран, назвав оба документа «незаконными», отказался их исполнять. Кроме того, в апреле 2007 г. Тегеран заявил о возобновлении своей военной ядерной программы (эти данные были подтверждены МАГАТЭ), а также о планах по выходу из ДНЯО.
- Ставшая уже *традиционным* фактором высокая террористическая активность в Ираке и Афганистане. В этот период практически ежедневно в этих странах происходили кровавые теракты. В Афганистане же активно проявляют себя боевики движения *Талибан*, участвующие как в боевых действиях против вооруженных сил коалиции, так и в подготовке и проведении террористических актов.
- Ядерная проблема КНДР. Если осенью 2006 г. этот фактор повлиял резко отрицательно на показатели Индекса *iSi* (имеется в виду проведение Северной Кореей

ядерного испытания), то с начала 2007 г. в рамках шестисторонних переговоров удалось добиться некоторого прогресса. Была достигнута договоренность об отказе Пхеньяна от развития своей атомной программы в обмен на экономическую помощь со стороны мирового сообщества.

- Ситуация на постсоветском пространстве также не отличалась в этот период стабильностью. Необходимо прежде всего упомянуть российско-белорусский газовый конфликт, затяжные внутривнутриполитические кризисы на Украине и в Киргизии, а также ухудшение отношений между Россией и Эстонией весной 2007 г., связанное с переносом эстонскими властями памятника Воину-освободителю.

В целом можно констатировать, что международно-политическая ситуация в период с декабря 2006 г. по апрель 2007 г. отличалась нестабильностью. Вызовы безопасности носили в основном военно-политический характер, террористическая активность также находилась на довольно высоком уровне.

Подробную хронологию событий с декабря 2006 г. по апрель 2007 г., повлиявших на *ISI*, см. в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

Многочисленные прогнозы развития международных отношений, появившиеся после бурных событий лета–осени 2006 г., в большинстве своем не оправдались. Не произошло новой войны между Израилем и «Хизбаллой». Победа Демократической партии на выборах в Конгресс США в ноябре 2006 г. не привела, как предсказывали многие, к сколько-нибудь серьезным изменениям американской внешней политики. Вместо ожидавшегося обострения в Северо-Восточной Азии ситуация там несколько стабилизировалась после того, как участники шестисторонних переговоров договорились о замораживании северокорейского ядерного реактора в обмен на поставки КНДР энергоресурсов.

В целом, в зимнем сезоне 2006–2007 гг. мировая политика находилась в своем обычном состоянии. Продолжались острые столкновения между различными религиозными и этническими группами в Ираке, тысячами жертв ежемесячно оборачивались эти столкновения. Отряды талибов по-прежнему нападали на войска международной коалиции на юге Афганистана. Иранское руководство, как и ранее, демонстративно отказывалось от какого-либо компромисса относительно своей ядерной программы и продвигалось к обретению ядерного оружия. Не прекращались гражданские войны и этнические конфликты в Африке. Правда, они привлекали к себе сравнительно мало внимания по сравнению с событиями в зоне Большого Ближнего Востока. Сохранились разногласия между США и рядом европейских стран в отношении наиболее крупных проблем международной безопасности.

На этом, в целом привычном и несколько унылом международно-политическом фоне выступление российского президента В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. привлекло заметное внимание. По сути дела, это выступление расценили как фактическое объявление Россией *новой холодной войны* Западу. Последующие заявления и решения российского руководства усилили это впечатление. Российские военные немедленно воспользовались речью президента, заявив, в частности, о необходимости выхода из Договора о РСМД. Сразу встали вопросы: в чем, собственно, кроются причины этого очередного зигзага российской политики, насколько воинственная риторика отражает действительные изменения российской стратегии на мировой арене и каковы будут последствия конфронтации с Западом для самой России? Опубликованный в конце марта 2007 г. Обзор внешней политики Российской Федерации ответа на них не дал. Вместе с тем он явно высветил концептуальный кризис МИД России, неспособность сформулировать адекватную картину окружающего мира и внешнеполитическую стратегию страны.

И
В
Р
О
С
С
И
Я
Б
Е
Л
О
У
С
С
К
И
Е
М
И
Р
О
Е
О
Б
Щ
Е
С
Т
Р
А
Н
Е

Сохраняющиеся критические проблемы международной безопасности вызывали естественную озабоченность. Но самое неприятное то, что ни международное сообщество в целом, ни наиболее мощные и влиятельные государства, прежде всего США, не смогли преодолеть инерцию собственной политики и предпринять решительные инновационные шаги, способные если не разрешить нарастающие проблемы, то, по крайней мере, обозначить новые, возможно, более эффективные подходы к их решению.

И, тем не менее, нельзя исключить, что нынешний застой в мировой политике на самом деле является своего рода затишьем перед бурей, эпицентром которой станет Большой Ближний Восток. Этот регион исключительно важен как для мировой экономики, так и для глобальной безопасности. Свойственные ему острее проблемы сплетаются в единый клубок, становятся все более трудными для разрешения, а политико-дипломатические усилия, предпринимаемые с этой целью, в большинстве своем оказываются безрезультатными. Соответственно, возрастает вероятность того, что будет предпринята попытка остановить геополитический коллапс, назревающий в Большом Ближнем Востоке, силовым путем, хотя, как показывает иракский опыт, военные акции могут привести к дальнейшей военно-политической дестабилизации. Наконец, если США не смогут в ближайшие месяцы остановить нарастание опасных тенденций, связанных с иранской ядерной программой и активностью талибов в Афганистане, роль Америки как единственной подлинно глобальной сверхдержавы будет поставлена под сомнение.

БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК: BUSINESS AS USUAL

На протяжении всего зимнего сезона 2006–2007 гг. Большой Ближний Восток оставался (и останется еще надолго) главной сценой, где разыгрывались основные события мировой политики. Наряду с традиционной для этого региона проблематикой – Ирак, Иран, Афганистан, израильско-палестинское противостояние – в последнее время появились две новые потенциальные зоны нестабильности.

Первая – связана с выходом из ливанского правительства пяти министров-шиитов, являвшихся, по сути дела, представителями «Хизбаллы». Это обозначило перспективу нового конфликта в Ливане между ответственными политическими силами, представленными, прежде всего, правительством Фуада Синьоры, и экстремистскими кругами во главе с «Хизбаллой». Последняя, как и следовало ожидать, отказалась выполнить требования Совета Безопасности ООН и разоружить свои боевые формирования. «Хизбаллу» поддерживает Сирия, законное правительство поддерживают США, Франция, Саудовская Аравия и некоторые другие арабские государства. Если нынешние тенденции развития ситуации в Ливане сохранятся, то эта страна превратится в еще один театр войны как между Западом и исламскими радикалами, так и, одновременно, между суннитами и шиитами.

Другой очаг нестабильности наметился в Турции. В апреле 2007 г. турецкий парламент выбрал новым президентом страны министра иностранных дел Абдуллу Гула, члена правящей исламистской Партии справедливости и развития. В результате практически вся полнота власти в стране сосредотачивалась в руках исламистских кругов. Оппозиция немедленно опротестовала итоги голосования, ссылаясь на неясности относительно вкору, необходимого для принятия такого решения. В события вмешалось руководство вооруженных сил, заявив, что турецкие вооруженные силы участвуют в дискуссии относительно светского пути развития страны и являются его «абсолютным защитником» (*absolute defenders*). Это заявление сыграло решающую роль в принятии решения о проведении внеочередных парламентских выборов в июле 2007 г. Одновременно оно ясно показало, что турецкая армия не намерена оставаться вне политики, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Не появилось в последние месяцы и каких-либо признаков улучшения обстановки в Афганистане. На саммите НАТО в Риге в ноябре 2006 г. было согласовано, что в 2008 г. контроль над ситуацией в стране будет передан формируемой армии и силам безопасности Афганистана. Предполагается, что к 2008 г. численность афганской полиции вырастет

с 61 тыс. до 82 тыс.чел., а армии – с 32 тыс. до 70 тыс.чел. Будут созданы подразделения по борьбе с наркотиками и охране границы. Однако есть основания сомневаться, что эти

 Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований – по электронной почте из Монтеррея: *Новости о значительном продвижении Ирана в программе по обогащению урана значительно дестабилизируют региональную и международную безопасность. Продолжающееся ухудшение ситуации в Ираке также оказывает негативное влияние. Среди положительных событий этого периода стоит отметить хоть и короткую, но встречу госсекретаря США Кондолизы Райс со своими коллегами из Сирии и Ирана. Итоги Подготовительного комитета ДНЯО оказались также намного лучше, чем ожидалось. Положительная динамика показателя в апреле основана еще на том, что спало напряжение в Северо-Восточной Азии, несмотря на задержки с выполнением решений шестерки со стороны КНДР.*

планы будут выполнены. Причин тому несколько. Во-первых, ряд крупных стран–членов НАТО, прежде всего Франция, Германия, Италия и Испания отказываются направлять свои контингенты в районы боевых действий против талибов на юге и юго-востоке страны. В результате основная тяжесть реального противостояния с талибами ложится на плечи американских и британских, а также, хотя и в меньшей мере, канадских войск. Главный аргумент, выдвигаемый упомянутыми европейскими странами, состоит в том, что США уделяют слишком много внимания военным операциям, тогда как реальное противодействие талибам и другим экстремистским силам должно основываться на содействии развитию экономики страны и решению наиболее острых социальных и экономических проблем. Сам по себе упомянутый подход, возможно, правилен. Однако его результатов придется ждать в лучшем случае несколько лет, тогда как весной–летом 2007 г. ожидается крупное наступление талибов, остановить которое можно только военной силой.

Во-вторых, обстановка в зоне племен и других обширных районах вдоль пакистано-афганской границы остается фактически вне контроля пакистанского правительства и сил международной коалиции. Обращенные к Исламабаду требования США активизировать противодействие талибам и Аль-Каиде в этой зоне вызывают растущее раздражение и недовольство исламистских кругов в пакистанском истеблишменте, в том числе в армии и спецслужбах. Последние, как считают эксперты, более или менее эффективно борются с Аль-Каидой, но предоставляют разнообразную помощь отрядам талибов. Положение генерала Первеза Мушаррафа, вынужденного балансировать между США и исламистскими кругами, осложняется, что может иметь весьма неприятные последствия и для нынешнего пакистанского лидера, и для всего региона в относительно недалеком будущем. В-третьих, остаются неясными перспективы формирования дееспособных армии и полиции афганского правительства, возглавляемого Хамидом Карзаем.

Словом, ни у кабульского правительства, ни у международной коалиции просто нет достаточных вооруженных сил, способных установить эффективный контроль над территорией Афганистана, особенно над его южной и юго-восточной частями. А потому ожидать быстрой, в ближайшие год-полтора, стабилизации положения в этой стране не приходится. Вместе с тем, если НАТО примет решение уйти из Афганистана, на смену правительству Карзая практически наверняка придут талибы. Это будет означать крупнейшее геополитическое поражение НАТО и Запада в целом, допустить которого ни одна из западных столиц не желает. В итоге операция «Несгибаемая свобода» (*Enduring Freedom*) будет продолжаться, международные силы содействия безопасности останутся в Афганистане, американское военное присутствие в Центральной Азии сохранится, но способность НАТО эффективно решать задачи обеспечения безопасности за пределами ее зоны ответственности по-прежнему останется под сомнением.

Не вызывает оптимизма развитие событий на палестинских территориях, хотя в феврале 2007 г. ХАМАС и ФАТХ, наконец, сумели при посредничестве Саудовской Аравии

сформировать правительство национального единства. Это может в известной мере стабилизировать положение на Западном берегу и в секторе Газа, но вряд ли будет действовать урегулированию палестино-израильского конфликта, поскольку ХАМАС отказывается, как и прежде, признать право Израиля на существование. В свою очередь, Израиль, при поддержке США, отказывается признать палестинское правительство национального единства до тех пор, пока в его составе находятся представители ХАМАСа. Такая линия Тель-Авива вызывает зачастую критику со стороны тех кругов – и в западных странах, и в самом Израиле, которые делают ставку на *стратегию вовлечения* ХАМАСа, полагая, что сотрудничество с террористами может оказаться более полезным, чем жесткая борьба с ними. Особое внимание привлекают также разногласия между умеренным, так называемым *политическим* крылом ХАМАСа, и его вооруженными формированиями, которые считаются экстремистски настроенными. Однако нет никакой уверенности в том, что *стратегия вовлечения* экстремистских и террористических режимов и движений обоснованна. Вновь возникает вопрос: может ли мягкое обращение с такими политическими субъектами изменить их природу?

Однако все эти проблемы являются сравнительно малозначимыми по сравнению с ситуацией в Ираке и развитием событий вокруг иранской ядерной программы. Положение в Ираке продолжает осложняться. Столкновения на этнической и религиозной почве перерастают в гражданскую войну, охватывающую значительную часть иракской территории, главным образом города и провинции, в которых бок о бок проживают сунниты и шииты или арабы и курды. Все большие масштабы приобретают потоки беженцев в соседние страны: по данным ООН два миллиона иракцев стали беженцами и еще 1,8 миллиона человек – перемещенными лицами, вынужденными покинуть места проживания и переселиться в районы, где население одинакового с ними религиозного толка или этнической принадлежности составляет большинство. Сложилась благоприятная ситуация для возникновения и распространения экстремистских настроений и террористических движений. Усиливаются сепаратистские устремления. Нарастают экономические трудности. Возникает реальная перспектива интервенции в Ирак соседних государств.

Так, Сирия оказывает поддержку сохранившимся в Ираке ячейкам партии БААС, кроме того, через ее территорию продолжает двигаться поток иностранных боевиков и террористов суннитского толка. Иран, в свою очередь, финансирует, вооружает и предоставляет тыловую инфраструктуру боевым отрядам шиитских экстремистских организаций. Саудовская Аравия, Иордания, Кувейт и Турция пытаются, помимо всего прочего, нейтрализовать влияние шиитского Ирана в Ираке и, следовательно, в регионе в целом. Анкара, помимо этого, озабочена развитием событий в иракском Курдистане и перспективой образования *де-юре* или *де-факто* независимого курдского государства, которое практически неизбежно станет центром притяжения для курдского населения юго-восточной Турции. Неслучайно генерал Яшар Буяканист выступил в конце февраля 2007 г. с недвусмысленными угрозами в адрес руководства иракского Курдистана, пригрозив прямой военной интервенцией в случае угрозы *распада страны*, иными словами, присоединения к потенциальному курдскому государству юго-восточных провинций Турции. Таким образом, возникла реальная перспектива того, что Ирак станет своего рода *черной дырой* Ближнего Востока, своего рода *геополитической воронкой*, втягивающей в себя соседние страны.

Вопрос о том, является ли *стратегия вовлечения* эффективной в отношении экстремистских режимов, приобретает особую актуальность в связи с действиями нынешнего иранского руководства, упрямо продвигающегося к обретению ядерного оружия и самым вызывающим образом саботирующего требования Совета Безопасности ООН. Как и следовало ожидать, Тегеран демонстративно проигнорировал резолюцию №1696, принятую Советом Безопасности ООН 31 июля 2006 г. Соответственно, в декабре 2006 г. Совет Безопасности принял резолюцию №1737. Ее несомненным достоинством является то, что она высвечивает, с одной стороны, обструкционистскую политику Ирана, а с другой, – неспособность Совета Безопасности выработать эффективные меры, способные привести в чувство тегеранских лидеров. Во многом это – результат двойственной политики России и Китая, которые стремятся максимально смягчить санкции

против режимов, уличенных в создании ядерного оружия и, соответственно, в нарушении своих обязательств по Договору ДНЯО.

Действительно, в резолюции №1737 говорится, что «Иран не осуществил полную и окончательную приостановку всех видов деятельности, связанных с обогащением и переработкой [...], не возобновил сотрудничество с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола, не предпринял другие шаги, предписанные ему Советом управляющих МАГАТЭ, не выполнил положения резолюции 1696 (2006) Совета Безопасности»². В этой резолюции отмечается также, что Совет Безопасности действует на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций. Иными словами, признано, что действия Ирана представляют угрозу миру, для устранения которой должны быть приняты санкции, правда, не предусматривающие применение вооруженной силы.

Исходя из всего этого, Совет Безопасности в декабре 2006 г. постановил, что Иран должен прекратить «всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой» урана, «включая исследования и разработки» и «работы в рамках всех связанных с тяжелой водой проектов, включая строительство исследовательского реактора с тяжеловодным замедлителем»³. Далее, Совет Безопасности потребовал, чтобы все государства приняли «необходимые меры для предотвращения прямой или косвенной поставки, продажи или передачи со своей территории, или своими гражданами, или с использованием морских или воздушных судов под их флагом Ирану или для использования в Иране или в его интересах ... всех предметов, материалов, оборудования, товаров и технологий, которые могли бы способствовать деятельности Ирана, связанной с обогащением, переработкой или тяжелой водой, или разработке систем доставки ядерного оружия»⁴. Иными словами, оценка действий Ирана вполне адекватна, а требования Совета Безопасности весьма недвусмысленны.

Но меры, предусмотренные Советом Безопасности для того, чтобы побудить Иран выполнить эти требования, заведомо малоэффективны. Действительно, в резолюции предлагается лишь, чтобы все государства заморозили финансовые активы и экономические ресурсы, находящиеся в собственности или под контролем иранских физических или юридических лиц, участвующих в создании ядерного оружия и систем его доставки. Был сформирован список из 12 таких организаций и 12 физических лиц, включающий, в частности, Организацию по атомной энергии Ирана и Организацию военной промышленности, а также, например, генерала Яхья Рахим Сафави, командующего Корпусом стражей исламской революции. Как и следовало ожидать, никакого влияния на иранскую ядерную деятельность эти санкции оказать не смогли. Можно предположить, что Организация по атомной энергии Ирана и генерал Сафави не держат свои активы в западных банках, по крайней мере под собственными именами и названиями.

Не решает иранскую ядерную проблему и принятая в конце марта 2007 г. резолюция Совета Безопасности ООН №1747. По сути дела, ее единственным отличием от резолюции, принятой в декабре 2006 г., является расширение списка иранских организаций и физических лиц, в отношении которых должны быть применены некоторые, не слишком жесткие санкции.

Развитие событий в зоне Большого Ближнего Востока все острее ставит вопрос: что делать? Вопрос этот впервые был поставлен в XIX веке российской псевдолиберальной интеллигенцией, озабоченной собственной социальной беспомощностью и подменяющей практические дела размышлениями *à la* Обломов и Манилов. Сегодня же этот вопрос с все большей тревогой обсуждается в политических кругах самой мощной державы мира.

США: НАКАНУНЕ СМЕНЫ КАРАУЛА

Промежуточные выборы в Конгресс в ноябре 2006 г. стали своеобразным референдумом относительно политики США в Ираке и высветили практически неизбежную победу демократов на предстоящих в 2008 г. президентских выборах, если только нынешняя

администрация не предпримет каких-либо успешных нестандартных шагов, способных радикально переломить ситуацию либо в Ираке, либо в Иране, либо в Афганистане.

Жесткая критика иракской войны стала главной картой, которую демократы успешно разыграли, апеллируя к естественной усталости большинства американцев от войны как таковой и, что еще важнее, к их растущей уверенности в бесперспективности американского военного присутствия, которое не может остановить гражданскую войну и нарастающую волну терроризма в Ираке. Накануне выборов 61% американцев высказались против войны в Ираке, а 56% полагали, что она сделала США более уязвимыми перед террористической угрозой.

Новое соотношение сил между администрацией и Конгрессом, оказавшимся под контролем демократов, не привело, однако, к формированию *двухпартийной* внешней политики, в том числе в отношении Ирака. Одной из причин этого является фактическое отсутствие у Демократической партии развернутой внешнеполитической программы, одобренной если не всеми, то большинством влиятельных партийных деятелей. В частности, к весне 2007 г. демократы не выработали единой позиции относительно наиболее острого вызова для внешней политики США – дальнейшего присутствия американских войск в Ираке. Так, Барак Обама – восходящая, хотя и несколько своеобразная, звезда Демократической партии – настаивал на скорейшем выводе американских войск из Ирака. Искушенный политик Джозеф Байден поддержал раздел Ирака на три фактически самостоятельных государства по этнорелигиозному признаку. Ховард Дин, председатель Национального комитета Демократической партии высказывался в пользу некоего «поэтапного передислоцирования» американского контингента в Ираке.

 Харальд Мюллер (Германия), директор Института проблем мира – по электронной почте из Франкфурта: *Показатели индекса достаточно четко отражают развитие ситуации в мире. Причиной падения служит разлад в отношениях между Россией, НАТО и США по ПРО и Косово. К тому же, постоянно ухудшается ситуация в Ираке (несмотря на попытки его умиротворения со стороны США) и Афганистане. Положительно на состояние безопасности сказалось формирование правительства в Северной Ирландии и улучшение состояния германской экономики, что незамедлительно отразилось и на состоянии экономики объединенной Европы. А улучшение социальной обстановки улучшает безопасность. В ближайшие месяцы ситуация вряд ли как-то кардинально изменится. Значительное улучшение ситуации может быть связано с потеплением в отношениях между Россией и США/НАТО.*

В свою очередь, Хилари Клинтон, наиболее вероятный претендент на пост президента от Демократической партии, в свое время голосовала за войну в Ираке и всячески стремится укрепить свои отношения с военными.

Но дело не только и, возможно, не столько в разногласиях между теми или иными лидерами демократов. Важнее, что все они понимают, что в случае весьма вероятной победы на президентских выборах решение тяжелейших проблем Большого Ближнего Востока ляжет на их плечи, тогда как реальных рецептов таких решений у них, как, впрочем, и у других сегментов американского истеблишмента, пока нет. При этом у демократов, по сути дела, есть только один практический рычаг воздействия на внешнюю политику, в том числе на действия администрации в Ираке. Это – сокращение расходов на соответствующие статьи бюджета. Но если подобное решение будет проведено через Конгресс, демократическая партия будет немедленно обвинена в том, что она оставила американских солдат в Ираке без достаточных ресурсов.

Нет ясности и в том, каким может быть подход демократов к другому ключевому направлению внешней политики США – отношениям с Китаем. Многие лидеры демократического большинства в Конгрессе всегда с подозрением относились к Китаю и симпатизировали Тайваню. Так, влиятельный конгрессмен Томас Лантос часто отзывался о Китае

как об «источнике проблем» (*troublemaker*), а Шерод Браун, сооснователь *Congressional Taiwan Caucus* (закрытого совещания членов Конгресса по тайваньскому вопросу), был избран сенатором. Спикером палаты представителей избрана Ненси Пелоси, известная своими критическими оценками нарушений прав человека в Китае и перекосов в американо-китайской торговле. В целом, в отличие от республиканцев демократы намного более тревожно воспринимают растущий быстрыми темпами дефицит США в торговле с КНР, превысивший в 2006 г. 180 млрд долл. В итоге в случае прихода демократов к власти в 2008 г. американская политика на китайском направлении может приобрести более жесткий и идеологизированный характер. Похожие изменения могут произойти и в отношениях с Россией. Демократы традиционно намного болезненнее воспринимают авторитарные проявления и нарушение прав человека, чем их республиканские оппоненты.

Практическая политика США в Ираке осталась без изменений. Отставка Дональда Рамсфелда, скорее всего, оказалась тактическим ходом администрации – для того, чтобы отвести от президента критику за фактический провал на Ближнем Востоке, но никак не началом поиска новой стратегической линии, учитывающей уроки иракской войны. 10 января 2007 г. президент США Джордж Буш объявил о наращивании военного контингента в Ираке еще на 21 тыс. человек, причем демократам не удалось провести через Сенат резолюцию, осуждающую это решение. Усиление американского военного присутствия в Ираке сопровождается попытками переложить основную тяжесть собственно вооруженного умиротворения враждующих иракских группировок на плечи формируемых иракской армии и полиции. Американские же военные, как предполагается, должны играть роль советников, а также обеспечивать безопасность в относительно более спокойных районах или в ключевых зонах, в том числе в Багдаде.

Усиление военной компоненты операции в Ираке сопровождалось попытками привлечь к стабилизации положения там Сирию и Иран, имеющих серьезные рычаги влияния на ситуацию в этой стране. На первый взгляд, идея заслуживает внимания. Вопрос, однако, в том, что может Вашингтон предложить Тегерану и Дамаску в обмен на их содействие в урегулировании положения в Ираке? Начались осторожные контакты дипломатов и каких-либо результатов они, как и следовало ожидать, не принесли. Стороны лишь обменялись взаимными обвинениями. И это понятно. Тегеран использует своих сторонников среди шиитского населения Ирака как один из основных инструментов давления на США, надеясь вынудить Вашингтон пойти на уступки по ядерной проблеме. Для Вашингтона такого рода увязки вряд ли приемлемы.

Бесспорно, зимой–весной 2006–2007 гг. Ирак оставался самой болезненной внешнеполитической проблемой США. При этом, решив увеличить численность своих войск в Ираке на 21 тыс. человек, американское руководство выбрало, как представляется, самый неудачный из всех возможных вариантов действий. Дополнительный контингент слишком мал для того, чтобы существенно изменить баланс сил в Ираке, особенно в свете сокращения развернутых там войск других участников международной коалиции, в том числе Великобритании. Вместе с тем, это решение вызывает раздражение и в самих США, и среди их союзников. Оно показывает, что Белый дом не готов ни к уходу из Ирака, ни к решительному подавлению экстремистских группировок как суннитского, так и шиитского толка – как собственными силами, так и, например, с опорой на курдские формирования, ни к разделу Ирака на три государства, ни к иным радикальным шагам, способным вывести ситуацию из тупика.

Разумеется, уход США из Ирака или его распад на этнорелигиозные государства вызовет резкий рост насилия и в самой стране, и в регионе в целом, но, в конечном итоге, может привести к новой, более стабильной расстановке сил. В частности, Фред Икле, идейный наставник многих нынешних американских сторонников жесткой линии в области обороны и безопасности, член Комиссии министерства обороны по вопросам оборонной политики, например, заявил: «Огромные и невероятные ошибки в Ираке могут привести к тому, что нам придется оттуда уйти. Однако если мы сможем уйти правильно, это не сделает США более уязвимыми, но может ухудшить положение наших джихадистских противников, убивающих друг друга»⁵. В этой позиции есть своя логика, по-

И
В
Р
О
С
С
У
Б
Е
О
Д
П
О
Х
Ы
В
О
М
И
Н

сколькo после вывода войск международной коалиции из Ирака столкновения радикальных суннитских и шиитских группировок усилятся. В итоге, экстремисты с той и с другой стороны истощат свои силы в кровопролитной борьбе друг с другом, а умеренные, ориентирующиеся на США круги усилят свое влияние и смогут взять ситуацию под контроль.

Однако в этом варианте есть свои опасности. Появление *де-юре* независимого Курдистана, скорее всего, станет центром притяжения для курдов, проживающих в Турции и Иране. Это, соответственно, вызовет серьезное сопротивление главного американского союзника в регионе – Турции. Многие считают, что может заметно усиливаться влияние Ирана в южной, населенной шиитами части бывшего Ирака, что никоим образом не соответствует интересам США. Одним из наиболее влиятельных противников такого варианта, как и ухода США из Ирака, как пишет западная пресса, выступает ЦРУ, аргументируя это, во-первых, тем, что в западном Ираке будет создана мощная база международного терроризма радикалистского исламского толка, а во-вторых, резко усилятся позиции Ирана в условиях, когда военная операция против Ирана может обрести реальные очертания. Но вполне возможно, что шиитские лидеры южного Ирака не захотят превращаться в тегеранских наместников или марионеток. В этом случае они могут оказаться полезными США в последующих операциях против Ирана.

ТУРКМЕНИЯ ПОСЛЕ ТУРКМЕНБАШИ

Смерть туркменского диктатора Сапармурата Ниязова, больше известного под именем *Отец всех туркмен* (именно так переводится титул Туркменбаши), привлекла на некоторое время внимание к этой небольшой, богатой природным газом стране, затерянной в песках Каракумов. Мировая и, особенно, российская пресса с увлечением обсуждала вопросы о том, умер ли диктатор своей смертью или был отравлен своим ближайшим окружением, раздраженным его сумасбродными выходками; кому достанутся несколько миллиардов принадлежащих ему долларов, находящихся, по слухам, в немецких банках, и можно ли искать параллели между сменой лидера в Туркмении и процессами, развернувшимися в СССР после смерти Сталина. Эти вопросы, сколь бы интересными для широкой публики они ни были, на самом деле не имеют существенного значения. Важно другое. События в Ашхабаде высветили стратегическое значение Туркмении для развития событий в Каспийской зоне и Средней Азии. Оно определяется двумя факторами.

Первый – по каким направлениям пойдет в ближайшие годы *экспорт туркменского газа*. Россия крайне заинтересована в том, чтобы получить если не всю, то по крайней мере львиную долю туркменского газового экспорта, чтобы компенсировать ожидающееся снижение производства газа на российской территории. Европа, в свою очередь, стремится не допустить усиления своей зависимости от импорта российского газа и хотела бы, в частности, использовать для этого газ из Средней Азии, прежде всего из Туркмении. Соответственно, в центре соперничества между Россией и Европейским Союзом будет проблема строительства транскаспийского газопровода. Ее решение во многом зависит от позиции Ашхабада, которая, в свою очередь, зависит от выбора новым руководством страны основного вектора внешнеполитической ориентации Туркмении. При этом, если Ашхабад выскажется в пользу транскаспийского газопровода, то откроется перспектива строительства еще одного транскаспийского трубопровода, на сей раз нефтяного, соединяющего казахстанские морские нефтепромыслы в районе Кашагана с нефтяными терминалами вблизи Баку.

Второй фактор, обуславливающий возрастающее значение Туркмении в евразийской международной системе, – *динамика внутривнутриполитического развития*. Многие эксперты предсказывают, что свершившийся уход туркменского лидера и ожидаемая в ближайшие годы смена руководства в Казахстане и Узбекистане создаст в этих странах вакуум власти, который автоматически или почти автоматически приведет к столкновению соперничающих элитных группировок, чреватому общенациональным политическим и, возможно, вооруженным кризисом. Внутривнутриполитические процессы в Туркмении могут

подтвердить или опровергнуть такого рода сценарии, хотя, разумеется, при этом необходимо учитывать специфику туркменской ситуации.

После естественной (или насильственной) смерти Сапармурата Ниязова власть в стране оказалась в руках Национального совета безопасности, а точнее – в руках своего рода хунты, состоящей из нескольких членов Совета, возглавляющих армию, органы безопасности и полицию, и выдвинутого ими нового президента Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедова. Трудно избавиться от впечатления, что эти лица были готовы к смерти Ниязова, поскольку они действовали быстро, согласованно и решительно, отправив в течение нескольких часов в тюрьму председателя Народного собрания (*Халк маслахты*), который по конституции должен был наследовать власть, и установив полный контроль над ситуацией в стране. Еще труднее отказать от мысли, что кандидатура нового президента была выбрана руководителями силовых ведомств именно потому, что он не имеет собственной силовой и, скорее всего, политической базы и, таким образом, не может представлять потенциальную или реальную угрозу кому-либо из других членов хунты, но, одновременно, перекрывает возможность выдвижения на высшую власть кого-либо из них самих. Это, в свою очередь, позволяет сохранить в высшем эшелоне баланс сил и влияния и тем самым предотвратить борьбу за власть по крайней мере в ближайшие несколько месяцев после смерти Ниязова. Если эта модель справедлива, то дальнейшее будущее Туркмении зависит во многом от того, сумеют ли члены хунты выстроить свои отношения так, чтобы не сорваться в ожесточенное соперничество за контроль над наиболее привлекательными отраслями официальной, теневой и криминальной экономики и, соответственно, спровоцировать в стране масштабный кризис.

Важно и другое: в долгосрочном плане стабильность в Туркмении зависит от того, сумеет ли новое руководство инкорпорировать в систему власти верхушечные слои нескольких десятков различных региональных и ведомственных кланов и клик. Последние сформировались главным образом на племенной основе и *де-факто* контролируют отдельные регионы и местности, отрасли экономики, криминальную деятельность, прежде всего торговлю наркотиками и их транспортировку через территорию Туркмении, или отдельные сегменты бюрократической системы – главным образом службы безопасности и армию. Покойный правитель Туркмении сумел существенно ослабить эти группировки. Их элитные эшелоны, возникшие еще в советский период, были либо репрессированы, либо оказались вынужденными покинуть страну, либо *ушли в тень* и отказались от претензий на власть и влияние, по крайней мере открытое. Большинство высших постов в государстве оказалось в руках выдвинутых Ниязовым выходцев из ахалтекинско-го клана, к которому принадлежал и он сам, не относившихся, впрочем, к бывшему элитному слою. Практически единственным исключением из этого правила являлся исключительно влиятельный и близкий к диктатору начальник президентской службы безопасности Акмурад Реджепов, принадлежащий к племени эрсари, которого, впрочем, в мае 2007 г. отпразднили в отставку. Иными словами, потенциальные соперники правящей сегодня в Туркмении хунты оказались серьезно ослабленными. Однако сама клановая структура туркменского общества и туркменской элиты сохранилась, и, соответственно, появляется новая генерация клановых лидеров, которые – скорее рано, чем поздно – могут вступить в борьбу за власть. Это ставит перед новым руководством страны вопрос: продолжать ли и далее линию на подавление клановых элит или же попытаться выстроить новую систему взаимоотношений с кланами, включив их верхушки в сеть сдержек и противовесов.

Таким образом, стабильность в Туркмении, как и в остальных среднеазиатских странах в период смены власти, зависит от того, сможет ли правящая элита предотвратить острые, выходящие за некоторые допустимые рамки (хотя в каждом конкретном случае критерии допустимости будут разными) столкновения интересов различных группировок, кланов и клик. Пока же появились свидетельства того, что новый президент Туркмении инкорпорирует в систему власти некоторых видных деятелей, оказавшихся в опале в последние годы правления Ниязова. В частности, заместителем премьера назначен бывший министр нефтегазовой промышленности Ташберды Тагиев, отправленный в отставку в 2003 г. Не исключено, впрочем, что, привлекая такого рода персонажей в бюро-

Д
В
Р
О
С
С
У
С
Е
Д
О
П
Х
Ы
В
О
М
И
Р

кратический аппарат, Бердымухаммедов пытается создать собственную политическую базу и ограничить влияние туркменских силовиков. Последствия этой политики представляются противоречивыми. С одной стороны, размывается реальная или потенциальная оппозиция, находящаяся вне правящей верхушки. Но, с другой, в самих высших эшелонах власти расширяется круг лиц и групп, претендующих на те или иные экономические или бюрократические ресурсы.

В свете этого ожидать в ближайшие месяцы заметных подвижек во внешней политике Туркмении трудно. Внимание руководства страны будет сосредоточено на внутренних проблемах, прежде всего на разделе наследства покойного диктатора и установлении нового баланса сил между различными группировками и кликами. Правящая хунта вряд ли может быть заинтересована во внешнем вмешательстве в эти процессы, а потому постарается создать впечатление, что прежний внешнеполитический курс будет продолжен, а все экспортные газовые обязательства будут выполнены.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ЗАТИШЬ ПОСЛЕ БУРИ

Ракетные и ядерные испытания, проведенные КНДР летом–осенью 2006 г., добавили международному сообществу еще одну трудную проблему. Появились многочисленные прогнозы и аналитические оценки, предсказывавшие обострение военно-политической ситуации в северной части Тихого океана. Особое внимание уделялось тому, насколько США смогут укрепить уверенность Японии и Южной Кореи в надежности американского *расширенного сдерживания (extended deterrence)* и американских гарантий безопасности с тем, чтобы предотвратить создание там ядерного оружия в ответ на северокорейский ядерный потенциал. Речь, прежде всего, шла об усилении содействия Японии, а в перспективе, возможно, и Южной Корее в создании эффективных систем противоракетной обороны, способных нейтрализовать северокорейские ядерные ракеты. США интенсифицировали политическое и дипломатическое взаимодействие с Китаем, руководство которого было крайне раздражено действиями Пхеньяна, в том числе и потому, что КНДР может спровоцировать в регионе *ядерное доминирование*. Последнее является для Пекина крайне нежелательным. Продолжалось давление на КНДР по линии ООН, других международных организаций с целью политической и дипломатической изоляции Пхеньяна, предотвращения передачи Северной Кореей ядерных материалов и технологий экстремистским группам и режимам, сохранялись экономические санкции, в том числе блокирование банковских счетов в находящемся в Макао *Банко Дельта Азия*.

Такие усилия были ожидаемы. Однако еще в середине зимы 2006–2007 гг. было трудно предположить возможность быстрого смягчения ситуации вокруг Северной Кореи и ее ядерной программы. Тем не менее, 13 февраля 2007 г., в ходе так называемой *третьей сессии пятого раунда шестисторонних переговоров* была достигнута договоренность «о начальных шагах по выполнению Совместного заявления», принятого 19 сентября 2005 г.

Было согласовано, что в ходе первой фазы выполнения Совместного заявления, которая будет длиться 60 дней, КНДР останавливает и опечатывает с целью «позапного приведения в неработоспособное состояние» ядерный объект в Йонбене⁶, в том числе установку по переработке отработавшего ядерного топлива, и приглашает инспекторов МАГАТЭ для проверки и мониторинга, «как это согласовано между КНДР и МАГАТЭ». Кроме того, в ходе данной фазы КНДР обсудит с другими государствами–участниками шестисторонних переговоров список всех своих ядерных программ, в том числе «плутоний, выделенный из отработавшего топлива, который подлежит приведению в состояние, в котором его невозможно использовать». Одновременно должны быть начаты переговоры КНДР с США с целью разрешения имеющихся двухсторонних проблем и продвижения к установлению полных дипломатических отношений. Такие же переговоры должны быть начаты между КНДР и Японией для нормализации их отношений «на основе урегулирования печального прошлого» и устранения «важнейших источников озабоченности». Со своей стороны, США начнут процесс отказа от обозначения КНДР как государства, поддерживающего терроризм, и от применения к КНДР Закона о торговле с

враждебными государствами. Государства-участники шестисторонних переговоров предоставят КНДР в течение 60 дней чрезвычайную помощь в размере 50 тыс. т топочного мазута. Будут также созданы пять рабочих групп для обсуждения и выработки конкретных планов выполнения Совместного заявления.

 Александр **Савельев (Россия)**, заведующий Отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН – по телефону из Москвы: *Будущее развертывание американских элементов ПРО в Восточной Европе оказало наибольшее отрицательное влияние на ситуацию на европейском континенте. Сейчас можно смело судить о том, что Россия не будет игнорировать односторонние решения США в области ПРО. В то же время в ситуации с иранской ядерной программой мы наблюдали «переход от большого минуса к небольшому» – снизилась вероятность силового решения. Вообще, весь 2007 год – год ожидания каких-то изменений. Здесь нужно иметь в виду предстоящие выборы и смену власти в России и США. Отсюда и повышение чувства тревоги.*

На последующей стадии выполнения Совместного заявления КНДР представит «полное заявление обо всех своих ядерных программах» и приведет в состояние негодности все ядерные объекты, в том числе ядерные реакторы с графитовым замедлителем и завод по переработке отработавшего ядерного топлива. КНДР будет предоставлена экономическая, энергетическая и гуманитарная помощь, эквивалентная одному миллиону тонн топочного мазута.

Эта договоренность, на первый взгляд, является очевидным успехом северокорейского режима. Пхеньян не только получил экономическую помощь, в которой он отчаянно нуждается, но и добился согласия США на прямые официальные переговоры, что было одной из важнейших политических целей северокорейского руководства, в том числе предполагающих переговоры об установлении дипломатических отношений. При этом единственный практический шаг КНДР навстречу требо-

ваниям международного сообщества – замораживание ядерных установок в Ионбене, причем не ясно, всех или части из них, и постановка их под контроль МАГАТЭ. Это никоим образом не может предотвратить их *размораживание* в будущем и высылку инспекторов МАГАТЭ, как это произошло в начале нынешнего ядерного кризиса на Корейском полуострове. Обойден важнейший вопрос – сколько ядерных боеприпасов или взрывных устройств имеет КНДР, как и когда они будут уничтожены. США, по сути дела, отказались, возможно, на время от справедливого требования относительно полной, необратимой и проверяемой ликвидации северокорейской ядерной программы. Более того, Пхеньян получил возможность продолжать работу над усовершенствованием своих ядерных взрывных устройств. Это имеет принципиальную важность, поскольку малую мощность ядерного взрыва, произведенного КНДР осенью 2006 г., можно объяснить, скорее всего, плохим функционированием сложных электронных и иных систем, предназначенных для осуществления имплозивной схемы подрыва взрывного устройства. При этом по подсчетам специалистов, у КНДР имеется достаточно плутония для создания пяти-шести, а может и более, ядерных боеприпасов.

Однако нынешняя предельно мягкая линия США в отношении северокорейской ядерной программы имеет свои преимущества. Вашингтон получил возможность сконцентрировать свои усилия и ресурсы, как политические, так и военные, на Большом Ближнем Востоке. США продемонстрировали гибкость, готовность идти на компромиссы, что опровергает расхожее представление о нынешней американской администрации как о *туловатых* консерваторах, готовых применять военную силу по всякому поводу или вообще без повода и не способных к тонкой политической игре. Наконец, смягчив обстановку на Дальнем Востоке, Вашингтон сделал очень важный шаг навстречу Китаю, озабоченному тем, что события в регионе могут выйти из-под контроля и осложнить модернизацию экономики и вооруженных сил, чему в Пекине придают особое значение.

И
В
Р
О
С
С
И
И
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И
Т
Е
Л
Ь
С
Т
А
Т
И
С
Т
И
К
И
Ч
Е
С
К
И
Й
И
Н
Д
Е
К
С

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

Выступление президента России В.В. Путина в Мюнхене было воспринято многими как современный аналог известной речи Уинстона Черчилля в Фултоне, которая стала спусковым крючком холодной войны. Станет ли выступление российского лидера началом нового раунда конфронтации или нет, покажет будущее. Но это выступление уже дало старт массивной антизападной кампании, инициированной как военным руководством, так и российским МИДом.

Несколько высших военных руководителей России выступили с призывом выйти из Договора по РСМД. Эта идея высказывалась и ранее, но, как правило, отставными генералами, формально не связанными более с военным ведомством. Сегодня же подобные призывы могут рассматриваться как практически официально заявленная позиция Министерства обороны. Главным аргументом в пользу выхода из Договора о РСМД является предполагаемая угроза российским стратегическим силам со стороны будущей противоракетной системы США в Европе. Этот аргумент вызывает самые серьезные сомнения. *Противоракеты*, которые планируется развернуть в Польше, просто не в состоянии поразить стартующие российские межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Для этого они должны обладать совершенно фантастическими и недостижимыми в обозримое время тактико-техническими характеристиками, прежде всего скоростью. Нельзя не учитывать также фактор времени. Запуск противоракеты может состояться лишь после того, как будет обнаружен старт российских МБР, притом при условии исключения возможности ошибки, должна быть определена, пусть даже лишь в самом общем виде, траектория полета и принято решение о пуске противоракеты. На все требуется время, пусть несколько минут, но в течение этих минут МБР могут оказаться просто недостижимыми. И, наконец, не ясно каким образом, собственно, 10 противоракет могут угрожать российским стратегическим силам, насчитывающим несколько сот межконтинентальных ракет наземного базирования, причем стартовые позиции многих из них находятся в нескольких тысячах километров от Чехии.

Но не вызывает сомнений, что выход России из Договора по РСМД вновь сплотит НАТО и приведет к развертыванию в Европе американских ракет средней дальности. Иными словами, повторится ракетный кризис 1970–1980-х гг. Это не только резко обострит военно-политическую ситуацию в Европе, но и кардинально повредит безопасности России. Нельзя не напомнить, что во второй половине 1980-х гг. советское военное руководство согласилось с *нулевым вариантом* по РСМД отнюдь не из стремления к ядерному разоружению. У советского Генерального штаба в тот момент не было сомнений, что американские *Першинги* и крылатые ракеты, размещенные в Германии, Нидерландах и Великобритании, могут за 10–15 минут доставить несколько сотен сверхточных ядерных боезарядов к важнейшим центрам военного и политического управления Советского Союза. В нынешнем же десятилетии такие или более совершенные ракеты могут быть развернуты гораздо ближе к границам России.

Возможно, понимание опасности выхода из Договора по РСМД привело к тому, что в ответ на американские планы размещения элементов ПРО в Чехии и Польше Москва объявила о «моратории» на выполнение Договора по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ). Это, скорее всего, не вызовет острой реакции Запада, поскольку ДОВСЕ в своем первоначальном виде во многих отношениях безнадежно устарел. Но, во-первых, мораторий на выполнение ДОВСЕ никак не может помешать развертыванию ПРО в Центральной Европе. Во-вторых, это решение Москвы еще раз ставит вопрос: чего, собственно, добивается Россия на международной арене?

Позиция военного командования понятна. Руководство вооруженных сил, и далеко не только российских, в силу самой природы военного планирования ориентируется не столько на намерения, сколько на возможности реальных или потенциальных соперников или противников. При этом российские военные вынуждены учитывать непреодоленную деградацию обычных вооруженных сил и, соответственно, делают ставку на ядерное оружие. И, наконец, они полагают, что чем больше у России будет ядерных ракет, подводных лодок и тому подобного, тем прочнее будет безопасность страны. По-

следнее глубоко неверно: Советский Союз потерпел поражение в *холодной войне*, несмотря на огромные арсеналы ядерных и обычных вооружений.

Менее понятна позиция МИД, который фактически солидаризируется с позицией военного руководства. Дипломатия призвана выявлять и учитывать именно намерения партнеров, соперников и противников, иметь в виду весь комплекс факторов, ориентироваться не на наиболее опасный, хотя в данном случае фантастический, вариант развития событий, а на глубокий анализ международной реальности.

Правда, для этого требуется солидный интеллектуальный потенциал. Между тем, подготовленный МИД России Обзор внешней политики оставляет тяжелое впечатление. Так, в нем говорится: «*Главное достижение последних лет – вновь обретенная внешнеполитическая самостоятельность России*»⁷. Невольно возникает вопрос: было ли ожесточенное сопротивление России расширению НАТО на восток на протяжении большей части прошлого десятилетия навязано Москве извне, например из Вашингтона? Не менее интересен и другой пассаж: «*Внутреннее укрепление России делает нашу внешнюю политику более целенаправленной и результативной ...*»⁸. Хочется спросить, что имеется в виду? Не идет ли речь о том, что манипуляции с ценами на газ оттолкнули от России ее единственного союзника, белорусского президента Лукашенко, который в начале 2007 г. стал лихорадочно налаживать отношения с Западом? Полагает ли российское Министерство иностранных дел, что если южные российские города окажутся в зоне поражения иранских ядерных ракет, то это будет соответствовать национальным интересам России? Если нет, то почему с упорством, достойным лучшего применения, российская дипломатия целенаправленно пытается предотвратить эффективные санкции ООН, способные побудить Тегеран остановить программу создания ядерного оружия?

Но, пожалуй, самое интересное теоретическое достижение российского дипломатического ведомства – повторение старого, времен Горбачева, тезиса о «стабильном, справедливом и демократическом миропорядке», формировать который предполагается посредством активного участия в деятельности ООН. Авторам Обзора, видимо, не известно, что само понятие «справедливости» сугубо субъективно, отражает интересы соответствующих личностей или социальных групп. Но важнее другое. Демократия является формой государственной власти, при которой граждане делегируют свои властные полномочия выборным органам, решения принимаются с учетом мнения большинства, а права меньшинства защищены законом, который неукоснительно соблюдается. В свете этого линия на формирование справедливого и демократического миропорядка, по сути дела, означает создание мирового правительства, в котором большинство будет принадлежать развивающимся странам и Китаю. Понимает ли МИД РФ, что призыв к строительству демократического миропорядка фактически солидаризируется с концепцией ограниченного суверенитета, являющейся абсолютно еретической для подавляющего большинства российского политического класса?

Не менее показательными являются некоторые практические рекомендации. Так, излагая соображения по решению иракской проблемы, возможно, самой острой проблемы нынешней мировой политики, авторы Обзора пишут: «*В работе с международными партнерами продвигать российские подходы к политическому урегулированию иракской проблемы. [...] демонополизация давала бы реалистичную альтернативу нынешней тупиковой ситуации [...] Продуктивными представляются идеи создания Контактной группы в составе постоянных членов СБ ООН, всех соседей Ирака и ряда ведущих региональных держав, а также проведения в таком составе международной конференции по Ираку с участием ведущих иракских политиков*»⁹. В этой формуле, пожалуй, справедливо лишь то, что ситуация в Ираке тупиковая. Но предложение о создании Контактной группы и проведении международной конференции по Ираку напоминает печальную шутку советских времен: не соберем урожай – соберем пленум. Пленумов в СССР было много, но с урожаями дела обстояли плохо. Действительно, весь опыт международной политики свидетельствует, что конференции могут лишь утвердить решение, выработанное в ходе длительных переговоров. А если такого решения нет, то конференции, контактные группы и прочие многосторонние дипломатические институты превращаются в форумы для взаимных обвинений и склок.

Однако главный вопрос в том, означает ли воинственная риторика российских дипломатов и военных начало практических изменений российской внешней политики? В свете

этого особое значение приобретают не столько возможный, хотя, скорее всего, маловероятный выход России из Договора по РСМД, сколько будущее голосование в Совете Безопасности ООН по косовской проблеме. Пока же Совет Безопасности, приняв *план Ахтисаари*¹⁰ к рассмотрению, мудро решил не торопить события и направить в Косово и Сербию делегацию. Смысл этого решения, видимо, в том, чтобы найти некий компромисс, приемлемый как для Белграда, так и для Приштины, используя, прежде всего, экономические рычаги для давления на Сербию и Косово. Россия, со своей стороны, стоит перед непростым выбором: либо содействовать решению косовской проблемы, либо пытаться играть на противоречиях между косоварами и сербами. Выбор последнего весьма опасен для России. Косовская проблема слишком важна для Европы, чтобы пытаться манипулировать ею. Нельзя игнорировать тот печальный факт, что Советский Союз проиграл *холодную войну* и распался, будучи намного более мощным в экономическом и военном отношении, чем сегодняшняя Россия, стремительно превращающаяся в *petrostate*.

БИСМАРК БЫЛ ПРАВ

Развитие мировой политики осенью–зимой 2006–2007 гг. еще раз подтвердило, что иудео-христианская цивилизация сталкивается с рядом экзистенциальных вызовов. Среди них – поднимающаяся волна исламского джихада, распространение оружия массового уничтожения, размывание идентичности, надвигающееся истощение углеводородных энергоресурсов и, возможно, немало других. Справиться с этими вызовами, действуя с позиций слабости и будучи разобщенным, цивилизованный мир не может и не сможет. Но сила сегодня, как и на протяжении всей истории человечества, это не только сила примера, убеждения, искусства апелляции к здравому смыслу и умения находить компромиссы. Такая *мягкая сила* действенна в рамках цивилизации, чьей высшей ценностью является индивидуальная личность, ее права и достоинство. Но те, кто находится вне этого цивилизационного ареала, считаются только с силой оружия. И потому, видимо, прав был князь Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк, убежденный в том, что великие вопросы будут решаться не речами и большинством голосов, но железом и кровью.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: В ПРЕДУЩЕСТВИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В предыдущем обзоре я писал о смене исторических эпох. Но история не существует без экономики и технологий. И, в конечном счете, глобальная безопасность есть совокупное отражение текущего состояния мировой политики, экономики и уровня развития современных технологий.

Минувшие месяцы, которые и составляют предмет моего обзора, дали нам массу оснований в этом убедиться. Ведь большая часть событий в области мировой политики и глобальной безопасности как раз происходила на стыке политики, экономики и технологий. Беда в том, что, много говоря в последние годы о *столкновении цивилизаций* и даже нехотя признавая смену исторических эпох, мы фатально забываем, что меняются и экономические модели, и технологические платформы. А именно они определяют ту практическую и «до боли» конкретную политику, которой следуют государства.

УЛОВИТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ СМЕНУ ВЕХ

Как и исторические эпохи, экономические модели и технологические платформы приходят и уходят. Просто они сменяются много чаще – с появлением новых прорывных технологий, с изменением торговых путей и транспортных коридоров, с перемещением производственных центров по миру. Смена экономических моделей зачастую менее заметна обывателю, менее значима для простого человека, но порой влечет взлеты и падения

держав. Великими становятся те государства, которые вовремя улавливают смену экономических эпох и встраиваются в еще только зарождающиеся экономические процессы.

Великобритания вовремя уловила смену парусного флота паровым, – казалось бы, простая технологическая новация, однако закрепившая как минимум на столетие глобальную гегемонию Британской империи, над которой «никогда не заходило солнце». Или как США, где вовремя осознали тупиковость и устарелость индустриальной цивилизации, смело шагнув в постиндустриальный компьютерный мир. И во многом именно благодаря этому и выиграла холодную войну. При этом создав на базе новой технологической платформы концепцию наземно-воздушной операции и наполнив ее новыми средствами поражения, которым СССР, накопившему армады танков, противопоставить, по большому счету, было нечего.

Только на базе новых технологических решений происходят принципиальные изменения в области вооружений и военной техники, а через это – и в способах защиты политических и экономических интересов государств, периодически коренным образом меняя структуру и саму суть этих интересов. Именно на базе пара и парового флота как результата технологической революции возникла историческая эпоха под названием промышленного капитализма, когда индустриальное производство было дополнено жесточайшей борьбой за рычаги сбыта и источники сырья, которую заметный российский политолог В.И. Ульянов впоследствии назвал эпохой империализма.

России почти никогда не удавалось удачно сыграть на смене экономических эпох. Российская империя опоздала к эпохе пара и позорно проиграла Крымскую войну, которую теоретически просто не могла не выиграть, если судить по соотношению сил и модным ныне *геополитическим* аспектам. Советский Союз в упоении *разрядкой* и *развитым социализмом* прозевал начало эпохи энергосберегающих технологий. И, заснув при ценах на нефть в 35 долларов, проснулся при 14 долларах с известными последствиями в виде системного кризиса.

Первое впечатление: 2007 год не обещает коренного изменения сложившихся международных тенденций, что и подтвердил новый всплеск интереса к теме энергетической стабильности, к чему Россия вновь приложила руку. Это и понятно – одной из основ той экономической модели, в которой мы сейчас живем, является основанная на газовой технологической платформе энергетика, которая пришла на смену угольной где-то в первой половине 1980-х гг., отчасти спровоцировав падение цен на нефть, ускорение интеграционных процессов в ЕС, норвежское экономическое чудо и гибель Советского Союза.

Но вот вопрос, не свидетельствуют ли многие последние события о том, что близится время, когда и этой технологической платформе придется отойти на второй план? И не этим ли ожиданием и, больше того, стремлением встроиться в новые тенденции вызваны многие события последних четырех месяцев? Ведь главный тезис последнего времени содержит не только печальную констатацию, что без российского газа экономика промышленно развитых стран вряд ли сможет работать. Это констатация и того, что в рамках нынешней технологической парадигмы энергетики – что с российским газом, что без него – сохранение приемлемых темпов глобального экономического роста становится в принципе невозможно.

Так что последние несколько месяцев интересны как раз тем, что через пелену дипломатических инициатив и политических маневров, через анонсированные новые военные программы, которых было в последние месяцы на удивление много, начали, кажется, проступать признаки надвигающейся смены экономической модели и появления новых технологических платформ.

НАТО И ПРО: ВОЗРОЖДЕНИЕ АТЛАНТИЗМА

Одна из центральных тем последнего времени – начало практических действий по продвижению инфраструктуры НАТО на Восток. Это опрокинуло многочисленные прогнозы о том, что НАТО вот-вот трансформируется в политический альянс, а его военная ин-

фраструктура станет вспомогательным элементом. НАТО возникла как военно-политический альянс и может существовать именно в таком виде. И для того, чтобы альянс продолжал существовать как значимая глобальная сила, в нем должен постоянно протекать какой-либо военно-политический процесс. Во второй половине 1990-х гг. таким процессом была реализация концепции операций за пределами традиционной зоны ответственности. Теперь таким процессом, функционально объединяющим – хотя и политически разъединяющим – страны НАТО, становится размещение элементов системы противоракетной обороны (ПРО).

Однако что же в политическом плане показала ситуация с развертыванием элементов системы противоракетной обороны США и НАТО в Восточной Европе? В принципе, мы не узнали ничего нового, просто то, что упорно не хотели замечать наши либералы от внешней политики, стало настолько очевидным, что им остается только стыдливо отводить глаза. США давно заявляли, что собираются размещать элементы ПРО в странах Восточной Европы. Вся их аргументация была хорошо известна, и не понятно, на что в России рассчитывали те, кто сейчас встрепенулся.

На то, что некий дух партнерства с Россией заставит США отказаться от стратегических планов? Так этого духа уже давно нет, да и в принципе российско-американское партнерство никогда не было столь уж значимым, а главное – имело до обидного узкую экономическую базу для того, чтобы заставить США отказаться от крупного геополитического проекта.

На то, что в европейских столицах оценят перспективы отношений с Москвой? Но, позвольте, США же элементы ПРО не в Германии, где действительно понимают значимость отношений с Россией, размещают, не во Франции и даже не в Италии. Они это делают на территории своих восточноевропейских союзников, уже откровенно играющих в рамках общеевропейских структур роль американского *троянского коня*. Эти государства не только на элементы американской системы ПРО согласны. Они американцам под пыточные и расстрельные камеры свою территорию отдать готовы. Что с них взять?

Вопрос куда глубже: по сути, сейчас под названием «Система ПРО на европейском ТВД» реализуется один из крупнейших и геополитически значимых проектов американской внешней политики последних десяти, если не пятнадцати лет. США красиво и убедительно втягивают своих европейских союзников в затратное предприятие с неясной – прежде всего для европейских союзников – геополитической ценностью.

Этим проектом США вводят в систему европейской безопасности – где кое-кто наивно думал, что сможет прожить без чуткого ока *дядюшки Сэма* – реальный военный элемент, управление которым и с политической, и с технологической точек зрения будет целиком и полностью сосредоточено в Вашингтоне, и только там. Европейцам показывают, что враг, от ощущения близости которого они уже успели с 1991 г. отвыкнуть, у ворот, и только США с их новыми технологиями ПРО могут защитить Европу. А заодно показывают, что вместо того, чтобы бесцельно и бессмысленно *играться в европейскую оборонную идентичность* (пресловутую *European Defense Identity*), надо просто *вернуться домой* в привычную и, согласитесь, вполне эффективную НАТО.

Фактически в какой-то мере возникает ситуация, типологически схожая с размещением американских ракет средней дальности в Европе в 1980-е гг. Эти ракеты как назло появились в Европе в тот момент, когда к власти там пришло поколение политиков, в принципе готовых на игру в геополитическую самостоятельность. Конечно, европейцам размещение американских ракет не нравилось, они выходили на демонстрации, которые, чтобы там ни говорили, далеко не всегда были инспирированы из Москвы. Однако элиты европейских государств понимали, что альтернативой размещению ракет – вне зависимости от степени реалистичности советской угрозы – была утрата важного централизующего элемента всего североатлантического альянса. А этого позволить себе наши европейские партнеры не могли ни тогда, ни сейчас. При этом, чем более жесткими будут *ответные меры* со стороны России, чем громче зазвучит риторика, тем крепче будут прижиматься пугливые европейцы к большому заокеанскому брату.

А главное, потенциальная конфронтация с Россией по поводу ПРО никого не пугает. Заранее понятно, что в военно-техническом плане Россия – в силу того, что ее ВПК только начал выходить из кризиса – соревнование с США и европейцами проиграет, а размещение элементов системы ПРО в Европе, если переводить тему в конфронтационный режим, это именно соревнование потенциалов ВПК и военно-технологических заделов. Так стоит ли в него втягиваться? Может быть, более эффективно было бы получить контроль над строительством системы ПРО США в Европе и сделать эту систему до известной степени прозрачной?

Но если присмотреться внимательно, и в данном случае речь идет о сочетании политики и технологий на фоне экономики. Ведь игра США, начало которой, надо сказать, они разыграли блестяще, состоит в том, чтобы сперва раскрутить до масштабов неминуемой угрозы тему распространения ракетных технологий (вот где был грандиозный внешнеполитический пиар – не чета потугам подправить имидж России) и напугать и американцев, и европейцев картиной приближающихся невесть откуда ракет. А затем на новой технологической базе (а новые американские противоракетные технологии, это, вероятно, большой качественный технологический рывок, чтобы там ни писали в *Красной звезде*) создается новый механизм присутствия в европейской политике.

Константин Эггерт (Россия), главный редактор Московского бюро Русской службы Би-Би-Си – по телефону из Москвы: *Причины незначительного повышения Индекса в апреле связываю в первую очередь с тем, что не произошло ожидаемого противостояния между Западом и Россией по поводу иранской ядерной программы, а также не состоялось разрешение политического кризиса на Украине силовым способом. Главным минусом я назвал бы события в российско-эстонских отношениях и реакцию на них мирового сообщества. Произошел значительный рост недоверия к России как к стране, строящей свою политику по отношению к соседям на иррациональной основе, при этом во многом опираясь на логику внутренней политики.*

В этой схеме пока не хватает новой экономической модели, но уже, видимо, понятно, на чем она будет основана: на сокращении зависимости от российских энергоносителей за счет развития энергосберегающих технологий и атомной энергетики. Стоит обратить внимание на то, что даже в Германии все сильнее звучат голоса сторонников *мирного атома*. Так что, если не произойдет каких-то неприятностей, то в трансатлантических отношениях может сложиться система, которая мало чем будет уступать по прочности той, что существовала в период холодной войны.

И в этом смысле речь президента России В.В. Путина в Мюнхене, дружно раскритикованная за рубежом, действительно, своей цели достигла, хотя бы тем, что спровоцировала в европейских политических и научных кругах некую дискуссию о том, куда же все-таки идет Европа в геополитическом

плане и в чем состоит логика капитанов европейской политики.

Только нужно понять, каким был тот смысл, который закладывала Москва в это выступление, и почему российский президент специально подчеркивал, что выступает в рамках формата *свободного обмена мнениями*. А смысл речи крайне прост: у Европы остается не так много времени для того, чтобы либо доказать свою самостоятельность в большой политике, либо подтвердить опасения, что геополитически самостоятельная Европа не удалась. В первом случае диалог по широкому кругу вопросов, в том числе в сфере безопасности, возможен, во втором – бессмыслен, ибо гораздо проще и дешевле выстраивать двусторонние отношения с США (либо на базе привычного сдерживания, либо на базе обновленного партнерства), а параллельно – развивать восточное направление политики. А Европа станет вспомогательным направлением внешней политики, без особенных стратегических задач. Может быть, упомянутая речь несколько запоздала – крайне маловероятно, чтобы сейчас кто-то на Западе был бы морально готов делать примирительные шаги в отношении России, а идеологическая инерция порой играет значительную роль. Может, пора привыкать к тому, что НАТО и ЕС надо воспринимать

Д
В
Р
О
С
С
И
И
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И
И
Н
Д
Е
К
С

без иллюзий 1990-х гг. и надежд начала XXI века, а в рамках подзабытых нами парадигм 1970–1980-х гг.?

Хотелось бы отметить и еще одну крайне важную деталь – мы почему-то не говорим о «ПРО НАТО» или «ПРО ЕС». Мы говорим о системе ПРО США, которая прикрывает территорию Европы. И, что еще более интересно, Вашингтон ведет переговоры о размещении систем ПРО не с Брюсселем, а с отдельными государствами. Симптом, согласитесь, очень показателен, особенно на фоне пышных торжеств по поводу 50-летия Римского договора, с которого, собственно, и началась история Единой Европы.

Так что история с американской системой ПРО в Европе толкает нас к тому, чтобы задуматься: безусловно, Европа сложилась как единое гуманитарное пространство, а также в основном как единое экономическое пространство (кстати, кровно заинтересованное в том, чтобы Россия оставалась в рамках существующей экономической модели и технологических платформ). Ну, а как насчет Европы в качестве геополитического центра влияния? Ведь если Европа не сложилась как, подчеркнем, единый геополитический центр глобального масштаба, тогда в российской концепции *многополярного мира* возникает опасная дыра, и многополярность превращается в знакомую биполярность, где вместо СССР в качестве *полюса* фигурирует Китай. А это уже совершенно иная картина и совершенно иной набор проблем, встающих перед российской внешней политикой.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ГРАНИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Констатация того, что российско-американские отношения катятся к кризису и что с приходом к власти в США демократического президента начнется еще более неприятный этап в российско-американских отношениях, становится уже вроде бы как банальностью.

Это так и не так.

Не так – в том смысле, что главные проблемы у нового президента США – и пока не факт, что это обязательно будет представитель Демократической партии – будут внутри страны, ибо он получит расколотое общество с серьезными внешнеполитическими проблемами и нарастающим количеством комплексов неполноценности. И вряд ли новый американский президент с порога начнет заниматься российскими проблемами.

Так – в том смысле, что новый президент США неизбежно начнет ревизию российско-американских отношений и того, что именуется остаточное российско-американское партнерство.

Однако, оценивая все происходящее в последнее время в российско-американских отношениях, мы должны понимать, что есть существенная разница между заявлениями какого-нибудь *Freedom House*, который на то и существует, чтобы оказывать давление на конкурентов США, и военным планированием, за которым следуют совершенно естественные и куда более значимые последствия. Например, это касается изменений в принципе размещения вооруженных сил и стратегии закупок вооружений. Пока что США балансируют на грани перехода к военному планированию в расчете на конфликт с Россией, но грань эту не переходят.

Однако факт остается фактом: коренной пересмотр отношений с Россией начался, и вся разница в том, что пока в этом *пересмотре* больше риторики и таких имиджевых элементов, как, например, назначение на пост министра обороны США знаковой фигуры Роберта Гейтса, патентованного поклонника нашей страны. Однако реальная система отношений на базе политического сдерживания, если действительно в Вашингтоне будут приняты кардинальные решения, будет выстраиваться с куда большей последовательностью и жесткостью.

Но мы должны понимать, что широкомасштабная программа обновления военной техники американских вооруженных сил является практически неизбежной в силу внутри-

экономических причин: компании оборонного комплекса, которые в течение последних лет инвестировали средства в разработки новых видов вооружений, просто обязаны капитализировать свои инвестиции, а это возможно только при реальном промышленном производстве и массовых закупках новых видов вооружений.

Кстати, процесс этот уже начался, чему свидетельством служит переход от *пробных* к полномасштабным закупкам истребителя нового поколения *F-22 Raptor*, дорогого и с военной точки зрения не слишком нужного. И не надо питать иллюзий: в американском ВПК накоплен достаточный потенциал для того, чтобы вывести американскую военную машину на уровень, практически недостижимый в обозримой перспективе ни для России, ни для какой-либо другой страны. Кстати, президент-демократ, если судить исходя из исторической логики, будет более склонен к началу военной модернизации, нежели республиканец, поскольку исторически Демократическая партия США больше связана с лоббистскими интересами обрабатывающей промышленности, прежде всего ВПК, который, если говорить объективно, пребывал *в загоде* в эпоху подернувшихся жирком сырьевиков-техасцев.

В политическом плане ухудшение российско-американских отношений, которое в последние три-четыре месяца перешло из плоскости риторики в плоскость политических действий, имеет свою логику, которая вытекает из двух основных моментов.

С одной стороны, это неготовность США принять сильную Россию, которая имеет право на свою *сферу влияния*. Ведь это не совсем правда, что США не принимают наличия у России собственных интересов. США, начиная еще с конца XX века, признавали неизбежность появления у России собственных интересов, которые могут и противоречить американским. Чего они никогда не признавали, так это права России на то, чтобы иметь собственную *сферу влияния*, особенно в отношении государств, которые были частью СССР, а особенно – Украины. Недаром же фактический идеолог американской политики в отношении постсоветской России Збигнев Бжезинский подчеркивал, что Россия, контролирующая Украину, почти неизбежно станет империей, которая бросит США вызов и в других регионах.

С другой стороны, проблемы в двухсторонних отношениях вытекают и из того, что Россия не доказала пока США своей *партнеропригодности*. Иными словами, мы много говорили о возможности неких стратегических договоренностей с США, не сделав ничего в практической сфере, что доказывало бы американцам – с Россией лучше договариваться, нежели сдерживать или, тем более, находиться с ней в конфронтации. Мы забыли, что американцы – практические люди, которые в теории, как говорил поэт В.В. Маяковский, «верят средне»: десятки выступлений о том, что у нас есть оружие, способное девальвировать их ПРО, убедят их меньше, нежели одно удачное испытание такого оружия, тем более, что в минувшие годы Россия сильно перебарщивала с внешнеполитической пропагандой и виртуальными проектами.

В конечном счете, надо помнить, что *сфера влияния* не появляется «по соглашению сторон», *сферу влияния* не дарят. *Сферу влияния* берут, никого не спрашивая. Как правило, силой, иногда – хитростью, и только потом наступает черед дипломатов, которые заботятся о том, как бы поизящнее оформить свершившийся факт. Так что изначально надеяться на то, что США *отпишут* России возможность влияния на постсоветском пространстве, основываясь только на том, что экономический потенциал нашей страны начинает приближаться к советскому максимуму, было наивно изначально.

Что же до будущего российско-американских отношений, то и в этом случае не следует впадать в крайности. Лучше попытаться сохранить имеющиеся механизмы взаимодействия, которые, возможно, через некоторое время могут понадобиться. Конечно, если Россия сможет пройти через уже надвигающийся политический *переходный период* без существенных политических потерь. Ибо вся история отношений с Западом последнего времени подтверждает известный факт – несмотря на все разговоры о многополярном мире, единственный партнер, с которым можно предметно о чем-либо разговаривать в западном мире, – это США. Да, это тяжелый партнер, отношения с которым, вероятно, в ближайшие годы будут ухудшаться. Но именно с этим партнером можно решать реальные за-

И
В
Р
О
С
С
И
И
О
Д
И
П
И
Х
Ы
В
О
Р
О
И
М

дачи, связанные с обеспечением достойного места для нашей страны на внешнеполитической арене. И надо сохранить то, на основе чего потом, когда осядет пыль (лет через пять), можно будет выстроить новые российско-американские отношения. И, нравится нам это или нет, такой основой является контроль над вооружениями.

Кстати, если говорить об американской системе ПРО, то не такой уж глупой представляется идея насчет того, чтобы, отказавшись от истерик по этому поводу, получить возможность доступа и контроля над американскими объектами, а, может быть, и согласиться на размещение каких-то из них на нашей территории. Хотя, конечно, идея о том, что на территории России появится американский военный объект, на первый взгляд выглядит диковато. Но, если задуматься, вместо того, чтобы бороться против неизбежного, наверное, лучше придумать, как с этого неизбежного получить максимум политических и экономических дивидендов. И, в конечном счете, что, как не предложение сотрудничества с США в такой форме, покажет и России, и всему цивилизованному миру, что у США нет иных задач в развертывании системы ПРО в Европе, кроме борьбы за глобальную стабильность против маньяков с ракетами средней дальности.

Или все же есть?

КИТАЙ ВСТУПАЕТ В ГОНКУ ВОЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Собственно, вся история с перехватом китайской ракетой спутника не имела прямого военного смысла – для того, чтобы этот смысл появился, Китай должен создать группировку из нескольких десятков подобных ракет с сокращенным периодом подготовки к старту. Вопрос в том, что столь демонстративные действия Пекина были направлены на то, чтобы продемонстрировать всем, и, прежде всего, США свою способность преодолеть объективно существующий технологический разрыв в области стратегических вооружений. Этот разрыв является одним из тех факторов, которые пока дают возможность Вашингтону ощущать себя сравнительно комфортно в отношениях с Поднебесной, несмотря на многочисленные и продолжающиеся не один год разговоры о грядущем американо-китайском противоборстве.

Вряд ли это означает готовность КНР пойти на полномасштабную гонку вооружений. Китайская экономика действует в рамках уже ушедшей в историю индустриальной экономической модели. Да и технологические платформы, которые эта экономическая модель использует – и в транспорте, и в энергетике, и в металлургии, т.е. базовых отраслях промышленности – в целом относятся к предыдущему технологическому поколению. И попытки КНР преодолеть технологическое отставание от США в сфере вооружений пока привели только к ограниченным результатам, хотя не признать прогресс Пекина нельзя.

Мы уже не можем дальше рассматривать китайскую армию как собрание многочисленных, но очень плохих танков и самолетов, которые на два поколения отстают от уровня развитых стран. Действия Пекина означают готовность инвестировать существенные ресурсы в высокотехнологичные вооружения. Насколько у Пекина это получится – большой вопрос, ответ на который может дать только время. Од-

 Мариан **Абишева (Казахстан)**, заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: *Согласна с общей динамикой с начала 2007 г. В представленных цифрах адекватно отражаются изменения международно-политического характера. Наиболее негативно на климат международной безопасности в Центральной Азии повлияли события в Киргизии (очередное политическое противостояние оппозиции и правительства страны). Безусловно, сейчас Киргизия – зона нестабильности в Центральной Азии. Кроме того, ситуация в Афганистане, Иране и Ираке далека от идеальной. В ближайшие месяцы ожидаю незначительное повышение iSi, так как не наблюдаю каких-либо тревожных факторов.*

нако если наши китайские партнеры решили попугать Вашингтон *виртуальной реальностью*, то их ждет большое разочарование, причем очень быстро. На виртуальную гонку вооружений со стороны наших китайских партнеров у наших американских партнеров есть прекрасный ответ: использование для давления на Пекин глубокой экспортной зависимости китайской экономики от доступа на американский рынок с учетом инфраструктурной отсталости Китая. Это продолжает оставаться решающим фактором геополитического развития КНР, несмотря на все усилия Пекина диверсифицировать экономические связи и форсированно выйти на новый технологический уровень базовых отраслей промышленности (что особенно заметно по усилиям КНР в сфере атомной энергетики). И именно по этой *ахиллесовой пяте* будут бить США.

Другая проблема заключается в том, что Россия – в случае, если КНР и США действительно начнут технологическую гонку вооружений – может оказаться втянутой в серьезные глобальные пертурбации как бы *с черного хода*. Ведь очевидно, что в рамках *стратегического партнерства* с КНР России придется взять на себя существенную долю усилий по технологическому совершенствованию китайских вооружений. И не факт, что политическая и экономическая компенсация Китаем негативных политических последствий для России (а в том, что они непременно будут, сомневается только ребенок) будет адекватна понесенным нами потерям. Так что, двигаясь дальше по пути партнерства с нашим великим восточным соседом, надо все-таки периодически задумываться – а может, приторможим?

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНР: КАПИТАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Как мы и предполагали после жесткого *заявления* своих позиций, нового статуса и претензий, как обычно сформулированных *по максимуму*, Пхеньян начал постепенно смягчать позицию, прощупывая возможную глубину уступок со стороны мирового сообщества.

Вся циничность ситуации заключается даже не в том, что, соглашаясь на требования Пхеньяна об экономической компенсации за якобы закрытие ядерной программы, посредники соглашаются с принципом шантажа в области нераспространения ядерного оружия. И даже не в том, что вряд ли кто-то из посредников всерьез верит в то, что северокорейское руководство допустит реальный верифицируемый демонтаж ядерной программы, чем еще больше разрушается универсальность Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Получается, что некоторым государствам (Индия и Израиль) нельзя иметь ядерное оружие, но можно. Некоторым (Иран) – нельзя ни в коем случае и ни при каких условиях. А некоторым – надо за отказ от ядерных программ платить. Причем пока мазутом, а потом, глядишь, – и деньгами, тем более что модель выжимания из мирового сообщества экономических уступок Пхеньяном отработана и является вполне эффективной. Это подтверждается тем, что уже сам факт согласия Пхеньяна на возобновление переговоров вызвал плохо скрываемый восторг. А демонстративный уход северокорейской делегации с переговоров по мизерному поводу замораживания счетов в одном из банков Макао – плохо скрываемую истерику.

Беда в том, что, соглашаясь на развязку ситуации на базе *товарной дани*, мировое сообщество фактически содействует консервации северокорейского режима, отказываясь уже от минимальных требований по демократизации общества и изменения экономической модели северокорейского общества. То есть от всего того, с чего в 1993 г. и начался кризис вокруг ядерной программы КНДР. Про это уже не только не говорят, но, боюсь, даже и не думают. Совершенно бессмысленно спрашивать, кто победил, и оспаривать жизнеспособность идей чужие.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ТАКТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ НА ФОНЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕССМЫСЛЕННОСТИ

При всей лихорадочной активности на Ближнем Востоке, куда за последние четыре месяца зачастили президенты, государственные секретари, министры и посредники, не решена главная проблема ближневосточной политики – отсутствие переговороспособ-

ных партнеров. Более того, за последнее время эта проблема обострилась до крайности, и теперь на всем Ближнем Востоке почти невозможно найти политическую фигуру, даже стоящую во главе государства, обязательства которой имели бы долгосрочный и всеобщий характер. Исключение составляет, пожалуй, лишь король Иордании Абдалла, однако, при всем уважении, Иордания – не основной игрок в процессе ближневосточного урегулирования. Все остальные политики региона либо находятся в крайне стесненном политическом положении и зависят от внутривнутриполитической конъюнктуры (Эхуд Ольмерт или его ливанский коллега Фуад Синьора), либо пребывают на спаде своего влияния (Хосни Мубарак или Саудовская королевская семья). В таких условиях естественной является концентрация основных сил в регионе на внутренних разборках, которые могут происходить в совершенно различных формах: от коррупционно-сексуальных скандалов, как в Израиле, до открытых вооруженных столкновений, как в Палестинской автономии. Как говорится, *в соответствии с местной спецификой*.

Конечно, можно справедливо отметить, что события в Палестинской автономии во многом спровоцированы израильскими спецслужбами, поднатюрившими в стравливании одних палестинцев с другими. Это, безусловно, так и есть, и следует поздравить израильские спецслужбы – при всех издержках, адекватно защищающих интересы своей страны, с неплохо проведенной операцией, которая дала некий запас времени политическому руководству своей страны для приведения собственных дел в порядок. За те два-три месяца, которые спецслужбы Израиля подарили своим политикам, можно было действительно много сделать. Однако боюсь, это время было потеряно зря – а вместе с ним потеряны и жизни палестинцев, погибших в междоусобных столкновениях.

Однако ситуации в Палестинской автономии и Израиле – это лишь часть общей картины, хотя и исключительно важная. По сути, Ближний Восток поражен единой болезнью – внутривнутриполитической нестабильностью и нарастанием фракционности. Никакой реальной стратегии, никакой долгосрочной линии выстроить в регионе не удастся. Кстати, если посмотреть на действия американцев в последние месяцы, становится очевидным, что они и не пытаются это делать – несмотря на оптимистические заявления, американская администрация никаких долгосрочных обязательств перед своими союзниками в регионе на себя не взяла. И это свидетельствует о том, что никаких долгосрочных позитивных целей США на Ближнем Востоке не преследуют, для них главное – решение краткосрочных политических задач.

Ибо США понимают: пока внутри региона не вызреет идея формирования эффективной системы коллективной безопасности (а она в обозримой перспективе не вызреет, и это понятно уже абсолютно всем), единственное, чем можно заниматься, – это держать процесс конфронтации под контролем. Или делать вид, что процесс держится на контроле.

С этой точки зрения и России, вероятно, следует спокойнее воспринимать идею *возвращения* на Ближний Восток. Во-первых, спросим себя: а на какой Ближний Восток возвращается Россия? Ведь в 1950-е гг., когда СССР впервые проявил интерес к этому региону (кстати, И.В. Сталин был всегда скептического мнения о возможности оказывать там серьезное влияние), Ближний Восток бурлил, освобождался от господства традиционных великих держав, а нефтяная экономика только начинала входить в геополитическую моду. А главное – на Ближнем Востоке были сильные игроки, которые приходили *всерьез и надолго*. Сейчас ничего этого нет, а главное – и в этом надо признать прозорливость американцев – нет игроков, с которыми можно выстраивать долгосрочные отношения.

Во-вторых, основной вопрос, на который надо дать ответ: а зачем Россия возвращается на Ближний Восток? Для Советского Союза ответ был предсказуем, прозрачен и понятен. Советский Союз середины 1950-х гг. выходил на арену подлинно глобальной конфронтации с США и Западом в целом, и Ближний Восток как арена такой конфронтации был исключительно привлекателен. А что даст России *возвращение* в этот регион, где ведущими игроками становятся пресловутые негосударственные участники международных отношений, с которыми приходится договариваться не через визиты, политиче-

ские декларации и межгосударственные соглашения? А главное – с ними надо договариваться не на Ближнем Востоке.

Конечно, скажем, еще шесть-семь лет назад можно было договариваться с Саудовской королевской семьей о ее отказе от поддержки разного рода радикальных исламских движений в России и некоторых странах СНГ. Сейчас это уже почти бессмысленно, ибо саудиты утратили контроль над тем монстром, которого сами же во многом и выпестовали. И договоренности с ними уже не будут иметь того решающего значения, как это могло быть еще в недавнем прошлом.

Поэтому максимум, на что мы можем рассчитывать, возвращаясь на Ближний Восток, это решить за счет отношений с ближневосточными элитами некоторое количество тактических задач. Главное, чтобы баланс *затрат* на ближневосточную политику и геополитических *доходов* от нее был все же в нашу пользу. И здесь надо быть предельно осторожными.

К примеру, существует внешне очень красивое предложение о создании *газового ОПЕК* совместно с несколькими арабскими странами и Ираном. Безусловно, Россия, став одним из инициаторов такого объединения, получит возможность серьезно влиять на формирование глобального рынка природного газа. Однако нельзя забывать, что, вступив в такое объединение, Россия будет вынуждена отказаться от значительной доли самостоятельности и в ценовой политике, и в вопросах продвижения на новые рынки (скажем, выход российского газа на рынок Израиля станет проблематичным), и по ряду других весьма значимых вопросов. А главное, совершенно нет гарантий, что другие основатели *газового картеля* когда-нибудь не попытаются использовать газовое оружие в чисто политических целях, и притом эти цели будут соответствовать интересам нашей страны. Не говоря уже о том, что, фактически став во главе *газового ОПЕК* и начав говорить от имени газопроизводящего сообщества, России предстоит ассоциировать себя со странами, которые вряд ли можно отнести к промышленно-развитым. То есть Россия займет весьма специфическое место – *своего среди чужих, чужого среди своих* во вновь обозначаемся противостоянии промышленно развитого, постиндустриального мира и преиндустриальных сырьевых экономик. Так что баланс плюсов и минусов весьма сложный и неоднозначный.

США НА ПУТИ ИЗ ИРАКА

Конечно, нельзя пройти мимо ситуации в Ираке, мимо последствий казни Саддама Хусейна. Если честно, лично мне Саддама Хусейна не жалко. Он сам играл в поддавки с американцами, когда имел возможность, как минимум, свести войну в *ничью*. Он сам создал такое руководство, такое свое окружение, которое предало его при первой возможности. Он сам создал ситуацию, когда иракская государственность держалась в основном на насилии. Бывают ситуации, когда надо не играть, не выторговывать себе уступки, а стоять насмерть. Саддам, какими бы героическими красками ни рисовали его некоторые российские политики, был не просто диктатором, а диктатором-неудачником. Можно, конечно, говорить о бесчеловечности смертной казни как таковой, но если взглянуть на ситуацию с позиций юридической логики, то есть с точки зрения соответствия приговора иракским законам, то по идее никаких претензий к иракским властям по поводу казни Саддама Хусейна быть не может.

Но есть несколько странностей, которые не дают покоя. Во-первых, позвольте не поверить, что казнь была совершена вопреки воле американцев. Вы всерьез верите в то, что сборище политических ничтожеств под названием *иракское правительство*, само выживание которого зависит от того, выделит ли американское командование пару танков для сопровождения их лимузинов, проезжающих по охраняемой *зеленой зоне*, рискнуло перечить своим хозяевам? Во-вторых, эта казнь выглядела несколько странно: палачи не просто оскорбляли Хусейна, да еще и выкрикивали прямо на камеру здравицы во имя известного шиитского радикального лидера Муктады ас-Садра, который мало того, что не является, мягко говоря, любимой фигурой в *иракском руководстве* (даже с учетом его недавних примирительных заявлений), но и считается одним из наиболее опасных –

не чета дохленькой иракской *Аль-Каиде* – противников США в регионе. А главное, каков был результат казни Хусейна? Да вполне предсказуемый: суннитские боевики, остатки баасистов и даже *аль-каидовцы*, за неимением ничего лучшего провозгласившие Саддаму *шахидом* (какая ирония судьбы для человека, полжизни положившего на разгром исламистского подполья в Ираке!), занялись вполне логичным делом – принялись убивать шиитов, на время ослабив атаки на американцев и их разбегающихся союзников. Поскольку именно шииты совершенно очевидно становятся прямыми виновниками гибели новоявленного *шахида*. Конечно, только история даст нам ответ, кто, как и зачем казнил Саддаму Хусейна, но уже сейчас можно с уверенностью говорить, что у США – во всяком случае, у нынешнего руководства – есть сценарий выхода из иракского конфликта. Этот сценарий прост, выполним и профессионально циничен – развал Ирака по этническому принципу. Как писал Гилберт К. Честертон, чтобы спрятать сухой листок, надо посадить мертвый лес.

Сценарий, что и говорить, интересный, а главное – выполнимый. Вопрос только в том, насколько Вашингтону удастся совместить три кажущиеся невыполнимыми задачи: управляемый развал Ирака с последующим стратегически значимым столкновением шиитов и суннитов, сохранение хотя бы видимости стабильности в Саудовской Аравии и нефтяных монархиях Персидского залива и обрушение цен на нефть, что должно выбить основу из-под любой современной антиамериканской коалиции.

ИРАНСКИЙ КОТЕЛ

Если отбросить многочисленные разговоры о столкновении цивилизаций и исконных противоречиях христианского и мусульманского мира, речь пойдет о том, что Иран превращается в военно-политического гегемона в регионе, стратегически важном для функционирования мировой экономики. Подчеркну еще раз, для экономики, пока все еще использующей традиционную технологическую платформу в энергетике, то есть нефть и газ. В конечном счете стремление Ирана к реализации собственной ядерной программы и получению доступа к критической технологии обогащения урана отражает понимание, что в современном мире статус государства и его возможности вести *торговлю* с глобальными силами определяет некий набор технологий.

Ведь имея успешно реализованную гражданскую ядерную программу, особенно, если есть в наличии технологические возможности быстро трансформировать ее в военную (а у Ирана такие возможности, вероятно, есть), можно куда более осмысленно и эффективно торговаться с *великими державами* за статус регионального гегемона.

Только не надо забывать, что начался этот процесс еще в начале 1970-х гг., когда в Тегеране сидел шах Реза Пехлеви, друживший с США (впрочем, имевший неплохие отношения и с Москвой), а про исламскую революцию, если кто и думал, то только немногочисленные *яйцеголовые* аналитики ЦРУ. И тогда большого страха ни усиление Ирана как таковое, ни планы строительства двух десятков атомных электростанций не вызвали. Теперь другое дело: в силу характера политической власти в Тегеране превращение Ирана в регионального гегемона идет под флагом радикальной исламской идеологии, которая может опрокинуть и нефтяные монархии Персидского залива (где в основе государственности, по сути, только нефtedоллары), и Саудовскую Аравию. Да и светским арабским режимам станет очень неудобно. Потому сценарий сдерживания Ирана, в том числе и с использованием военных инструментов, является не просто актуальным, а вполне разумным – с точки зрения сохранения интересов и позиций США в ключевом нефтедобывающем регионе.

В этой связи есть два принципиальных политических вопроса, касающихся ситуации вокруг Ирана. И они не связаны с иранской ядерной программой, которая есть следствие, побочный продукт, но не причина политических процессов в регионе.

Первый вопрос: еще несколько лет назад в научных и политических кругах, в средствах массовой информации было много разговоров о том, что иранский *неошиизм* начинает утрачивать свою радикальную сущность, а в иранском обществе верх берут умеренно-

обывательские настроения. И надо признать, чтобы так говорить, были все основания: президентство Мохаммада Хатами прошло под знаменем либерализации иранского режима и разного рода *знаков* в отношении западных стран, включая и США, о готовности к нормализации отношений и достижению некоего состояния сосуществования. Получается, что либо оценки *выгорания* исламского радикализма в Иране были не верны, либо появление Махмуда Ахмадинежада в качестве президента Ирана является досадным тактическим завихрением, которое иранская элита тем или иным образом исправит. И ближайшее развитие событий непременно даст ответ на этот отнюдь не праздный вопрос.

Второй вопрос: зигзаги американской политики вокруг Ирана – от заигрываний к прямой конфронтации – четко соответствуют не столько развитию ядерной программы этой страны, сколько степени идеологизированности иранской внешней политики. Не означает ли это, что для интересов США в регионе приоритетным является не вопрос нераспространения ядерных технологий (которые разрабатывались и при президенте-либерале Хатами, а президент Ахмадинежад только снимает пропагандистские сливки с достижений иранских, а, видимо, и не только иранских физиков-ядерщиков), а способность Ирана претендовать на идеологическое лидерство в исламском мире? Можно предположить, что США исходят из того, что идеологическая борьба в очень близкой перспективе станет одним из важнейших факторов глобального развития. Иными словами, США действуют в отношении современного Ирана так жестко потому, что предвидят в ближайшее время резкий всплеск исламистских настроений во всем мире, что станет куда более опасным для американских интересов, нежели существование фантомной *Аль-Каиды*. И если этот всплеск будет сопровождаться развитием ядерной программы, которая во вполне обозримой перспективе может привести к появлению ядерного оружия, то ситуация окажется совсем бесперспективной.

 Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по телефону из Москвы: *Возможно, незначительный подъем iSi в апреле был в некоторой степени связан с празднованием религиозных праздников, что создало положительный эмоциональный фон, а также с началом сельскохозяйственных работ в регионах-поставщиках наркотиков, что переключило деятельность террористов с подрывной на «экономическую». Постоянными факторами ухудшения обстановки остается ситуация вокруг Ирана, в Северной Африке и в странах Африканского рога. Критическим является недопущение прихода к власти исламистского президента в Турции, где, надеюсь, армия встанет на защиту светского характера государства, как это уже бывало ранее.*

Для России ситуация вокруг Ирана должна стать очень серьезным уроком. Уроком необходимости комплексного подхода к отношениям с другими странами. Если отрешиться от разговоров о том, что станцию в Бушере надо было построить назло США, в современном мире строительство АЭС (в отличие от любого другого промышленного или энергетического, даже и военного объекта) является фиксацией определенного статуса двухсторонних отношений. В рамках этих отношений страна-строитель берет на себя определенные обязательства перед мировым сообществом, как бы гарантируя приемлемость международного поведения страны-покупателя. Но такого рода обязательства могут быть взяты, только если существует система отношений – политических, экономических – между странами-партнерами, в рамках которой АЭС является лишь одним из важных элементов, но отнюдь не решающим. Россия же никогда не имела достаточной степени влияния на Тегеран, а внутренняя и внешняя политика Тегерана никогда не была достаточно транспарентна, чтобы брать на себя столь значимые внешнеполитические обязательства относительно средне-, а тем более долгосрочного будущего иранской ядерной программы.

Проблема российско-иранских отношений заключалась именно в том, что с какого-то момента достройка АЭС «Бушер» стала главным элементом российско-иранских от-

ношений. И почти нескрываемой целью иранцев стало скорейшее получение топливных элементов для работы станции. В то же время у России оказалось очень мало практических – прежде всего, экономических – инструментов, использование которых доказывало бы иранской стороне нецелесообразность дальнейшего обострения ситуации. На сегодняшний день мы не можем назвать ни одного по-настоящему крупного российско-иранского экономического проекта. В политической области мы также далеки от стратегического партнерства. А в этих условиях и у Ирана, и у европейских стран, а уж у наших американских партнеров тем более очень велико искушение использовать отношения с Россией, повторюсь, касающиеся крупного, но все же лишь одного проекта, в качестве *разменной монеты* в более глубоко задуманных политических комбинациях.

Но, с другой стороны, ситуация вокруг иранской ядерной программы является наглядным свидетельством того, что означает в современных условиях роль личности в истории. Речь не о том, что президент США периодически говорит с Богом, а президент Ирана считает Холокост сионистской выдумкой. Дело в другом: уже совершенно очевидно, что иранский президент и его окружение сознательно идут на обострение отношений с Западом, наиболее явным свидетельством чему стал захват британских морских пехотинцев вблизи устья реки Шатт-эль-Араб. Отрешаясь от темы, на чьей именно территории находились британцы, задаешься вопросом – почему иранское руководство пошло на эту откровенно скандальную, но одновременно стратегически ненужную акцию? Тегеран не мог не понимать, что реакция западных стран будет предельно жесткой и только приблизит начало военной операции, даже если Иран отпустит британцев и получит незначительные пропагандистские дивиденды, которые в складывающейся ситуации уже мало что значат.

Кстати, о военной операции. Ее подготовка производит все более странное впечатление. Поражает почти полная прозрачность планов. В газетах обсуждают, что будут бомбить, как будут бомбить, какие действия Иран может предпринять в ответ, чем все может закончиться. Объяснение тому – осознание неизбежности столкновения и ограниченности возможных сценариев. Всем понятно, что данное применение силы будет ограниченным: вероятнее всего, США ограничатся воздушными ударами – для наземной операции у США просто нет сил. Понятно, что иранская ядерная программа, конечно, будет замедлена, но не остановлена. Вопрос в том, насколько замедлена. И стратегически операция в целом выглядит бессмысленно. Понятно, что радикализм иранцев после этого только возрастет и втягивание их в иракский конфликт станет практически неизбежным. Но тогда встает вопрос: а зачем обе стороны с упорством, достойным лучшего применения, подводят ситуацию к грани военного столкновения?

Думаю, что в поведении сторон отчетливо прослеживается сочетание внутри- и внешнеполитических мотивов при примате внутривнутриполитических. Для иранского лидера конфронтация с США, даже если Иран подвергнется ударам с воздуха, – средство консолидации вокруг себя большей части иранского общества, в том числе молодежи. А главное, возможность вполне легитимно *зачистить* поднимающую голову оппозицию, которая в противном случае может использовать неизбежные в условиях нарастающей изоляции экономические трудности как повод для смещения президента-радикала. Так что президент Ахмадинежад конфронтации с США не боится, напротив, он делает все, чтобы столкновение с Западом произошло как можно скорее, пока он еще сохраняет значительный политический запас прочности.

США, в свою очередь, рассчитывают, что вооруженная акция ограниченного масштаба против Ирана с переходом в длительную экономическую блокаду заставит оппозиционные круги действовать решительнее. С другой стороны, понятно, что для Джорджа Буша конфронтация с Ираном – не просто один из элементов глобальной системы сдерживания радикального ислама, но и средство запустить собственную модель развития ситуации на Ближнем Востоке, которой будет вынужден следовать любой следующий американский президент. Ведь если задумка стимулировать смещение президента-радикала не удастся, Иран неизбежно нанесет по США ответный удар, причем в самом пред-

сказуемом месте – в Ираке. Но, несмотря на неизбежные в таком случае потери, американцы и лично президент Буш смогут решить несколько важных задач.

С одной стороны, автоматически снимется вопрос о целесообразности пребывания американских войск в Ираке, да и в целом ближневосточная стратегия Буша станет *правильной*, во всяком случае, никакое демократическое большинство уже не будет ставить под сомнение пребывание американских войск в регионе и их финансирование. Никому не хочется примерять на себя ярлык *изменника нации*, да еще в выборный год.

С другой стороны, Иран попадет в состояние почти тотальной внешнеполитической изоляции, когда даже бывшие союзники, которые ранее, сжимая зубы, терпели даже антисемитские тирады иранского президента, будут вынуждены от него отвернуться.

В итоге в Персидском заливе возникнет коалиция арабских стран, которые не просто будут помогать американцам сдерживать Иран. Сдерживать Иран, конечно, сложно, но, учитывая экспортный характер иранской экономики и глубокие инфраструктурные проблемы, внутреннюю расколотость иранской элиты, решаемо. Главное в том, что американские операции по сдерживанию иранцев будут оплачивать не американские налогоплательщики, а нефтедобывающие страны, для которых американские военные станут единственной гарантией выживания.

И вот тогда со всей прямотой встанет вопрос: а причем тут Россия?

ВЫНУЛ НОЖ – БЕЙ!

Отношения России и Грузии, пожалуй, самая больная и неприятная тема во всей российской внешней политике. И дело не только в том, что Россия на каждом повороте проигрывает информационную войну Тбилиси. И не в том, что М.Саакашвили ведет себя все более *отвязно*, ибо ощущает за собой поддержку США. Проблема заключается в том, что в российской политике в отношении Грузии много тактики, еще больше *пиара*, но почти нет стратегии.

Другая беда нашей политики в отношении Грузии заключается в том, что мы забыли: мировая политика основана на простом дворовом принципе (причем двор может быть любой: сретенский, лиговский или бруклинский) – «вынул нож – бей». А если нет желания или силы воли ударить, то тогда держи свой ножик в кармане. Мы же в ситуации с Грузией ножик из кармана вынули, а бить раздумали. Именно нам и пришлось делать шаги назад, тогда как грузинский лидер в лучах славы принимал поздравления от западных почитателей его таланта – в США и странах ЕС. И это большой нам урок: у каждого *пиара* есть начало и есть завершение. Начало нашего очередного *пиара* с Грузией было, прямо скажем, впечатляющим, вот только завершение подкачало. Поэтому пришлось и посла в Тбилиси возвращать, и на выставке «Продэкспо» в Москве срочно давать медаль грузинским винам за *высокое качество*. То есть фактически пришлось признать, что попытка напугать грузинское руководство провалилась. Однако следовало бы шагнуть еще дальше – признать, что грузинское руководство вообще нельзя напугать.

В конечном счете – и события последних трех-четырёх месяцев доказали это с пугающей откровенностью – Россия должна четко решить, чего же она хочет от Грузии.

Если она хочет от Грузии приемлемого к себе отношения, то придется учесть, что и грузинское руководство, и грузинское общество сделали выбор в пользу США и НАТО, и всякие реминисценции относительно *исторической близости* их только раздражают. А антироссийская риторика – всего лишь средство продемонстрировать максимальную лояльность новым покровителям. И не наше дело убеждать их в правильности или не-правильности этого выбора. Показательно, кстати, что если и есть в Грузии некая *про-российская партия*, то обретается она в основном в Москве. И попытки экономического давления не дают желаемого результата не только потому, что Грузия – сравнительно маленькое государство и США и ЕС вкпе с крупными международными филантропами могут ее *взять на содержание*. Дело в том, что мелкие неурядицы, особенно, если они

касаются небогатого населения, а не вполне благополучной элиты, – ничто по сравнению с теми колоссальными дивидендами, которые сулит выбор в пользу Запада. У России в действительности почти нет инструментов давления на грузинскую элиту, а под санкции в основном попадает простое население.

Мы также должны понимать, что выход хотя бы на нейтральные отношения с Грузией в принципе возможен, только если Россия *сдаст* Грузии Южную Осетию и Абхазию. Но встает вопрос, насколько это соответствует интересам России. Может быть, более целесообразным стало бы признание того, что Грузия будет в обозримой перспективе враждебным для России государством, при одновременном подтверждении статуса России как страны, которая является фактором, формирующим глобальную систему международных отношений. Иными словами – признание независимости самопровозглашенных государств.

Конечно, подобный шаг в краткосрочной перспективе вызовет у наших западных партнеров истерику. Однако, учитывая нынешний уровень отношений России с США и ЕС, следует ли этого так сильно бояться? В экономическую блокаду Россия не попадет, хотя для снятия нашей страны с нефтегазовой иглы это было бы неплохо, благо есть гигантский, но бессмысленный стабилизационный фонд. Политические отношения с США и ЕС находятся на том уровне, что опустить их ниже крайне трудно, особенно в условиях *второго майдана* на Украине и неизбежного повторения столкновения интересов России и Запада. Да и в принципе окончательно ссориться с Москвой в условиях назревающего конфликта в Персидском заливе и стратегической неясности на Корейском полуострове США и ЕС вряд ли будут. В действительности риски не так высоки, как это кажется.

Но, с другой стороны, признание независимости самопровозглашенных автономий будет реальным внешнеполитическим шагом, возможно, неожиданным для наших западных партнеров, привыкших, что Москва только *посылает сигналы*, но почти никогда не переходит к практической реализации своих угроз. Может быть, тогда российские *последние предупреждения* станут восприниматься более серьезно и ответственно. И последователи Михаила Саакашвили разом станут куда более вменяемыми, поскольку убедятся, что за *пугалками* Москвы иногда следуют конкретные действия.

 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, Председатель Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (2005 г.) – по электронной почте из Бразилиа: *В Южной Америке негативное влияние оказали такие события, как национализация активов бразильских нефтяных компаний в Боливии и правительством Эво Моралеса и потенциальное установление популистской левацкой оси Венесуэла–Боливия–Эквадор. Однако хотел бы подчеркнуть, что благодаря постоянному обмену визитами на высоком уровне и климату доброй воли в межгосударственных отношениях на континенте этот негатив частично сглаживается. В дальнейшие месяцы не ожидаю каких-либо резких изменений в показателях индекса: главный, иранский, вопрос будет решаться по дипломатическим каналам, жесткая словесная склока между США и Ираном уже стихла.*

КОНЕЦ УГЛЕВОДОРОДНОЙ ЭПОХИ

Новая историческая эпоха ресурсного противоборства вполне возможна и на базе старой экономической модели и старых технологических платформ. Скорее всего, начальный период новой исторической эпохи будет развиваться при ее внешнем господстве. Некоторое время Россия еще сможет просуществовать в относительно комфортных условиях. Однако таким будет только начальный период. Совокупность глобальных проблем и вызовов ведущим мировым державам заставит их искать новые экономические модели и новые технологические платформы, а затем подстраивать свои внешнеполи-

тические приоритеты под новые технологические, в том числе и военно-технологические возможности и экономические интересы.

Газовая, а в более широком смысле углеводородная энергетика была одной из основ экономической модели конца XX века. Она дала возможность России пережить трудные времена 1990-х гг. и обеспечить себе место на европейском газовом рынке, а также накопить ресурсы для начала нового промышленного рывка, который пока почему-то не случился. Но наивно думать, что газовая энергетика будет вечно господствовать в качестве энергетической основы современной технологической платформы и что Россия сможет вечно использовать газовый фактор для решения внешнеполитических задач, тем более в такой, мягко говоря, не слишком деликатной форме, как это делалось в последние годы.

Из глобального энергетического тупика будет найден выход, причем, чем больше Россия будет акцентировать свою важность и незаменимость в качестве источника углеводородного сырья, тем меньше шансов, что она сможет реально участвовать в формировании новой технологической платформы, которая ляжет в основу новой экономической модели. И только перейдя на новую экономическую модель, Россия сможет реализовать те естественные геополитические преимущества, которые дает ей новая историческая эпоха, ранее нами обозначенная как эпоха ресурсного противоборства. Только так Россия сможет сохранить за собой право на активное участие в мировой политике.

Конечно, конец углеводородной энергетики будет не столь апокалиптичен и внезапен, как описывают иные российские писатели. В одночасье нефть с газом не перестанут быть нужными для функционирования мировой экономики. Вечный двигатель не появится. Угроза не в этом, и даже не в том, что в России неожиданно закончится вроде бы бездонный стабилизационный фонд. Угроза в том, что, опоздав к смене технологической платформы и экономической модели, Россия будет вытеснена на периферию мирового экономического развития, откуда придется выбираться – как это происходило в 1930-е гг. – с большими издержками, в том числе внутриполитическими.

Кстати, если кто еще не понял, нынешние 56–60 долларов за баррель нефти это меньше, чем 35 долларов 1984 года. То есть того самого года, когда начался окончательный закат советской экономики с известными геополитическими последствиями. Так что запас прочности у энергетической сверхдержавы не так уже велик.

 Дмитрий Евстафьев

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Индекс *iSi* рассчитывается по следующей формуле:

$$iSi = \sum_i k_{G_i} \times \text{Глоб. ф.} + \sum_i k_{R_i} \times \text{Регион. ф.} + \sum_i k_{L_i} \times \Delta_j \times \text{Лок. ф.},$$

Где

k_{G_i} – коэффициенты *взвешивания* глобальных факторов;

k_{R_i} – коэффициенты *взвешивания* региональных факторов;

k_{L_i} – коэффициенты *взвешивания* локальных факторов;

Δ_j – коэффициенты значимости региона.

Более подробно методология *iSi* раскрывается в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pir-center.org>

² Резолюция 1737 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5612-м заседании, 23 декабря 2006 г., <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1737.htm> (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Fred Ikle, member of Pentagon defense board. "Enormous and incredible mistakes in Iraq may end up driving us out, but if we handle the exit correctly, it will not make the USA more vulnerable, and can be made worse for our jihadist adversaries, who are killing each other". *The Financial Times*. 2006, November 24. P. 8.

⁶ В английском тексте этого документа сказано "for the purpose of eventual abandonment". Эта формула весьма двусмысленна. Ее можно перевести и как «в целях окончательного отказа», и как «в целях отказа, зависящего от обстоятельств» или «возможного отказа». Используемые в данном документе термины "to abandon" и "abandonment" также допускают многозначную и весьма противоречивую трактовку. Интересно, что МИД РФ не опубликовал официальный перевод этого документа на русский язык, что открывает возможность его произвольного толкования.

⁷ Обзор внешней политики Российской Федерации, 431-27-03-2007, 27 марта 2007 г., http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (последнее посещение – 20 апреля 2007 г.).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Специальный посланник Генерального секретаря ООН для руководства процессом определения будущего статуса Косово Мартти Ахтисаари предлагает наделить край многими атрибутами государственности и предоставить ему ограниченный суверенитет под международным военным и гражданским контролем. В его предложениях ничего не говорится ни о независимости края, ни о суверенитете Сербии над ним. В плане предлагается наделить Косово правом самостоятельно вступать в международные отношения, иметь свою конституцию, независимую судебную систему и т.д. План предусматривает возможность заключать международные соглашения и даже вступать в международные организации.

Роланд Тимербаев

О ЛИВИИ, ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЕ
И ГЕРБЕРТЕ ФОН КАРАЯНЕ, А ТАКЖЕ ДРУГИЕ СЛУЧАИ
ИЗ ЖИЗНИ

В сентябре 2007 г. у крупнейшего российского специалиста в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), одного из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) юбилей – послу Роланду Михайловичу Тимербаеву исполняется 80 лет. К этой дате ПИР-Центр готовит выпуск книги воспоминаний одного из основателей нашей организации, нашего учителя и старшего товарища. Фрагменты из будущей книги мы предлагаем ниже.

Мои друзья и приятели не раз просили меня заняться написанием воспоминаний о прожитых годах и, особенно, об участии в рассмотрении проблем ядерного нераспространения и разоружения, очевидцем и участником которых мне довелось быть, да я все отнекивался. Во-первых, неизменно отвечал я на эти предложения, вряд ли мои воспоминания будут представлять интерес для возможных читателей, поскольку, хотя я и был свидетелем многих судьбоносных событий и международных переговоров моего времени, но достаточно высоких постов не занимал и потому с крупными политическими фигурами того времени общался мало, а если и общался, то только эпизодически. Во-вторых, память столь несовершенный инструмент, что многое из того, что я видел или пережил, уже стерлось из памяти, и поэтому неизбежны неточности и даже, возможно, значительные ошибки, ведь любые мемуары, увы, грешат ими (впрочем, в последнее время, освободившись от многих повседневных обязанностей, я занялся поиском своих дневниковых записей и кое-какие мне удалось найти). И, в-третьих, по натуре и жизненному опыту я больше склонен к научным исследованиям, основывающимся на документах и твердо проверенных фактах, хотя и здесь случаются погрешности, а иногда, может быть, даже и большие.

Но вот некоторое время тому назад, рассказав одному хорошему приятелю *анекдот* из моей жизни и выслушав от него – в который раз – предложение заняться воспоминаниями, я, наконец, уступил и взялся за перо, то бишь сел за компьютер. Слово *анекдот* я употребляю в его исконном смысле, то есть не в качестве какой-нибудь придуманной мною или кем-либо еще байки, а, пользуясь определением Владимира Даля, как «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае», то есть рассказ из реальной жизни. Именно в этом смысле часто употребляли понятие *анекдот* в прошлом, например Ф.М. Достоевский или А.И. Герцен.

Анекдоты мои, главным образом, будут не обо мне самом, но неизбежно своим участием в описываемых событиях я буду создавать какой-то фон и фигурировать в рассказах постольку, поскольку я был очевидцем, свидетелем того или иного случая с кем-либо из значительных или интересных людей, случая, который заслуживает, с моей точки зрения, быть запечатленным. Те события и эпизоды, которые найдут отражение в моих записях, не будут расставлены в хронологическом или каком-либо ином порядке, а будут

Ы
И
Ц
И
И
Р
Н
О
Т
А
Т
С
И
С

излагаться по мере того, как они всплывают в моей памяти. Ведь мы не вольны распоряжаться тем, как возникают воспоминания, обычно это происходит неожиданно, спонтанно. Но в целом из клочков или кирпичиков складывается мозаика, дающая общее представление о пульсе прожитой эпохи. Главное, что движет мной, – это желание оставить для потомства мое представление о сути и духе того века, в котором мне довелось жить, и о многих событиях, пережитых мной в то время, то есть во второй половине XX столетия. И начну я как раз с того случая в моей жизни, который припомнился мне в упомянутом разговоре с моим добрым приятелем.

Не исключено и даже вполне возможно, что нижеизложенные рассказы из моей жизни могут содержать ошибки или неточности, но Господь, надеюсь, будет милостив, поскольку возможные недостатки или иные упущения отнюдь не будут намеренными, а явятся лишь следствием человеческой слабости. Я буду говорить правду так, как она мне виделась, но человеку свойственно ошибаться, да ведь любая правда, как ее видит и оценивает тот или иной человек, так или иначе субъективна. У читателей, может быть, сложилось иное представление о том или ином факте, описываемом мною. Надеюсь все же, что мои рассказы помогут будущему читателю лучше разглядеть и понять ту непростую эпоху, в которой жило мое поколение и я вместе с ним.

Практически всю свою профессиональную жизнь я занимался вопросами международной безопасности и деятельности международных организаций и, в особенности, проблемами контроля над вооружениями и вопросами нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Работая в системе МИД СССР/РФ в Москве и в загранучреждениях, я представлял страну в ООН и других международных организациях (в частности, в Международном агентстве по атомной энергии), а также участвовал в двухсторонних (главным образом с Соединенными Штатами) или многосторонних переговорах в сфере контроля над вооружениями и нераспространения оружия массового уничтожения. В том числе принимал участие в переговорах в 1966–1968 гг. по заключению Договора о нераспространении ядерного оружия. В последние же годы занимался в основном научно-преподавательской и публицистической деятельностью – опять же в области международной безопасности, ядерного нераспространения и разоружения.

Но в своих воспоминаниях я буду касаться и многих других событий, свидетелем которых я был, потому что моя главная цель все же состоит в том, чтобы познакомить читателей с моим видением той многоликой и сложной эпохи, в которой я жил. Итак, я начинаю свои рассказы из жизни.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ПРО

Кирилл Васильевич Новиков, заведующий Отделом международных организаций МИД СССР с 1964 г. вплоть до своей отставки в 1973 г., был учителем и патроном целого поколения молодых дипломатов. Он был в высшей степени профессионалом, глубоко, нестандартно и – главное – не идеологически понимал государственные интересы страны и отлично умел их защищать. Был он прирожденным наставником, что позволило ему успешно прививать эти свои качества многим из нашего поколения молодым дипломатам.

Кирилл Васильевич одним из первых в МИДе всерьез заинтересовался проблемой ограничения систем противоракетной обороны (ПРО), полностью сознавая, что практически нереально разработать и создать эффективную территориальную и даже более ограниченную систему противоракетной обороны и что попытки развернуть ее могут только подтолкнуть другую сторону к новому витку наступательных стратегических вооружений в целях преодоления такой системы. Советский Союз первым осуществил перехват баллистической ракеты еще в 1961 г., и вокруг Москвы начиналось строительство первого района противоракетной обороны А-35, которую американцы потом окрестили *Галашей*. Позиция советского руководства была до наивности простой: оборона – благо, нападение – вред. А в США уже создавались межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), ко-

торые могли бы легко преодолеть нашу ПРО. Нечего и говорить, что создание ПРО повлекло бы за собой многомиллиардные и при этом бесперспективные затраты. Сами США осуществили первый перехват ракеты гораздо позднее и стали создавать систему защиты МБР в районе Гранд Форкс (шт. Северная Дакота), но потом, поняв бесполезность этого проекта, отказались от него. Не стали они создавать и территориальную систему противоракетной обороны *Сэйфгард*.

Примерно с начала 1964 г. влиятельные представители администрации США начали делать *заходы* к ответственным советским представителям с предложением договориться об обоюдном отказе от создания ПРО. Очевидно, первым таким обращением была беседа Уильяма (Билла) Фостера, директора Агентства по контролю над ограничением вооружений и разоружению (АКВР) и близкого друга министра обороны Роберта (Боба) Макнамары, с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным 16 января 1964 г.¹ В Москву поступали сообщения и об обращениях к заместителю министра иностранных дел В.А. Зорину, и к видным советским ученым, участникам Пагуошского движения, и к другим официальным и неофициальным лицам.

Новиков дал мне поручение тщательно собирать все эти сообщения с обращениями к нам, и со временем у меня образовалась *критическая масса* таких обращений. Как мне помнится, кажется, в конце 1965 г. или в начале 1966 г. Кирилл Васильевич, уходя в отпуск, дал мне указание при удобном случае доложить министру и просить его внести в Политбюро предложение поручить соответствующим ведомствам основательно разобраться во всей этой проблеме и выработать позицию по ПРО для использования в наших внешнеполитических действиях. Громыко, мгновенно уловив суть проблемы, дал указание подготовить *порученческую* записку в ЦК, которую я и принес ему буквально чуть ли не на следующий день. Он тут же подписал ее, но из приложенного к ней проекта постановления Политбюро вычеркнул своим привычным тупым синим карандашом слова «в трехмесячный срок» (то есть постановление ЦК не должно было устанавливать срок выполнения поручения) и сказал: быстро перепечатайте проект постановления и направляйте по адресу.

А потом началась *катавасия*. Спустя некоторое время мне позвонил по правительственному телефону (по так называемой *вертушке*) председатель Научно-технического совета Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и один из главных идеологов советской ПРО академик Александр Николаевич Шукин и пригласил к себе в Кремль. Я был у него несколько раз, и каждый раз он не без язвительности поучал меня, благо, у нас была большая разница в возрасте, – как же можно запрещать оборону?

Но Добрынину 18 марта 1966 г. все же пошло указание провести первый зондаж о возможности достижения договоренности об ограничении ПРО, но непременно *в одном пакете* с ограничением наступательных стратегических вооружений. Посол встретился с Фостером, но тот отреагировал тогда на пакетное решение этой проблемы без энтузиазма².

Советское руководство продолжало публично выступать против введения ограничений на ПРО, в том числе и в ходе известной встречи А.Н. Косыгина с президентом Линдоном Джонсоном и министром обороны Робертом Макнамарой в Глассборо (штат Нью-Джерси) в июне 1967 г.

И только перед открытием ДНЯО для подписания 1 июля 1968 г. между Джонсоном и Косыгиным по инициативе американской стороны состоялся обмен посланиями, в ходе чего было согласовано, что в день подписания Договора будет объявлено о том, что между двумя сторонами достигнута договоренность «вступить в ближайшее время в переговоры относительно *комплексного* (выделено мною. – *Р.Т.*) ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет». Однако из-за политических разногласий (в частности, из-за ввода войск Варшавского договора в Чехословакию) переговоры начались только в конце 1969 г. и закончились заключением Договора по ПРО и Временного соглашения по стратегическим наступательным вооружениям в мае 1972 г.

Ы
Ц
И
Н
Р
Н
О
С
Т
Р
А
Т
И
С
К

ЛИВИЙСКАЯ ЗАТЕЯ

При активном содействии Советского Союза в Ливии был создан научно-исследовательский атомный центр Тажура, недалеко от столицы страны Триполи. Среди объектов атомного центра был и исследовательский атомный реактор небольшой мощности, но работавший на высокообогащенном уране (ВОУ). Хотя реактор был поставлен под гарантии МАГАТЭ, но с учетом того, что в нем использовался ВОУ, советская сторона настоятельно предложила и добилась того, чтобы в Тажуре постоянно присутствовали советские специалисты, дабы иметь уверенность в мирном использовании ядерного реактора и других установок атомного центра, а главное – для присмотра за использованием ВОУ. Ливийская сторона возражений против присутствия наших специалистов не высказывала, с учетом, конечно, и того, что просто нуждалась в их помощи.

Во второй половине 1970-х гг. лидер Ливии полковник Муаммар Каддафи направил в Москву делегацию во главе со вторым лицом руководства страны Абдель Салам Джеллудом с секретной миссией добиться от СССР за крупную сумму денег содействия в развитии ядерной программы, которая включала бы создание реактора на природном уране с замедлителем из тяжелой воды, предприятия по производству тяжелой воды, установки по переработке отработавшего топлива и выделению плутония и других соответствующих объектов. Короче говоря, речь шла о военной атомной программе, за создание которой Ливия предложила 10 млрд долл. Тогда у Каддафи деньги водились – в связи с тем, что в результате всеобщего нефтяного кризиса цены на нефть подскочили до рекордных отметок.

С советской стороны в переговорах с Джеллудом участвовали первый заместитель председателя правительства Н.А. Тихонов (который в отсутствие председателя Совета Министров А.Н. Косыгина замещал последнего) и первый заместитель министра среднего машиностроения (то есть министерства атомной отрасли) А.М. Петросьянц. Советская сторона дала принципиальное согласие на предложение Ливии, руководствуясь как стремлением поддержать арабов в их конфликте с Израилем, так и привлекательностью предложенной цены. Припоминаю телефонный разговор с заведующим секретариатом председателя правительства Б.Т. Бацановым, который, выслушав мои глубокие сомнения в правильности решения, сказал: неужели в МИД не понимают, что речь идет о получении Советским Союзом 10 миллиардов долларов? В итоге переговоров все же был согласован документ о намерениях, и, как мне потом стало известно, решено это было без согласия руководства МИД.

А спустя несколько дней в МИД на подпись министра А.А. Громыко поступила записка в Политбюро ЦК, уже подписанная министром обороны Д.Ф. Устиновым, председателем КГБ Ю.В. Андроповым, председателем Военно-промышленной комиссии Совмина СССР Л.В. Смирновым, председателем Госплана Н.К. Байбаковым. В записке предлагались мероприятия по реализации нашего обещания создать в Ливии, говоря техническим языком, полный ядерный топливный цикл (ЯТЦ). При этом выполнение постановления правительства возлагалось на Госплан и ряд промышленных министерств и ведомств.

У МИДа были серьезные возражения против всей этой затеи – в первую очередь по соображениям недопустимости дальнейшего распространения ядерного оружия, но также и с учетом сомнений в том, что Ливия сможет возместить затраты на строительство. К этому времени мировой нефтяной кризис подходил к концу, и цены на нефть начали выравниваться. Как я припоминаю, определенные возражения были и у министерства обороны. Следует заметить, что в вопросах ядерного нераспространения МИД и военные часто выступали солидарно и нередко совместно противостояли Минсредмашу, который и тогда, и впоследствии (вспомним согласие главы Минатома В.Н. Михайлова в 1995 г. на строительство в Иране газоцентрифужного завода для обогащения урана) иногда довольно безответственно относился к необходимости всемерного поддержания режима нераспространения. Нужно сказать, что и тогда, и сейчас у меня остаются сомнения в правильности решения построить для Ирана АЭС в Бушере, хотя приходится считать с тем, что *поезд уже ушел*.

Для обсуждения вопроса о том, как поступить с предлагаемой «запиской в ЦК», меня вызвал в свой кабинет зам. министра Г.М. Корниенко, и мы стали обсуждать, что следует предпринять. В итоге Корниенко предложил министру А.А. Громыко такой вариант: записку в ЦК все же подписать, но сделать оговорку, в которой высказать сомнения в отношении целесообразности всего предприятия с точки зрения возможных негативных последствий для нераспространения. А.А. согласился и поручил сформулировать в одной короткой фразе буквально из нескольких слов позицию МИД и впечатать под его подписью на первом экземпляре записки в Политбюро.

Мы потратили немало времени на это, и я еще раз убедился в поразительном умении Георгия Марковича Корниенко кратко и четко формулировать мысль. В дальнейшем начались долгие совещания в Госплане о конкретных мерах по выполнению решения ЦК, и персонально эту работу возглавил первый заместитель председателя Госплана Н.И. Рыжков (впоследствии Председатель правительства), который провел несколько совещаний с участием представителей различных ведомств. От МИДа должен был участвовать заместитель министра Корниенко, который на эти совещания в Госплане обычно направлял меня, при этом, как я понимал, на меня возлагалась задача по возможности исподволь тормозить все дело. Припоминаю, что немалые трудности могли возникнуть со строительством предприятия по производству тяжелой воды, которое должно было быть возложено на министерство удобрений (тогда существовало и такое). В конце концов, так или иначе, но сделка с Ливией не состоялась, а вскоре и ливийская казна опустела.

Сейчас, после того, как Ливия под давлением США публично отказалась от своей тайной ядерной программы – и это было засвидетельствовано и подтверждено инспекторами МАГАТЭ, стало широко известно, что и в 1980-е, и в 1990-е гг. Каддафи что-то пытался сделать в направлении создания такой программы, но убедился, что это ему не под силу, да и нажим со стороны США и других западных государств оказался непреодолимым.

ИЗВЛЕЧЕННЫЙ УРОК

Изложенная выше история с Ливией, имевшая место во второй половине 1970-х гг., явилась большим уроком для МИДа, и с его стороны были предприняты усилия к тому, чтобы не допустить повторения подобного в дальнейшем. В результате по инициативе МИД решением Политбюро была учреждена Межведомственная комиссия по нераспространению ядерного оружия на уровне заместителей руководителей соответствующих правительственных ведомств под председательством МИД (конкретно – Г.М. Корниенко), на которую было возложено предварительное согласование всех наших действий на международной арене в целях недопущения ядерного распространения.

Образование комиссии позволило быстро навести должный порядок в работе тех организаций, которые имели отношение к поставкам ядерных материалов, оборудования и технологий за рубеж. Этой полезной деятельности, имевшей большое государственное значение, весьма благоприятствовало то, что такие ведомства, как МИД, Министерство обороны и КГБ, как правило, занимали сходные позиции по вопросам нераспространения, что помогало решению экспортных вопросов на базе государственных интересов страны и сводило к минимуму возможность узковедомственного подхода.

Одним из первых важных решений было согласование постановления правительства от 13 января 1982 г. о контроле над ядерным экспортом. Документ назывался: «Положение об экспорте ядерных материалов, технологии, оборудования, установок, специальных неядерных материалов и услуг». Изложение его было опубликовано в журнале *Внешняя торговля*, № 4 за 1982 г. Положение было основано на Руководящих принципах для ядерного экспорта, принятых Группой ядерных поставщиков (ГЯП) в 1977 г. и официально представленных МАГАТЭ в начале 1978 г.³ В качестве приложения к указанному Положению был утвержден и согласованный ГЯП Исходный список (*Trigger List*) предметов

ядерного экспорта, подлежащих контролю, который также был опубликован в указанном журнале. Это был первый нормативный акт, принятый в нашей стране по контролю за ядерным экспортом.

Следует отметить тот немаловажный факт, что Положение, утвержденное Совмином СССР, шло даже дальше Руководящих принципов ГЯП в том утверждении, что предметы ядерного экспорта СССР не должны были использоваться не только для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, как этого требовали Руководящие принципы, но также не должны были «способствовать достижению какой-либо военной цели». Так, например, не могли бы использоваться в качестве топлива для атомных подводных лодок.

Кроме того, в Положении содержался весьма важный пункт, согласно которому устанавливалось, что «проекты соглашений и (или) контрактов с иностранными контрагентами в части условий ядерного экспорта согласовываются с Государственным комитетом по использованию атомной энергии СССР и Министерством иностранных дел СССР». Таким образом, ни одна сделка в области ядерного экспорта не могла состояться без согласия МИД. Практически эту функцию исполнял Отдел международных организаций МИД.

По предложению Межведомственной комиссии (инициатива исходила от МИДа и Минобороны) была также начата работа по подготовке общесоюзного законодательства по использованию атомной энергии. Для этого в рамках академического института государства и права была создана специальная группа под руководством известного юриста А.И. Иойрыша. Эта работа принесла свои плоды. Уже в постсоветский период Государственной Думой были приняты важные акты, установившие законодательную основу для использования атомной энергии, включая и вопросы ядерного экспорта. Опыт работы Межведомственной комиссии было бы полезно воспользоваться и в настоящее время.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Расскажу о знаменитом дирижере Герберте фон Караяне, точнее, о его последнем концерте. Но вначале несколько предваряющих слов.

Когда я работал в Вене постоянным представителем СССР/России при международных организациях (1988-1992 гг.), мне удавалось довольно часто посещать симфонические концерты в *Musikverein*, где была выделена дипломатическая ложа для руководителей иностранных загранпредставительств. Постепенно я познакомился с некоторыми известными музыкальными деятелями, в том числе с дирижером Клаудио Аббадо, скрипачами Гидоном Кремером и Викторией Мулловой, певцом Евгением Нестеренко (последний даже согласился дать сольный концерт в советском представительстве), главным дирижером Кисловодского симфонического оркестра Юрием Власовым. Среди моих знакомых был и руководитель австрийского отделения *Deutsche Grammophon Gesellschaft* Эвальд Маркль.

Эвальд Маркль и сообщил мне, что 23 апреля 1989 г. состоится концерт Герберта фон Караяна, причем ввиду серьезной болезни дирижера, которому было уже за 80 лет (болезнь позвоночника), возможно, это будет его последний концерт.

Караян выбрал для концерта, состоявшего всего из одного отделения, Седьмую симфонию Антона Брукнера. Народу набилось *под завязку*, в дипломатической ложе все стояли плечом к плечу, в зале были заняты даже проходы между рядами. Рядом со мной оказался Юрий Власов.

Когда дирижер появился на эстраде, зал замер. Караян медленно, с трудом передвигая ноги, но все же попытался самостоятельно пройти к подиуму и решительными жестами отказывался от попыток музыкантов помочь ему дойти до своего места и сесть на специ-

альный стул. Но вот он взмахнул дирижерской палочкой, и полилась торжественная музыка.

Седьмая симфония Брукнера – одна из самых грандиозных симфоний классического репертуара. По-моему, каждый понимает музыку по-своему, даже если она заведомо является программной. В моем ощущении эта симфония представляет собой как бы повествование о жизни человека в окружающем его мире, о связи его с природой, с Богом. В ней есть и радость, и трагические ноты, но главное – это борьба человека с силами зла, за победу сил добра.

Когда смолкли последние звуки, раздалась бурная овация, продолжавшаяся десять, двадцать или больше минут. А потом все бросились вниз, чтобы проститься с великим дирижером. Машину забросали цветами, и она медленно двинулась в сторону его любимого Зальцбурга. Все чувствовали, что больше его не увидят и не услышат. Караян скончался спустя два или три месяца.

У меня до сих пор хранится компакт-диск с записью последнего концерта Герберта фон Караяна.

Разбирая не так давно свои архивные залежи, обнаружил дневниковую запись о концерте Караяна, сделанную по горячим следам:

«23 апреля 1989 г.

Сегодня был в *Musikverein* на 7-й симфонии Антона Брукнера в исполнении *Wiener Philharmoniker* под руководством Герберта фон Караяна.

Дирижер вышел, поддерживаемый служителями, без помощи которых он не мог бы дойти до подиума. Караян страдает серьезной болезнью позвоночника, он перенес несколько операций и самостоятельно передвигаться не может. Но, встав на подиум, он полностью преобразился, и вскоре присутствующие напрочь забыли, что за дирижерским пультом серьезно больной человек, в сущности, инвалид.

Один знакомый дирижер, выдавший Караяна накануне во время записи симфонии Брукнера, заметил, что Караян столь же эмоционально, по-юношески дирижирует, как если бы ему было 25 лет.

Думаю, не случаен выбор 7-й симфонии Брукнера. Это одно из наиболее духовно возвышенных музыкальных произведений, утверждающих величие, победу человеческого духа над человеческой плотью, над всем остальным, над миром. Конечно, в какой-то, а может быть, значительной мере чувствуется у Брукнера немецкий дух, ну а почему бы и нет?

Когда Караян положил дирижерскую палочку на пюпитр, наступила пауза, а потом разразился гром аплодисментов. Уж не помню, сколько раз он выходил к зрителям. Все чувствовали, что наступил момент прощания последнего могоканина из плеяды великих дирижеров. Еще до сегодняшнего концерта многие высказывали мнение, что это будет его последним появлением перед музыкальной аудиторией.

И, действительно, назавтра, в понедельник 24 апреля, Герберт фон Караян направил письмо руководителю ведомства культуры в правительстве Западного Берлина, сенатору г-же Анке Мартини с коротким сообщением, что он снимает с себя обязанность пожизненного дирижера *Berliner Philharmoniker*, которую он занимал с 1955 г.».

ИГРЫ В СТИЛЕ ООН

С Андреем Януарьевичем Вышинским я неоднократно встречался в 1949–1952 гг., когда он был министром иностранных дел. Министр с большим вниманием относился к деятельности ООН и регулярно участвовал в заседаниях Генеральной Ассамблеи в качестве главы советской делегации. Понятно, что и в Москве он живо интересовался работой Отдела по делам ООН, предшественника Отдела международных организаций, и даже

Ы
Ц
И
Н
Р
Н
О
А
Т
Р
С
Т
И
С

сам проводил производственные совещания сотрудников отдела, вызывая всех их, в том числе и меня – самого молодого, в свой министерский кабинет.

При мне министр приезжал в Нью-Йорк на сессии Генассамблеи в 1950 и 1952 гг. (сессия 1951 г. проходила в Париже, в ней я не участвовал). Видимо, Вышинский обратил внимание на меня, так как в 1950 г. я был назначен старшим группы письменных переводчиков, в которую вошли хорошо знающие английский язык дипломаты, вызванные из Вашингтона и Оттавы. Некоторые из них были намного старше меня.

На нас была возложена задача переводить тексты выступлений представителей различных стран с тем, чтобы министр мог с ними ознакомиться и при необходимости дать ответ. Это он очень любил делать. Вообще говоря, он был отличным оратором-полюемистом. Вот один пример. Однажды министр иностранных дел Ливана Чарльз (Шарль) Малик, по первоначальной профессии профессор философии, обрушился на Советский Союз с какими-то обвинениями. Вышинский тут же попросил слова и произнес под гром аплодисментов известное место из стихотворения Генриха Гейне:

Семьдесят семь профессоров,
И, Отечество, Ты погибло!⁴.

Переводчики обычно работали по вечерам и даже по ночам, чтобы Вышинский мог вовремя ознакомиться с переводами выступлений. На меня была возложена ответственность за правильность переводов, и вот как-то ночью меня будят: вызывает министр. Я тут же оделся и явился к нему, и он отчитал меня за то, что какое-то место в выступлении югославского представителя, по его мнению, было переведено неправильно. Это, действительно, было так. Министр сравнительно мягко пожурил меня, и я заверил его, что такая оплошность больше не повторится. Я уже собирался уходить, но он задержал меня и вызвал другого подчиненного, который дождался своей очереди в приемной.

Им оказался Юрий (Георгий) Павлович Францев, заведующий Отделом печати МИД, который до этого был директором МГИМО в мою бытность студентом института. Ю.П. был глубоко уважаемым студентами и всеми, кто его знал, человеком, звали мы его за глаза *папой Юрой*. И в моем присутствии Вышинский в самой грубой форме стал его распекать и даже кричать на него. Затем он схватил лежавший на письменном столе документ, который был подготовлен Францевым, и с силой бросил его через весь кабинет, и Ю.П. пришлось побежать за ним. А кабинет был очень большим, длиной, может быть, в 20 метров. Это был самый большой зал виллы нашего представительства в Гленкове.

Меня пробил пот от жестокого отношения Вышинского к глубоко уважаемому и совсем немолодому и грузному человеку. Потом я часто вспоминал этот случай, когда больше узнал о чудовищных, кровавых делах Вышинского во время его пребывания на посту генерального прокурора в период сталинских репрессий 1930-х гг.

Еще один эпизод в моей жизни, связанный с Вышинским. В июне 1950 г. развернулась корейская война. Ее, конечно, как известно, начал руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен, вторгшийся в Южную Корею с согласия Сталина и Мао Цзэдуна. Но наша дипломатия и пропагандистская машина изо всех сил старались доказать, что войну будто бы спровоцировал Ли Сын Ман, руководитель Южной Кореи, который якобы сам первым вторгся в Северную Корею.

Я тогда вел в представительстве корейский вопрос, и мне было поручено собирать материалы и составлять досье с уклоном на то, что во всем виновата Южная Корея. Это, конечно, было совсем не простым делом, но я все же подготовил довольно много различных материалов. Когда осенью на сессию ООН прибыла делегация из Москвы, мне передали и те материалы, которые были подготовлены в МИДе. Все эти материалы я должным образом систематизировал, их накопилось больше 30 папок.

Первым выступал государственный секретарь США Дин Ачесон, который в своей речи, продолжавшейся 2 часа 40 мин. (я точно замерил то время, что он говорил), обрушил об-

винения на Северную Корею, а также и на Советский Союз и Китайскую Народную Республику (СССР направил на помощь КНДР свою авиацию, а КНР – *китайских народных добровольцев*). Вышинский смолчал и по возвращении в Гленков поручил мне расположить все мои досье по корейскому вопросу в определенном порядке в своем домашнем кабинете прямо на ковре, лежащем на полу, что я и сделал. Министр заперся на два-три дня и самолично диктовал выступление своей стенографистке.

После того, как речь была подготовлена, мне оставалось только проверить точность конкретных данных, дат и фактов. Выступление свое он не без блеска произнес в ООН, и продолжалась оно ровно на час больше, чем речь Ачесона, – 3 часа 40 мин.

Еще один *анекдот* о моих контактах с А.Я. Вышинским. Дело было в том же Гленкове. Он неплохо играл в русский бильярд и предложил сыграть с ним как-то в свободное время поздно вечером одну-две партии. Но первая партия сложилась не в его пользу. Мне неожиданно стало удивительно везти, и счет быстро достиг критической точки: 7:0 в мою пользу, а игра в «американку» (сейчас ее, кажется, называют русской пирамидой) идет до восьми выигранных шаров, причем случайно залетевшие в лузу шары – *дураки* – тоже засчитываются. Но тут ко мне подошел личный врач министра и шепнул на ухо, что я непременно должен проиграть, иначе Вышинскому может стать плохо, поскольку он сильно переживает свои поражения, и ему – врачу – «придется с ним ночью долго возиться». Не знаю уж как, но мне все же удалось проиграть эту партию. Естественно, проиграл я министру и вторую партию.

И, наконец, последний эпизод. После смерти Сталина министром иностранных дел снова стал В.М. Молотов, а Вышинский был понижен в должности до поста первого замминистра и постоянного представителя в ООН. В конце 1954 г. он неожиданно скончался в Нью-Йорке, тело его доставили в Москву и были устроены довольно пышные похороны. Его гроб, а потом урна с прахом были установлены в Доме Союзов, где состоялось прощание с покойным, потом урну захоронили в Кремлевской стене. К этому времени я уже возвратился в Москву и работал в МИДе. Мне была оказана *честь*: я вместе с кем-то нес огромный венок от Дома Союзов до Красной площади.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

В октябре 1962 г. разразился так называемый «Карибский кризис» (американцы называют его *Кубинский ракетный кризис* – *Cuban Missile Crisis*). Тогда я работал в Нью-Йорке советником нашего представительства при ООН. Это был самый острый ракетно-ядерный кризис за все долгое время холодной войны между СССР и США. Мир оказался на грани войны, притом ядерной. Именно тогда обе стороны и весь мир впервые в полной мере осознали, что собой представляет ядерное оружие. Имея в своих арсеналах уже сотни и тысячи единиц этого оружия и средств его доставки, люди, наконец-то, поняли, что это, собственно говоря, не есть оружие, способное поставить на колени противоположную сторону – его залповое применение одной стороной может нанести непоправимый ущерб и другой стороне, да и миру в целом, а так называемый *случайный* или *несанкционированный* пуск может вызвать эскалацию конфликта и привести к всеобщей ядерной войне с теми же катастрофическими результатами.

Некоторые военные – и наши, и иностранные – обычно возражают против подобной логики, но ведь никогда такое развитие событий не было опробовано, и бездоказательное утверждение о возможности *малого, не всеобщего* ядерного конфликта, говоря юридическим языком, является ничтожным.

Суть Карибского кризиса вкратце состояла в том, что Н.С. Хрущев приказал тайно доставить на Кубу несколько десятков ракет с ядерными боеголовками, способных поразить Америку (надежных межконтинентальных ракет у нас тогда или не было, или было совсем мало, а США имели, кроме МБР, и тактические ракеты в Европе, нацеленные на советскую территорию). Соединенные Штаты, узнав с помощью аэрофотосъемки о на-

хождении на *острове Свободы* ядерных ракет, настояли на вывозе ракет из Кубы, взамен дав гарантии ненападения на нее. Хрущеву пришлось с этим согласиться. О Карибском кризисе написаны сотни книг, я же расскажу только о том, что в то время происходило в ООН.

Мы в Нью-Йорке не знали о доставке на Кубу ядерных ракет. (У меня был допуск к шифрпереписке по кубинской проблеме, впрочем, не могу утверждать, что мой шеф В.А. Зорин тоже ничего не знал, поскольку некоторые телеграммы адресуются под особым грифом только послу, и он может не разметить их для ознакомления своим сотрудникам). Но в тех сообщениях из Москвы, которые я читал, содержались указания отрицать присутствие наших ракет на Кубе.

По требованию США было созвано экстренное заседание Совета Безопасности. Оно было назначено на три часа дня. Стало известно, что американцы к нему тщательно подготовились, развесив в зале Совета аэрофотоснимки, на которых было видно, где размещены советские ракеты. Мы в представительстве подготовили для Зорина выступление, в котором безосновательно утверждалось, что ракет на Кубе нет.

В ООН царил паника, работа в секретариате практически прекратилась, его сотрудники и представители многих стран старались проникнуть в переполненный зал Совета Безопасности, чтобы присутствовать на заседании.

Около 12 часов дня меня вызвал к себе Зорин. (Квартира его находилась на последнем этаже здания представительства). Посол был в постели и чувствовал себя очень плохо – так с ним иногда случалось, даже бывали обмороки при сильных стрессах. Поскольку заместителя постпреда П.Д. Морозова никак не могли разыскать, Зорин поручил мне представлять Советский Союз и передал мне текст нашего выступления. Но спустя некоторое время он, немного отдышавшись, все же нашел в себе силы поехать на заседание: Зорин был весьма ответственным человеком.

На заседании Совета Эдлай Стивенсон учинил форменное судилище над нами. Зорин как мог отбивался, но переубедить американцев, конечно, не удалось. Правда на этот раз была на их стороне: Хрущев вскоре признал наличие советских ядерных ракет на Кубе и вывел их оттуда. А Зорина через некоторое время отозвали в Москву, поскольку в дипломатической практике не принято оставлять на своем посту посла, который публично говорит неправду. Но спустя немного времени Зорина назначили послом в Париж.

Для полного завершения урегулирования Карибского кризиса и оформления необходимых договоренностей через ООН в конце 1962 г. в Нью-Йорк прибыл первый заместитель министра иностранных дел В.В. Кузнецов. Я помогал ему в некоторых делах, связанных с урегулированием кубинской проблемы. В период пребывания Кузнецова как-то ночью меня будят и сообщают, что американское Федеральное бюро расследования (ФБР) – аналог нашего КГБ, а теперь ФСБ – арестовало двух работников нашего представительства и надо их вырывать (такая функция заранее была возложена на меня). Я приехал в Нью-Йоркское отделение ФБР, тогда размещавшееся на углу 69-й улицы и 3-й авеню (сейчас это жилой дом, и много позднее, лет через 25, я в нем даже жил), меня провели в кабинет директора, который задал мне вопрос: являются ли задержанные сотрудниками представительства? Я подтвердил их принадлежность к представительству и их дипломатический статус. Американец сказал, что они пойманы с поличным во время получения разведывательных сведений и должны незамедлительно покинуть США. Вид у наших ребят был плачевный, они были сплошь перевязаны бинтами. Видимо, пытались оказать сопротивление, и их порядочно избили. Когда мы выходили, собралась куча журналистов, и наши фотографии попали в утренние газеты.

Через некоторое время я зашел к В.В. Кузнецову и рассказал о случившемся. Он при мне вызвал резидента ГРУ и устроил ему сильнейшую выволочку. Мы только что миновали серьезнейший кризис, мир чуть-чуть не оказался на грани войны, почти кричал на адмирала вечно спокойный и уравновешенный Кузнецов, а вы тут устраиваете всяческие авантюры! Вскоре резидент был отозван.

ДЕЛО ШЕВЧЕНКО

Об Аркадии Николаевиче Шевченко сказано и написано немало, были о нем даже передачи по нашему телевидению. Да, он оказался «невозвращенцем», предателем родины, и не может не вызывать презрения. Но как на деле все это произошло – сие широкой публике мало известно, а о достоверности того, что появляется в СМИ, говорить не приходится. Я расскажу о Шевченко так, как лично видел события, связанные с ним. Думаю, что об этом полезно написать для тех, кто будет изучать нашу эпоху. Сам Шевченко вряд ли представляет существенный интерес для будущих историков, но обстановка этой эпохи заслуживает внимания и изучения. Конечно, я не мог знать всех фактов, относящихся к делу Шевченко и, возможно, в чем-то или даже во многом ошибаюсь, но, вообще-то говоря, есть ли индивидуумы или какие-либо правительственные или иные органы, которым известны все факты?

Представители нашей разведки, даже высокопоставленные, стараются изобразить Шевченко как человека, который будто бы задолго до перехода на сторону США был американским шпионом и уже тогда передавал ЦРУ *важные государственные секреты*. По нашему телевидению сообщалось, в частности, в телепередаче канала *Россия* 14 декабря 2004 г., что Шевченко информировал ЦРУ о том, как в Москве принимаются решения на высшем государственном уровне, и это будто бы была чрезвычайно важная для Вашингтона информация. Неужели и без Аркадия американцы не знали, как функционирует Политбюро и другие высшие инстанции страны? У меня версия о шпионской работе Шевченко до его *разрыва с Москвой* вызывает большие сомнения, потому что тут же возникает естественный вопрос, а зачем ему, занимавшему столь перспективное положение в советской иерархии, все это было нужно? Вопрос остается без ответа. В действительности все обстояло намного проще, банальнее и очень *по-нашенски*.

Я хорошо знал Аркадия. Он пришел из аспирантуры МГИМО в референтуру по разоружению Отдела международных организаций, которую я тогда фактически возглавлял, кажется, в 1956 или 1957 году. И сразу же зарекомендовал себя способным и трудолюбивым сотрудником. Работать с ним было очень легко, немало различных документов мы изготовили, действуя в паре. Вскоре он практически стал как бы моим заместителем, хотя такая должность официально не существовала. В 1958 г. меня командировали в наше представительство в Нью-Йорке, и в дальнейшем мы сравнительно редко взаимодействовали, в основном только на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, но считались друзьями.

Довольно скоро обнаружилось, что Аркадий чрезвычайно амбициозный человек, до мозга костей карьерист и к тому же безмерно увлечен стяжательством. У него был и еще один крупный *грех* – он сильно выпивал и со временем стал запойным пьяницей. Именно это обстоятельство, я думаю, и сыграло решающую роль в его падении.

Притом у него выработалось чувство полной вседозволенности, за что большая вина лежит на А.А. Громыко и особенно на его жене Лидии Дмитриевне. Зная пристрастие жены Громыко к дорогим подаркам, Аркадий и его жена Лина неизменно во все приезды министра с женою в Нью-Йорк делали им большие подношения, в том числе дарили и драгоценности. Я хорошо знал Громыко в течение многих десятилетий, и мне было известно, что он всегда особо приближал к себе людей, лично ему преданных. Следует добавить, что Шевченко закончил МГИМО одновременно с сыном Громыко Анатолием. Они были приятелями и написали в соавторстве несколько статей. Именно личные контакты с Громыко и его семьей позволили Аркадию очень быстро получить ранг посла и занять лакомый для него пост заместителя Генерального секретаря ООН.

Хорошо помню, что когда я заходил к нему в кабинет заместителя Генерального секретаря ООН в мои приезды на сессии ООН, он неизменно был уже *на взводе*. Даже если это было утром, он, прежде чем вступить в беседу со мной, открывал ящик канцелярского файла, который служил ему в качестве бара, наливал себе изрядную порцию виски, предлагал вино и мне, и только после этого начинал разговор.

В 1975 г. в Женеве состоялась первая из обзорных конференций по Договору о нераспространении ядерного оружия, задача которых состоит в том, чтобы рассматривать ход выполнения этого договора, делать необходимые выводы и согласовывать рекомендации на будущее. Аркадий прилетел в Женеву из Нью-Йорка в качестве представителя Генерального секретаря ООН и на первом заседании конференции, как это принято, зачитал его послание, адресованное участникам конференции. А потом исчез. Шла первая неделя конференции, я был чрезвычайно занят делами и не заметил отсутствия Шевченко на председательском подиуме зала для конференций Женевского Дворца Наций.

Спустя некоторое время ко мне подходит сотрудник Аркадия, мой старый приятель – заведующий отделом разоружения секретариата ООН швед Рольф Бьернерштедт и говорит, что Шевченко пропал, отсутствует уже целую неделю. Все в секретариате конференции обеспокоены тем, что он неожиданно, никого не предупредив, исчез и не подает никаких признаков жизни, не заболел ли он чем-то серьезным?

Через знакомых я довольно быстро узнал, где Аркадий остановился (на квартире у знакомых, выехавших в отпуск в Союз), попросил советника делегации Бориса Красулина (который, увы, скончался в мае 2004 г.) сопровождать меня и направился на квартиру Шевченко. С Борисом мы долго звонили и стучали в дверь, просили Аркадия открыть – никакого ответа. Но нам обоим послышалось какое-то движение или шорох. И без лишнего слов, не обмениваясь даже впечатлениями, мы поняли, что у Шевченко очередной запой. Вернувшись на конференцию, я сказал Рольфу, что Аркадий немного приболел, но вскоре объявится.

И действительно, на следующий день он появился на конференции, но по его красно-бурой распухшей физиономии было ясно видно, чем он занимался целую неделю. Аркадий вдруг стал на редкость предупредительным в контактах со мной, подчеркивал особый характер наших отношений, обещал всемерную помощь секретариата советской делегации, рассказывал о тенденциях, уже выявившихся на конференции и т. д. и т. п.

Еще один случай, характеризующий Аркадия. *Анекдот* этот имел место раньше конференции 1975 года – наверное, в 1967 или 1968 году. Шевченко работал в нашем представительстве при ООН уже старшим советником и, приехав домой в отпуск, пригласил меня в ресторан (или кафе?) «Хрустальный», что на углу Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы. После первых же рюмок он вдруг спросил, а почему бы мне не войти в *близкий круг* министра, ведь это откроет широкие перспективы для моей дальнейшей карьеры. Хочешь, я тебя привезу к нему на дачу хоть в ближайшее воскресенье? Я, конечно, нашел повод уклониться, не раскрывая перед ним моего отношения к вопросам карьерным на основе личных контактов.

Перехожу теперь к тому главному, о чем хотел сказать, – как Шевченко изменил родине и перешел на сторону США. Наши соответствующие органы, конечно, хорошо знали основную *слабость* Аркадия, были обеспокоены – что вполне объяснимо и понятно – тем, как бы американская разведка, воспользовавшись этой его *слабостью*, не попыталась его завербовать, и, насколько мне известно, неоднократно ставили перед Москвой вопрос об откомандировании Шевченко в Союз. Уверен, что вопрос о его отзыве обсуждался на весьма высоком уровне – как мне говорили, между Андроповым и Громыко. В конце концов было решено его отозвать, но сделано это было так неловко и грубо, что не могло не привести к уходу Аркадия Шевченко.

В мае–июне 1978 г. должна была состояться первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Этому мероприятию в Москве придавалось особое значение. Загодя готовились директивы нашей делегации, мы активно участвовали в работе подготовительного комитета специальной сессии Генассамблеи. На одну из сессий подготовительного комитета ездил я, а на заключительную сессию этого комитета, которая проходила в апреле 1978 г. – месяца за полтора до открытия конференции – был командирован другой заместитель заведующего Отделом международных организаций – ныне покойный Геннадий Сташевский⁵.

На основе той информации, которой я располагал, и моих собственных непосредственных наблюдений – а я был задействован руководством МИД в мероприятиях (которые оказались абсолютно безуспешны) по обеспечению его возвращения в Союз, обстоятельства, толкнувшие Шевченко принять решение остаться в США, выглядят примерно следующим образом. В конце марта или в самом начале апреля Аркадию была направлена телеграмма, подписанная первым заместителем министра иностранных дел Г.М. Корниенко, с указанием срочно прибыть в Москву, чтобы проконсультироваться относительно того, с какими инициативными предложениями Советскому Союзу следовало бы выступить на спецсессии ООН по разоружению.

То, что Громыко сам не пожелал подписывать шифровку, а поручил сделать это своему заместителю, по-моему, было ошибкой. Подобного рода телеграммы обычно исходят не от министра, а от одного из заместителей, но случай этот был особенный. Если бы Громыко лично подписал телеграмму или, по меньшей мере, в ней было бы сказано, что указание дается по личному поручению министра, то Шевченко, учитывая особый характер его взаимоотношений с Громыко, возможно, и не пошел бы на разрыв с родиной. Ошибочным был и повод, избранный для того, чтобы объяснить необходимость командировки Аркадия в Москву. Принципиальная советская позиция по разоружению была совершенно ясной и долговременной – всеобщее и полное разоружение и запрещение атомного оружия. Внутри этой позиции могли быть предложены отдельные конкретные новеллы, но они требовали специальных профессиональных знаний, которыми Шевченко не обладал. Он превосходно знал проблему в целом, много лет посвятил ей, написал отличную книгу о разоружении, но в тот момент вся *разоруженческая кухня* кипела в Женевском комитете по разоружению. Комитет обслуживал небольшой секретариат, подчинявшийся Шевченко, но сотрудники этого секретариата занимались лишь техническим обслуживанием работы Женевского комитета. Если бы Москве потребовалась информация о том, с чем другие делегации могут придти на спецсессию ООН, то для этого не нужно было приезжать в Москву, такую информацию вполне можно было передать телеграммой или диппочтой. К тому же на сессию подготовительного комитета была направлена квалифицированная делегация во главе со Сташевским.

Еще одна допущенная в Москве промашка. Перед поездкой в Нью-Йорк у Сташевского состоялся разговор со старшим помощником Громыко Василием Макаровым, который поручил Геннадию посоветовать Аркадию «умерить свои возлияния», поскольку о его пристрастии к вину «в Москве уже ходят разговоры». Это тоже было ошибкой. Дал ли Макаров такое поручение Сташевскому по своей инициативе или с подачи министра, я не знаю, но полагаю, что это, скорее всего, сделал сам Макаров. При всей неотесанности последнего он, зная о направленном Аркадию указании срочно прибыть в Москву, все же должен был понимать, что разговор о вине в данном случае был бы неуместным.

Получив указание, Шевченко заказал билет на самолет и стал готовиться к отъезду. И тут в Нью-Йорк прибывает Геннадий Сташевский. Между Геннадием и Аркадием были особо близкие отношения, и в первый же день по приезде в Нью-Йорк Аркадий пригласил друга в ресторан, где между ними состоялась та роковая беседа, которая и привела к решению Шевченко перейти на сторону США. В ходе беседы Аркадий спросил Геннадию, как идет подготовка к сессии ООН, решено ли, с чем наша делегация придет на эту сессию? Сташевский, не зная о телеграмме Корниенко и ничего не подозревая об отзыве Шевченко, заверил товарища, что наша позиция уже разработана и все к сессии подготовлено. В ходе дальнейшего разговора он выполнил и поручение Макарова. Шевченко, конечно же, быстро сообразил, в какую ловушку он попал бы, если бы вернулся в Москву, и, по всей видимости, тут же решил связаться с американскими спецслужбами, что было уже, так сказать, делом техники, поскольку он не мог не знать, кто есть кто в его собственном департаменте секретариата ООН, да и за его пределами.

Как только о невозвращении Шевченко стало известно в МИДе, было решено вызвать в Москву Сташевского. Это произошло так. Утром в субботу 8 апреля 1978 г. меня срочно вызывают в МИД к первому заместителю министра В.Ф. Мальцеву, который исполнял обязанности министра в отсутствие Громыко. В это время я тоже замечал своего заве-

Ы
Ц
И
Р
Н
О
Т
А
Т
С
И
С

дующего В.Л. Израэляна, который был на обследовании и лечении в больнице. В кабинете Мальцева находился и Корниенко. Меня спросили, может ли наша делегация в подготовительном комитете обойтись без Сташевского? Я ответил, что может, поскольку в ее состав входят и другие квалифицированные сотрудники. Но поскольку на моем лице можно было легко прочитать недоумение в связи с заданным мне вопросом, Мальцев и Корниенко решили познакомить меня с его подоплекой и рассказали, в чем дело. Тут же была отправлена телеграмма с вызовом Сташевского, а мне было поручено организовать *деликатно* откомандирование в Москву из Женевы сына Шевченко Геннадия, который находился там в составе нашей делегации в Комитете по разоружению.

Это было сделано таким образом. В Женеву было дано указание незамедлительно направи́ть с сотрудником делегации Геннадием Шевченко в качестве дипкурьера особо срочный документ и по приезде в Москву доставить его в Отдел международных организаций. Геннадий это поручение добросовестно выполнил. (В действительности же в пакете, запечатанном сургучными печатями, был обычный официальный документ ООН).

Как известно, Шевченко опубликовал книгу о своем переходе на сторону США. Книга («Разрыв с Москвой»⁶) вышла в 1985 г. В книге автор утверждает и на многих страницах подробно описывает, как он до своего ухода в течение чуть ли не двух с половиной лет работал на США. Об этом писали и американские СМИ в некрологах в связи с его смертью в феврале 1998 г. Обращает, однако, на себя внимание, что книга появилась в прилавках с большой задержкой после объявления о дате ее выхода в свет, и то, что дата выхода не раз переносилась. Встает законный вопрос, не было ли это вызвано тем, что *редакторы* из ЦРУ подолгу переписывали описание *шпионской* деятельности Аркадия, чтобы придать этому описанию хоть какую-то видимость достоверности.

Некоторые факты, приводимые в книге, извращенно подаются автором таким образом, чтобы специально очернить те или иные лица, в том числе даже и тех, кто способствовал его головокружительному взлету по служебной лестнице. Мое особое удивление вызвало описание им одного совершенно незначительного случая, очевидцем которого я был, только для того, чтобы бросить тень на своего благодетеля А.А. Громыко. Советская делегация прибыла на сессию Генассамблеи ООН сразу же после того, как наше представительство при ООН переехало в новое здание, за покупку и подготовку которого я отвечал. Вполне естественно, что обнаружили некоторые недоделки, которые случаются не только у нас, но и в США. И чуть ли не в первый же день Громыко застрял на полчаса в лифте, установленном американской фирмой. Громыко проявил полное понимание и довольно спокойно распорядился навести надлежащий порядок, что и было сделано. Шевченко же подал этот случай под тем соусом, что будто бы министр несправедливо устроил мне полный разнос и жестоко наказал меня, а это совершенно не соответствует действительности. Очевидно, этот мелкий случай Аркадий включил в книгу только для того, чтобы очернить Громыко и тем самым выслужиться перед своими новыми хозяевами.

В печати много писалось о связи Шевченко с какой-то женщиной, которую ему якобы подсунили американские спецорганы. Я не берусь оспаривать этот факт (если только это факт), но сомнения у меня имеются, и сомнения большие. Пойти на такую связь мог только сумасшедший, поскольку такое не может со временем не стать известным. Мне довелось прожить очень много лет в Америке, и я знаю, что скрыть такую связь от наших соответствующих органов в течение сколько-нибудь продолжительного времени невозможно. Аркадий слишком дорожил своей карьерой и вполне мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по службе, чтобы проявить подобное легкомыслие. Он всегда был очень расчетлив, особенно в том, что относилось к его карьере. Шевченко, действительно, имел связь с одной американкой, которую ему подсунили ЦРУ или ФБР, но это было уже после *разрыва с Москвой*. Позднее Аркадий дважды был женат – на американке и русской.

И, наконец, еще один существенный для меня момент, имеющий отношение к *делу Шевченко*. Спустя более пятнадцати лет после описанных событий, в 1993 или 1994 году, я гостил у своего друга – американского посла в отставке Джеймса (Джима) Леонарда в его имении в штате Вирджиния. Вспоминая былое, мы, между прочим, стали анализиро-

вать обстоятельства ухода Шевченко. Джим знал об этом случае в деталях, поскольку в 1978 г. он был первым заместителем постоянного представителя США при ООН и находился на связи с советским представителем ныне покойным О.А. Трояновским, когда с нашей стороны предпринимались неудачные попытки добиться возвращения Шевченко на родину. Джим уверял меня, что и тогда, и сейчас существовало и продолжает существовать строгое предписание не пытаться вербовать лиц, занимающих высокое положение, в особенности послов зарубежных государств и других лиц аналогичного или более высокого уровня. И причина этого, как сказал мне Джим, состоит в том, что на подобные посты назначают крупных деятелей, к которым правительство того или иного государства имеет полное доверие. Поэтому у нас считают, сказал он, что попытка их вербовать может вылиться в большой международный скандал. Так это или не так, судить не берусь, но хочу подчеркнуть, что с Леонардом мы знакомы десятки лет, и между нами всегда существовало полное взаимное доверие. Ко времени нашего разговора мы оба уже были в отставке, и я не могу допустить, что Джим решил бы пойти на явный обман в разговоре со мною.

Таковы известные мне обстоятельства *дела Шевченко*, и поведал я о них только ради потомков, чтобы мои возможные читатели лучше могли понять нравы прошедшей эпохи, которые наглядно характеризуются обстоятельствами этого *дела*.

О НЕЗАВЕРШЕННОЙ КАРЬЕРЕ МОРОХОВА

Непростая судьба Игоря Дмитриевича Морохова, этого незаурядного человека, очень примечательна и характерна для многих и весьма одаренных, и менее одаренных людей, особенно в нашей стране. Мои тесные дружеские отношения с ним поддерживались в течение более десяти лет – с конца 1960 и до конца 1970 года прошлого столетия. Спорадические контакты были и позднее. Познакомился я с ним вот при каких обстоятельствах.

Первым советским членом Совета управляющих (СУ) МАГАТЭ был, как я уже писал, Василий Семенович Емельянов. Эту должность В.С., будучи заместителем министра среднего машиностроения и председателем Государственного комитета по использованию атомной энергии, занимал с 1957 г. по 1965 г. Неожиданно для МИДа в конце 1965 или в начале 1966 года в министерство иностранных дел на подпись министра поступила из министерства среднего машиностроения записка в ЦК КПСС (так обычно назывались доклады или предложения, направляемые на утверждение Политбюро ЦК), уже подписанная министром Е.П. Славским. В записке предлагалось освободить Емельянова от должности управляющего от СССР в СУ Международного агентства и на его место назначить некоего Морохова И.Д. Меня вызвал к себе первый заместитель министра В.В. Кузнецов и спросил, почему освобождают Емельянова и назначают, не посоветовавшись с МИДом, никому не известного человека. Я пожал плечами и сказал, что мне ничего не известно. Нужно сказать, что Емельянова в МИДе хорошо знали и глубоко уважали, а с Кузнецовым они вообще знали с довоенных времен и между ними сложились добрые личные взаимоотношения. Кузнецов передал мне из рук в руки записку Славского и приказал подержать ее в моем сейфе, никому не показывая, до особого распоряжения.

Прошло что-то около двух месяцев, вызвал меня к себе Кузнецов вновь, предложил завизировать один из экземпляров этой записки и затем подписал ее оригинал, сказав, что следует срочно направить записку в ЦК. На мой недоуменный вопрос В.В. ответил без каких-либо пояснений, что решено назначить управляющим Морохова. Потом я узнал, что Кузнецов пытался отстоять Емельянова, но это ему не удалось.

Вскоре мы с Мороховым познакомились, стали часто встречаться и выезжать в заграничные командировки, устраивать неизбежные совместные застолья, что особенно сближает. Был он к тому же большим жизнелюбом и, мягко выражаясь, отнюдь не чурался женщин. И.Д. оказался очень умным, а, главное, энергичным и инициативным человеком. Со временем мы с ним сдружились.

Такие тесные отношения помогали нам согласовывать весьма сложные вопросы нашей политики в атомной области, по которым между МИДом и Минсредмашем нередко возникали естественные расхождения, вызываемые разными подходами к некоторым проблемам. Например, с точки зрения МИДа, из внешнеполитических соображений и исходя из общегосударственных интересов было желательно договориться по какому-нибудь вопросу, например, по ограничению или прекращению ядерных испытаний, а с позиции наших атомщиков это могло оказаться невыгодным для них из тех или иных узковедомственных предпочтений⁷. Конечно, в конце концов решение принималось на высшем партийно-государственном уровне, но ведь требовалось согласование и на уровне ведомств, чтобы были учтены и их интересы. И здесь имело большое значение взаимопонимание и умение убедить собеседников. Благодаря хорошим контактам и с Емельяновым, и с Мороховым мне, да и некоторым другим мидовским работникам обычно удавалось найти точки соприкосновения с Минсредмашем, и со временем руководство МИД, как правило, поручало мне договариваться по тем или иным делам с руководящими работниками Минсредмаша, включая и министра Славского. Такая ситуация сохранилась и после ухода Емельянова и Морохова со своих постов в течение всей моей последующей дипломатической службы. Не могу не упомянуть в этой связи отличные отношения, которые сложились у меня в дальнейшем с другими ответственными работниками Минсредмаша – первым заместителем министра А.М. Петросьянцем и министром Л.Д. Рябевым, начальником главного управления по производству и испытанию ядерного оружия Г.А. Цырковым и другими.

Судьба Морохова весьма примечательна. Ему не было еще 30 лет, когда он стал начальником цеха на крупном авиационном заводе в Москве, а в 1948 г. его направляют на Урал для участия в строительстве и наладке нашего первого газодиффузионного завода по обогащению урана на комбинате 813 в Свердловске-44 (сейчас г. Новоуральск Свердловской области). Именно на этом заводе, еще далеко от надлежащего уровня производительности, был получен высокообогащенный уран для первой советской урановой бомбы, испытанной в 1951 г. Правда, завод Д-1 комбината 813, на котором работал Морохов, давал тогда уран только 75% обогащения, который затем доводился электромагнитным методом до более чем 90% обогащения на комбинате 418 в Свердловске-45 (ныне г. Лесной Свердловской области)⁸.

На Урале Морохов сделал быструю карьеру и, еще не достигнув 40 лет, стал в 1957 г. директором комбината 813 (сейчас он называется Уральским электрохимическим комбинатом) и на этом посту проработал до 1960 г., а затем был вызван в Москву и переведен на более высокую должность в центральном аппарате Минсредмаша. В сентябре 2004 г. я побывал в Новоуральске для чтения лекций для сотрудников ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований) Урала и Сибири, и мне было приятно узнать, что Игоря Дмитриевича там еще помнят, и что он пользовался большим авторитетом. Знакомая с городом, я все время как бы чувствовал рядом с собой Игоря Дмитриевича.

Сам он много рассказывал мне о красотах тамошней природы и об увлекательной жизни на Урале. Помню и его рассказ о посещении комбината Л.П. Берия, который был председателем Специального комитета по созданию атомного оружия. Влиятельный сановник приехал в Свердловск-44 спецпоездом осенью 1949 г. – в тот период, когда еще шли наладочные работы. Вместе с ним прибыли Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, И.В. Курчатов и другие. Дело тогда не клеилось в связи с проблемами создания пористых перегородок (фильтров) для газодиффузионных машин.

Морохов, как и другие руководящие работники завода, сопровождал Берия по цеху завода, который в длину имел не менее одного километра. При входе на завод, где было достаточно тепло, рассказывал мне И.Д., Берия сбросил с плеча свое пальто, и потом, когда важный гость дошел до выхода из цеха, пришлось посылать машину через весь цех, чтобы привезти пальто. Л.П. остался недоволен посещением и устроил всем разгон за то, что завод, который строился с 1946 г., все еще не дает качественную продукцию. Об этом свидетельствует и А.М. Петросьянец, который писал, что Берия сказал перед отъездом: «Даю вам сроку три месяца, чтобы все закончить, но если вы не обеспечите

за это время все, что от вас требуется, пеняйте не себя, а я заранее предупреждаю – готовьте сухари». Всем было ясно, какие кары могли последовать. Но в то же время Берия принял ряд необходимых организационных мер по оказанию реальной помощи заводу, в частности распорядился привлечь к решению возникших проблем некоторых крупных ученых, в том числе академиков А.Н. Фрумкина и А.П. Виноградова, а также и немецких специалистов. Первая продукция была получена уже в 1950 г.⁹

Большую роль сыграл И.Д. в продвижении планов перевода комбината с производства обогащенного урана газодиффузионным методом на более современный и высокотехнологичный – газоцентрифужный. Опытный завод на комбинате 813 по газоцентрифужному обогащению был выведен на расчетный режим в январе 1958 г. – в пору директорства Морохова. Это был первый в мировой практике опыт массовой эксплуатации газовых центрифуг.

На основе полученного опыта руководство комбината воочию убедилось в перспективности промышленного применения газоцентрифужного метода и стало добиваться форсирования строительства полномасштабного промышленного завода. Тогда в Минсредмаше еще до конца не определились, где строить первый такой завод – на Урале или в Сибири. Морохов в январе 1960 г. направляет министру Славскому письмо о недопустимости переноса сроков начала строительства промышленного газоцентрифужного завода на комбинате 813. И в августе 1960 г. министерством было утверждено проектное задание на строительство первого в мире промышленного газоцентрифужного завода на этом комбинате¹⁰.

Инициативность Морохова была высоко оценена, и он был переведен на весьма ответственную работу в центральный аппарат министерства. Вскоре после возвращения в Москву в 1960 г. И.Д. возглавил в Минсредмаше направление по организации научных исследований и много сделал для развития отраслевых НИИ и КБ, а через некоторое время его привлекли к курированию вопросов международных научных связей, а затем и международного сотрудничества. Вот тогда мы с ним и познакомились.

Между нами сложились отношения полного взаимного доверия, и работать с Мороховым мне и моим коллегам было очень легко. В 1970 г. мы тесно сотрудничали при выработке системы всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ применительно к обязательствам неядерных государств–участников ДНЯО (INFCIRC/153). Эта работа проходила в Вене в течение нескольких месяцев осенью 1970 г. и в начале 1971 г. Наибольшие трудности исходили тогда от западных немцев, но солидарные действия делегаций США и Советского Союза позволили разработать добротную систему гарантий.

Вместе с Мороховым и представителями Министерства обороны мы разработали позицию по пороговому ограничению подземных ядерных испытаний и провели переговоры, завершившиеся подписанием Ричардом Никсоном и Л.И. Брежневым 3 июля 1974 г. Договора об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Совместно с И.Д. в 1975–1976 гг. мы провели переговоры о подземных ядерных взрывах в мирных целях, и соответствующий договор был подписан Брежневым и Джеральдом Фордом 28 мая 1976 г. Наконец, в 1977 г. начались переговоры в Вашингтоне о полном запрещении ядерных испытаний, которые были продолжены в Женеве уже в трехстороннем формате с участием Великобритании. Морохов был главой делегации на этих переговорах до 1978 г.

И тут над ним стали сгущаться тучи. По моим собственным наблюдениям и по рассказам некоторых из наших общих знакомых, у Морохова были хорошие перспективы занять еще более высокий пост в атомной отрасли. Он был энергичен, отлично знал атомное производство, зарекомендовал себя крепким администратором, руководя на Урале огромным многотысячным комбинатом, был вовлечен и в государственную деятельность с выходом на международную арену. При этом был сравнительно молод, практически здоров (хотя в свое время и перенес жестокий инфаркт), вхож к высшему руководству страны, которое хорошо его знало.

Но постепенно стали замечать, что он несколько переоценивает свои возможности, и это, конечно, не могло понравиться его министру Славскому. Рассказывают, что на заседаниях Политбюро он мог позволить себе высказать самостоятельное мнение в присутствии своего министра, что не было принято делать. Мне было доподлинно известно, что когда в 1974 г. в узком кругу (Брежнев, Косыгин, Подгорный, Громыко, Славский) решался вопрос о количественном пороге ограничения подземных ядерных испытаний, присутствовавший на этом заседании Морохов позволил себе высказать мнение Минсредмаша, хотя там был и Славский, и о своем активном участии в обсуждении вопроса И.Д. сам с гордостью потом рассказывал мне. Видимо, он думал, что настало или вот-вот настанет его время. Но Славский, несмотря на свой весьма почтенный возраст (ему тогда было за 75 лет), проработал на министерском посту еще 10 или более лет.

Конец карьеры Морохова был и печальным, и весьма банальным. И.Д. стал много лишнего позволять себе: девушки, вино, и все это происходило открыто, в присутствии посторонних, среди которых бывали и те, кому вменялось в обязанность внимательно следить за *благонадежностью* и *добропорядочностью* наших работников, особенно в заграничных условиях. Этим в Минсредмаше его недруги и воспользовались. Все кончилось тем, что в начале 1978 г. он был снят с поста руководителя делегации на переговорах по запрещению ядерных испытаний, а через некоторое время ему пришлось покинуть и должность заместителя министра среднего машиностроения. К сожалению, он не очень понимал, почему это произошло, решив, очевидно, что ему *подставили ножку*. Как я узнал позже, Морохову даже показалось, что к этому причастны и мидовцы. Спустя какое-то время я попытался разъяснить ему, что, с моей точки зрения, в действительности с ним произошло, но откровенного разговора не получилось, и наши контакты с ним постепенно сошли на нет, а потом он стал серьезно болеть. А жаль, что такой действительно незаурядный человек не стал ведущим администратором в такой важной, критической для страны области и даже, может быть, и более крупным государственным деятелем, имея для этого все возможности, кроме одной – умения последовательно, не забегая вперед и не опережая событий, двигаться к своей цели.

СИМФОНИЯ СИМФОНИЙ

Многие годы я мечтал прослушать *живьем* (запись ее у меня имеется) Восьмую симфонию Густава Малера. Ее еще называют «симфонией тысячи участников». Она исполняется чрезвычайно редко, поскольку для этого требуется несколько сот участников: большой оркестр – тройного или даже пятерного состава, орган, по крайней мере, два хора, хор мальчиков, 8 солистов. Симфония была написана Малером в 1906 г. и впервые исполнена в Мюнхене в 1910 г. В России она исполнялась, кажется, всего пять или шесть раз (в том числе 19 декабря 2005 г. под руководством маэстро Владимира Федосеева).

На этот раз за ее исполнение взялся маэстро Валерий Гергиев с оркестром Мариинского театра, и я решил съездить в Санкт-Петербург на концерт, который состоялся 27 ноября 2004 г.

Часто эту симфонию называют *симфонией симфоний*. Сам Малер писал: «Я только что закончил мою Восьмую симфонию – величайшее из того, что я до сих пор создал. Сочинение настолько своеобразно по содержанию и по форме, что о нем невозможно рассказать в письме. Кажется, будто начинает звучать и звенеть вся вселенная; поют не только человеческие голоса, но и вращаются планеты и солнце...». Симфонию Малер посвятил своей жене Альме Мари. Он ей писал:

«Все преходящее – только символ, сравнение, которое, будучи выражено на языке наших земных явлений, лишь приблизительно, но та м явится нечто, освобожденное от плоти земной приблизительно, и нам не нужны будут тогда ни иносказательные описания, ни сравнения, символы, там свершится то, что я здесь пытался описать, но чего описать нельзя. Что же это? Я могу ответить вам лишь символом: вечно женственное влечет нас – мы достигли его – мы покоимся – мы владеем тем, к чему на земле могли лишь тянуться, стремиться. Христос называет это вечным блаженством...».

Финал Восьмой – это стремление к вселенской гармонии. В заключение симфонии хор поет:

«Лишь символ – все бренное,
Что в мире сменяется;
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия,
Что вне описания, –
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит.
И женственность вечная
Сюда нас возводит».

(«Фауст», И.В. Гёте. Пер. Н. Холодковского).

Где-то я читал, что Густав Малер обычно сочинял свои симфонии и другие произведения не у себя дома за инструментом, а бродя по своим любимым горам – Альпам, дома же он только записывал и оркестровал. Мне это очень понятно, потому что в молодости я истоптал много горных троп в Швейцарских и Австрийских Альпах, а также и на Северном Кавказе и испытывал особенное ни с чем не сравнимое блаженство, когда добирался до перевалов или горных вершин. Малер страдал от сердечной болезни, но продолжал ходить в горы. Он умер 51 года от роду.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА

За прошедшие без малого 50 лет деятельности Международного агентства по атомной энергии назначение его Генерального директора часто создавало проблемы и вызывало споры. Думаю, основная причина состоит в том, что само Агентство, а потому и его главное должностное лицо играют весьма важную политическую роль в международных делах, особенно с учетом того, что МАГАТЭ занимается волнующими всех проблемами атомной энергии и ядерного нераспространения.

В 1961 г. Советский Союз категорически возражал против назначения на этот пост шведа Зигварда Эклунда по той причине, что раз первым генеральным директором был американец Стерлинг Коул, то следующим должен быть либо представитель социалистической страны (предлагался профессор из Болгарии, фамилия которого, насколько помню, кажется, была Наджаков), либо, как это громогласно пропагандировал Н.С. Хрущев, руководить международными организациями должны *тройки*, представляющие Запад, Восток и страны *третьего мира*.

Генеральная конференция Агентства, тем не менее, утвердила Эклунда на должность Генерального директора подавляющим большинством голосов (46 – «за», 16 – «против» при 5 воздержавшихся). И в знак протеста советские представители В.С. Емельянов и В.М. Молотов покинули зал заседаний конференции, при этом Емельянов объявил, что не будет иметь с Эклундом никаких отношений. Впрочем, скоро эти отношения не только отлично наладились, но и Советский Союз в дальнейшем четыре раза поддерживал повторные назначения шведа на этот четырехлетний пост и, полагаю, был бы готов проголосовать за него и еще раз, если бы тот проявил интерес к тому, чтобы и дальше оставаться в руководстве Агентства. В целом Эклунд занимал должность Гендиректора 20 лет (его, как и преемников, обычно называют *DG* – сокращение от английского *Director General*), и у наших представителей, в том числе у меня, установились с ним самые теплые отношения. Он получил титул *Director General Emeritus*, сохраняя его до своей кончины. Мы часто встречались с ним и после его выхода в отставку в 1981 г., дружили лично и домами.

На смену Эклунду пришел еще один шведский представитель – Ханс Бликс. Получилось это так. Западные страны выдвинули в 1981 г. кандидатуру представителя ФРГ – статс-секретаря министерства по исследованиям и технологиям Ханса Хауншилда. В противовес ему развивающиеся страны предложили кандидатуру Доминго Сиазона, представителя Филиппин. Советский Союз не устраивал ни тот, ни другой кандидат. Когда дело дошло до голосования, то никто из имеющихся кандидатов, несмотря на ряд повторных голосований, не смог набрать необходимое число голосов. И в этой тупиковой ситуации появилась кандидатура статс-секретаря МИД Швеции, бывшего министра иностранных дел страны Ханса Бликса, видного юриста-международника, опытного и известного дипломата. Он и был утвержден Генеральной конференцией Агентства в последний день ее работы 26 сентября 1981 г. и пробыл на посту Генерального директора 16 лет – до 1997 г., когда на это место был назначен нынешний Генеральный директор Мохамед Эльбарადей (Египет).

С Бликсом у меня тоже установились доверительные отношения, мы много раз встречались *tête-à-tête* то у меня, то у него дома. Особенно часто мы друг с другом советовались во время кризисных ситуаций, в частности, во время событий в Ираке в 1991 г. или в связи с ситуацией в Северной Корее в 1993–1994 гг. В том, что касается последнего случая, то я уже был в отставке, но неоднократно приезжал в Вену. А как-то раз мы встречались в Нью-Йорке, куда я приезжал из Монтеррея. Х. Бликс пригласил меня стать своим внештатным консультантом, им я и был в течение 10 лет, в том числе и при его преемнике М. Эльбарადее.

Помню обсуждения с Бликсом, в ходе которых мы высказывали друг другу наши сомнения и колебания при рассмотрении вопроса об объеме и характере гарантий МАГАТЭ в соответствии с так называемой Рамочной договоренностью между США и КНДР от октября 1994 г. Дело в том, что по этой договоренности гарантии Агентства в Северной Корее должны были вводиться в действие поэтапно, начиная с наблюдения за процессом замораживания графитового реактора, производящего плутоний, и далее по мере строительства и ввода в строй в КНДР АЭС, которую должен был построить международный консорциум КЕДО. При этом не все подозреваемые ядерные объекты охватывались бы гарантиями. Такая процедура не соответствовала ни букве, ни духу действующей системы гарантий. Тем не менее, все же на тот период рассматриваемый вариант был, наверное, единственным выходом из создавшегося положения, поскольку главная задача состояла в том, чтобы удержать КНДР в рамках ДНЯО и всего международного режима ядерного нераспространения. После длительных обсуждений мы пришли к выводу, что иного выхода, чем тот, который должен был быть зафиксирован в указанной двухсторонней договоренности между КНДР и США, учитывая жесткую позицию Северной Кореи, реально просто не существовало. Такой режим в КНДР сохранялся около 10 лет, что немало. Правда, потом Северная Корея все же вышла из ДНЯО, но это уже другая история.

После иракских событий 1991 г. Бликс мужественно взял на себя ответственность за то, что система гарантий МАГАТЭ не выявила тайную деятельность Ирака по созданию ядерного оружия, уже в 1992 г. по его предложению Советом управляющих Агентства были приняты срочные решения по повышению эффективности гарантий, а в 1993 г. он объявил о «программе 93+2» по кардинальному улучшению всей гарантийной системы. В итоге в 1997 г., незадолго до его ухода с поста Гендиректора, Советом был одобрен Дополнительный протокол к системе гарантий, который позволяет Агентству контролировать не только объявленную, но и необъявленную ядерную деятельность в государствах. К сожалению, к настоящему времени это очень полезное дополнение к системе гарантий фактически действует в не очень большом числе государств.

Немалые сложности были и с назначением в 2005 г. Мохаммеда Эльбарадая на очередной (третий) четырехлетний срок из-за сопротивления администрации США, которой не понравились его действия, вполне объективные и беспристрастные, при проведении инспекций МАГАТЭ в Иране. Но в конце концов Соединенным Штатам пришлось буквально стиснув зубы уступить. Эльбарадей был переназначен на основе консенсуса. А в

конце 2005 г. МАГАТЭ и его Генеральный директор были удостоены Нобелевской премии мира.

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

С Ричардом Кершманом я познакомился в 1960 г. по поводу покупки здания для советского представительства при ООН. Он был молодым маклером по недвижимости и в течение нескольких месяцев помогал мне в поисках подходящего по заданным параметрам варианта, отвечающего требованиям безопасности, расположенного в престижном районе города вблизи от ООН и т.д. Обычно в поисках мы колесили по Нью-Йорку по субботам и воскресеньям, потому что на неделе я был занят своими прямыми обязанностями в представительстве. Иногда в поездках по городу участвовала и моя жена. Не раз я показывал подходящие здания нашему тогдашнему постоянному представителю при ООН В.А. Зорину. Мы изъездили город вдоль и поперек, и я основательно познакомился с рынком недвижимости. Правда, в конце концов подходящее здание предложил другой маклер, но без тех знаний рынка, которые были приобретены мною благодаря Ричарду, нам вряд ли удалось бы сделать правильный выбор. Чтобы закончить историю с покупкой дома, скажу, что на его приобретение и оборудование было выделено 3,5 млн долл. при условии, что мы продадим старое здание по *Park Avenue* не менее, чем за 1,2 млн. Но продажу старого здания осуществил уже другой человек – Юлий Воронцов, который сменил меня на посту советника представительства в 1963 г. после моего возвращения домой из заграникомандировки. В том здании по 67-й улице, которое было приобретено в 1961 г., наше представительство размещено до сих пор.

Ричард Кершман – замечательный человек, крепкая дружба с ним связывает меня с тех самых пор, то есть уже более 45 лет. Он недолго оставался в Нью-Йорке и вскоре перебрался в Калифорнию – в район Сан-Франциско (по местному – *Bay Area*), где довольно быстро сколотил на покупке и продаже недвижимости неплохое состояние. В частности, он подобрал и обеспечил земельный участок для одного из небоскребов в центре города. Одновременно он приобретает несколько небольших, но весьма доходных зданий, которые с тех пор приносят ему постоянный и, видимо, достойный доход. И вдруг, лет в 45, Ричард принимает самое важное в своей жизни решение – бросает все дела и начинает жить частной жизнью. Мы никогда не обсуждали с ним его или мои денежные дела, но я уверен, что Ричард никогда не придавал деньгам то значение, которое обычно придает средний американец.

Чтобы создать для себя удобные жизненные условия, Ричард покупает большой и довольно гористый земельный участок к северу от Сан-Франциско в местечке *Dogtown* (население 31 чел.) в районе *West Marin County* недалеко от небольшого населенного пункта *Bolinas*, в прошлом известного как излюбленное место пребывания американских хиппи. Там он строит большой деревянный дом из калифорнийской секвойи (*California Redwood*), состоящий из семи уровней. Причем расчетливый Ричард использует в качестве строительного материала даже разобранный деревянный пирс с Сан-Францисской гавани. Как известно, секвойя не подвержена гниению из-за особого состава своей смолы, не подвергающейся воздействию термитов, и ее древесина является практически вечным материалом. Некоторые деревья живут тысячи лет. Ричард сам спроектировал дом и даже лично принимал участие в его строительстве. Об этом доме в свое время писали архитектурные журналы, в том числе и один французский.

После отъезда Ричарда в Калифорнию мы одно время переписывались, а потом, когда я вернулся в Москву, связь прекратилась, и так случилось понятно почему – частная переписка с иностранцами тогда настоятельно не рекомендовалась. Но 20 с лишком лет спустя я вновь приехал на работу в наше представительство в Нью-Йорке, на этот раз уже в качестве первого заместителя постоянного представителя при ООН, и несколько раз выступал по телевидению в известной новостной и дискуссионной программе *Nightline* с популярным телеведущим Тедом Копполом. Ричард вместе со своей подругой Дорис смотрел эту программу и, узнав на телеэкране меня, связался со мной. И вот

Ы
И
И
И
Н
О
Т
Р
А
Т
С
И
С

через 25 лет мы встретились в Нью-Йорке вновь. С тех пор наша тесная дружба продолжается.

Ведя частную жизнь все эти годы, Ричард отнюдь не является отшельником, полностью ушедшим в себя. Долгое время он состоял членом добровольной пожарной дружины городка *Bolinas* (и, следовательно, добровольным полицейским), постоянно участвовал и участвует в различных общественных делах и благотворительных акциях, глубоко интересуется экологией своей округи, имеет множество друзей и знакомых, с которыми у него сложились прекрасные интеллектуальные контакты. Я уже не говорю о том, что он практически единолично поддерживает в прекрасном состоянии свой обширный дом, будучи мастером на все руки.

Мне удалось не раз навестить его, с ним познакомились моя ныне покойная жена, сын, невестка, внучка, и дети с тех пор сами навещают его, приезжая в Америку. В 1989 или 1990 гг., когда я работал в Вене, Ричард и Дорис посетили меня там и жили у меня несколько дней. Во время их пребывания в Европе я устроил их поездку в Прагу к моему чешскому другу Томашу Лаходе и его жене Иржине, и сам их туда возил на пару дней.

Сейчас, когда я постепенно перехожу от публичной жизни к частной, пример Ричарда является для меня в какой-то мере путеводной звездой, если это не звучит слишком высокопарно. Только посмотрите, как он и Дорис наслаждаются простыми радостями частной жизни. Может быть, в этом и заключаются великая правда и смысл жизни. Привожу очень характерное письмо, написанное Ричардом после его поездки на Аляску в 2005 г.:

«Одна из многих причин, почему я люблю жить в Dogtown'e, это то, что там ничего не меняется. Конечно же, многое претерпевает неизбежные изменения: я старею и события и различные интриги, которые происходят в мире, – и радуют и огорчают меня, но здешняя обстановка остается устойчивой и надежной, развиваясь только со скоростью самой природы. Например, росток секвойи длиной в 6 дюймов, который я посадил 30 лет тому назад, достиг сейчас пятидесятифутовой высоты. Гордился бы я больше, если бы у меня были сын или дочь, завершающие медицинское образование. И вообще, как и с помощью какого мерила определять человеческие ценности?!

Я испытываю и чувство безопасности, поскольку и у Дорис, и у меня хорошее здоровье, а в подвале есть дрова для камина, чтобы обогревать наш дом в предстоящую зиму, холодильник набит продуктами, в банке лежат кое-какие деньги. Все это, конечно, является иллюзией, поскольку может испариться в любую минуту. Но, тем не менее, это утешает, как утешают и многие другие иллюзии, которыми я себя тешу.

В последнее время я стал более серьезно учиться игре на флейте – и хожу на уроки каждую неделю. Почти ежедневная практика заметно улучшает мою игру, что доставляет мне удовольствие и в то же время удивляет меня. Иногда я участвую в трио с моей учительницей и одним виолончелистом. Мы исполняем произведения Гайдна для трио, а также и другие произведения.

Не так давно моя учительница устроила концерт для своих учеников. Это было мое первое *публичное* исполнение. Всем остальным участникам концерта было лет по 13. Как это было замечательно! Я получил большое удовольствие.

Недавно мы с Дорис ездили на Аляску – это было наше первое посещение. Какое удивительное место! По размерам это четверть площади континентальных Соединенных Штатов с населением всего около 600 тыс. чел. Аляска – не место для изучения архитектуры, но ее природа замечательна. Мы проплавали пять дней на небольшом каяке в заливе *Glacier*, ловили рыбу, видели китов и медведей. Стоя в речушке с поднимающимися по ней на нерест лососями, мы в 10 ярдах от себя увидели медведя гризли, который вышел из леса, чтобы полакомиться свежей рыбой. К нему вскоре присоединились еще три гризли. Но они не проявили к нам абсолютно никакого интереса.

Нас совершенно поразило сильное присутствие на Аляске русских. Множество русских православных церквей. И много людей в русской одежде XIX века, которые дома у себя говорят между собой по-русски. После стольких поколений это просто замечательно.

Я огорчен тем, что в этом году ты не приедешь в Калифорнию. Я, разумеется, согласен с тем, что поездки стали для нас все более труднодоступными. Мы часто предпочитаем оставаться дома, нежели мириться с неудобствами путешествий. Может быть, мы как-нибудь навестим тебя в Москве – да случится это....

Как обычно, после ежегодного шестимесячного перерыва вновь зачастили дожди. Это наша странная весна. У оленей весенняя горячка, а лосось скоро по речкам пойдет на нерест. Водоплавающие птицы начинают прилетать, чтобы укрыться здесь от зимних холодов на севере. Замечательно!

Надеюсь, что мое письмо найдет тебя в добром здравии. Передай мои приветы Андрею и его семье, когда ты их увидишь».

И еще одно тоже весьма примечательное письмо Ричарда с выражением благодарности Богу за все:

«Если бы меня попросили выразить мои самые сокровенные чувства, то я отослал бы вопрошающего к этому стихотворению:

«Благодарность

Если ты проснулся сегодня утром,
Почувствовав себя скорее здоровым, чем больным,
То ты счастливее тех миллионов людей,
Которые не доживут до конца этой недели.

Если ты никогда не был в опасном бою,
Не испытал одиночества тюремного заключения,
Агонии пыток,
Или приступа голода,
То ты в лучшем положении,
Чем 20 миллионов человек,
Живущих на этом свете.

Если ты идешь в церковь,
Не испытывая тревоги,
Не опасаясь ареста, пыток, смерти,
Ты более благословлен,
Чем три миллиарда человек,
Живущих в мире.

Если в твоём холодильнике есть продукты,
Ты одет, а над твоей головой имеется крыша,
Если у тебя есть место для сна,
То ты богаче, чем три четверти
Населения земного шара.

Если у тебя есть деньги в банке
Или в твоём бумажнике, а еще лишняя мелочь
В какой-нибудь тарелке,
То ты в числе 8% самых богатых людей мира.

Если твои родители еще вместе и еще живы,
То это очень редкий случай,
Особенно в Соединенных Штатах.

Если ты ходишь с высоко поднятой головой
И с улыбкой на своем лице,
И если ты воистину благодарен за все,
То ты счастлив, как и многие тоже счастливы,
Но большинство людей на это неспособны.

Если ты можешь взять кого-нибудь за руку,
Прижать его руки к себе или обнять человека за плечи,
То ты должен быть счастлив,
Потому что ты можешь
Протянуть ему
Исцеляющее прикосновение руки Господа.

Ы
Ц
И
Р
Н
О
А
Т
Р
С
Т
И
С

Если ты можешь прочитать это стихотворение,
Ты более благословлен,
Чем более двух миллиардов человек в мире,
Которые вообще не умеют читать.

Ты счастлив так,
Как ты даже и не знаешь,
Почему ты счастлив».

Читая это стихотворение, такое проникновенное и написанное с таким здоровым чувством, но и с легкой иронией, а в то же время с таким горячим чувством благодарности за данную Господом радость жизни, что невольно вспоминаешь широко известный акафист «Слава Богу за все» митрополита Трифона (Туркестанова), который жил в позапрошлом и прошлом веках (1861–1934).

Примечания

¹ Dobrynin Anatoly. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. N.Y.: Times Books. Random House, 1995. P. 149.

² Ibid. P. 150–151.

³ Док. МАГАТЭ INFCIRC/254. О том, как разрабатывались Руководящие принципы для ядерного экспорта, см.: Тимербаев Р.М. Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978). М.: ПИР-Центр политических исследований, 2000.

⁴ Sieben und Siebzig Professoren, Vaterland, du bist Verloren!

Ни тогда, ни сейчас немецкий язык не является официальным языком ООН. Но один из устных переводчиков, сидящих в будках, перевел его на один из официальных языков, а другие – на остальные языки.

⁵ Руководство МИД и сам Громыко явно пытались свалить вину за измену Шевченко на бедного Сташевского, которого перестали выпускать за границу. Многие друзья Сташевского считают, что история с отзывом Шевченко в Москву сыграла не последнюю роль в его преждевременной смерти от сердечного приступа.

⁶ Shevchenko Arkady. Breaking With Moscow. N.Y.: Knopf, 1985. В 2004 г. вышел перевод книги на русский язык.

⁷ Напомним о таком хорошо известном случае, когда в 1995 г. министр Минатома В.Н. Михайлов подписал с иранцами протокол о намерении поставить в Иран газоцентрифужный завод. Михайлов был позднее дезавуирован Б.Н. Ельциным. Можно напомнить и о том, что в 1992 г. Минатом добился разрешения правительства Ельцина соорудить газоцентрифужный завод в Китае, что являлось ошибочным решением, по мнению многих политических деятелей. Я тоже считаю это решение недалекновидным со стратегической и геополитической точек зрения.

⁸ Любопытно, что тем же путем шли и американцы. Они получали обогащенный уран газодиффузионным методом и доводили его на циклотроне до более высокой степени обогащения. Хиромская бомба была 84-процентного обогащения. Мой американский друг Герберт Йорк рассказывал мне, что он в 1944–1945 гг., будучи еще молодым специалистом, занимался как раз дообогащением урана на циклотроне (американцы называли его, о чем я упоминал, *калютроном* по названию штата Калифорния, поскольку его конструкция была разработана Нобелевским лауреатом Эрнестом Лоуренсом в Калифорнийском университете в г. Беркли – недалеко от Сан-Франциско). По словам Герберта, в июне 1945 г. было получено указание прекратить дообогащение, и он понял, что для первой урановой бомбы накоплено достаточное количество оружейного материала.

⁹ Создание первой советской ядерной бомбы. Цит. соч. С. 278–279; Е.Т. Артемов, А.Э. Бедель. Укорошение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Новоуральск, 1999. С. 55–60.

¹⁰ Артемов, Бедель. С. 137–138.

ПОЗОР, МУЖЕСТВО И ПРОЗРЕНИЕ: 444 ДНЯ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ АМЕРИКУ

Mark Bowden. Guests of the Ayatollah: The Iran Hostage Crisis, the First Battle in America's War with Militant Islam. Atlantic Monthly Press: 2006. 704 p.

Рецензия – Константин Эггерт

Мое личное мнение таково: среди авторов документальных расследований Марку Баудену сегодня нет равных в Соединенных Штатах, а, возможно, и в мире. Последние работы даже такого корифея расследований, как Боб Вудвард, выглядят довольно бледно по сравнению с последней книгой Баудена – автора уже ставших классикой жанра «Черного ястреба» и «Убить Пабло». Трагическая история провального рейда морской пехоты США в Могадишо в 1993 г. и эпопея с ликвидацией колумбийского наркобарона Пабло Эскобара сделали уроженца Филадельфии знаменитым и состоятельным. Права на «Ястреба» купил режиссер Ридли Скотт, сделавший по книге одноименный фильм. Картина получила два Оскара.

Новая книга Марка Баудена «Гости аятоллы: кризис с заложниками в Иране – первая схватка в войне Америки с воинствующим исламом» – качественно новое повествование – не только по размаху действия и числу действующих лиц, но и по масштабу поднимаемой проблемы. «Гости аятоллы» – книга о том, как началось эпическое противостояние Соединенных Штатов и радикального ислама, и Бауден в отличие от многих соотечественников по перу обнаруживает здесь недюжинный инстинкт историка. Вместе с ним читатель отправляется в путешествие во времени – вместе с заложниками, рейнджерами, которые должны были их спасти, политиками и, что самое интересное, самими иранскими радикалами, которые 4 ноября 1979 г. захватили посольство США в Тегеране.

Это может показаться парадоксом, но об американско-иранском кризисе 1979–1981 гг. написано не так уж много. Собственно американско-иранские отношения стали темой десятков, если не сотен томов. Но в них захват посольства и последовавшие за ним драматические события – лишь часть большой мозаики. Есть несколько мемуарных книг, вышедших из-под пера бывших заложников. Некоторые – например книга сотрудника ЦРУ Билла Доэрти¹ – весьма интересны. Однако у всех этих воспоминаний есть один недостаток: заложники находились в изоляции, часто в одиночном заключении, а поэтому индивидуальный опыт каждого, интересный сам по себе, давал лишь ограниченное представление об общей картине происшедшего тогда.

«Гости аятоллы» – уникальная книга в своем роде. Бауден проинтервьюировал десятки, если не сотни людей – в Америке, Иране и Европе. Большинство непосредственных участников событий живы, а потому «Гости аятоллы» читаются сразу и как документальное расследование, и как эссе о политике, и как триллер, и как история конкретных, иногда вполне заурядных людей, оказавшихся не по своей воле в экстраординарных обстоятельствах. То, как они принимают этот вызов, пытаются выжить и сохранить человеческое достоинство – в сущности, главная сюжетная линия книги Марка Баудена.

Автор не скупится на подробности – все 444 дня кризиса расписаны едва ли не по часам. Хроника 4 ноября 1979 г. – дня захвата посольства – занимает едва ли не сотню

страниц. Однако умение автора передать атмосферу – будь то в импровизированных камерах заложников, иранском МИДе или Белом доме – придает книге необходимую легкость, не умаляя при этом ее серьезности. «Гости аятоллы» читаются как роман, оставаясь при этом строго документированным политическим расследованием.

Политическая уравновешенность Баудена вызывает доверие к книге. С одной стороны, он явно не симпатизирует иранскому режиму. С другой – не питает теплых чувств к эпохе правления шаха. Кстати, беглый обзор американо-иранских отношений со времени окончания Второй мировой войны и до падения династии Пехлеви, пожалуй, единственное уязвимое место книги. Очевидно, стремясь избежать обвинений в необъективности, автор фактически представляет шаха Мохаммеда Резу Пехлеви полностью зависимым от Вашингтона политиком. На самом деле ситуация была намного более запутанной. Шах, конечно, был главным союзником США на Ближнем и Среднем Востоке, но при этом он играл свою игру, балансируя между Америкой и СССР. Мохаммед Реза Пехлеви стремился превратить Иран в региональную сверхдержаву с мировыми амбициями. В каком-то смысле нынешний режим в Тегеране сегодня делает то же самое. Ошибки монарха давно детально проанализированы, достижения его правления – тоже. После почти тридцати лет исламского режима ностальгия по шахской эпохе в современном Иране весьма сильна среди довольно широких слоев населения (достаточно поговорить не только с тегеранскими интеллектуалами, но также с таксистами и лавочниками).

Истории самих заложников – это, если угодно, сердцевина книги. Среди главных персонажей – молодой дипломат Майкл Метринко, который провел почти весь период пленения один на один с исламскими радикалами, захватившими заложников. Свободно говорящий по-персидски и любящий Иран, Метринко при этом отказался сотрудничать со студентами–последователями линии имама Хомейни, как помпезно называла их официальная иранская пресса в те дни. Побои, карцер, изматывающие словесные поединки с тюремщиками – ничто не заставило Метринко хотя бы на секунду поддаться слабости, смягчить свое отношение к студентам.

Значительная часть заложников вела себя так же, хотя были исключения: сержант морской пехоты Джо Субич заслужил от иранцев прозвище *брат Субич* – за желание выполнить любые требования тюремщиков. Он был одним из тех, кто охотно появлялся перед телекамерами, рассказывая, как *хорошо* обращаются сторонники Хомейни с пленными.

Еще одна фигура, глазами которой мы видим происходящее, – Брюс Лэйнген, один из трех американцев, которые в момент захвата посольства были в МИД Ирана. Там они и остались, сначала как бы под защитой, а затем также фактически на положении заложников. Лэйнген вел дневник, который ему удалось сохранить и вывезти. Это единственный письменный источник, непосредственно фиксирующий кризис изнутри. В нем масса деталей, которые иногда кажутся сюрреалистическими. Чего стоит хотя бы такая история: дипломаты ночами исследовали здание МИДа, иногда прячась от охраны под столами, и умудрились найти телефон, по которому смогли бесконтрольно общаться с другими западными посольствами!

Однако дневник Лэйнгена не менее интересен и другим. Он дает представление о той степени растерянности, которая царилла не только в посольстве США. Именно в тот момент, когда уже шла жесточайшая борьба между умеренными членами тогдашнего руководства Ирана (такими, как Ибрагим Йазди или Абольхасан Банисадр) и радикалами из окружения Хомейни, американские дипломаты верили в скорую «нормализацию» и преобразование Ирана в светскую республику с исламской спецификой. Хотя «Гости аятоллы» не преподносят каких-то особых сенсаций, все же несколько моментов, пожалуй, достойны особого упоминания. Во-первых, никогда прежде в таких подробностях не раскрывался ход закулисных переговоров об освобождении заложников. Во-вторых, Марк Бауден подробно анализирует подготовку, ход и провал рейда американских командос в Иран в апреле 1980 г. – операции «Коготь орла». Это была неудачная попытка легендарного спецподразделения «Дельта» взять штурмом захваченное посольство и

вызволить заложников. Операцию прервали после того, когда начали один за другим выходить из строя вертолеты. Когда же на плацдарме в иранской пустыне один из вертолетов столкнулся с самолетом-заправщиком, провальный рейд стал катастрофой – восемь военнослужащих погибли и четверо были ранены. Иранцы праздновали победу, а президент Джимми Картер фактически потерял последний шанс на переизбрание президентом.

Кстати, Картер в книге Баудена предстает вовсе не безвольным и слабым политиком, каким он многим кажется сегодня, а скорее человеком, столкнувшимся с непреодолимыми препятствиями. Поэтому, какие бы дипломатические или военные решения он ни принимал, обстоятельства всегда оборачивались против него. Впрочем, эти обстоятельства не были случайными. И метания Картера, и мучительные размышления временного поверенного Лэйнгена были отражением *вьетнамского синдрома* всей американской дипломатии. Деморализованная поражением в Юго-Восточной Азии, Уотергейтом и разоблачениями тайных операций ЦРУ в Конгрессе внешнеполитическая элита Америки в конце 1970-х гг. потеряла основные ориентиры и саму способность анализировать реальность и формулировать национальные интересы.

В этом смысле полное непонимание происходивших после исламской революции в Иране процессов сродни панике, охватившей американских политиков после атак *Аль-Каиды* 11 сентября 2001 г. В обоих случаях нехватка информации, а иногда и элементарной эрудиции и знаний о регионе (в захваченном посольстве, например, считанные сотрудники говорили по-персидски) вела к неправильному анализу ситуации и ошибочным решениям.

История с заложниками продемонстрировала всему миру тогдашнюю слабость США и одновременно стала одним из катализаторов консервативной революции Рональда Рейгана. Именно в первый день его президентства захваченные дипломаты вернулись домой. В Тегеране настолько ненавидели Картера, что ни при каких условиях не хотели доставить ему удовольствие объявить о разрешении кризиса.

Хомейни, скорее всего, не догадывался, что именно при Рейгане жесткое неприятие исламской революции и теократического режима станет одним из главных принципов американской внешней политики на Ближнем и Среднем Востоке. Этот принцип едва ли будет поколеблен даже в случае прихода в Белый дом представителя демократов. Слишком многое поставлено на карту, слишком давно длится это противостояние, слишком далеки друг от друга по образу мыслей те, кто принимает решения в Тегеране и Вашингтоне. Эта *холодная война* новейшей эпохи в ближайшее время не закончится – или закончится жестоким региональным конфликтом. Книга «Гости аятоллы» – о том, почему один из этих исходов неизбежен.

Примечание

¹ Daugherty William J. In the Shadow of the Ayatollah: A CIA Hostage in Iran. US Naval Institute Press, 2001. 258 p.

ЭЛЕКТРОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Бюллетень *Ядерный Контроль* представляет собой подборку материалов российских средств массовой информации по проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки. Формат бюллетеня позволяет *сконцентрироваться* в первую очередь на проблемах, связанных с мирным и военным использованием атома, а также с разоружением. Материалы бюллетеня публикуются в следующих разделах:

- **Календарь.** Обзор основных событий недели в области атомной энергетики, мирного и военного использования атома, ракетной техники.
- **Ракетное и ядерное досье.** Ключевые события в зеркале российских СМИ в ракетной и ядерной сферах. В разделе публикуются аналитические и информационные статьи, посвященные вопросам контроля над вооружениями, ОМУ-терроризма, экспортного контроля, ядерной энергетики и другим актуальным проблемам международной безопасности.
- **Мнение.** Интервью и выступления известных политиков и ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики и глобальной безопасности в преломлении к вопросам ядерной энергетики, ядерного оружия и средств его доставки, а также материалы эксклюзивного характера от агентства *ПИР-ПРЕСС*, которые представляют собой комментарии и оценки сотрудников ПИР-Центра по наиболее актуальным проблемам.
- **Информация ПИР-Центра.** Представляет собой *бортовой журнал* ПИР-Центра, в котором Вы найдете информацию о текущей деятельности и новых проектах Центра.

Бюллетень уделяет внимание проблемам создания и нераспространения ядерного оружия и предоставляет свою *трибуну* не только политикам, военным и экспертам по профильным вопросам, но также дает слово своим читателям. *Бюллетень выходит еженедельно по четвергам.*

Вы можете подписаться на электронный бюллетень на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**

По всем вопросам, связанным с электронным новостным бюллетенем Ядерный Контроль, следует обращаться к выпускающему редактору Никите Перфильеву по телефону +7-495-234-0525 или по электронной почте perfilyev@pircenter.org.

В ОЖИДАНИИ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Ядерное оружие после «холодной войны». Под ред. А. Арбатова и В.Дворкина; Моск. Центр Карнеги. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 559 с.

Рецензия – Владимир Орлов

Споры по поводу ядерных намерений Ирана... Шестисторонние переговоры о ядерной программе КНДР... Соглашение о сотрудничестве между США и Индией в ядерной сфере... Модернизация ядерных сил КНР... Попытки террористических организаций заполучить компоненты оружия массового уничтожения (ОМУ)...

Все эти реалии наших дней стабильно гарантируют *ядерным* новостям место на первых полосах ведущих газет и prime time в телевизионных передачах. Но это постоянное присутствие *ядерного фактора* в СМИ, позволившее – особенно после того, как предложено для иракской военной кампании-2003 был выбран именно поиск там ОМУ – перенести дискуссии из традиционно узкого экспертного состава в массовые аудитории, создает риск того, что за сиюминутностью мы упустим общую картину, общие тенденции.

Поэтому так важен был, именно сегодня, *комплексный анализ ядерных проблем* в новых, постбиполярных условиях. Анализ, конечно, не отвлеченный, не оторванный от текущей международной ситуации. Но позволяющий все же, не отвлекаясь на случайности, проследить закономерности – и в вопросах развития ядерно-оружейных программ, и в вопросах ядерного распространения.

Команда под руководством А.Г. Арбатова и В.З. Дворкина с поставленной весьма амбициозной, широкого охвата задачей справляется с блеском. Начать с того, что редакторы монографии «Ядерное оружие после «холодной войны» собрали для работы над этим трудом *звездный коллектив* авторов. Имена многих из них стали уже синонимичны в российской политической науке тем темам, которым посвящены их главы: Э.В. Кириченко – экспортный контроль, Р.М. Тимербаев – Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), А.Н. Калядин – политика контрраспространения; В.В. Наумкин – Ближний Восток; Г.М. Евстафьев – Иран; В.В. Михеев – Корейский полуостров; А.С. Дьяков – вопросы производства расщепляющихся материалов; Е.А. Степанова – международный терроризм... Можно было бы продолжить список. Но, думается, читатель сам оценит, насколько точно редакторы сумели сформировать авторский коллектив, чтобы обеспечить полноохватную картину взгляда на сегодняшний (и в какой-то мере на завтрашний) день ядерного оружия в мире.

Книга рассчитана не на новичков в вопросах нераспространения и ядерного сдерживания, но на уже хорошо подкованную экспертную аудиторию. В этом – ее существенное отличие от ряда работ по ядерному нераспространению, вышедших в России ранее.

Авторы и редакторы стараются не искать легких путей и не сбиваться на *обзоры ситуации* по тем или иным проблемам или в тех или иных регионах мира, хотя и с проблемной точки зрения, и географически книга покрывает практически все *болевы точки* и содержит обширнейший – и в основном аккуратно выверенный – фактический матери-

ал, что уже само по себе делает ее незаменимой, настольной книгой для российского экспертного сообщества – пожалуй, в ряду с непревзойденной работой *Deadly Arsenals* под редакцией Джозефа Сиринционе, которая выдерживает уже не одно издание в *Carnegie Endowment for International Peace* в Вашингтоне¹.

Главное достоинство монографии – в том, что она *ставит вопросы* и пытается *предложить решения*.

С моей точки зрения, ключевой для понимания *идеологии* всей монографии является ее глава 4 (автор А.Г. Арбатов). «Проблемы Договора [о нераспространении ядерного оружия – ДНЯО] и режима нераспространения» и особенно подраздел «Диалектика «мирного» и «военного атома». В основу концепции ДНЯО, пишет автор,

«как бы по умолчанию заложена та предпосылка, что создание ядерного оружия может быть производной функцией, побочным продуктом развития мирной ядерной энергетики и науки. Согласно этой предпосылке максимально жесткий контроль «легитимных» ядерных держав и международных организаций над поставками ядерных материалов и технологий способен отсечь их военное использование странами-получателями. Но на деле, за исключением, может быть, Бразилии и Аргентины, которые продвигались в этой области, не имея однозначного представления о своих конечных целях, все другие страны изначально вполне ясно осознавали и осознают, какое использование ядерной энергии – мирное или военное – им в конечном счете нужно» (с. 143).

Далее, автор решительно развивает этот тезис, утверждая, что такие государства, как Нидерланды и Швейцария, Тайвань и Австралия, не создали собственного ядерного оружия, несмотря на наличие у них высочайшего научно-технического и промышленного уровня развития в этой области и значительной свободы в распоряжении ядерными материалами, *не столько* благодаря членству в ДНЯО, сколько «из-за их уверенности в гарантиях своей безопасности, не зависящих от норм Договора, или из страха перед пагубными для них международными последствиями в случае создания ими ЯО, также мало связанными с ДНЯО» (с. 143) А если же государства развивали военную составляющую, то делали это, по мнению А.Г. Арбатова, «целенаправленно, а не «заодно» с мирным развитием ядерной энергетики. Их мотивами было не получение «побочных» экономических благ, а задачи совершенно иного порядка, и потому обещание экономических выгод в награду за отказ от ядерного оружия, воплощенный в основополагающей концепции ДНЯО, было слабым рычагом влияния на их политику» (с. 144).

Предполагаю, что это ключевое положение книги вызовет немало дебатов; но мне оно кажется симптоматичным.

Другое, без всякого сомнения, симптоматичное положение всей работы: приоритеты великих держав – *ядерной пятерки* – в области нераспространения *существенно* расходятся, что, как минимум, «затрудняет выработку единого курса... по укреплению ДНЯО и его механизмов...» (с.153). Больше того, *галсы* политики великих держав в отношении стран, создающих угрозу нераспространению, реально создают для последних большую свободу маневра и наряду с этим отталкивают «законопослушные» неядерные государства–члены ДНЯО и подрывают их желание активно сотрудничать с ведущими державами...» (с. 153). Многочисленные примеры, к которым прибегают авторы, весьма аргументированно иллюстрируют этот тезис. Больше того, авторы наглядно демонстрируют, что ядерная политика большинства ядерных держав (по версии ДНЯО) идет совершенно в иную сторону, чем это прописано в Договоре и последующих документах конференций по рассмотрению действия ДНЯО; в результате смычка между статьей VI и остальными статьями ДНЯО оказалась безнадежно разомкнутой именно ядерными державами и дискредитирует эффективность всего режима нераспространения.

Говоря о ядерной политике России и США на современном этапе, авторы диагностируют сохранение «архаичной и абсурдной системы стратегических взаимоотношений» и намечают, пусть и пунктиром, направления перехода к новым стратегическим взаимоотношениям, которые они называют «ядерным партнерством». Авторы настаивают на том, что пришло время формировать «качественно новую политику в сфере как ядерного нераспространения, так и ядерного сдерживания». Впрочем, авторы признают, что данный

переход может произойти только в случае серьезных усилий, системы продуманных и последовательных мер и соглашений ведущих государств, для чего необходимо наличие политической воли их руководителей; иначе рекомендации работы могут оказаться не более чем списком благих пожеланий и общих деклараций.

В какой-то момент, суммируя путешествия по *болевым точкам* распространения, авторы не могут сдержаться от почти кассандровских – и глобального масштаба – предостережений: «Следующий этап распространения, если он наберет инерцию, не просто повлечет экспоненциальный рост угрозы применения ядерного оружия, но в силу слияния многочисленных факторов риска сделает использование ЯО в обозримой перспективе практически неизбежным» (с.155).

В то же время авторы проявляют куда большую сдержанность, говоря об угрозе несанкционированного доступа к ядерному оружию и ядерным материалам и о проблемах ядерного терроризма в целом. Глава Е.А. Степановой и А.А. Пикаева – одна из лучших в монографии, в этой главе авторы уверенно развивают свои взгляды («Ядерный терроризм представляет собой весьма маловероятный феномен [...] вместе с тем, ряд современных тенденций показывает, что ситуация может измениться»), строя их на обширном фактическом материале, и не позволяют себе часто встречающейся ошибки, когда вопросы ОМУ-терроризма вырываются из контекста проблем современного терроризма в целом и становятся порой предметом уже изрядно поднадоевших политических спекуляций, имеющих мало общего с наукой.

Авторы работы в меньшей степени оказались готовы к дебатам на ее страницах по поводу пересмотра всей конфигурации официального ядерного клуба, прежде всего, с учетом того, что Индия, перед которой еще недавно, казалось бы, захлопывали двери в этот *закрытый клуб*, сегодня уже спокойно сидит там за столом, чуть ли не на правах почетного гостя; и нравится это кому-то или нет, но то, что реальный ядерный клуб уже превратился из *пятерки* как минимум в *шестерку* – это факт жизни, который больше непозволительно игнорировать.

Дебаты наверняка развернутся вокруг заключительного раздела книги, где предпринята попытка дать ответ на вопрос: *что делать* в нынешних условиях на основе поставленного в работе достаточно неутешительного диагноза.

Отчасти (как, например, в вопросе о лишении государств, выходящих из ДНЯО, материальных плодов членства в Договоре) перед нами сжатое воспроизведение-отсылка к работе 2005 г. Фонда Карнеги за международный мир, вышедшей под заголовком «Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности» (*Universal Compliance*)² и получившей мощную волну откликов в прессе и очень смешанную, в целом сдержанно-скептическую реакцию международного экспертного сообщества.

Отчасти это совершенно самостоятельные, яркие и жесткие выводы российских авторов и редакторов. *Десять пунктов Арбатова–Дворкина* о необходимости новой политики в области ядерного нераспространения и ядерного сдерживания, если и не потрясут мир экспертов-нераспространенцев и разоруженцев, то уж точно привлекут к себе самое пристальное внимание; и нет сомнения, что эти *десять пунктов* станут отправной точкой новых научных, а также – хотелось бы пожелать – и вполне прикладных дискуссий.

Примечания

¹ Cirincione Joseph, Wolfsthal Jon, Rajkumar Miriam. Deadly Arsenals: Nuclear, Biological, and Chemical Threats, Second Edition Revised and Expanded. W.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. 500 p.

² Perkovich George, Mathews Jessica Tuchman, Cirincione Joseph, Gottemoeller Rose, Wolfsthal Jon. Universal Compliance: A Strategy for Nuclear Security. Carnegie Endowment Report, March 2005. 226 p.

КЛУБ ТРИАЛОГ

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА, УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Клуб Триалог – это:

- эксклюзивные информация и анализ, предоставляемые ведущими государственными и неправительственными экспертами из России и зарубежных стран;
- оперативный и профессиональный комментарий по широкому спектру фактов, позиций и мнений в области актуальных проблем международной безопасности;
- независимые, непредвзятые и сбалансированные экспертные оценки событий, происходящих в России и за рубежом.

Начиная с осени 2007 г. Клуб *Триалог* представляет новый проект:

RUSSIA CONFIDENTIAL

Доступ к надежной информации является гарантом принятия правильного решения и страховкой от ошибки. RUSSIA CONFIDENTIAL – источник информации, которому можно доверять.

RUSSIA CONFIDENTIAL – это ежемесячные аналитические доклады, подготовленные экспертами специально для членов Клуба *Триалог*.

RUSSIA CONFIDENTIAL призван показать *кухню* российской политики по ключевым вопросам международной безопасности. Он дает ответ на вопрос: *кто есть кто* в процессе принятия внешнеполитических решений. Экспертная оценка позволят определить *истинные мотивы* поведения России на международной арене и причины принятия конкретных решений.

Каждый месяц члены Клуба получают комментарии экспертов, прогнозы развития ситуации, оценки последствий принятых решений по наиболее актуальным событиям за прошедшие 30 дней.

*Подробнее информацию
об условиях вступления в Клуб Триалог можно получить:*

Тел.: +7-985-764-9896, +7-495-234-0525

Факс: +7-495-235-9558

e-mail: kotova@pircenter.org

БОМБОДЕЛ, КОТОРЫЙ УСОМНИЛСЯ

Лев и Атом. Академик Л.П. Феоктистов: автопортрет на фоне воспоминаний. М.: Воскресенье, 2003. 440 с.

Рецензия – Михаил Новиков

История создания книги «Лев и Атом. Академик Л.П. Феоктистов: автопортрет на фоне воспоминаний» такова. В 1999 г. увидела свет работа Л.П. Феоктистова «Оружие, которое себя исчерпало». Книга была издана небольшим тиражом на русском и английском языках в рамках международной кампании «Разоружение-2000» движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Автор собирался подготовить ее переиздание, но не успел... Его сердце остановилось в феврале 2002 г. Его друзья и единомышленники сделали работу по переизданию. Было решено вместе с книгой самого Л.П. Феоктистова поместить под одной обложкой воспоминания о нем его коллег и соратников, записанные собственноручно или с их слов, а также последние публичные выступления академика Феоктистова по проблемам ядерного разоружения и международной безопасности.

Лев Феоктистов начинал свою трудовую деятельность в 1951 г. в КБ-11 (так называли первый ядерный центр СССР в Арзамасе-16), в теоретическом отделе, который возглавлял Я.Б. Зельдович. В Арзамасе-16 в начале 1950-х гг. всесторонне изучались два направления создания водородной бомбы: термоядерная детонация в дейтерии («труба» Зельдовича) и конструкция сферической формы из чередующихся слоев легкого вещества (дейтерий, тритий и их химические соединения) и тяжелого (урана-238), названная автором идеи А.Д. Сахаровым *слойка*. Работы по *слойке* продвигались успешнее и после американского испытания водородного заряда в 1952 г., который заставлял спешить для сохранения ядерного паритета между СССР и США, эту схему взяли за основу. *Слойка* легла в основу испытанной на Семипалатинском полигоне 12 августа 1953 г. водородной бомбы с индексом РДС-6с. Автор описывает драматическое развитие связанных с этим испытанием событий следующим образом: «В августе 1953 года на башне Семипалатинского полигона была успешно испытана первая советская водородная бомба. Подтвердились расчеты, полный триумф. А.Д. Сахаров за несколько месяцев становится доктором физико-математических наук, академиком, лауреатом Сталинской премии, Героем Социалистического Труда, провозглашается, несмотря на молодость лет, «отцом» водородной бомбы [...] Никто не сомневался в то время, что и дальше мы будем идти по своему, отечественному пути, развивая первый успех. Однако к концу 1953 года, в самый разгар эйфории и, казалось бы, вопреки логике, события стали развиваться совсем в другом направлении». Советским и партийным руководством страны было принято решение разработать более мощный термоядерный заряд следующего поколения и межконтинентальную баллистическую ракету для него. Ракета была разработана, и именно эта ракета вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли в 1957 г. и космический корабль с Юрием Гагариным на борту в 1961 г.

В Арзамасе-16 стали искать новый вариант конструкции термоядерного заряда. И он был найден, благодаря усилиям большого коллектива теоретиков, куда кроме групп

Я.Б. Зельдовича и А.Д. Сахарова входили также группы И.Е. Тамма и Н.Н. Боголюбова. В ноябре 1955 г. была испытана бомба нового образца, в создании которой непосредственное участие принимал Л.П. Феокистов. В то время он уже работал на Урале, в Челябинске-70, куда переехал с большой группой сотрудников КБ-11 в сентябре 1955 г. На Урале Лев Феокистов проработал 22 года, внес определяющий вклад в создание большого числа *специзделий*, защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию, получил много государственных наград, включая Звезду Героя Социалистического Труда и Ленинскую премию, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, стал первым заместителем научного руководителя института.

В настоящее время коллеги Льва Петровича по оружейной тематике признают, что его идеи были определяющими при создании зарядов, разработанных в Челябинске-70. В частности, так считает заместитель научного руководителя ВНИИ технической физики В.А. Симоненко. В своих воспоминаниях о Феокистове он говорит: «Поэтому, когда я утверждаю: Лев – один, то имею в виду его уникальность как источника идей, существенная часть которых уже реализована, а некоторые еще ждут своей очереди. [...] По сути дела, то, на чем основываются разработки нашего института, в значительной степени опирается на «Львиные» идеи. И в этом плане, если говорить о персональном влиянии, скажем, Сахарова или Зельдовича на создание ядерного оружия Советского Союза и России – не по времени, а по воплощенным идеям, – я бы впереди поставил именно Льва».

Лев Феокистов так характеризует особую атмосферу, сложившуюся на новом объекте: «Честолюбивые, в подавляющей части молодые, в связи с переездом почувствовавшие, образно говоря, освобождение от «гнета маститых» и осознавшие личную ответственность за порученное дело (поучительный феномен, не правда ли?), челябинцы довольно скоро стали выходить на передовые позиции, обозначили свое право на значительность в конкурентном противоборстве с организацией-прародительницей». Можно привести несколько результатов. Уже в 1957 г. была испытана и передана на вооружение армии серийная водородная бомба, разработанная в Челябинске-70. Именно за участие в ее разработке в 1958 г. Л. Феокистов получил Ленинскую премию.

Главным достижением Челябинска-70 в военной области Л.Феокистов считает миниатюризацию ядерных зарядов. В главе «Челябинск-70, сводный брат Арзамаса-16» он пишет, что «именно здесь в начале 60-х, независимо от разработок американских стратегов, закладывались основы РГЧ (разделяющихся головных частей); этим термином стали обозначать группу зарядов, располагающихся на одной ракете-носителе». Тенденция к миниатюризации проявилась не только в отношении стратегических видов вооружения. Челябинск-70 стал монополистом в создании артиллерийских атомных снарядов. В этих малогабаритных боеприпасах (а для них непереносимым требованием была внешняя идентичность с обычными, неядерными снарядами) удалось достичь значительной мощности путем перенесения некоторых приемов, заимствованных от РГЧ. Кстати, именно такой снаряд, перевозимый из Восточной Германии, похищают злоумышленники в увлекательном рассказе, который помещен под обложкой рецензируемой книги и автором которого также является Лев Феокистов.

Заканчивая обзор своей деятельности в Челябинске-70, Л.П. Феокистов касается разработки так называемых *мирных зарядов*, которые создавались для решения различных прикладных промышленных задач. Он указывает очень важный побудительный мотив работы над этими зарядами: «...каждому из нас по-человечески очень хотелось, чтобы труд, которому себя посвятили, принес непосредственную пользу обществу, в этом мы видели некий элемент внутренней реабилитации». Речь здесь, безусловно, идет об осознании того, какое разрушительное оружие было создано при участии автора и о желании оправдать себя в своих глазах и в глазах будущих поколений. Может быть, этот нравственный посыл и послужил *детонатором* внутренних изменений автора, которые привели его от *оружейных дел* в чистую науку.

Также он пишет, что среди причин его отъезда из Челябинска-70 в 1978 г. было то обстоятельство, что ему стала ясна абсолютная бессмысленность в техническом отношении проводимых полигонных испытаний. Для него, как для физика-теоретика, повторение пройденного, углубление в детали технического и технологического свойства стало казаться неверным путем, топтанием на месте.

Незадолго до своего отъезда Лев Феоктистов написал письмо Е.П. Славскому, который многие годы возглавлял Министерство среднего машиностроения, где предложил прекратить испытания ядерного оружия и таким образом дать руководству страны возможность выступить с выигрышной политической инициативой в разгар холодной войны. Письмо это было засекречено, и доступ к нему был запрещен даже коллегам Феоктистова. Автор пишет, что письмо носило некоторый политический оттенок, и, не желая себя сравнивать с А.Д. Сахаровым, все же говорит, что «было что-то похожее на то время, когда сахаровские книги запрещали».

Министр Славский разрешил ему переезд в Москву, но только с условием продолжения работы в системе Средмаша, в атомном ведомстве не хотели получить *второго Сахарова*. Феоктистов перешел работать в Курчатовский институт. Здесь он снова занимался оборонными проектами, в частности лазерным оружием. Только в 1988 г. ему удалось перебраться в академический институт – Физический институт Академии наук им. П.Н. Лебедева, куда он и стремился попасть сразу после Челябинска-70.

Феоктистов возглавил в ФИАНе отдел лазерного термоядерного синтеза. Здесь совместно с академиком Н.Г. Басовым он продолжил исследования различных вариантов ядерных и термоядерных реакторов, начатые им еще в Челябинске-70. Развернувшаяся вслед за аварией на Чернобыльской АЭС шумная кампания против атомных станций задела Феоктистова за живое, ставя под сомнение его мечты об использовании в мирных целях огромного количества достижений, полученных в ходе создания атомного оружия. Поэтому одним из основных направлений научной деятельности Льва Петровича в последние годы была работа над новой концепцией построения ядерного реактора с внутренней, физически присущей ему безопасностью. По его мнению, идеальный реактор должен быть таким, чтобы любые ошибки оператора приводили к прекращению ядерных реакций по внутренним, физическим причинам.

Благодаря этим исследованиям появилась концепция гибридного реактора, то есть системы, сочетающей в себе элементы деления и синтеза. Предлагаемая конструкция реактора должна включать в себя подкритическую ядерную сборку, которая облучается посторонним источником нейтронов, полученных при обжиге термоядерной мишени лазерным излучением. Если лазерное устройство не сработает по какой-либо причине, включая ошибку персонала, то реактор просто не запустится. По мнению Льва Феоктистова, время покажет, является ли гибридный вариант реактора вполне самостоятельным или только ступенькой в освоении термоядерной энергии.

Академик Феоктистов поддерживал программу ввоза и переработки в России отработанного ядерного топлива (ОЯТ) и даже обосновывал это в Государственной Думе. Аргументы его были следующими. Во-первых, аварии на «Маяке» и в Чернобыле научили специалистов-ядерщиков лучше кого бы то ни было в мире работать с этими материалами. Во-вторых, ОЯТ потенциально обладают большой ценностью как источник ядерных материалов, которые можно извлекать и продавать на мировом рынке. Таким образом, осуществление комплексной программы по ОЯТ может обеспечить финансирование разработки нового поколения физически безопасного реактора, а также экологических и социальных программ в ядерной отрасли.

Лев Феоктистов, несмотря на свое участие в военных ядерных программах, а, скорее всего, благодаря именно этому обстоятельству, активно выступал за радикальное сокращение атомного оружия вплоть до его полной ликвидации. В 1999 г., когда уже было понятно, что предложенному Михаилом Горбачевым плану избавления от ядерного оружия к 2000 г. не суждено сбыться, он писал в своей книге «Оружие, которое себя исчерпало»: «Пятьдесят лет существует ядерное оружие [...] С ужасом думаешь, что оно будет

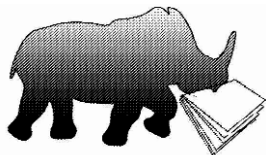

еще 50 лет, и жизнь наших внуков и правнуков останется под угрозой полного истребления... Само по себе утверждение, что 50 лет не было крупных войн благодаря сдерживающей функции ядерного оружия, на мой взгляд, безосновательно. Тем более что войны – пусть не мировые, но многолетние – были».

Он утверждал, что возникновение непредвиденных событий с применением ядерного оружия менее вероятно в безъядерном мире, когда осуществляется глобальный контроль над распространением ядерного оружия – жесткий и в равной мере обязательный как для бывших ядерных, так и для неядерных стран. В 2000 г. на конференции в штаб-квартире ООН академик Феоктистов предложил США как признанному мировому лидеру играть первостепенную роль в процессе ядерного разоружения в мире, предложив ядерным странам, например, к 2010 г. программу полного разоружения.

Последним документом, который завершает перечень публикаций Л.П. Феоктистова в книге, стал проект обращения к президенту РФ В.В. Путину с конкретными предложениями по организации разработки нового поколения ядерных реакторов, безопасных с точки зрения распространения ядерных материалов, непосредственно пригодных для создания ядерного оружия. Этот документ датирован январем 2002 г., а в феврале того же года сердце Льва Петровича остановилось.

Уникальность рецензируемой книги и уникальность ее главного героя и автора в том, что под одной обложкой собраны воспоминания *бомбоделов* и представителей академической науки. *Бомбоделы* или нейтрально излагают факты и говорят о вкладе Льва Феоктистова в науку или не согласны, что ядерное оружие себя исчерпало. Представители *чистой* науки либо не касаются этих вопросов, либо поддерживают Феоктистова. И только он один за время своей жизни прошел путь от *бомбодела* до убежденного сторонника полного ядерного разоружения и еще публично заявил об этом, отстаивая свои мысли. Из Челябинска-70 в разное время уехало много людей, непосредственно занятых в создании ядерных зарядов, но только Лев Феоктистов стал фигурой значимого масштаба, не побоявшись публично высказывать свои взгляды, часто не совпадающие с общепринятыми. 🐢

Эжиев И.Б. Геополитика Каспийского региона. М.: Андалус, 2007. 204 с.

Издание представляет собой попытку комплексного исследования геополитических процессов в регионе (в который автор включает Россию, Азербайджан, Казахстан, Туркмению и Иран), его политического и экономического развития, проблемы определения правового статуса Каспийского моря и др. На мой взгляд, стоит обратить внимание на некоторые из аспектов исследования.

Во-первых, анализ политических рисков в Прикаспии, которому отведена отдельная глава в монографии. Автор останавливается главным образом на рисках, влияющих на уровень экономической активности инвесторов в регионе. Помимо рисков, связанных с диспропорциями в политических и экономических системах государств региона и порожденной этими диспропорциями коррупцией, а также терроризмом, одним из главных рисков здесь является проблема демаркации морских границ между пятью государствами.

Во-вторых, рассмотрение противоречивой и сложной проблемы – *нефте- и газопроводы*. И.Б. Эжиев рассматривает нефтепроводы в Каспийском регионе в категориях геополитики, довольно подробно анализирует интересы различных государств при лоббировании тех или иных трубопроводных проектов. Однако, как мне представляется, для полного освещения ситуации с нефтепроводами в Каспийском регионе в данной главе следовало бы рассмотреть и ряд других проектов, разрабатывавшихся в последние 15 лет – в частности проект «Бургас-Александрополис», проектировавшиеся маршруты транспортировки каспийской нефти через территорию Ирана, а также *восточное направление* экспорта туркменских и казахских энергоресурсов (через территорию Афганистана и Пакистана).

В-третьих, чрезвычайный интерес в контексте последних политических событий на постсоветском пространстве представляет раздел монографии, озаглавленный «*Бархатные революции*» как новый инструмент геополитики региона». Этот феномен характеризуется автором как важнейший фактор дестабилизации, технология которого разработана на Западе и используется им для достижения своих целей. Следует отметить, что автор абсолютизирует роль внешних сил в проведении *цветных революций*, включая финансирование оппозиционных общественных движений, организацию *политических спектаклей* – массовых выступлений населения, подкуп руководителей большинства национальных средств массовой информации, фактический привод к власти прозападных, антироссийских политических сил.

В монографии имеется и еще ряд спорных моментов, на которые необходимо обратить внимание. Вызывает сомнение правильность выбора теоретической базы исследова-

Е
Ы
И
Ж
Н
О
К

ния. В главе, посвященной анализу современных концепций изучения Каспийского региона, автор обращается к работам российских исследователей А.Г. Дугина, Н.А. Нартова, американцев Збигнева Бжезинского, Генри Киссинджера, Самюэля Хантингтона. В обзоре не представлен ни один исследователь из государств рассматриваемого региона, кроме уже упомянутых российских. Поэтому создается впечатление, что либо в Азербайджане, Иране, Казахстане и Туркмении вопросами геополитики Каспия не интересуются вовсе, либо концепции представителей академических и экспертных кругов этих стран не отличаются оригинальностью и совпадают с основными положениями теоретических подходов названных российских и американских авторов.

Спорным является и тезис И.Б. Эжиева о том, что идеи указанных авторов служат в качестве руководства к действию наиболее влиятельных участников мировых политических и экономических процессов, в чьих странах такие разработки выполнены. Не стремясь приуменьшить роль указанных господ в процессе принятия внешнеполитических решений в России и США, хотелось бы отметить, что их теоретические изыскания далеко не всегда лежали в основе выработки политики двух этих государств на Каспии.

Тем не менее, эти замечания, относящиеся к дискуссионным аспектам такой сложной в научном и политическом плане темы, как геополитика Каспия, не преуменьшают значения монографии И.Б. Эжиева, охватившей новейшие тенденции развития ситуации в регионе.

Олег Богатов

Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: КомКнига, 2006. 240 с.

Данная монография является научно-методической разработкой к курсу А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Учебное пособие составлено на основе многочисленных трудов профессора по проблемам стратегического управления, военной политики и обеспечения национальной безопасности России.

Зачастую специалистам с базовым гуманитарным образованием, занимающимся проблемами безопасности, не хватает понимания некоторых технических аспектов данной проблематики, как, например, особенностей современного переоснащения РВСН на новые типы ракетных комплексов. Материалы, изложенные в разработке, позволяют сравнительно легко восполнить этот пробел, не углубляясь в технические формулы и специфическую терминологию.

Учебное пособие состоит из шести разделов, посвященных рассмотрению нескольких ключевых вопросов по заданной теме, включая списки дополнительной литературы, в основном монографий и статей в научных периодических изданиях. В первом разделе автор обозначает основных игроков и расстановку сил на международной арене, *многоугольные конфигурации* реальных и потенциальных ядерных держав, система взаимоотношений в которых определяет стратегическую стабильность в том или ином регионе мира.

Во втором разделе раскрывается понятие военной стратегии в политическом и идеологическом контексте. Автор делает акцент на исторический дискурс, отсылая читателей к хрестоматийным трудам о соотношении политики и войны Карла фон Клаузевица, М.Н. Тухачевского, Хельмута Мольтке-старшего, А.А. Свечина. Подобная *краткая экскурсия* по ключевым работам зарубежных и советских военных стратегов и теоретиков может представлять особый интерес для специалистов, занимающихся современным стратегическим управлением.

В последующих разделах речь идет непосредственно о проблемах национальной безопасности России и роли отдельных факторов в ее эффективном обеспечении. Деталь-

ная проработка вопросов, касающихся структуры и классификации сил стратегического сдерживания и Вооруженных сил общего назначения России, а также развернутые схемы по выстраиванию стратегии сотрудничества России с другими государствами и международными организациями по различным направлениям подчеркивают многогранный практический опыт А.А. Кокошина и автора издания Н.Н. Ефимова в области обеспечения безопасности России в *переломные* 90-е гг. XX века и в настоящее время.

Дополнительную ценность изданию придают широкий обзор документальных источников по тематике каждого из разделов, а также богатое фактическое наполнение научно-методической разработки.

Екатерина Вотановская

Кьеца Джульетто. Война Империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. 320 с.

Джульетто Кьеца – автор, хорошо известный российскому читателю по работам «Переход к демократии» (1993), «Прощай, Россия» (1997), «Русская рулетка» (2000) и «Бесконечная война» (2005). Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что двадцать лет своей профессиональной жизни г-н Кьеца проработал в Москве специальным корреспондентом и политическим обозревателем двух итальянских газет (*Унита*, 1980–1990 гг.; *Стампа*, 1990–2000 гг.), а также некоторых телеканалов (*РАИ-3*, *ТГ-5*).

В своей новой книге «Война Империй: Восток – Запад» Джульетто Кьеца пытается наметить перспективы развития человечества, рассматривая современную действительность сквозь призму истории становления американской *Империи*, как претендующей на роль *альфы* и *омеги* реальности и воображаемого мира для всего населения Запада.

Следуя традиции классического европейского либерализма, автор задается вопросом о моральных и рациональных основаниях миропорядка с одной единственной нацией (американской) во главе.

США, в прочтении Кьецы, западная, но крайне далекая от европейских ценностей страна. Мобильность и риск – вот две наиболее характерные черты американского менталитета, заменяющие Вашингтону и точный расчет, и анализ локальных особенностей и учет чужих интересов. Не случайно «в американской Конституции слово «демократия» не появляется ни одного раза, даже по ошибке», отмечает Кьеца, приводя слова своего друга Гора Видала, заметившего, что даже хваленый американский плюрализм заключается в «единой партии с двумя крыльями, причем оба правые» (с. 35). Так может ли подобная страна с сознательно разрушенным гражданским обществом и фактически однопартийной системой и дальше продолжать насильственный экспорт демократии, во все ею не располагая, спрашивает Кьеца своего читателя. И сам отвечает – нет. «Пора отдать себе отчет в том, что нет больше *мотивированных, рациональных* войн и уж тем более войн *гуманитарных* или справедливых. Мы пришли к конечной точке, где все категории политической мысли должны подвергнуться изменениям» (с.318), – пишет Кьеца.

Он говорит о конце однополярного мира, появлении новых и возвращении старых игроков на политическую сцену: неудержимо рвущийся вперед Китай; усвоивший уроки Косово и Ирака, все ближе подходящий к созданию ядерного оружия Иран; разочарованная в американском *миротворчестве* Европа; уставшая от *стратегических отступлений* Россия.

Но «Война Империй: Восток – Запад» – это книга не только и не столько о политических битвах титанов, но также об опасности дальнейшего развития социума по избранному им пути неограниченного потребления, ведущего навстречу уже не политической, но экологической катастрофе. «Человек-Прометей отпраздновал свои победы, но сейчас он подошел к пределу», – предостерегает Кьеца, напоминая о неутешительных прогнозах Римского клуба. Необходимо восстановить утраченное равновесие Человека и Природы.

Е
Ы
Н
Ж
И
В
О
К

В контексте планетарных масштабов современных вызовов безопасности ответственность, ложащаяся на плечи тех, кому отведено принимать решения, все возрастает. Именно к этим людям обращена полемичная, предельно субъективная и подчеркнута не политкорректная книга Къезы, к людям, «способным оценить проблемы в комплексе и подготовить комплексный ответ», к тем, кто обладает «сочетанием знаний разного рода: политических, предпринимательских, культурологических, научных, духовных».

Анастасия Лагута

Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Под ред. А.В. Мальгина, М.М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005. 456 с.

Данное издание представляет собой второй выпуск¹ коллективного исследования, посвященного *мягкому подбрюшью* Российской Федерации – региону Закавказья и Центральной Азии. По сравнению с предыдущим выпуском тематика исследования значительно расширилась, однако в большей степени рассматривает энергетические ресурсы региона и пути их транспортировки.

Такой поворот наверняка связан с *программной* (первой по порядку) статьей А.Д. Богатурова «Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности». В ней автор отмечает, что «в энергетическом обеспечении экономического развития мира за последние 25–30 лет революции не произошло... [это] заставляет государства, не свертывая интереса к постиндустриальным производствам, одновременно резко повышать интенсивность поиска путей расширения классических индустриальных секторов экономики – прежде всего энергетической» (с. 10). Рассмотрение российскими исследователями проблем энергетической безопасности и особенно приграничных регионов полностью оправдано тем, что Россия должна «пользоваться *сдвоенными* преимуществами положения [...] как *ядерного нефтяного* государства» (с. 16)

Сборник представляет собой хороший пример комплексного подхода к исследованию региональных аспектов международных отношений, с учетом социополитических, геоэкономических и этноконфессиональных особенностей регионов. Проблемы, которые ставят и решают авторы, не всегда напрямую касаются именно бывших закавказских и центральноазиатских республик (как в случае глав, посвященных иранской ядерной проблеме, европейских трубопроводов), но эти исследования подтверждают все большую включенность новых независимых государств постсоветского пространства в мировые экономические и политические *сети*.

Нужно отметить, что среди авторов издания – эксперты, представляющие ведущие российские исследовательские центры – МГИМО, ИМЭМО РАН, РИСИ, МГУ (А.Д. Богатуров, И.Д. Звягельская, М.А. Хрусталева, О.Н. Барабанов, Л.Б. Вардомский, Д.Б. Малышева, В.В. Дегоев и др.), а также некоторые иностранные институты (Г.И. Вардания, А. Эберхардт, А. Юнусов).

Ценность сборника обусловлена и наличием интересных приложений – аналитических отчетов научных семинаров и конференций, что придает сборнику некоторую публицистичность и делает его содержание более *живым*.

Павел Мансуров

Lawrence Wright. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. Knopf Publishing Group, 2006. 480 P.

О трагических событиях 11 сентября 2001 г. написано немало. Часть книг была опубликована в течение одного года с момента атак на Всемирный Торговый Центр и Пентагон. Однако работа Лоуренса Райта, сотрудника журнала *The New Yorker* и сотрудника Цент-

ра по праву и безопасности при юридической школе Нью-Йоркского университета, увидела свет лишь спустя пять лет после 11 сентября. В этом смысле она имеет преимущество, так как использует информацию, ставшую доступной за этот промежуток времени.

К главным достоинствам книги можно отнести попытку нарисовать психологический портрет лидеров *Аль-Каиды*: Усамы бен Ладена и Аймана аль Завахири, проследить истоки и эволюцию их идеологии. Для этой цели автор провел интервью с более чем 500 людьми, включая университетского друга бен Ладена Ричарда Кларка, представителей элиты Саудовской Аравии, афганских моджахедов, корреспондентов *Аль-Джазиры* и др.

По мнению автора, успех *Аль-Каиды* связан в первую очередь с правильно проведенной *PR-кампанией*. В данном контексте атаки на американские посольства в Кении и Танзании в 1998 г. и последующая неудачная попытка администрации Билла Клинтона устроить бен Ладена стали ключевыми, так как превратили *террориста номер один* в знаменитость, что в свою очередь открыло поток финансирования и новых рекрутов для дальнейших операций.

Одним из последствий этого успеха стало появление множества имитаторов, воодушевленных наглядным примером. Именно это, по мнению автора, несет в себе главную опасность.

В целом, книга представляется *американоцентричной*: автор постоянно противопоставляет либерально-демократическое и экономически успешное американское общество политически, культурно и экономически подавленному арабскому миру. При этом в одном из своих многочисленных выступлений, посвященных выходу книги, автор утверждает, что «арабы могут ненавидеть [США], но они восхищаются нашим обществом»²; чтобы исправить ситуацию «мусульмане должны сами изменить свои страны изнутри [...], а Америка может лишь поддерживать высокие стандарты гражданских свобод»³, демонстрируя пример для подражания.

Никита Перфильев

Ali M. Ansari. Confronting Iran: The Failure of American Foreign Policy and the Next Great Crisis in the Middle East. NY: Basic books, 2006. 280 p.

В книге «Противостояние с Ираном: провал американской внешней политики и великий кризис на Ближнем Востоке» Али Ансари представляет читателям краткое изложение истории отношений Ирана с западными странами вообще и с США, в частности.

Ансари обращается к американской аудитории, во многом не знакомой с историей Ирана и с американской политикой в регионе. Первая глава книги посвящена истории Ирана до XX века и включает в себя историю отношений Персидской империи с Западом и ее упадок, остальные шесть глав посвящены современному этапу американо-иранских отношений, начиная с переворота 1953 г., инспирированного США и Великобританией. Исторический анализ продолжается событиями 1979 г., реформаторским движением во время президентства Хатами и заканчивается проблемами, связанными с иранской ядерной программой. На всем протяжении анализа автор отходит от традиционного подхода к международным отношениям, когда государства рассматриваются как основные субъекты на мировой арене. Вместо этого он обращает внимание читателя на такие факторы, как культура и религия, деятельность средств массовой информации и бюрократии, которые совместно формируют восприятие людей и обществ, создают системы политической *мифологии* и, самое главное, активно влияют на формирование внешней политики.

На мой взгляд, самыми *наглядными* примерами таких *мифотворческих* событий служат противоречивые, полярные восприятия переворота 1953 г. и захвата американского посольства в 1979 г. Ансари отмечает, что если большинство американцев практически не

Е
Ы
Н
Ж
В
О
К

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

знакомы с событиями 1953 г., то для наиболее политически активных иранцев история американо-иранских отношений начинается в 1953 г., с переворота, организованного ЦРУ для свержения демократически избранного премьер-министра Мохаммеда Моссадыка. Многие иранцы восприняли переворот как предательство,

как измену. Следующие поколения иранцев сохранили память об этой измене, сохранили и чувство боли от нее и неприязни к США.

Однако, отмечает Ансари, иранцы также потерпели провал в попытке *правильного* восприятия США. Для американцев захват посольства в 1979 г. был определяющим моментом и причиной крушения взаимоотношений. И если иранцы рассматривали захват посольства как некий акт закрытия, свертывания отношений, то для американцев он обозначил начало новой эры. Формирование этих противоположных по смыслу политических *мифов*, по мнению Ансари, создавало и создает барьер на пути к любому конструктивному диалогу между двумя государствами.

В заключение Ансари призывает обе страны преодолеть препятствия на пути к диалогу и начать процесс примирения. Автор настаивает на том, что первый шаг должен быть сделан в сторону развенчания *мифов*. Признавая высокую степень их влияния на сегодняшнее состояние (или отсутствие) американо-иранских отношений, автор настойчиво предлагает начать деконструкцию мифов – длительный процесс, которому будут препятствовать недооценка иранцами политической ситуации в США и частые изменения в американской политической системе. Одним из практических решений, которое предлагает Ансари для США, должно стать существенное обновление экспертных кадров: тех людей в США, кто специализируется на иранской проблематике.

Для тех, кто уже знаком с историей Ирана и американской политикой в регионе, историческое повествование Ансари покажется слишком многословным и в целом лишенным привкуса оригинальности. Однако тем, кто не знаком с историей американо-иранских отношений, книга дает прекрасную отправную точку для анализа. К тому же, с точки зрения общей перспективы международных отношений, книга служит уместным напоминанием о том, что реалистическая модель международных отношений недостаточна. В этом свете Ансари предлагает великолепное ситуационное исследование (*case study*), показывающее необходимость понимания особенностей внутреннего развития государства и то, какое влияние они оказывают на внешнюю политику государства. Именно поэтому внешнеполитическим практикам в Тегеране и в Вашингтоне в равной степени эту книжку именно сейчас полезно читать и перечитывать.

Уоррен Поленски

Примечания

¹ Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России. Отв. редакторы – Наринский М.М., Мальгин А.В., М. 2004.

² Travis, Mary Ann. Lawrence Wright sheds light on al-Qaeda. Tulane University News Release. February 9, 2007, <https://webvpn.elon.edu/+CSCO+dh756767633A2F2F63656264687266672E687A762E70627A++/pqdweb?index=1&did=1214469971&SrchMode=1&sid=2&Fmt=3&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1171612434&clientId=15031> (последнее посещение – 25 февраля 2007 г.).

³ Ibid.

ВЫХОД В СВЕТ ИНДЕКСА БЕЗОПАСНОСТИ – НУЖНОЕ И СВОЕВРЕМЕННОЕ СОБЫТИЕ

Главному редактору:

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что, только объединив усилия на основе соблюдения норм и принципов международного права, мировое сообщество может успешно противостоять угрозам и вызовам современной эпохи.

Понимая важность коллективных усилий в решении этих задач, Россия стремится к развитию самого активного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности.

И в этой связи особенно показательным является уровень, который в последние годы достигнут в вопросах взаимодействия Российской Федерации с ведущими европейскими и евроатлантическими структурами.

Совсем недавно такое трудно было даже представить, но в XXI веке мы успешно решаем самые актуальные задачи по многим направлениям, представляющим обоюдный интерес.

Выход в свет первого номера журнала *Индекс Безопасности*, который призван стать наглядным и достоверным источником объективной, не подверженной политической и идеологической конъюнктуре информации о внешней и оборонной политике России, без сомнения, является крайне нужным и своевременным событием.

Уверен, что новое издание вызовет живой отклик не только у политиков и экспертов в области международных отношений, но и у представителей научных кругов и бизнес-сообщества.

Сергей Иванов

*Первый заместитель председателя
Правительство РФ
Краснопресненская набережная, 2
Москва, 103274, Россия*

РАССЧИТЫВАЮ НА ВАШЕ ЭКСПЕРТНОЕ СОДЕЙСТВИЕ

Главному редактору:

Поздравляю Вас с выходом в свет первого номера журнала *Индекс Безопасности*. Вижу в этом убедительное подтверждение востребованности вот уже более десяти лет ведущихся Вашим Центром исследований по широкому спектру проблем международной безопасности, включая ее разоруженческо-нераспространенческие аспекты.

Для внешнеполитической службы страны результаты проводимой Вами работы представляют особый интерес с учетом рецидивов политики одностороннего силового реагирования, которая создает ощущение дефицита безопасности у малых стран и подталкивает к наращиванию вооружений крупные. Вызывают беспокойство сохраняющийся, причем не по нашей вине, застой в сфере разоружения, а также в целом возрастающий конфликтный потенциал в мире.

Рассчитываю на Ваше экспертное содействие в поиске эффективных ответов на вызовы и угрозы, связанные, в том числе, с масштабной деятельностью международного терроризма, расшатыванием режима нераспространения, стремлением ряда стран развязать себе руки для вывода оружия в космос, враждебным использованием информационно-коммуникационных технологий.

Желаю коллективу Центра больших творческих успехов, а журналу – найти дорогу к читателю.

Сергей Лавров

*Министр
Министерство иностранных дел РФ
Смоленская-Сенная площадь, 32/34
Москва, 121200, Россия*

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ПРИЗВАН СТАТЬ ЭФФЕКТИВНЫМ ПОМОЩНИКОМ В РЕШЕНИИ МАСШТАБНЫХ ЗАДАЧ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ

Главному редактору:

Сегодня мировая ядерная энергетика переживает второе рождение. Перед российской атомной отраслью поставлены грандиозные задачи: увеличение доли атомной энергии в энергобалансе страны до 25%, а в перспективе – и до 30%, с выходом на ежегодный пуск не менее двух новых атомных энергоблоков. Не менее актуальными остаются требования к поддержанию на необходимом для обеспечения безопасности страны уровне ядерно-оружейного комплекса. Россия играет лидирующую роль в мобилизации международных усилий в поддержку укрепления режима нераспространения ядерного оружия. Конкретный пример – инициатива Президента России В.В. Путина о создании глобальной инфраструктуры ядерного топливного цикла.

В этих условиях профессиональная и своевременная экспертиза по вопросам ядерной энергетике и ядерного нераспространения представляет практический интерес для всех нас, кто работает в атомной отрасли России.

За 12 лет своего существования журнал ПИР-Центра *Ядерный Контроль* завоевал признание специалистов атомной отрасли, став одним из наиболее авторитетных источников информации по вопросам атомной энергетике и нераспространения ОМУ. Выражаю надеж-

ду, что новый журнал ПИР-Центра – *Индекс Безопасности*, являющийся преемником прежнего, сохранит в своей редакционной политике верность атомной проблематике.

Пользуясь случаем, поздравляю коллектив Центра политических исследований России (ПИР-Центра) с выходом первого номера *Индекса Безопасности*.

Профессионализм и динамичность ПИР-Центра внушают уверенность в том, что издание станет эффективным и надежным помощником в решении масштабных задач, поставленных перед атомной отраслью России.

Сергей Кириенко

*Руководитель
Федеральное агентство по атомной энергии
Большая Ордынка, 24/26
Москва, 109017, Россия*

В АКТУАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА СОМНЕВАТЬСЯ НЕ ПРИХОДИТСЯ

Главному редактору:

Государственная компания *Рособоронэкспорт* поздравляет Центр политических исследований России с выпуском журнала *Индекс Безопасности*.

В актуальности нового издания и нашего сотрудничества сомневаться не приходится.

В мировой торговле оружием сформировались особые международно-правовые механизмы контроля над поставками продукции военного назначения. Россия дорожит своей репутацией на мировом рынке вооружений и поэтому с особой тщательностью реализует все предусмотренные меры контроля.

Входя в пятерку ведущих экспортеров мира и поставляя вооружения и военную технику более чем в 60 стран, Россия не допускает поставок, которые могли бы подрывать региональную стабильность, обострять кризисные ситуации, нарушать эмбарго или другие международные соглашения.

В условиях глобализации позитивная роль российской системы военно-технического сотрудничества, в которой Государственная компания *Рособоронэкспорт* занимает одно из ключевых мест, видится нам в развитии международной оборонно-промышленной кооперации, а также в обеспечении национальной и коллективной безопасности, поддержании стабильности в мире, стимулировании экономического роста и повышения качества жизни людей.

Желаю журналу *Индекс Безопасности* новых творческих успехов в международном диалоге, направленном на комплексный анализ проблем безопасности и поиск наиболее адекватных путей гармонизации межгосударственных и межнациональных отношений.

В добрый час, дорогие друзья!

Сергей Чemezov

*Генеральный директор
ФГУП Рособоронэкспорт
Гоголевский бульвар, 21
Москва, 113324, Россия*

Р
Е
Д
А
К
Т
О
Р
У

ОЧЕНЬ ТОЧНОЕ НАЗВАНИЕ

Главному редактору:

Примите мои поздравления Вам и коллективу ПИР-Центра с выходом первого номера обновленного журнала с очень точным и актуальным названием *Индекс Безопасности*.

В современном сложном и глобальном мире проблемы обеспечения безопасности – в самом широком смысле этого слова – снова вышли на первый план для всего мирового сообщества. Эти проблемы требуют квалифицированного профессионального анализа с учетом существующих геополитических реалий и долгосрочного прогноза развития военно-политической обстановки в мире в целом и его отдельных регионах. Только ясное понимание движущих сил глобальных процессов, источников и сути новых угроз может позволить выработать решения, обеспечивающие стратегическую стабильность в мире и национальную безопасность России.

Предшественник нового издания – журнал *Ядерный Контроль* – сделал очень много для информирования общественности в нашей стране и за рубежом по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения, контроля над вооружениями и международной безопасности. Надеюсь, что новый облик журнала позволит расширить тематику его публикаций, привлечь новых интересных авторов и более глубоко исследовать протекающие в мире процессы.

Юрий Балувеский

*Начальник Генерального Штаба ВС РФ
Генеральный штаб ВС РФ
К-160, Знаменка, 19
Москва, 119160, Россия*

ДЛЯ ПОИСКА НЕТРИВИАЛЬНЫХ ОТВЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НЕОБХОДИМО ОБЪЕДИНИТЬ УСИЛИЯ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА, СМИ И НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ЦЕНТРОВ

Главному редактору:

Появление нового издания всегда встречается с интересом и вниманием, тем более когда этот журнал является правопреемником уже зарекомендовавшего себя, известного в мире журнала *Ядерный Контроль*. За годы своего существования журнал *Ядерный Контроль* стал одним из наиболее авторитетных источников информации по актуальным проблемам международной безопасности для российских и зарубежных экспертов. Однако со временем журнал вырос – не только в плане количества страниц и объема, привлекаемых авторов и интервью, но и по количеству и широте затрагиваемых в нем тем и событий.

Несмотря на то, что название *Ядерный Контроль* хорошо узнаваемо и уже стало своеобразной визитной карточкой ПИР-Центра и всей российской аналитики по вопросам нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями, значительное расширение тематики материалов, выходящих на страницах этого журнала, делает смену названия журнала логичным шагом формирования в России экспертного диалога по проблемам безопасности.

Новое название журнала отражает тот факт, что журнал, как и вся научно-исследовательская аналитическая деятельность ПИР-Центра, давно вышел за рамки тематики нераспространения и теперь включает в себя все основные вопросы безопасности, которые в XXI веке являются тревожными для всех стран. Такое расширение тематики как

нельзя более своевременно учитывает все возрастающую сложность и многогранность проблем безопасности, с которыми сталкивается мировое сообщество и наше государство на современном этапе.

В последние годы наряду с такими классическими проблемами XX века, как региональные кризисы и конфликты, мы все чаще упоминаем и все более серьезными угрозами считаем терроризм, политический и религиозный экстремизм в различных его проявлениях, сепаратизм, незаконный оборот наркотиков, торговлю людьми, экологические и техногенные катастрофы, угрозу распространения оружия массового уничтожения, организованную преступность и др.

В какой бы последовательности мы ни перечисляли эти проблемы, совершенно очевидно, что в совокупности они представляют собой мощнейший, взрывоопасный потенциал и оказывают непосредственное воздействие на безопасность как отдельных государств, так и всего международного сообщества.

Качество ответов на эти угрозы – традиционные, а также и на новые вызовы национальной и глобальной безопасности во многом зависит от объединения усилий всего общества, в том числе и российского общества. Необходимо объединение усилий государственных органов, средств массовой информации, общественных организаций, бизнес-сообщества, независимых аналитических организаций, таких, как ПИР-Центр, в деле нахождения эффективных и нетривиальных ответов на вызовы и угрозы. Убеден, что новый журнал *Индекс Безопасности* будет таким же востребованным для лиц, причастных к выработке решений в сфере безопасности, каким был его предшественник *Ядерный Контроль*.

Обращаясь к толковому словарю, я хотел бы остановиться на толковании слова *индекс* – показатель развития, изменения процессов, явлений в определенный отрезок времени. Мы увидели этот показатель в журнале, в форме графика индекса международной безопасности *iSi*. Хотел бы пожелать от имени аппарата Совета безопасности новому журналу, чтобы этот показатель всегда был адекватным, строго рассчитанным, научно обоснованным и помогал всем государствам, общественным организациям и всему человечеству в поиске реального противодействия существующим угрозам.

Успехов новому журналу!

Валентин Соболев

*Заместитель секретаря
Совет безопасности РФ
Ипатьевский переулок, 4/10
Москва, 103132, Россия*

ПИР-ЦЕНТР – ОДИН ИЗ САМЫХ ДИНАМИЧНЫХ, ГЛУБОКО И ТВОРЧЕСКИ МЫСЛЯЩИХ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ В РОССИИ

Главному редактору:

Далеко не каждый день выходит новый журнал о российской политике. И определенно не каждый день такой журнал выходит не только в России, на русском языке, но и на английском языке в виде его международного издания. Один этот факт уже вызвал большой интерес к окончательному *продукту*.

Журнал *Индекс Безопасности* уникален, потому что это итог работы российской *неправительственной* организации. Уже в течение ряда лет ПИР-Центр успешно привлекает внимание тех, кто обычно не испытывает недостатка в информации и анализе: от политических деятелей до представителей бизнеса, от средств массовой информации до законодателей. Центр является одним из самых динамичных, глубоко и творчески мысля-

щих *мозговых центров* в России, он занимается широким кругом проблем международной безопасности – от ядерного нераспространения до защиты критической инфраструктуры, от вызовов безопасности в Центральной Азии до обеспечения энергетической безопасности в мире.

ПИР-Центр, который много лет занимался проблемами нераспространения, теперь сам становится источником распространения: распространения знаний, анализа и оценок – из Москвы в Женеву, а через Женеву в Европу и далее по всему миру.

Сегодня мы являемся свидетелями важнейшего события: в Женеве основывается *Centre russe d'études politiques* как партнер и европейская площадка ПИР-Центра. Это смелый и впечатляющий шаг со стороны российской неправительственной организации. И я рад видеть, что под энергичным управлением Владимира Орлова этот шаг превращается в реально действующий проект.

Откройте журнал, и Вы обнаружите большое количество статей, большое количество точек зрения, которые критически важны для понимания России, для того, чтобы правильно ее *прочитать*. Будь то ситуация на Ближнем Востоке или конкуренция за каспийские ресурсы, политика по отношению к Ирану или будущее Договора по РСМД. Прочтите журнал, и вы уверитесь, что становитесь заметно лучше подготовлены, лучше *экипированы* для следования логике российской внешней политики и политики безопасности, так же, как и для понимания дебатов вокруг этой политики внутри России.

Я уверен, что и журнал, и *Centre russe d'études politiques* – это также элементы диалога. Обратите внимание на статью одного из авторитетнейших журналистов – Дэвида Хоффмана о неизвестных страницах одного из тяжелейших периодов истории холодной войны – 1983 года, опубликованную в первом номере *Индекса Безопасности*. Взгляните на приводимые автором документы. Конфликтующие стороны просто-напросто не слышали друг друга! И это могло привести к глобальной катастрофе.

Диалог по безопасности, который ведется на страницах журнала, помогает нам лучше слушать друг друга, лучше слышать друг друга и совместно работать над построением новой архитектуры безопасности нового, многополярного мира.

Валерий Лощинин

*Глава представительства Российской Федерации при отделении ООН и других международных организациях в Женеве
Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations Office and other International Organizations in Geneva
Mission Permanente de la Russie, 15 Avenue de la Paix, 1211 Geneva 20*

ПОЛЬЩЕН ТЕМ, ЧТО ВЫ ВЫБРАЛИ ЖЕНЕВУ

Главному редактору:

Хочу выразить свои самые искренние поздравления в связи с выпуском Вашего нового журнала. Я воспользовался привилегией получить первое издание *Индекса Безопасности* напрямую из издательства. Впечатляет прекрасная подборка авторов и высокое качество представленных аналитических материалов. *Индекс Безопасности* является ценным вкладом в понимание современной международной безопасности.

Особенно польщен и горд тем, что Вы выбрали Женеву не только для запуска международной версии журнала, но и для открытия европейского отделения ПИР-Центра – *Centre russe d'études politiques*. Женеву считают местом встреч для представителей международного сообщества. Она служит всем: отдельным людям, мыслителям, орга-

низациям и государствам. Мы знаем, что имело место серьезное соревнование со стороны других городов, но Вы выбрали Женеву. Женева нейтральна. Женева имеет прекрасные связи с организациями, занимающимися вопросами современной безопасности. А если Вы устанете думать, то фантастические лыжные склоны Кран Монтана, Вербье, Церматт всегда под рукой. Кроме того, мы также очень рады, что Вы выбрали Женеву в силу исторических причин. Ведь век назад в университете Женевы училось больше студентов из России, чем швейцарских студентов.

Итак, мы желаем Вам, Вашему журналу и новому филиалу Вашего Центра всего самого лучшего, чего Вы можете достичь. Мы желаем Вам долгой жизни, крепкого здоровья, сил, а также желаем, чтобы Ваше влияние на международную безопасность становилось все более значительным.

Эрвин Хофер

Посол

*Посольство Швейцарской Конфедерации
переулок Огородная Слобода, 2/5
Москва, 101000, Россия*

ВЫСОКАЯ ПЛАНКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Главному редактору:

С большой сердечностью и теплотой поздравляем Вас и Ваш дружный, сплоченный коллектив ПИР-Центра с выпуском первого номера российского журнала *Индекс Безопасности*.

Являясь предшественником нового журнала, журнал *Ядерный Контроль* более 12 лет квалифицированно и солидно занимает лидирующие позиции в освещении и анализе столь важной и деликатной сферы, как ядерная безопасность, постоянно держит руку на пульсе самых чувствительных международных проблем. Упорный и высокопрофессиональный труд Вашего коллектива дает возможность читателям самообразовываться, чувствовать дыхание сегодняшнего дня. Глубоко аналитическая, выверенная до мелочей и в то же время очень демократичная публицистика журнала представляет несомненный практический интерес.

Проблемы, освещаемые в Вашем журнале, являются весьма актуальными и ориентируют широкий круг читателей на правильное понимание таких сложных вопросов, как ОМУ и средства его доставки, нераспространение, военные доктрины, ядерная стратегия и безопасность, а также поднимает многие другие важные вопросы.

Ваш журнал предоставляет поле для полемики, дает возможность читателю узнать различные взгляды отечественных и зарубежных специалистов по самым насущным проблемам современности.

Ваша активная редакционная позиция, готовность идти в авангарде сегодняшнего дня, понимание комплексного и взаимосвязанного характера современного развития цивилизации и ее безопасности в самом широком аспекте и, безусловно, высочайший авторитет с полным правом позволили Вам установить новую высокую планку ответственности за решение проблем сегодняшнего дня – приступить к выпуску нового, расширенного по тематике журнала *Индекс Безопасности*.

Позвольте пожелать коллективу ПИР-Центра дальнейшей плодотворной работы – как в направлении издательской деятельности, так и в реализации различных проектов в столь важной и в то же время требующей особой деликатности области, какой является

П
Е
Д
А
К
Т
О
Р
У

проблематика международной безопасности, и, в первую очередь, в части нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями.

Надеемся на продолжение нашего сотрудничества.

От всей души желаем Вам, уважаемый Владимир Александрович, и всем сотрудникам ПИР-Центра доброго здоровья, большого человеческого счастья, благополучия, творческих успехов.

С искренним уважением

Владимир Верховцев

*Начальник
Министерство обороны РФ, 12-е ГУМО
Знаменка, 19, Москва, 119160, Россия*

ПРИБРЕСТИ НОВЫХ АВТОРОВ И НОВЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Главному редактору:

На протяжении многих лет я являлся читателем и автором журнала *Ядерный Контроль*, поэтому к решению Редакционной коллегии о переименовании издания испытываю смешанные чувства.

С одной стороны, *Ядерный Контроль* был, пожалуй, самым авторитетным и что особенно важно, влиятельным российским изданием, освещающим вопросы контроля над вооружениями, безопасности и нераспространения в ядерной сфере. Мнения авторов журнала оказывали заметное влияние на ход дискуссий в российском экспертном сообществе, а материалы издания задавали направление для научной полемики.

С другой стороны, смена названия журнала на *Индекс Безопасности* отражает произошедшее в последние годы в мире расширение сферы угроз и необходимость перехода издания в новое качество – российский журнал по вопросам международной безопасности. И это открывает для его читателей новые интересные темы и новые возможности для дискуссий.

Уверен, что расширение тематики издания не приведет к снижению глубины анализа и позволит редколлегии уделять большее внимание как технологическим, так и политическим аспектам проблематики безопасности в целом, сохраняя приоритет ядерной безопасности. Хотелось бы видеть в фокусе журнала анализ не только современных угроз международной и национальной безопасности, но и взгляд в завтрашний день – с его потенциальными проблемами и вызовами с учетом широкого распространения высоких технологий по всему миру. Новый подход к тематическому формированию редакционного портфеля издания должен позволить «не оставить за скобками» и такие важные для будущего России темы, как технологическое развитие страны и уровень конкурентоспособности отечественной экономики в области высоких технологий на мировых рынках.

Желаю журналу ПИР-Центра не только сохранить и упрочить авторитет в экспертном сообществе, завоеванный *Ядерным Контролем*, но и приобрести новых авторов и читателей, для которых журнал *Индекс Безопасности* станет научным академическим изданием №1.

Николай Пономарев-Степной

*Вице-президент
ФГУП РНЦ Курчатовский Институт
площадь Курчатова, 1
Москва, 123182, Россия*

ПЛАТФОРМА ДЛЯ ДИСКУССИЙ ПО ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Главному редактору:

Сегодня мы решаем проблему устойчивого энергообеспечения человечества. И как научный работник я абсолютно уверен, что именно атомная энергия будет безальтернативно служить этой цели в течение сотен и тысяч лет. Задача, которую сегодня придется решать, является двуединой. Мы должны научиться использовать новейшие ядерные технологии, и широко использовать, а с другой стороны, мы должны обеспечить нераспространение ядерного оружия. Решение такой задачи, на мой взгляд, невозможно осуществить только технологическими методами. Здесь нужно объединение усилий политиков, ученых, нужно применение институциональных мер, политических мер, социальных мер.

Уверен, что журнал в новом формате как раз и будет служить тем изданием, на страницах которого будут широко дискутироваться все аспекты решения проблемы энергообеспечения и устойчивого развития человечества.

Успехов журналу, успехов всем авторам журнала и успехов всем нам!

Анатолий Зродников

Генеральный директор
ГНЦ РФ «Физико-энергетический институт им. А.И. Лейпунского»
площадь Бондаренко, 1
Обнинск, 249030, Калужская область

ИЗДАНИЯ ПИР-ЦЕНТРА – ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Главному редактору:

Приветствую и поздравляю коллектив Центра политических исследований России с выходом первого номера журнала *Индекс Безопасности*!

Издавания ПИР-Центра на протяжении многих лет являются важным источником знаний для студентов и молодых специалистов, делающих первые шаги в изучении предмета международной безопасности и международных отношений, а также для дипломированных специалистов – тех, кто на ежедневной основе принимает непосредственное участие в формировании внешней политики Российской Федерации. Уверен, что *Индекс Безопасности* также займет важное место на рабочем столе российских экспертов, профессионально занимающихся вопросами международной безопасности.

Приятно отметить, что ПИР-Центр всегда уделял особое внимание научно-образовательной деятельности, предоставляя страницы своих изданий не только признанным экспертам, известным ученым и практикам, но и молодым исследователям, активно привлекая к работе выпускников региональных университетов.

В этой связи МГИМО (У) МИД РФ не случайно на протяжении многих лет является членом Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра – мы видим в лице этого независимого научно-исследовательского института достойного партнера в подготовке молодых экспертов в области международной безопасности. Вдвойне приятно, что у руля ПИР-Центра стоят выпускники МГИМО – председатель Совета Центра Чрезвычайный и Полномочный Посол Роланд Михайлович Тимербаев и директор Центра Владимир Анд-

реевич Орлов, – это позволяет нам считать, что успехи и достижения ПИР-Центра являются и нашими достижениями.

Желаю журналу *Индекс Безопасности* счастливого плавания по бурным волнам мирового океана, а коллективу Центра – новых творческих удач и свершений!

Анатолий Торкунов

*Ректор
МГИМО (У) МИД РФ
Проспект Вернадского, 76
Москва, 119454, Россия*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПИР-ЦЕНТРА ЗАТУПИТ ПИЛУ УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА БЕЗОПАСНОСТИ *iSi* НА ИДЕАЛЬНОМ УРОВНЕ

Главному редактору:

Примите наилучшие пожелания в осуществлении Вашего замечательного проекта.

Надеюсь, что деятельность ПИР-Центра и журнала затупят *пилу* универсального индекса безопасности *iSi* на идеальном уровне.

С наилучшими пожеланиями и готовностью к сотрудничеству

Валентин Иванов

*Председатель
Подкомитет по возобновляемым источникам энергии
Федеральное Собрание РФ
Государственная Дума
ул. Охотный ряд, д. 1
Москва, 103265, Россия*

SUMMARY

F R O M   T H E   E D I T O R

- 11 Although this issue intentionally presents a diverse group of articles in a multitude of styles, it nevertheless has three themes. First, the issue of disarmament and arms control. Second, the prospects for nuclear energy. And third, China's new strategic role and what it means for Russia.

I N T E R V I E W S

- 15 **Jaap de Hoop Scheffer: “NATO is not laundry detergent that can be sold to anyone who wants to join.”** The NATO Secretary General responds to questions posed by *Security Index* editorial board member Konstantin Eggert about NATO enlargement, Russia's relations with the Alliance, and policy towards the post-Soviet space and the Middle East.
- 21 **Kanwal Sibal: “In the two spheres of nuclear and military technical cooperation, [India's relations with Russia] cannot be built on tactical moves. In these vital and sensitive areas, enduring relations can be built only with strategic underpinnings.”** In an interview given to *Security Index* editor-in-chief Vladimir Orlov, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of India to Russia Kanwal Sibal expresses his opinions on India's relations with Russia, China, and the United States; his views on the mixing of religion and politics; and the issues of energy security and nuclear energy as well as nuclear nonproliferation.
- 29 **Sam Nunn: “Nuclear deterrence theory is not applicable to nonstate actors.”** One of the founders of the Cooperative Threat Reduction program, former Senator Sam Nunn discusses multilateral approaches to the nuclear fuel cycle and U.S.-Russian cooperation in this sphere, current challenges to the nonproliferation regime, relevant U.S. policy, and the possibility of achieving a nuclear-free world.
- 37 **Alexei Krasnov: “Manned space flight has always been an arena of political rivalry.”** Head of the Russian Space Agency's Manned Programs Directorate Alexei Krasnov tells *Security Index* editor-in-chief Vladimir Orlov about the future of manned space flights and the prospects for international cooperation in space research, including lunar missions.

A N A L Y S E S

- 41 **Gennady Evstafiev, “Disarmament Returns.”** Hopes for serious progress in the area of nuclear disarmament have not been justified. What challenges will Russia

face in the disarmament process? What should its Western partners do in order to return to fruitful cooperation on all fronts? Did Russia do the right thing when it declared a moratorium on its participation in the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (CFE)? And what might Russia's next steps be, if the new dialog with the United States, with the West, falls through? The former Russian intelligence general tries to find satisfactory answers to these questions.

- 55 **Andrei Frolov, "Iran: What Does It Need Missiles For?"** In addition to nuclear weapons themselves, a state aspiring to nuclear power status must have the means to deliver them. What is Iran's capability to design and produce nuclear weapon delivery systems—if, of course, Iran really is striving to obtain nuclear weapons? Our expert on Iran analyses Iran's capabilities to develop its missile program.
- 75 **Sergei Ponamarev, "China: A New Great Naval Power?"** China is actively reorganizing its military, developing modern command and control systems and reconnaissance, and decreasing its emphasis on waging a land war in favor of naval power and achieving supremacy in the region's seas. The latter is the most significant area in the reorientation of China's strategic military doctrine and military organization. Our specialist on China asks how will this influence the Asia-Pacific region, one of the most conflict-ridden regions of the world? After all, China, which is developing and strengthening by the day, has interests of vital importance in the Asia-Pacific that it intends to aggressively defend and see fulfilled.
- 93 **Scott Parrish and William Potter, "Nonproliferation Policy: In Search of an Adequate Response."** Current policies in the area of nuclear nonproliferation are inadequate, given the level of nuclear threats facing humanity. NPT member states have radically different perceptions of the current state of the Treaty. The authors – a well-known nonproliferation expert from Monterey and his erstwhile colleague – acknowledge that research into various states' threat perceptions does not inspire optimism. Nevertheless, the authors try to point out the areas—admittedly few and far between—where a positive breakthrough might be possible.
- 113 **Anton Khlopkov, "What Will a Nuclear Agreement with the United States Bring Russia?"** The elaboration of a U.S.-Russian Agreement for Cooperation in the Peaceful Uses of Nuclear Energy (a so-called Section 123 agreement) has almost been completed. Is signing this Agreement in Russia's interest? What areas of cooperation may interest Russian nuclear enterprises? The PIR Center's deputy director, who specializes in nuclear energy issues, examines both the political and technical aspects of these questions in his article.
- 133 **Andrei Makarychev, "Terrorism: An Encyclopedia, Archeology, and Grammar."** Despite an abundance of empirical studies, there have been few attempts to translate the discourse on terrorism into theoretical language. The relationship between various forms of terrorism, however, is one of the critical, though little investigated, topics of current security studies. The author – a researcher and constructivist scholar from Nizhny Novgorod – proposes a menu of interpretations of terrorism, which target states can use to flexibly react to various types of terror.

V I E W P O I N T S

- 147 **Dmitri Trenin and Vitaly Tsygichko, "What is China to Russia, Comrade or Master?"** Recently many experts, observing the behavior of Russia's southern neighbor—China—have been asking this question. How will the relationship between the two great powers evolve? How equal will they be? The two members of the PIR Center Advisory Board search for the answer to this question, which is critical to Russia's future, in an e-mail discussion that is reprinted here. True, at the end of their heated argument their positions remain unchanged: polar opposites.

COMMENTARY

- 157 **Laura Holgate, "A Proposal for a Nuclear Fuel Reserve."** More and more states are beginning to ask how to ensure the most reliable and economical supply of nuclear fuel. The author outlines the Nuclear Threat Initiative's proposal for the creation of a nuclear fuel reserve, one possible answer to this question.

REVIEWS OF RECENT WORLD EVENTS : DECEMBER 2006 - APRIL 2007

- 161 **The *iSi* index—a comprehensive index of international security.** During the winter and spring of 2006-07 the *iSi* index indicators varied widely, falling more than 100 points in December-January and only beginning to demonstrate a positive trend towards the summer of 2007. The PIR Center International Expert Group is observing Index dynamics attentively; its members provide commentaries that make it possible better to evaluate the developments taking place in international security.
- 163 **Yury Fedorov, A View by a Russian Liberal: "Iron and Blood."** "Neither the international community as a whole nor the most powerful and influential states, the United States in particular, could overcome the inertia of their own policies and take decisive, innovative steps. However, it is possible that the current stagnation in world politics is in fact a sort of calm before a storm, which will have the Middle East as its epicenter."
- 176 **Dmitry Evstafiev, A View by a Russian Conservative: "A Premonition of Global Change."** "Through the veil of diplomatic initiatives and political maneuvers, along with the strangely large number of new military programs that have been announced in the past few months, there are signs of an impending change of economic models and emergence of new technological platforms."

HISTORICAL PAGES

- 193 **Roland Timerbaev, "On Libya, Anti-Missile Defense, and Herbert von Karajan, as well as Other Life Experiences."** In September 2007 Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary Roland Mikhailovich Timerbaev, the greatest Russian expert on nuclear nonproliferation and one of the authors of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT), will celebrate his 80th birthday. At this time the PIR Center will publish a book of his recollections—the recollections of one of the founders of our organization, our teacher, and our old friend. In this edition of the journal we include selections from the future text.

LIBRARY

- 217 **"Disgrace, Courage, and Enlightenment: 444 Days that Changed America," Konstantin Eggert.** Mark Bowden's new book "Guests of the Ayatollah: The First Battle in America's War with Militant Islam," provides a qualitatively new narrative, not only chronicling a great sweep of events related to the Iran hostage crisis and describing a large number of persons, but also explicating the scale of the problem that arose. "Guests of the Ayatollah" is a book about how the epic confrontation between the United States and radical Islam began.
- 221 **"In Anticipation of New Approaches," Vladimir Orlov.** If "Arbatov and Dvorkin's ten points" on the need for a new policy in the sphere of nuclear nonproliferation and nuclear deterrence, spelled out in the collective research monograph *Nuclear Weapons After the Cold War*, do not shake the world of nonproliferation and disarmament experts, they should at the very least draw a great deal of attention to themselves. There is no doubt that these "ten points" will become—are already becoming—the starting point for new academic and, it is to be hoped, very practical discussions.

- 225 **“The Bomb Maker Who Doubted,” Mikhail Novikov.** The book “Lev and the Atom. Academician Lev P. Feoktistov: A Self-Portrait and Reminiscences,” tells of one of the most important Soviet and Russian nuclear scientists, who during the course of his life went from bomb maker to convinced supporter of complete nuclear disarmament.

NEW BOOKS

- 229 **Oleg Bogatov, Ekaterina Votánovskaya, Anastasia Laguta, Pavel Mansurov, Nikita Perfiliev, and Warren Polenski.** PIR Center research associates and interns provide brief reviews of new receipts by our library.

ABOUT THE PIR CENTER'S NEW JOURNAL

- 235 **Sergei Ivanov, “The publication of the first issue of *Security Index*... is no doubt a very necessary and timely event.”**
- 236 **Sergei Lavrov, “I am counting on your expert assistance.”**
- 236 **Sergei Kiriyyenko, “*Security Index* should become an effective and reliable aide in solving the significant issues that stand before Russia’s nuclear branch.”**
- 237 **Sergei Chemezov, “There is no reason to doubt the relevance of the new publication.”**
- 238 **Yury Baluyevsky, “A well-defined and topical name.”**
- 238 **Valentin Sobolev, “The strengths of the state, the business community, the media, and independent analytical organizations must be brought together to find effective and nontrivial answers to new challenges.”**
- 239 **Valery Loshchinin, “The PIR Center is one of the most dynamic, deepest, and most creative think tanks in Russia.”**
- 240 **Erwin Hofer, “I am flattered that you chose Geneva.”**
- 241 **Vladimir Verkhovtsev, “A great responsibility.”**
- 242 **Nikolai Ponomarev-Stepnoi, “To obtain new authors and new readers.”**
- 243 **Anatoly Zrodnikov, “A platform for discussion on energy issues.”**
- 243 **Anatoly Torkunov, “PIR Center publications are an important source of knowledge for students and young specialists.”**
- 244 **Valentin Ivanov, “The PIR Center’s activities will help to even out the ups and downs identified in the *iSi* comprehensive international security index at an ideal level.**

SUMMARY

ABOUT THE AUTHORS

PIR CENTER ADVISORY BOARD

Cov. III FINAL QUOTES

“On the properties of intellect.”

Балуевский Юрий Николаевич – начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ – первый заместитель министра обороны, генерал армии. Родился в 1947 г. в г. Трускавец Львовской области Украинской ССР. В 1970 г. окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, в 1980 г. – Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1990 г. – Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР. В 1982–1988 гг. проходил службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных сил СССР на руководящих должностях. С 1990 г. – заместитель начальника направления, начальник направления в Главном оперативном управлении Генерального штаба. В 1993–1995 гг. – начальник штаба – первый заместитель командующего Группой российских войск в Закавказье. С июня 1995 г. – начальник управления, заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ. С августа 1997 г. – начальник Главного оперативного управления Генерального штаба – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В июле 2001 г. был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В июле 2004 г. назначен начальником Генерального штаба ВС РФ, первым заместителем министра обороны РФ. В ноябре 2004 г. назначен Председателем Совета начальников штабов СНГ.

Верховцев Владимир Николаевич – начальник 12-го Главного управления Министерства обороны РФ, генерал-полковник. Родился в 1955 г. В 1972 г. поступил в Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. После окончания академии проходил службу на различных должностях в воинских частях 12-го Главного управления Министерства обороны СССР Сибирского и Московского военных округов. С 1989 г. проходит службу в Генеральном штабе ВС СССР/РФ. Окончил Военную академию Генерального штаба ВС РФ в 1999 г. В августе 1997 г. назначен заместителем начальника 12-го Главного управления Министерства обороны РФ, с декабря 2005 г. – начальником 12-го Главного управления министерства обороны РФ. Генерал-полковник Верховцев является одним из главных специалистов Министерства обороны РФ по вопросам учета, контроля и физической защиты ядерного оружия и ядерных материалов. Неоднократно принимал участие в международных переговорах по решению проблемных вопросов в области обеспечения безопасности ядерного оружия и его нераспространения. За время службы в Вооруженных силах награжден многими орденами и медалями.

Евстафьев Геннадий Михайлович – старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке). Родился в 1938 г. Работал в системе МИД СССР, неоднократно выезжал в заграничные командировки, в 1981–1985 гг. занимал должность специального помощника Генерального секретаря ООН. В 1986–1991 гг. входил в состав руководства советской делегации на переговорах по ДОВСЕ в Вене. В течение длительного времени работал в системе СВР РФ, являлся начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ. Один из авторов доклада СВР «Распространение ОМУ – новый

вызов после холодной войны». С 2000 по 2003 г. работал в российском представительстве при НАТО, где занимался вопросами нераспространения ОМУ и терроризма. Член Совета по устойчивому партнерству для России (СУПР). Имеет ряд публикаций, посвященных проблемам международной безопасности и нераспространения, включая: «Нераспространение ОМУ: проблемы и риски» (*Ядерный Контроль*, 2004, №1), «Распространение беспилотных летательных аппаратов – нарастающая угроза безопасности» (*Ядерный Контроль*, 2005, №2), «Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии» (*Ядерный Контроль*, 2006, №1). Соавтор монографии «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» (ПИР-Центр, 2005). Адрес электронной почты: evstafiev@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – эксперт-политолог. Родился в 1966 г. С отличием окончив в 1989 г. исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ, работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. получил степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 гг. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специализируется в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в Компании развития общественных связей (КРОС), в том числе в должности вице-президента КРОС. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Зродников Анатолий Васильевич – генеральный директор ГНЦ РФ «Физико-экономический институт им. А.И. Лейпуновского». Доктор физико-математических наук, профессор, крупнейший специалист в области физико-технических проблем специальной ядерной энергетики, внесший значительный творческий вклад в ее развитие. Родился в 1944 г. В 1969 г. окончил Московский энергетический институт. С 1969 г. работает в ГНЦ РФ-ФЭИ вначале старшим лаборантом, затем инженером, младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, начальником лаборатории, заместителем директора ФЭИ. С 1996 г. по настоящее время – генеральный директор ГНЦ РФ-ФЭИ. Президент ядерного общества России (2002–2003 гг.), член Научного Совета РАН по атомной энергетике и Научного Совета РАН по комплексной проблеме «Методы прямого преобразования различных видов энергии».

Иванов Валентин Борисович – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, член Комитета Государственной Думы РФ по энергетике, транспорту и связи. Родился в 1941 г. В 1963 г. окончил факультет автоматики и телемеханики Куйбышевского (ныне – Самарского) политехнического института. С 1963 г. работал в НИИ атомных реакторов в Дмитровграде-10 на должностях инженера, начальника лаборатории, отдела, заместителя директора, директора НИИ, затем первый заместитель министра РФ по атомной энергии. С сентября 2003 г. – глава энергетического консультативного совета при администрации Ульяновской области. Доктор технических наук, старший научный сотрудник, автор многих научных работ, член-корреспондент Академии технологических наук.

Иванов Сергей Борисович – Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. Родился в 1953 г. Окончил переводческое отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета, затем Высшие курсы КГБ СССР, 101-ю школу Первого Главного управления КГБ (ныне Академия Службы внешней разведки Российской Федерации). С 1981 по 1998 г. прошел путь от оперуполномоченного Первого Главного управления КГБ СССР до первого заместителя начальника одного из управлений Службы внешней разведки Российской Федерации. Был в трех длительных зарубежных командировках в скандинавских странах и Африке. После реорганизации КГБ продолжил работу в Службе внешней разведки Российской Федерации, а затем в Федеральной службе безопасности Российской Федерации. С августа 1998 г. заместитель директора ФСБ – начальник Департамента анализа, прогноза и стратегического планирования ФСБ. С 15 ноября 1999 г. – секретарь Совета безопасности РФ. Генерал-

полковник запаса. С 28 марта 2001 г. – министр обороны Российской Федерации. С 14 ноября 2005 г. – заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – министр обороны Российской Федерации. Указом Президента РФ от 16 февраля 2007 г. назначен Первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации.

Кириенко Сергей Владиленович – Глава Федерального агентства по атомной энергии России (Росатом). Родился в 1962 г. В 1984 г. окончил кораблестроительный факультет Горьковского института инженеров водного транспорта. В 1984–1986 гг. проходил службу в рядах Советской Армии. С 1986 г. работал мастером на судостроительном заводе «Красное Сормово». Был секретарем заводского комитета ВЛКСМ, первым секретарем Горьковского обкома ВЛКСМ. В конце 1980-х гг. стал генеральным директором молодежного концерна АМК. В марте 1990 г. избран депутатом Горьковского областного совета народных депутатов. В 1991 – 1993 гг. обучался в Академии народного хозяйства при правительстве РФ по специализации «Финансы и банковское дело». В 1996–1997 гг. возглавлял нефтяную компанию «НОРСИ-ойл». 13 мая 1997 г. назначен первым заместителем министра топлива и энергетики РФ. С 2 сентября 1997 г. – заместитель председателя комиссии правительства РФ по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации соглашений о разделе продукции. В октябре 1997 г. назначен руководителем Межведомственной комиссии по вопросам доступа независимых организаций к газотранспортной системе РАО Газпром. С октября 1997 г. – член коллегии представителей государства в АК Транснефть. 20 ноября 1997 г. назначен министром топлива и энергетики Российской Федерации. 24 апреля 1998 г. Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина назначен Председателем Правительства РФ. 23 августа 1998 г. правительство С.В. Кириенко отправлено в отставку в полном составе. 19 декабря 1999 г. избран депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 18 мая 2000 г. назначен полномочным представителем Президента РФ в Приволжском федеральном округе. С мая 2001 г. — председатель государственной комиссии РФ по химическому разоружению. 15 ноября 2005 г. распоряжением правительства РФ назначен руководителем Федерального агентства по атомной энергии.

Краснов Алексей Борисович – начальник Управления пилотируемых программ Федерального космического агентства. Член-корреспондент Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, ответственный секретарь Комитета по космосу Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству с США. Родился в 1959 г. В 1982 г. окончил факультет электронной техники Московского энергетического института по специальности «Инженер электронной техники». С 1982 г. работал инженером во Всесоюзном центре проблем информации, в 1986–1988 гг. – инженером Внешнеторгового объединения «Машприборинторг». В 1987 г. окончил факультет повышения квалификации Академии внешней торговли при Министерстве внешней торговли СССР. В 1988–1992 гг. работал третьим секретарем Посольства СССР, затем РФ в США, курировал вопросы научно-технического сотрудничества, в том числе в области космоса. С 1992 г. работал в Российском космическом агентстве главным специалистом Международного отдела, а в 1993–2004 гг. – заместителем начальника Управления международного сотрудничества. В 1993–2000 гг. являлся ответственным секретарем Комитета по космосу российско-американской Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству «Черномырдин–Гор», с 1993 по 1994 г. вел переговоры с NASA по программе «Мир–Шаттл». С 1994 г. возглавлял переговоры по Меморандуму о взаимопонимании с NASA по созданию МКС и являлся заместителем главы официальной российской делегации на переговорах по Межправительственному соглашению по МКС. С 2002 г. – член официальной делегации РФ в многосторонних механизмах экспортного контроля. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Лавров Сергей Викторович – министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заслуженный работник дипломатической службы РФ. Родился в 1950 г. В 1972 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. По окончании института направлен на работу в советское посольство в Шри-Ланке. В 1976 г. вернулся в Москву, работал в отделе международных экономических организаций МИД СССР. В 1981 г. на-

правлен в советское Постоянное представительство при ООН. В 1988 году вернулся в Москву, сначала стал заместителем начальника Управления международных экономических отношений МИД России, потом первым заместителем и начальником этого управления. В 1990 г. назначен директором Департамента международных организаций и глобальных проблем МИД России. С апреля 1992 г. заместитель министра иностранных дел РФ. В 1994 г. назначен постоянным представителем РФ при ООН и представителем РФ в Совете Безопасности ООН. С 9 марта 2004 г. министр иностранных дел России. В мае 2006 г. вошел в состав Федерального оперативного штаба Национального антитеррористического комитета России и полгода работал председателем Комитета министров Совета Европы. Имеет ряд государственных наград.

Лощинин Валерий Васильевич – Постоянный представитель России при отделении ООН и других международных организациях в Женеве, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Родился в 1940 г. В 1964 г. окончил Белорусский государственный университет, в 1977 г. Дипломатическую академию МИД СССР. В 1965–1977 гг. работал в МИД Белорусской ССР. С 1977 г. работает в МИД СССР/РФ. В 1989–1995 гг. занимал должность заместителя постоянного представителя СССР/России при отделении ООН и других международных организаций в Женеве. В 1995–1996 гг. возглавлял Второй европейский департамент МИД РФ. В 1996–1999 гг. – посол России в Белоруссии. В 1999–2001 гг. – постоянный представитель России при международных организациях в Вене. В 2001 г. назначен заместителем министра иностранных дел России. С 23 января 2006 г. возглавляет Постоянное представительство России при отделении ООН и других международных организаций в Женеве.

Макарычев Андрей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского лингвистического университета. Родился в 1965 г. Окончил Нижегородский государственный университет (1989) и Европейский институт высших международных исследований (Ницца, Франция, 1994). Работал в качестве приглашенного научного сотрудника в Центре изучения безопасности (Цюрих, Швейцария, 1999–2001 гг.) и Датском институте международных отношений (2003–2005 гг.). Сфера научных интересов – региональные аспекты безопасности, мягкая безопасность, конструктивизм. Автор многих публикаций в России и за рубежом. Адрес электронной почты: amakarych@mail.ru

Нанн Сэм – сопредседатель и главный исполнительный директор «Инициативы по сокращению ядерной угрозы» (NTI), ведущий профессор Школы международных отношений Сэма Нанна при университете штата Джорджия, председатель правления Центра по стратегическим и международным исследованиям (Вашингтон, США), старший партнер юридической фирмы *King & Spalding* в г. Атланта (США). Избирался в Сенат США от штата Джорджия в течение 24 лет (1972–1996 гг.). Занимал должность председателя Комитета Сената по делам вооруженных сил и постоянного подкомитета по расследованиям, участвовал в работе комитетов по разведке и по развитию малого бизнеса. Соавтор закона о реорганизации Министерства обороны, разработанного вместе с сенатором Барри Голдуотером, а также Программы по совместному уменьшению ядерной угрозы, известной под названием «Программа Нанна–Лугара».

Новиков Михаил Юрьевич – заместитель руководителя Отраслевой лаборатории по ядерному экспортному контролю в РФЯЦ-ВНИИТФ в г. Снежинске. Родился в 1960 г. В 1982 г. окончил исторический факультет Уральского госуниверситета по специальности историк-архивист. С 1984 г. работает в РФЯЦ-ВНИИТФ в г. Снежинске (ранее ВНИИП Средмаша СССР, Челябинск-70). Область научных интересов: ядерное нераспространение; экспортный контроль; образование в сфере нераспространения; история *атомного проекта* в СССР. Автор нескольких глав в учебном пособии по ядерному экспортному контролю. Принимал участие в создании справочных пособий по ядерному экспортному контролю. Преподавал в отраслевых вузах и читал лекции для специалистов предприятий и организаций Росатома. Адрес электронной почты: mnov-2006@yandex.ru

Орлов Владимир Андреевич – основатель и президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Сопредседатель Программы по европейской безопасности

Женевского Центра политики безопасности (ЖЦПБ). Президент *Centre russe d'études politiques, Genève*. Член Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. Председатель Клуба *Триалог*. Родился в 1968 году. Окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Кандидат политических наук. В 2001–2002 гг. являлся консультантом ООН по вопросам образования и повышения квалификации в области разоружения и нераспространения. Публикуется в российских и зарубежных периодических изданиях и является редактором более десятка книг по проблематике международной безопасности, изданных в России и за рубежом. Постоянно занимается преподавательской и просветительской деятельностью, читая лекции по внешней политике России и по проблемам нераспространения ОМУ в России и за рубежом. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Понамарев Сергей Владимирович – аспирант Центра исследования региональных проблем безопасности и ШОС Института Дальнего Востока РАН. Родился в 1984 г. В 2006 г. окончил Новосибирский государственный университет. В 2005 г. проходил стажировку в ПИР-Центре политических исследований. Автор статей: «Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте “проблемы воссоединения”» (*Ядерный контроль*, 2005, №4); «Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для “серых зон”?» (*Ядерный контроль*, 2006, №1). Сферы научных интересов: военные аспекты китайско-американских отношений, проблема распространения ОМУ, система безопасности в АТР, конфликтные зоны АТР. Адрес электронной почты: svponam@gmail.com

Понамарев-Степной Николай Николаевич – академик РАН, вице-президент ФГУП Российского научного центра *Курчатовский институт*. Доктор технических наук, профессор, физик-ядерщик, один из ведущих в мире специалистов в области высокотемпературных ядерно-энергетических установок. Родился в 1928 г. В 1961 г. окончил Московский энергетический институт по специальности «Ядерно-энергетические установки». С 1952 г. работает в РНЦ «Курчатовский институт». В настоящее время – вице-президент РНЦ «Курчатовский институт», директор Отделения Высокотемпературных установок института Ядерных реакторов. Наряду с основной научно-исследовательской работой ведет педагогическую деятельность, заведует кафедрой в Московском физико-техническом институте, руководит филиалом кафедры и является профессором Московского авиационного института. Председатель Бюро Научного совета по атомной энергетике отделения физико-технических проблем энергетики РАН. Один из организаторов Ядерного Общества СССР. В 1991–1992 гг. избирался его президентом. Член Международного комитета ядерного общества США. С 2004 г. является президентом российского филиала Всемирного Ядерного Университета (*WNU*). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Поттер Уильям – директор Центра изучения проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований (Калифорния, США), руководитель Центра изучения России и Евразии. Родился в 1947 г. в Нью-Брунсвике (Нью-Джерси, США). В 1969 г. окончил Южно-Иллинойский университет. В 1970 г. получил степень магистра и в 1976 г. – доктора философии в Мичиганском университете. Является членом Совета по международным отношениям Тихоокеанского совета по внешней политике и Международного института стратегических исследований, правления института ООН по изучению проблем нераспространения, совместной рабочей группы по ядерному нераспространению Национальной академии наук США и Российской академии наук, Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. В течение пяти лет являлся советником Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. Являлся советником делегации Киргизии на Конференциях по рассмотрению действия ДНЯО в 1995, 2000, 2005 гг. Занимается проблемами нераспространения на постсоветском пространстве. Его статьи и работы опубликованы более чем в 80 книгах и журналах. Адрес электронной почты: wpotter@miis.edu

Пэрриш Скотт – сотрудник Государственного департамента США. В 1993 г. получил степень кандидата политических наук в Колумбийском университете (США). Преподавал в Университете Техаса (Остин, США) в 1993–1995 гг. В 1995–1997 гг. работал старшим научным сотрудником в Открытом университете средств массовой информации (Прага), где занимался проблемами российской внешней и оборонной политики.

В 1997–2007 гг. работал в Центре исследований проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований в качестве старшего научного сотрудника, занимаясь проблемами нераспространения в новых независимых государствах и редактированием журнала *The Nonproliferation Review*. В те же годы также читал лекции по политологии и проблемам нераспространения в Монтерейском институте международных исследований.

Сибал Канвал – Чрезвычайный и Полномочный посол Индии в России. Родился в 1943 г. На дипломатической службе Индии с 1966 г. Работал в Париже (1968–1973 гг.), Дар-эс-Саламе (1976–1979 гг.), Лиссабоне (1980–1982 гг.) и Катманду (1982–1985 гг.). В 1986–1989 гг. был назначен директором отдела по Западной Европе МИД Индии. Работал послом Индии в Турции (1989–1992 гг.); советником-посланником посольства Индии в Вашингтоне (1992–1995 гг.); послом Индии в Египте (1995–1998 гг.); послом Индии во Франции (1998–2002 гг.). В 2002–2003 гг. – заместитель министра иностранных дел Индии.

Соболев Валентин Алексеевич – генерал-полковник, заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Родился 11 марта 1947 г. в ауле Гудри-Олум Кызыл-Атрекского района Туркменской ССР. Работал в строительном управлении треста «Ашхабадстрой» в г. Ашхабад. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева в 1969 г. После окончания института работал мастером Ашхабадского монтажного треста «Туркменсантехмонтаж». С 1972 г. – служба на различных должностях в органах КГБ СССР, МБ, ФСК, ФСБ России. С 1994 г. – заместитель директора ФСК, а с 1997 г. – первый заместитель директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации. С 1999 г. заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Награжден орденами «Мужество» и «За военные заслуги». Почетный сотрудник органов контрразведки.

Тимербаев Роланд Михайлович – председатель Совета ПИР-Центра, Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1949 г. окончил МГИМО МИД СССР. Доктор исторических наук (диссертация «Контроль над ограничением вооружений и разоружением», 1982 г.). С 1949 по 1992 г. работал в МИД СССР/России. Последняя должность в МИД – постоянный представитель СССР/России в международных организациях в Вене (1988–1992 гг.). Принимал участие в выработке Договора о нераспространении ядерного оружия, в переговорах по контролю над вооружениями. С 1992 по 1995 г. – приглашенный профессор Монтерейского института международных исследований. С 1994 по 1997 г. – президент ПИР-Центра политических исследований. Автор многочисленных монографий и статей по вопросам ядерного нераспространения, среди которых: «Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968». М.: Наука, 1999; «Группа ядерных поставщиков: история создания (1974–1978)». М.: ПИР-Центр, 2000. Автор двух глав учебника «Ядерное нераспространение». 1-е и 2-е изд. М.: ПИР-Центр, 2000 и 2002; монографий «Международный контроль над атомной энергией». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2003, № 22; «Режим нераспространения на современном этапе и его перспективы». *Научные Записки ПИР-Центра*. 2004, № 25. Адрес электронной почты: timmerbaev@pir-center.org

Торкунов Анатолий Васильевич – ректор МГИМО (У) МИД РФ. Родился 26 августа 1950 г. в Москве. По окончании в 1972 г. факультета Международных отношений МГИМО МИД СССР поступил в аспирантуру по кафедре истории и культуры стран Азии и Африки. В 1977 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1977–1983 гг. занимал должности старшего преподавателя, доцента кафедры истории и культуры стран Азии и Африки, декана по работе с иностранными учащимися, проректора по международным связям. В 1983–1986 гг. находился на дипломатической работе в посольстве СССР в Вашингтоне. В 1986 г. избран деканом факультета международных отношений. В октябре 1992 г. избран ректором МГИМО МИД РФ. В 1995 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук. В 2003 г. избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1993 г. присвоен дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Автор шести монографий, соавтор и ответственный редактор учебников по международным отношениям для вузов России. Председатель Российской ассоциации содействия ООН, президент

Российской ассоциации международных исследований, член Научного совета при Совете безопасности РФ, председатель Учебно-методического объединения вузов по специальности «Международные отношения».

Тренин Дмитрий Витальевич – председатель научного совета Московского центра Карнеги и ведущий исследователь Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон). Родился в 1955 г. в Москве. С 1972 по 1993 г. служил в Вооруженных Силах, окончил Военный институт Министерства обороны СССР в 1977 г. Проходил службу в Москве и за рубежом, в том числе в составе группы военных специалистов в Ираке (1975–1976 гг.), в отделе внешних сношений Группы советских войск в Германии (1978–1983 гг.), на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве (1985–1991 гг.). В 1993 г. стал первым российским офицером – старшим научным сотрудником Военного колледжа НАТО в Риме. Преподавал в Военном институте (1983–1993 гг.) и Брюссельском университете (1993–1994 гг.); читал курсы лекций студентам МГУ, Стэнфордского университета (США) и Высшей школы в г. Лукка (Италия). В 1993–1997 гг. – старший научный сотрудник Института Европы РАН. С 1994 г. – работает в Московском центре Карнеги. Автор более 10 книг, опубликованных в России, США и Западной Европе. В их числе: «Интеграция и идентичность. Россия как новый Запад» (2006); «Время Юга. Россия в Чечне, Чечня в России» (в соавт., 2004), «Конец Евразии. Россия между геополитикой и глобализацией» (2001), «Китайская проблема России» (1998), «Балтийский шанс» (1997). Среди книг, вышедших под редакцией Д.Тренина, «Российские военные: сила и политика» (2005), «Россия и основные европейские институты безопасности: вступая в XXI век» (2000); «Косово: международные аспекты кризиса» (1999). Статьи Д.В. Тренина публиковались в ведущих российских газетах и журналах, а также за рубежом. Член Международного института стратегических исследований (Лондон), Российской ассоциации международных исследований, Консультативного совета журнала *Pro et Contra*, редакционной коллегии журнала *International Politics*, Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: dmitri@carnegie.ru

Федоров Юрий Евгеньевич – научный сотрудник Королевского института международных отношений (Великобритания). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Кандидат исторических наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 гг. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 16). Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Фролов Андрей Львович – независимый эксперт. Родился в 1979 г. С отличием окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2003 г. – выпускник российско-французской магистратуры МГИМО МИД РФ. В 2003–2006 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра. Автор и соавтор статей «Трансформация системы экспортного контроля в России» (*Ядерный Контроль*, 2004, № 4), «Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 2). Сфера научных интересов: российский атомный подводный флот, перспективные вооружения российской и зарубежных армий. Адрес электронной почты: frolov@pircenter.org

Хлопков Антон Викторович – заместитель директора, директор образовательных программ ПИР-Центра. Родился в 1978 г. Выпускник Московского инженерно-физического института (МИФИ). В 2001–2002 гг. – член рабочей группы по нераспространению и экспортному контролю Консорциума «Партнерство во имя мира». С 2007 г. – член Между-

народной рабочей группы по созданию в регионе Ближнего Востоке и Персидского Залива зоны, свободной от баллистических ракет. Сфера научных интересов – вопросы безопасного развития атомной энергетики и региональные аспекты нераспространения. Соавтор монографий «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» на русском (2000 г.) и английском (2001 г.) языках; «Сотрудничество во имя глобальной безопасности» (2002 г.), автор монографии «Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях» (2001 г.), соредатор-составитель справочника «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения» на русском (2005 г.) и английском (2006 г.) языках. Член редколлегии журнала *Индекс Безопасности*, член Международного института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). Имеет опыт преподавания в ведущих российских вузах, включая МГИМО (У) МИД РФ, МИФИ, Дальневосточный государственный технический университет, Томский политехнический университет, Красноярский государственный университет, Уральский государственный университет и Нижегородский государственный университет. Адрес электронной почты: khlopkov@pircenter.org

Холгейт Лора – вице-президент по программам России/СНГ Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», США. Родилась в 1965 г. В 1987 г. получила степень бакалавра политических наук в Университете Принстона, в 1990 г. – степень магистра политических наук в Массачусетском технологическом институте. До прихода на работу в «Инициативу» занимала ряд ответственных должностей в государственных органах. Была управляющим Программы по Совместному уменьшению угрозы в министерстве обороны США. Занимала должность директора отдела по утилизации расщепляющихся материалов министерства энергетики США. Отмечена государственными наградами. Член Исполнительного совета организации «Женщины за международную безопасность».

Хооп Схеффер Яап Гийсберт де – генеральный секретарь НАТО. Родился в 1948 г. В 1974 г. окончил юридический факультет Лейденского университета и был призван в армию. После окончания военной службы поступил на службу в министерство иностранных дел Нидерландов. В 1976–1978 гг. работал в посольстве Нидерландов в Гане. С 1978 по 1980 г. работал в Брюсселе в представительстве Нидерландов в НАТО. В 1980 г. Схеффер стал личным секретарем министра иностранных дел Нидерландов и работал в этой должности до 1986 г. С 1986 по 2002 г. избирался депутатом нидерландского парламента. В 1987–1994 гг. де Хооп Схеффер был членом нидерландских парламентских делегаций в Совете Европы и Ассамблее западноевропейского союза, а в 1994–1997 гг. – в Североатлантической ассамблее. В 2002 г. назначен министром иностранных дел Нидерландов. В качестве главы нидерландского внешнеполитического ведомства, в 2003 г. стал председателем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В сентябре 2003 г. де Хооп Схеффер избран генеральным секретарем НАТО.

Хоффер Эрвин – посол Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации, Республике Казахстан и Туркменистан с резиденцией в Москве. Родился в 1949 г. в Виндише, кантон Ааргау, Швейцария. После окончания юридического факультета Цюрихского университета в 1976 г. поступил на дипломатическую службу в Министерство иностранных дел Швейцарии. Работал в Берне и Найроби. С 1982 по 1987 г. – сотрудник Постоянной наблюдательной миссии Швейцарии при ООН в Нью-Йорке, где в 1986 г. ему был присвоен ранг советника посольства. После возвращения в Швейцарию работал в центральном аппарате МИД в качестве руководителя Отдела ООН и международных организаций, а с 1991 по 1996 г. был переведен в Будапешт в качестве советника посольства и первого помощника руководителя миссии. С 1996 по 2000 гг. – заместитель Постоянного представителя (по вопросам многостороннего сотрудничества) Постоянной миссии Швейцарии при международных организациях и Постоянный представитель Швейцарии при Конференции по разоружению в Женеве в ранге посла. С 2000 по 2004 г. – посол и руководитель Третьего политического отдела (ООН, международные организации, окружающая среда, культура, франкофония) при Политическом управлении в Берне. С февраля 2004 г. – посол Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации, Республике Казахстан и Туркменистане с резиденцией в Москве.

Цыгичко Виталий Николаевич – доктор технических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН. Родился в 1933 г. В 1961 г. окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1967 г. работал в центральных НИИ Министерства обороны СССР. В 1976 г. защитил докторскую диссертацию. Полковник в отставке. В 1985–1988 гг. работал в Институте системного анализа РАН. С 1988 по 1991 г. возглавлял независимый Центр исследования проблем национальной безопасности. В 1992–1993 гг. работал в Массачусетском технологическом институте (США) руководителем международной программы «Поддержка решений в области международной безопасности и стратегической стабильности». С 1995 по 2001 г. – эксперт Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального собрания РФ. В настоящее время эксперт МИД РФ по проблемам информационной безопасности. Круг научных интересов включает методологические и методические проблемы математического моделирования социально-экономических процессов, теорию принятия решений, прикладной системный анализ, теорию и методы социально-экономического прогнозирования, проблемы обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности, проблемы информационной безопасности, геополитические проблемы и др. Автор шести монографий и более 200 статей. Адрес электронной почты: vtsygichko@inbox.ru

Чемезов Сергей Викторович – генеральный директор ФГУП Рособоронэкспорт, председатель Союза машиностроителей России. Родился в 1952 г. В 1975 г. окончил Иркутский институт народного хозяйства, затем работал в Иркутском НИИ редких и цветных металлов и экспериментально-промышленном объединении «Луч». В 1983–1988 гг. возглавлял представительство ЭПО «Луч» в Дрездене (ГДР). В 1989 г. назначен заместителем гендиректора внешнеторгового объединения «Совинтерспорт». В 1996 г. возглавил отдел внешних экономических связей в Управлении делами президента. С 1999 г. – гендиректор Федерального государственного унитарного предприятия «Промэкспорт». В 2004 г. возглавил ФГУП Рособоронэкспорт. В апреле 2006 г. возглавил бюро общественной организации «Российский союз машиностроителей» (РСМ). 28 апреля 2007 г. избран председателем Союза машиностроителей России. Действительный член Академии военных наук, кандидат экономических наук.

Эггерт Константин Петрович – главный редактор Московского бюро Русской службы Би-би-си. Родился в 1964 г. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ в 1987 г., где изучал историю и арабский язык. После университета служил в армии в составе советской военной миссии в Йеменской Арабской Республике. Работал в газете *Куранты*, дипломатическим корреспондентом и заместителем международного редактора газеты *Известия*. С 2002 г. – главный редактор Московского бюро Русской службы Би-би-си. Член Королевского института международных отношений в Лондоне, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Совета учредителей *Centre russe d'études politiques, Genève*. Адрес электронной почты: konstantin.eggert@bbc.co.uk

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 15 мая 2007 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник, Программа международной безопасности, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США.

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, Кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина» (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт Акроним, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., эксперт-политолог, Москва, Россия

Елеуменов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, Посольство Республики Казахстан в Великобритании, Лондон, Великобритания

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., заместитель начальника инспекции, Счетная Палата РФ, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., проф., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Людекин Рюдигер, заместитель уполномоченного федерального правительства по вопросам контроля над вооружениями и разоружения, Министерство иностранных дел Германии, Берлин, Германия.

Маргелов Михаил Витальевич, председатель Комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтковский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружением, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, старший вице-президент по национальной безопасности и международной политике, Центр американского прогресса, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Соков Николай Николаевич, д.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, д.п.н., проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская Академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы ВВС, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, директор по правовым и корпоративным вопросам, Майкрософт Россия/СНГ, Москва, Россия